

WHISPERING IN THE WIND

John Grinder & Carmen St. Clair

J&C Enterprises
Scotts Valley, CA

ШЕПОТ НА ВЕТРУ

Джон Гриндер Кармен Сент-Клер

Перевод с английского А.И.Фет

От переводчика

Предлагаемая книга Джона Гриндера, одного из двух создателей Нейролингвистического Программирования, содержит обзор нынешнего состояния НЛП, включая спроектированный им Новый Код, и ряд мыслей автора о значении НЛП для изучения человеческого поведения и теории познания. Книга не предназначена для начального знакомства с предметом и предполагает некоторый опыт в этой области. Поскольку автор дает подробные комментарии и литературные ссылки, я ограничился пояснением сокращений и некоторых американских реалий. В конце книги прилагается глоссарий, содержащий новые и необычные термины.

Участие и постоянная помощь Ричарда Коннера, психотерапевта, живущего в России и знающего русский язык, внушает мне надежду, что перевод не искажает смысла оригинала, что нередко случается в этой области научной литературы.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Мы посвящаем эту книгу нашим родителям:

Чарлзу и Рене Альтомаре,

Эйлин Гриндер и

Джеку Гриндеру

Каким странным и таинственным образом наши родители влияли на каждого из нас, чтобы сделать нас тем, что мы есть – способными задумать и написать эту книгу!

Спасибо вам,

Мы любим вас

Джон Гриндер и Кармен Сент-Клер

Благодарности

Мы хотели бы отметить особую помощь наших друзей:

Тома Мэллоя

Криса Митчела

Фрэнка Толла

вдумчивое чтение и комментарии которых к рукописи ***Шенота*** значительно улучшили эту работу.

Оглавление

От автора

Затишье перед бурей

Пролог

Часть I: Свежеющий ветер

Глава 1: Эпистемология

Глава 2: Терминология

Глава 3: Интеллектуальные предшественники НЛП

Глава 4: Личные предшественники НЛП

Часть II: В центре бури

Глава 1: Контексты открытия

Глава 2: Решающий паттерн

Глава 3: Новый код

Часть III: Свежий ветер с моря

Глава 1: Основные вопросы моделирования НЛП

А. Кодирование паттерна

В. Функции упорядочения

С. Логические уровни и логические типы

Глава 2: Основные вопросы НЛП^{приложений} и НЛП^{тренировки}

А. Функции сортировки

В. Разбиение и логические уровни

С. Форма и сущность: процесс и содержание

Глава 3: Рекомендации

Послесловие

Библиография

Адреса для заказов

Приложение А

От автора

Предисловие к *Шепоту на ветру*.

Мы предлагаем эту книгу сообществу Нейролингвистического Программирования (НЛП) с большим удовольствием и воодушевлением. Как нам кажется, она весьма своевременна. Юридические споры вокруг Нейролингвистического Программирования недавно были улажены таким образом, что теперь больше ничто не препятствует разумному профессиональному развитию этой столь обещающей области (см. Приложение А, где приведены юридические документы, открывшие к этому путь).

За недолгое время существования НЛП его разнесло ветром во все уголки Земли. Его создатели, Джон Гриндер и Ричард Бендлер, положили ему начало в Калифорнии в середине 70-х годов. Моделирование гениев привело их тогда к кодированию паттернов, переведенных на разные языки, приспособленных ко многим культурам и вошедших в бесчисленные приложения. Это глубоко затронуло жизнь сотен тысяч людей и повысило качество их жизни.

У нас были разные причины написать эту книгу. Во-первых, нас беспокоили приоритеты и направления, принятые в последнее время НЛП. В частности, это было исчезновение моделирования – той деятельности, которая составляет сущность всей дисциплины НЛП. Как мы полагали, отчетливое изложение первичных мотивов, интеллектуальных и личных, обусловивших возникновение НЛП, может придать этому предпринятию некоторую глубину. Далее, процессы, которые привели к первоначальному моделированию НЛП, до сих пор не описаны в литературе. Точно так же, еще не были описаны контексты, в которых это произошло. Между тем, без некоторого руководства, ведущего к успеху, вряд ли уместно (и, конечно, не эффективно) побуждать людей заниматься каким-нибудь делом.

Мы начинаем с изложения эпистемологии, лежащей в основе всей системы НЛП. Затем мы изображаем главные нити, личные и интеллектуальные, из которых была соткана эта многоцветная ткань.

Далее мы выбираем и описываем ряд основных событий в моделировании, создавших НЛП. Мы рассказываем это с целью указать конкретные стратегии (в буквальном и метафорическом смысле этого слова), доказавшие свою эффективность в моделировании превосходства. В частности, мы подробно рассказываем о том, что в философии науки называется контекстом открытия. Мы хотим вдохновить этим других мыслить и действовать, сознавая потрясающие возможности, которые технология НЛП открывает бесстрашным исследователям. Как мы надеемся, такая просвещенная заинтересованность естественным образом стимулирует дальнейшее развитие этой области исследований.

Такая новая дисциплина как НЛП подвергается опасности плыть по течению, если не будет дана оценка ее исторических и эпистемологических оснований. Мы предлагаем ряд основных принципов, достаточно определенных, чтобы препятствовать нежелательному дрейфу, но и достаточно гибких, чтобы сохранить свободу и некоторое изящество движения.

Наконец, мы предлагаем пространный комментарий о практике НЛП и о том, как наше сообщество может усовершенствовать и расширить эту практику. Сюда входят конкретные предложения, как улучшить фактическое применение паттернов, созданных в процессах моделирования. В заключение мы приводим ряд рекомендаций, как мы могли бы организовать в правильно устроенное исследовательское сообщество, и комментарий о возможных применениях НЛП в более широких общественных вопросах.

Дисциплина Нейролингвистического Программирования имела весьма впечатляющее детство и, так или иначе, пережила бурный подростковый возраст. Мы полагаем, что теперь настало время утвердить ее как профессиональную дисциплину, занимающую должное место наряду с другими подходами к изучению деятельности человека. НЛП внесло и будет вносить значительный вклад в изучение человеческого поведения и, в частности, той крайней формы человеческого поведения, которую мы называем превосходством. Эта область исследования гораздо важнее двух человек, положивших ей начало: теперь она живет своей собственной жизнью. Эта книга является, в своей исторической части, попыткой сделать прозрачными некоторые аспекты создания и развития НЛП. Ее единственная цель – способствовать его дальнейшему развитию, выходящему за рамки сделанного его создателями.

Шепот – не обычная книга НЛП; в частности, те, кто ищет еще одно техническое руководство по паттернам превосходства НЛП, должны поискать его в другом месте. Книга предполагает некоторый уровень знакомства с паттернированием НЛП и занимается более широкими и более глубокими вопросами – теми, от которых, по нашему мнению, зависит, обретет ли НЛП новую энергию и продолжит свое развитие, или просто развевается по ветру.

Мы также не рассказываем в этой книге о паттернировании в больших организациях – корпорациях, учреждениях и правительствах – что было в течение последнего десятилетия средоточием внимания и главной деятельностью компании Квантум Лип* и ее руководителей, Кармен Бостик С-т Клер и Джона Гриндера. Наши намерения здесь совсем иные.

Книга делится на три части, со следующими главами:

Затишье перед бурей

1. Предисловие
2. Пролог: здесь содержатся некоторые простые вводные замечания о нынешнем положении НЛП и о некоторых типичных современных представлениях об НЛП.

Часть I: Свежеющий ветер

Глава 1: Эпистемология. Предлагается явное изложение эпистемологии, лежащей в основе НЛП. Предупреждаем читателя, что эта глава требует пристального внимания. Хотя многие части следующего материала можно усвоить без явного понимания изложенной в этой главе эпистемологии, мы полагаем, что для каждого серьезного исследователя технологии она имеет решающее значение. Мы проводим строгое различие множества неврологических преобразований, обрабатывающих поступающий в рецепторы человека поток данных внешнего мира (первичное переживание), и множества следующих затем преобразований, сводящихся к лингвистическим отображениям и их производным (вторичное переживание). Здесь ставится под вопрос и уточняется знаменитое различие карты и территории, принадлежащее Кожисбскому. Изучаются некоторые выводы из этого, важные для НЛП.

Глава 2: Терминология. Здесь определяется и комментируется ряд основных терминов, применяемых в НЛП и, в частности, в этой книге.

Глава 3: Интеллектуальные предшественники НЛП. В этой главе указываются и характеризуются важнейшие источники стратегий, методологий и паттернирования, глубоко повлиявшие на Джона Гриндера и Ричарда Бендлера и на процессы, использованные ими при создании НЛП.

Глава 4: Личные предшественники НЛП. В этой главе описываются, с точки зрения одного из двух создателей НЛП, личные свойства людей, сыгравших важную роль в открытии процессов, из которых возникло НЛП. Впрочем, мы заверяем читателя, что случайные особенности личной биографии никоим образом не заменяют навыков, необходимых для моделирования превосходства.

Часть II: В центре бури

Глава I: Контексты открытия. Здесь приводится исторический рассказ с комментариями, повествующий о том, как исходное моделирование гениев и связанная с этим деятельность привели к возникновению НЛП. Особое внимание уделяется контекстам и процессам открытия.

Глава 2: Решающий паттерн. Мы отчетливо объясняем особенности НЛП, отличающие его от других систем изменения. Затем мы приводим исторический рассказ, описывающий возникновение решающего паттерна. Этот рассказ бросает свет на некоторые неудачные выборы Бендлера и Гриндера, сделанные ими в энтузиазме первоначального кодирования. После анализа решающего паттерна мы приводим критический анализ классического кода, иллюстрируя его различиями, обнаруженными решающим паттерном.

---

* Quantum Leap – Квантовый Скачок. (Прим. перев.).

Глава 3: Новый код. Мы устанавливаем здесь исторический контекст, в котором возник Новый Код. Затем излагается стратегия проектирования, стоявшая за его созданием, и некоторые следствия. Формат нового кода представлен вместе с особой игрой нового кода. Предлагается понятие множественных перцептуальных позиций, с особым выделением привилегированного множества перцептуальных позиций – Тройного Описания.

Часть III: Свежий ветер с моря

Глава I: Основные вопросы моделирования НЛП

- а. Вопросы кодирования: изложение ряда вопросов, связанных с кодированием, в том числе противоречия между изяществом моделирования и педагогическими требованиями.
- б. Функции упорядочения: изучение отношений порядка, обычно встречающихся в паттернировании НЛП. Проводится различие между линейными и иерархическими упорядочениями и рассматривается ряд различных отношений, в которых создаются такие упорядочения.
- в. Логические уровни и логические типы: краткий экскурс в историческое развитие понятия логического типа. Затем следует анализ вопроса, и на основе описанных и объясненных различий предлагается реформа терминологии.

Глава 2: Основные вопросы НЛП^{приложений} и НЛП^{тренировки}

- а. Функции сортировки: начало явной стратегии, позволяющей выбрать по предложенной конкретной проблеме подходящий паттерн эффективного вмешательства.
- б. Разбиение и логические уровни: развивается тщательная аргументация, начинающаяся с обычных упражнений в разбиении и завершающаяся точным разграничением двух самых обычных отношений упорядочения в иерархиях: логических уровней, порожденных логическим включением, и упорядочений, порожденных отношением части к целому. Описываются некоторые приложения.
- в. Форма и сущность; процесс и содержание. Это предварительная попытка разъяснить одно из главных различий в деятельности НЛП, как в моделировании, так и в приложениях.

Глава 3: Рекомендации. Предлагается рассмотреть ряд конкретных рекомендаций сообществу НЛП: как можно улучшить качество работы в НЛП, и какие конкретные шаги мы можем сделать как сообщество, чтобы обеспечить НЛП подобающее ему место в изучении функций человека, разумеется, с особым вниманием к превосходству исполнения. Эта дискуссия сопровождается комментарием, как применить паттерны НЛП в более широких социальных контекстах.

Еще одна заключительная рекомендация – об использовании этой книги. Один из авторов, Гриндер, до начала своего сотрудничества с Бендлером в создании НЛП был профессиональным лингвистом. По установившейся у лингвистов традиции, в примечаниях приводятся некоторые наиболее интересные наблюдения, еще нуждающиеся в точном объяснении. Хотя примечания к книге обычно рассматриваются как детали рассматриваемого материала, мы предпочли следовать традиции лингвистики. Наши примечания содержат весьма важные комментарии и описания, и мы советуем читателю принять их всерьез.

Джон Гриндер, Кармен С-т Клер

Бонни Дун и Аламо, Калифорния, декабрь 2001 года.

Затишье перед бурей

Был кристально ясный день – ветер, свежий и прохладный, долетевший до берегов центральной Калифорнии с сибирских просторов, веял над нами и вокруг нас. С северо-запада к берегу двигались волны – равномерно, строго одна за другой, но они были больше, чем обычно. В последний момент они поднимались и бросались вперед, разбиваясь о берег. Хищные птицы легко парили на мощных воздушных потоках, поднимавшихся от гористой поверхности. А все обитатели центрального берега Калифорнии занимались своими обычными делами под взглядом как будто благожелательного солнца.

ПРОЛОГ

Приключение под именем Нейролингвистическое Программирование (НЛП) началось четверть века назад или немного раньше в горах Санта-Крус. Эти горы, остатки отмелей древнего моря, вздымаются одна за другой из беспокойной голубизны Тихого океана вдоль берега центральной Калифорнии. Из этой влажной среды, питающей все разнообразие живых организмов, от могучих секвой до нежных ирисов Дугласа и банановых слизней, возникла пара весьма своеобразных молодых людей, Джон Гриндер и Ричард Бендлер. Они явились, как клубящийся утренний туман, пробивающий себе путь сквозь береговые утесы – чтобы создать из множества различных приемов набор паттернов, подобный кораблю, и запустить этот корабль в неведомый океан личного и профессионального развития.

Эти первоначальные паттерны были извлечены, главным образом, из сложного процесса моделирования поведения ряда знаменитых психотерапевтов. Когда вы прочтете главы под названием *Предшественники НЛП* (Глава 4, часть I) и *Контексты открытия* (Глава 1, часть II), вы узнаете больше об этих двух предприимчивых людях, столь стремившихся учиться и испытывать свои способности. Они были весьма невежественны в ортодоксальной системе психотерапии, где было мало отчетливых представлений, как играть в игру изменения. Гриндер и Бендлер вряд ли отдавали себе отчет в том, что они открывали область знания, которая распространится далеко за пределы того, с чего началось их предприятие.

Когда Гриндер и Бендлер начинали это приключение, существовало множество школ психотерапии – подлинная Вавилонская башня (Гештальттерапия, Анализ взаимодействий, EST*, Терапия Роджерса ,

---

· Erhard Seminar Training – Тренировочный Семинар Эрхарда, посвященный проблемам роста личности. (Прим. перев.).

** Rational Emotive Therapy – школа психотерапии Альберта Эллиса, предлагающая воздействовать на поведение с помощью выявления и изменения иррациональных убеждений. (Прим. перев.).

«Наука о коммуникации тела». (Прим. перев.).

Рациональная эмотивная терапия^{*}, Кинезика[#], Модификация поведения°, Самореализация^{*} и т.д.). Все эти школы настаивали на своей независимости от практики традиционного психоанализа, причем каждая из них обзавелась собственной терминологией. Вследствие этого практики разных школ не понимали друг друга. Примечательно, что все эти конкурирующие школы (за исключением бихевиористов), явно сопротивляясь господству традиционных методов психоанализа, подсознательно принимали многие его предпосылки:

1. Предполагалось, что в начале процесса изменения должны быть раскрыты корни первоначальных переживаний (как правило, переживаний раннего детства); мы будем называть это археологическим подходом.
2. Считалось, что глубокие изменения можно произвести лишь после того, как подлежащий переработке материал (референтные переживания) извлечен на свет сознания. Тем самым эти более поздние школы психотерапии благоговейно принимали первенство сознания, занимавшего у них то же привилегированное положение, что и в традиционной практике психоанализа.
3. Считалось, что процессы изменения должны производиться профессионально подготовленным практиком, работающим с клиентом или пациентом с целью вызвать у него изменения, которые освободят его от психологических препятствий, блокирующих его дальнейшее развитие и рост. Общая установка такого профессионального терапевта была вполне аналогична позиции хирурга, оперирующего пациента, механика, чинящего автомобиль, или программиста, исправляющего ошибку в программе. Во всех этих случаях не уделялось существенного внимания тому, как сделать пациента, владельца автомобиля, владельца неисправной программы или клиента (пациента) автономным и способным производить изменения в случае дальнейших трудностей.

Гриндер и Бендлер начали свое приключение, в значительной степени не ведая этих предпосылок, и без особого интереса к методам разных психотерапевтических школ, которые они воспринимали как плохо организованный и бессвязный набор соперничающих паттернов сомнительной эффективности.

Несмотря на это малообещающее начало, метадисциплина, созданная Гриндером и Бендлером, распространилась по миру, как пожар. Это широкое распространение объяснялось попросту тем, что паттерны, которые они моделировали и кодировали, в самом деле действовали. Они действуют во всех культурах, независимо от поколения, пола, возрастной группы и области применения.

Теперь есть сотни тысяч людей, испытавших глубокое и позитивное воздействие паттернов НЛП. Если спросить их, что такое НЛП, то их ответы окажутся поразительно разнообразными:

Для Ралфа С. НЛП – то, что спасло его брак и сохранило его семью. С его помощью он научился приспосабливать свою коммуникацию к подсознательным предпочтениям своей жены. Теперь Ралф и его жена находят большое удовольствие в общении друг с другом, создавая вместе контекст для своих подрастающих детей.

Для Сьюзен Д. – это ключ, раскрывший в ней возможности независимой женщины. НЛП позволило ей оспаривать и экологичным образом изменять представления о том, что прилично, правильно и приемлемо – внушенные ей в детстве, несомненно с благими намерениями, в весьма традиционной семье. Теперь она идет по жизни с изяществом и уверенностью, пользуясь рядом выборов, которые стали ей доступны.

Братьям Б., Хорхе и Оскару, НЛП доставило паттерны, позволившие им превратить неудачный семейный бизнес в расширяющееся доходное предприятие, внушающее им и их служащим большую гордость. Оно дало начало нескольким новым компаниям, основанными их бывшими служащими.

° Одна из бихевиористских школ психотерапии. (Прим. перев.).

^{*} Self Actualization – ветвь гуманистической психологии, термин Абрагама Маслоу. (Прим. перев.)

Артура Дж. конгруэнтное применение паттернов НЛП буквально вернуло к жизни. Ему поставили диагноз рака, такой формы, которая считается неизлечимой. Теперь у Артура «ремиссия» без симптомов, длящаяся уже около 11 лет. Он видит перед собой долгую и плодотворную жизнь.

Мериан В. профессионально занимается спортом – у нее всегда были превосходные результаты в ее специальности, но у нее стали появляться судороги. Все шло прекрасно до самого финала, но затем она начинала задыхаться. Теперь она финиширует среди первых, и делает это на свой лад.

Эдвард С. был несчастлив в своей работе – торговле. Он знал свои продукты; он хотел преуспеть, но ему не хватало паттернов, нужных, чтобы превратить свое знание и желание в эффективное операционное поведение^{*}. Усвоив некоторые паттерны НЛП, он испытывает теперь удовольствие, выбирая свои заказы, и считается в торговле важной фигурой.

Линда и Джон В. мечтали иметь ребенка. Безуспешно применив множество методов в течение десяти лет брака, они были обескуражены. Правильное применение паттернов НЛП позволило им устранить подсознательные препятствия к зачатию. Теперь они более чем счастливы – у них милая двухлетняя дочь, и Линда ожидает через несколько месяцев второго ребенка, который будет сыном.

Джордж У.-- учитель по призванию: он страстно любит математику и стремится передать свой энтузиазм молодым людям, открыв новому поколению волшебную дверь к формальному мышлению. Но он был подавлен своей неспособностью учить и вдохновлять учеников. Каким образом получается, что некоторые ученики «схватывают» предмет, а другим это никогда не удается? Теперь он тщательно калибрует и с радостью подстраивает свое изложение к точной стратегии подсознательного обучения, нужной его ученикам, и если он добивается успеха не в 100% случаев, то он все же осуществил свою мечту.

У Синтии Д. возникла мысль, которую она хотела предложить Силиконовой долине^{*}. Интуитивно она понимала, что придумала нечто вроде программы-«приманки». Но ее низкая самооценка не позволяла ей приобрести связи, чтобы составить команду, способную создать динамичную фирму высокой технологии. С помощью специальных паттернов личного изменения она собирается теперь начать весьма прибыльный первый выпуск акций.

Джим О. – семейный терапевт. Как он говорит, он всегда знал, что самым большим удовлетворением было бы для него составлять контекст для семей, ищущих свой путь через почти неизбежные кризисы семейной жизни, используя при этом самые трудности как повод для развития семьи и индивидов, составляющих семейную систему. Основательно владея паттернами изменения НЛП, он получает удовольствие от своих сеансов с семьями и поражается, как точно и быстро он направляет своих клиентов к новым выборам, позволяющим им осуществить свои стремления.

Кэти П., врач, убедилась, что не умеет побудить своих пациентов соблюдать режим, который может восстановить их здоровье. Теперь она использует паттерны НЛП, присоединяясь к структурам мотивации своих пациентов и добиваясь почти 100% послушания. Она глубоко удовлетворена этой работой.

Линда Р. – руководитель административной службы индустриальной компании. У нее молниеносно быстрое мышление и свой стиль работы. Этот стиль открывал ей некоторые двери, но другие захлопывались перед ней. Обладая сильным интеллектом, она смогла понять, что достигает успехов лишь за счет огромной затраты сил. Усвоив паттерны НЛП, она осознала, что быть лидером – значит создавать контекст, в котором другие участники проявляют энтузиазм, развивая своими проектами успех компании. Она стала экспертом в образовании и развертывании самоуправляющихся и весьма успешных коллективов.

---

^{*} Смысл слова «операционный» подробно объясняется в тексте ниже. (Прим. перев.).

^{*} Промышленный район в США, где производятся элементы компьютеров. (Прим. перев.).

Хорхе Б. — совладелец и генеральный директор компании по переработке, продаже и обслуживанию в Мексике. Он глубоко оценил значение паттернов НЛП и провел свою компанию через глубочайший спад и финансовый кризис в новейшей истории Мексики, из которого эта компания вышла более сильной, чем до кризиса. Он добился этого в значительной степени благодаря дисциплинированному и творческому применению паттернов НЛП.

Люк Б. имел достаточную квалификацию для своей должности исполнительного директора бельгийской оптовой производственной компании. Он оказался в положении заложника одного из членов персонала, от уникальных способностей которого зависела доля бракованного товара. Применяв паттерны НЛП, он сумел изменить контекст восприятия у этого ключевого служащего таким образом, что тот стал добросовестным и эффективным членом команды Люка.

Сюзетта Т. возглавляет группу исследования и развития в фармацевтической компании. Она обладала высокой квалификацией и превосходно управляла людьми, но все же была недовольна качеством и количеством новых проектов, вырабатываемых ее коллективом. Она изучила и ввела в деятельность своей группы ряд игр из нового кода НЛП, что привело к бурному росту проектов, который, как она уверена, выведет компанию на новый уровень финансового процветания.

Конечно, все эти люди по-разному понимают НЛП и его приложения. Это заслуживает высокой оценки и уважения — ведь они на себе испытали положительное воздействие происшедших в их жизни изменений. Мы хотим выяснить в этой книге, что стоит за всем этим разнообразным опытом, и какими конкретными способами можно и дальше повышать качество нашей жизни.

Мы поздравляем этих людей и подготовленных терапевтов, применяющих методы НЛП, а также многие тысячи других, успешно применявших НЛП для достижения своих профессиональных и личных целей. Успехи, которых они добились, свидетельствуют об эффективности нашей работы и в высокой степени подтверждают наши личные надежды.

Однако, как мы утверждаем в нашей книге, эти истории представляют лишь поверхностные следствия чего-то более глубокого. Как будет видно из дальнейшего, мы озабочены тем, что если не будут оценены, приняты и доведены до операционного уровня предлагаемые нами различия (или некоторые равносильные им), то бурно распространяющееся приключение под названием НЛП может задохнуться и погаснуть от недостатка кислорода — в самой центральной своей деятельности, моделировании. В таком случае существование НЛП на этой планете окажется весьма недолгим, а паттерны его изменений развеются по ветру, как прах.

Мы, человеческий вид, во многих отношениях отличаемся от других обитателей нашей планеты. Одно из самых глубоких различий — это принудительность, с которой мы упорядочиваем окружающий мир. Мы даем имена, подразделяем на категории, классифицируем, строим иерархии, спорим о смысле, оспариваем утверждения других, если они отличаются от наших собственных... Все эти виды деятельности — естественная часть нашей повседневной жизни.

Есть также люди, посвящающие себя изучению и разработке этих видов деятельности на профессиональном уровне — ученые, философы, политические деятели, собственники и руководители предприятий, воспитатели, врачи...

Мы — вид, склонный к разногласиям. Мы искусно обнаруживаем различия, а затем затрачиваем невероятную массу ресурсов, времени и усилий, чтобы их преодолеть. Время от времени мы даже впадаем в безумие, применяя из-за этих различий насилие к самим себе, к другим людям и нашим невинным спутникам — другим видам, населяющим эту планету.

Другие виды никак не проявляют подобной деятельности, во всяком случае мы ее не замечаем. По-видимому они ведут себя так, как будто их восприятия тождественны с тем, что существует, а различия в восприятиях — это попросту различия, а не стимулы для каких-нибудь споров.

Эти другие виды никогда не разовьют явных формальных систем, таких как логика, алгебра или язык программирования C^+ — этих очищенных, разъясненных частей другого, более всестороннего кода, на-

зываемого естественным языком, который опять-таки, насколько мы можем судить, присущ единственно нашему виду. Сопутствующие нам виды никогда не будут восхищаться или беспокоиться, никогда не будут страдать одержимостью или чувством вины... Все эти виды деятельности потребовали бы сравнения того, что они делают, с тем, что они могли бы делать. Они не будут также ни танцевать, ни петь. Они не будут рисовать, сочинять музыку или ваять скульптуры... и самое решительное отличие – они никогда не посмеют мечтать!

Итак, эта планета несет нас со всем этим набором удивительных и могущественных дарований – но и со всеми их опаснейшими последствиями. За время нашей жизни на Земле мы позволили себе огромные ошибки, и все еще находим из них выход. Непонятно, как мы все еще можем позволить себе эту роскошь – с бурно растущим населением, с устрашающей силой техники, с нашей склонностью создавать себе окружение по собственному вкусу, и без сколько-нибудь развитой способности предвидеть последствия своих действий. Если бы другие обитатели нашей планеты имели голос, они, несомненно, попросили бы нас остановиться и подумать, куда мы идем, и к чему может привести выбранный нами путь.

Мы полагаем, что НЛП может внести существенный вклад в эти вопросы. В нашем дальнейшем изложении мы попытаемся выяснить некоторые составляющие этого вклада. Но это станет возможно лишь в том случае, если НЛП выйдет из своего незрелого возраста и сможет занять по праву принадлежащее ему место, рядом с другими стратегиями изучения человеческих возможностей.

Часть I

Свежеющий ветер

Первые признаки приближающейся бури были заметны всем людям с достаточной чувствительностью. Но для большинства эти предвестники не существовали. Они склонили головы, сосредоточив внимание на своих непосредственных задачах, и сигналы приближающейся бури буквально проносились над ними со свежеющим морским ветром.

Но были и другие люди – более чувствительные к переменам в окружающем мире, или те, кого случайно задела предвестники грядущих событий: эти люди остановились и огляделись кругом, всматриваясь в будущее. Глубоко вздохнув, они оставили свои занятия и поспешили туда, откуда легче было видеть, что предвещал ветер. Теперь волны грозно бились о берег, а ветер крепчал, сметая все на своем пути.

Глава 1: Эпистемология

Болотный ястреб быстро и изящно спускается к туманному лугу, а затем с резким криком, как будто прервав свой сон, стремительно падает на землю... лишь для того, чтобы снова взмыть вверх со своей добычей, крепко сжимая ее в когтях.

Мы молча наблюдаем этот напряженный момент, исполненные богато структурированным сенсорным знанием, корнящимся в нашем отождествлении с миром живого. В этот короткий промежуток времени мы сближаемся с этим нечеловеческим, сопутствующим нам видом. Наши глаза точно фиксируют и любуются изяществом, скоростью и точностью хищной птицы, наши уши настраиваются на звуки отчаянно мечущийся жертвы, пытающейся спастись; и последние клочья утреннего тумана, тающего от восходящего солнца, охлаждают наше лицо и руки, когда мы молчаливо и медленно поворачиваемся, следя за разворачивающейся перед нами драмой. Мы живы; мы присутствуем. Мы наблюдаем без эмоций и без суждений... Мой друг спрашивает меня:

«Вы заметили, как он повернулся на крыле, падая на кролика?»

И в этот момент переживание уходит с прибрежным туманом – мы снова люди, приятно это нам или нет.

И если даже мы отвечаем на вопрос простым кивком, ткань разорвана; отождествление уносится с ветром. Вопрос открывает дверь к целой вспышке образов, звуков и ощущений, они запускаются словами, порождаемыми без наших усилий, и даже без нашего выбора. Особый способ, которым охотник завершил свою драму, теперь проигрывается заново, для сравнения и анализа.

Повернулся ли он через правое или левое крыло?

Как помните, вы отчетливо видели во время поворота полосу белого цвета поперек его хвоста, и теперь, изучая свои образы, вы осознаёте, что перед тем, как упасть на свою жертву, он в действительности повернулся через правое крыло. Слово *кролик* влечет за собой длинную последовательность звуков, образов и ощущений, начинающуюся с невероятного появления того кролика, которого вы однажды увидели в высоком чапарале*, и с ощущения пушистого тепла, когда вы ребенком впервые взяли в свои руки крольчонка.

Но куда бы вас ни привели слова, они без сомнения уведут вас от текущего момента: болотный ястреб и кролик, утренний туман и восходящее солнце, все переживания этого напряженного момента теря-

---

* Кустарник, растущий в западных штатах. (Прим. перев.).

ются в потоке ассоциаций, призрачно мчащемся через ваше сознание, превращая это единственное в своем роде переживание в еще одно данное, внесенное в надлежащее хранилище вашей нервной системы. С помощью языка особенное превращается в общее.

В тот же день позже, лишь отчасти сознавая возникшую трудность, вы усомнитесь, рассказывая другу эту историю и пытаясь вспомнить, донесся ли до вас последний услышанный вами визг до того, как ястреб исчез из поля зрения, поднялся ли ветер слева или справа от вас, был ли болотный ястреб больше или меньше того, которого вы видели на прошлой неделе, и был ли кролик взрослым... Сенсорные впечатления тонут у вас в памяти, когда вы пытаетесь реконструировать этот момент.

Но был ли в самом деле этот момент? Действительно ли туман охлаждал ваше лицо и руки, или их температура снизилась от сложного взаимодействия кожи с воздухом, вызванного теплом и влагой? Видели ли вы в самом деле болотного ястреба на этом лугу, или в области затылочной доли вашего мозга, известной под названием V-I?

Впрочем, этот момент действительно был... так же достоверно, как восход солнца. Хотя, конечно, нельзя найти образованного человека, который согласится, что солнце в самом деле восходит, а не Земля вращается вокруг своей оси, поворачиваясь к солнцу, которое всегда остается в том же положении относительно Земли.

Нервная система и язык – это две большие системы преобразований, отделяющие нас, и в то же время связывающие нас с окружающим миром. Но нервная система и язык в самом деле дурачат нас всех, и каждого из нас в отдельности!

Краткий экскурс в эпистемологию

Если бы видимость не отличалась от действительности, наука не была бы нужна.

Карл Маркс

Мы полагаем, что НЛП – как в своей основной деятельности, моделировании, так и в его приложениях – можно представить себе как операционную эпистемологию высшего порядка. Это утверждение имеет несколько значений: во-первых, утверждается, что операции, составляющие моделирование и приложение ряда возникающих из него кодированных паттернов превосходства, – это операции возражения. Они предназначены возражать против тех самых процессов, с помощью которых образуются части наших мысленных карт, обычно принимаемые как очевидные. Эти возражения имеют целью вынудить нас к критическому пересмотру значительных частей наших мысленных карт, побуждая нас посмотреть свежим взглядом на отношения между заключениями, обычно извлекаемыми из опыта, и данными, служащими для оправдания таких обобщений. В действительности такие возражения делают нас более чувствительными к операциям отображения, начинающимся с наших рецепторов и заканчивающимся кодами высшего уровня, с помощью которых мы сознательно пытаемся прийти к разумным решениям о нас самих, о других людях и о мире вокруг нас. Таков смысл термина *операционный* в предлагаемой нами характеристике НЛП.

Далее, говоря в этой характеристике о *высшем порядке*, мы обращаем внимание читателя на то, что паттерны, находящиеся в центре внимания НЛП – это не те паттерны физического мира, которые относятся к области физики и связанных с ней дисциплин. Паттерны, которыми занимается НЛП – это представления, уже подвергшиеся преобразованиям в нервной системе, прежде чем мы их впервые воспринимаем – что называется в этой книге Первым Доступом (ПД). Чтобы понять содержание этой книги, потребуется краткий экскурс в область эпистемологии. Мы опишем нашу позицию, не пытаясь мотивировать ее сколько-нибудь глубоко. Читатель, заинтересованный в полной аргументации, найдет ее в книге *RedTail Math: эпистемология повседневной жизни* (предварительное название), Гриндер и Бостик, 2002.*

Эпистемологическое положение НЛП может быть описано очень просто. В нормальных условиях то, что мы как индивиды считаем нашим переживанием в мире, является в действительности множеством

---

* Речь идет о книге, подготовлявшейся к печати. Math – сокращение от «математика», а Red Tail («красный хвост») – бытовое название птицы *buteo jamaicensis*, похожей на ястреба. (Прим. перев.).

событий, уже подвергшихся значительному преобразованию по отношению к миру. Обработанные таким образом события мы называем событиями Первого Доступа (ПД).

Чтобы помочь читателю ориентироваться, приведем, забегаая вперед, различия, занимающие главное место в эпистемологическом разделе. Мы утверждаем, что есть существенное различие между преобразованиями, выполняемыми нервной системой между поверхностью контакта внешнего стимула с рецептором и точкой, где мы впервые получаем доступ к опыту, и всеми преобразованиями, происходящими после этого, – которые называются здесь лингвистическими преобразованиями. Вначале мы сосредоточим внимание на преобразованиях, выполняемых нервной системой. Метафора ястреба, с которой мы начали эту главу, представляет собой, разумеется, интеграцию этих двух больших классов преобразований, что и происходит обычным образом в нашем повседневном опыте. Что касается опыта кролика, то он не меняется от того, как его описывают наблюдатели.

В предыдущем абзаце мы воспользовались термином *отображение*; эта концепция проходит через все наше мышление и изложение нашей книги. Чтобы достигнуть одинакового понимания этого термина автором и читателем, мы предлагаем следующее неформальное объяснение:

Отображение – это способ, сопоставляющий элементам одной совокупности элементы некоторой другой совокупности. Областью определения отображения являются элементы первой совокупности, тогда как образом является совокупность элементов второго множества, сопоставленных элементам первого. Термин *функция* иногда употребляется как синоним отображения. Описание конкретного правила, связывающего эти две совокупности, представляет собой определение рассматриваемого отображения.

Рассмотрим в виде примера совокупность спортивных болельщиков и совокупность мест на стадионе. Существует алгоритм распределения (может быть, непонятный для нас, болельщиков), по которому администрация стадиона продает билеты желающим присутствовать на определенном соревновании. Когда вы покупаете билет, на нем напечатан номер яруса, секции, ряда и места. Таким образом, мы имеем отображение или сопоставление болельщиков местам на стадионе, такое, что каждый болельщик сопоставляется одному и только одному месту. Далее, если купленный мной билет имеет номер места, расположенного непосредственно справа от места, номер которого стоит на вашем билете, то я во время игры буду сидеть справа от вас. Таким образом, различия в номерах на билетах и на соответствующих местах (отношения, выражаемые терминами *справа, слева, сверху, снизу, с большим номером, с такой-то буквой*) сохраняются при реальном расположении болельщиков, которым достались эти билеты.

Заметим, что некоторые отношения между билетами (и соответствующими им местами) при таком отображении сохраняются – такие как в предыдущих примерах *справа от...* Другие же отношения не сохраняются. Например, все билеты (и соответствующие сидения) имеют одинаковый вес, но не у всех болельщиков, имеющих эти билеты или сидящие на этих местах, одинаковый вес.

Часто встречаются некоторые (привилегированные) отображения, которые следует упомянуть здесь, так как нам придется постоянно пользоваться ими в дальнейшем изложении. Отображение называется изоморфным, если все отношения между элементами исходной совокупности воспроизводятся отношениями между соответствующими им элементами второй совокупности. В приведенном выше примере отношения между номерами билетов (соответствующие физическому расположению мест на стадионе) сохраняются в физическом расположении болельщиков, занявших свои места. Например, чем больше номер на билете болельщика, тем дальше он будет сидеть вправо или влево на стадионе. В таких случаях отображение называется изоморфным по отношению к входящим в него численным или физическим переменным. В построениях этого рода тот факт, что все билеты имеют одинаковый вес, а болельщики разные, истолковывается как отсутствие изоморфизма по отношению к этому свойству.

Данные, сходящиеся к Первому Доступу (ПД).

События, которые представляются нам на Первом Доступе (ПД), являются продуктом ряда преобразований, выполняемых нервной системой, начинающихся с момента, когда наши рецепторы сталкиваются со стимулами внешнего мира, и кончающихся в соответствующих отделах коры мозга. Рецепторы и кора связаны рядом нервных структур, функции которых мы будем называть неврологическими преобразованиями.

Например, фотоны (единицы электромагнитной энергии) с длиной волны от 400 до 700 нанометров* ударяют в рецепторы сетчатой оболочки глаза. Все длины волн за пределами этого диапазона проходят мимо нас, как незаметное дуновение ветра, поскольку мы не воспринимаем их, и неспособны их непосредственно воспринять. Фотоны же, входящие в этот узкий диапазон, обнаруживаются нашими рецепторами, общими или специализированными, и преобразуются в электрические импульсы, начинающие свой долгий путь по оптическому нерву. Эти импульсы проходят через целый ряд сложных структур (например, отдельные нервы, латеральные колленчатые тела, гипоталамус и т.д.) и через следующие за ними отделы нервной сети, ведущие к затылочным долям. На каждой стадии этого сложного процесса новости о происшедшем в мире изменении подвергаются отображениям в нервной системе, таким как суммирование, латеральное торможение и т.д., в том числе удалению, изменению или прибавлению к потоку данных, первоначально поступающему на рецепторы.

Оптический нерв – это джунгли из сотен тысяч клеток, образующих сложные связи и комбинации, где входные данные преобразуются еще непонятными для нас способами. Структурное расположение этих нейронов, а также биохимические условия каждой из соединяющих их связей (синапсов) определяют, пройдет ли этот поток данных, и в какой специфической форме.

Кто знает, какие данные в действительности находятся перед моими глазами? Какова бы ни была природа этого входного потока, эти данные регистрируются моей сетчаткой, передающей их в свою очередь поразительно сложному пучку нервных тканей – моему оптическому нерву – по которому они в конечном счете достигают затылочной доли. В затылочной доле данные, которые являются потоком электрических импульсов от двумерной поверхности сетчатки, должны быть отображены (по некоторому набору правил, способному пристыдить изощренную технику всех западных художников с самой эпохи Возрождения) на затылочную кору мозга, где они превращаются в трехмерное представление находящихся передо мной первоначальных данных, и тогда, только после этого, я вижу.

Аналогичные последовательности преобразований происходят и во всех других сенсорных каналах. Продукты всех этих последовательностей преобразований во всех сенсорных каналах доставляют наш первоначальный опыт. Это и есть наше первое соприкосновение, то есть Первый Доступ окружающего нас мира к любой сенсорной системе – зрительной, слуховой, кинестетической и т.д.

Каждая такая последовательность преобразований в каждом сенсорном канале происходит до нашего осознания преобразуемых данных, перед нашим доступом, перед тем, как мы способны его воспринять. Каждый сенсорный канал имеет свою специфическую проекцию на кору. В тех местах, где импульсы, параллельно проходящие в различных сенсорных модальностях, проектируются на соответствующие различные области коры, происходит сложная операция синтеза (несомненно включающая синестезию, то есть отображение, соединяющее различные модальности); эта операция, которую мы, мягко выражаясь, плохо понимаем, приводит к безупречной иллюзии интегрированного опыта, и мы получаем Первый Доступ.

Мы «видим» образы предметов, находящихся, как мы полагаем, перед нами; мы «слышим» звуки, происходящие от непосредственно непознаваемых событий внешнего мира; мы «ощущаем» различия в температуре, структуре поверхности, влажности и т.д., и все это сложные продукты первоначальных стимулов, взаимодействующих с различными неврологическими преобразованиями в цепи событий, происходящих в нашей зрительной, слуховой и кинестетической системе.

После этого, и только после этого мы получаем Первый Доступ (ПД)^{1*}

---

* Нанометр – единица длины, миллионная часть миллиметра. (Прим. перев.).

· Верхние номера указывают на авторские примечания в конце соответствующей главы. (Прим. перев.).

Все это, как правило, происходит при нашей полной неспособности повлиять на этот процесс, и безусловно без всякой возможности прямо узнать в реальном масштабе времени, что происходит. Мы можем заверить читателей, знакомых с моделями эриксоновских гипнотических паттернов в НЛП, что при надлежащей дисциплине можно научиться влиять на некоторые из этих событий даже до ПД, но типичная ситуация состоит в том, что этих событий мы вовсе не сознаем.

Образ, который мы видим, который мы принимаем за изображение находящегося перед нами, в действительности находится позади нас, в наших затылочных долях. Мы «знаем», что этот образ в затылочной доле соответствует некоторому событию, происходящему перед нами: мы знаем это посредством обучения, и в особенности в результате многократных описаний нашего восприятия мира. Эти описания создаются сравнением продуктов неврологических преобразований, составляющих отдельные сенсорные модальности – в частности, сравнением результатов зрения с результатами осязания и слуха. Звук, который мы слышим как доносящийся сзади, – это в действительности событие, происходящее в нашей височной доле, но, как и в случае зрения, мы научились определять, где в окружающем пространстве находится источник звука, – посредством координации с другими модальностями, и в особенности по различию во времени поступления звука в оба уха, весьма утонченному, так как оно составляет 1/250000 секунды. Аналогичные описания есть и для других сенсорных каналов.

Для нашего анализа решающее значение имеет тот факт, что ПД происходит превербально, до вмешательства языка, по самой своей природе выполняющего единственное в своем роде преобразование.

Различные сенсорные каналы, которыми мы располагаем – это маленькие окошки в поток окружающего мира, который, как мы полагаем, протекает вне нас. Попросту говоря, мы ни при каких условиях не имеем к этому миру прямого доступа. Все, что мы можем получить – это Первый Доступ. Но каковы эти события на стадии ПД и, в частности – что составляет решающий эпистемологический вопрос –

Каково отношение между событиями в мире и представлением этих событий в ПД?

Ограничения данных, поступающих в ПД.

При попытке ответить на только что поставленный вопрос мы сталкиваемся с двумя заметными ограничениями: во-первых, подавляющее большинство событий, происходящих вокруг нас, в буре электромагнитных явлений, мы попросту НИКОГДА не обнаруживаем, потому что они не попадают в узкую полосу доступа, составляющую наши сенсорные каналы; во-вторых, эти резко сокращенные множества явлений, входящие в область наших сенсорных восприятий, обрабатываются множеством неврологических преобразований, конкретное действие которых нам еще мало известно – мы попросту НЕ знаем, как эти обрабатывающие механизмы влияют на входящий в них поток данных:

Первое ограничение на ПД.

Первое ограничение состоит в том, что подавляющее большинство событий, происходящих вокруг нас, попросту исключаются из нашего опыта ограниченными возможностями, присущими нашим связям с внешним миром – нашим сенсорным каналам.

Рассмотрим такое вещество, как нержавеющая сталь, столь обычное в технически развитых обществах. В чем состоит характерное преимущество нержавеющей стали перед другими материалами – например, в таких обычных применениях как посуда, машины некоторых типов, тюремные решетки, банковские сейфы и сливные трубы? Как знают все знакомые с этим материалом, ответ состоит попросту в том, что нержавеющая сталь не ржавеет.

Недавняя публикация в *Сайентифик Американ* (август 2001, стр. 96) предлагает следующее описание:

Эта форма стали (нержавеющая сталь – объяснение авторов) не ржавеет вследствие взаимодействия между входящими в нее элементами сплава и окружающей средой. Нержавеющая сталь содержит железо, хром, марганец, кремний, углерод и в ряде случаев значительные количества никеля и молибдена. Эти элементы, реагируя с кислородом воды и воздуха, производят очень тонкую, устойчивую пленку, состоящую из таких продуктов коррозии, как окиси и гидроокиси металлов. Решающую роль в образовании этой пленки играет хром, реагирующий с

кислородом. И в самом деле, любая нержавеющая сталь по определению содержит не менее 10% хрома.

Эта устойчивая пленка препятствует дальнейшей коррозии, действуя как барьер, преграждающий доступ кислорода и воды к лежащей под ним металлической поверхности. Поскольку пленка образуется быстро и плотно покрывает поверхность, даже немного атомных слоев материала снижают уровень коррозии до очень низкой величины. Пленка намного тоньше длины волны видимого света, так что ее трудно увидеть без помощи современных приборов. Таким образом, хотя сталь в действительности коррозирована на атомном уровне, невооруженному глазу она кажется нержавеющей.

Заключения: Почему нержавеющая сталь не ржавеет?
Майкл Л. Фри (автор), Нэнси Эвери (редактор).

Решающее место содержится во фразах:

Пленка намного тоньше длины волны видимого света

и

Таким образом, хотя сталь в действительности коррозирована на атомном уровне, невооруженному глазу она кажется нержавеющей.

Иными словами, пленка ржавчины имеет толщину ниже порога человеческой видимости (меньше 400 нанометров), а потому не обнаруживается и не может быть обнаружена нашей зрительной системой. С нашим обычным пренебрежением (или неведением) подлинного положения вещей мы принимаем за действительность ситуацию, какой она нам кажется (а в этом случае даже не кажется) и называем этот материал *нержавеющим*, вместо того чтобы назвать свое описание *неосновательным*. Различие яснее выражается по-испански – *acero inoxidable* – что буквально означает «неокисляющаяся сталь».

Но нет надобности в таких экзотических примерах; мы живем среди подобных явлений:

Вероятно, вы сидите и держите в руках эту книгу, читая эти слова. Вы ощущаете много разных вещей; большей частью они происходят без вашего ведома; некоторые пробивают себе путь в ваше сознание. Мы просим вас выйти на минуту из вашей нынешней позиции восприятия и посмотреть на этого читателя, удобно сидящего в кресле и держащего книгу. В каком более широком контексте вы наблюдаете этого человека, держащего книгу?

Читатель, которого вы наблюдаете, погружен в море электромагнитной энергии – весь спектр электромагнитных колебаний проявляется в нем и вокруг него, его кресла и его книги. Читатель имеет весьма ограниченный доступ к этому широкому спектру событий. Его глаза способны обнаружить длины волн от 400 нанометров до 700 нанометров. Его уши регистрируют поступление звуковых волн, чередующиеся уплотнения и разрежения воздуха с частотой от 20 до 20000 периодов в секунду. Тактильная чувствительность его кожи реагирует на различия в положении, температуре, влажности и т.д. в крайне ограниченных пределах. Остальная часть происходящего – в действительности подавляющее большинство событий в электромагнитном спектре, составляющем подлинный мир – происходит без его ведома, и в самом деле о них невозможно узнать непосредственно (то есть без приборов). За время чтения последнего абзаца через его тело буквально прошло огромное число субатомных частиц.

Его каналы доступа – то есть его сенсорный аппарат – открывают для него лишь маленькие отверстия, позволяющие ему заглянуть в этот кипящий поток движения и энергии, пытаясь беглым взглядом охватить эту большую игру, разыгрывающуюся вне нас.

Но даже если мы на время ограничим наше внимание этими маленькими отверстиями, через которые мы получаем новости о событиях в широком электромагнитном спектре, этот весьма ограниченный поток информации уже вызывает серьезные эпистемологические вопросы.

Второе ограничение на ПД.

Второе ограничение, на которое мы укажем, состоит в том, что представления ПД (те части электромагнитного спектра, которые попадают в пределы нашей способности обнаруживать события), как можно показать, весьма существенно отличаются от подлинного мира: по убедительным доказательствам, этот мир – хаотический ветер, бушующий вокруг нас – не похож на показания наших органов чувств. Различия наиболее заметны в случае так называемых иллюзий и в особенности проявляются при сравнении с результатами специального множества так называемых эпистемологически привилегированных операций – а именно операций, связанных с применением приборов и измерением.² Заметим, что выражение *эпистемологически привилегированные операции* не означает, что такие операции (применение приборов и измерение) раскрывают «истинную» природу мира вне нас; мы хотим этим сказать, что они резко отличаются рядом характеристик от натуралистического наблюдения, выполняемого людьми:

1. Рассмотрим простое представление черного ящика, согласно показаниям наблюдающих людей и некоторых простых приборов – например, описанных дальше пружинных весов. В обоих случаях входными данными являются некоторые элементы мира – в случае человека это стимулы, поступающие в различные рецепторы в пределах доступных нашим рецепторам границ; в случае пружинных весов это сила тяжести, действующая на массу предмета, помещенного на платформу весов. Существенная разница состоит в том, что в случае пружинных весов мы в точности знаем, какой ряд преобразований происходит между входом – предметом, помещенным на платформу весов – и выходом – числом единиц веса, указанным на шкале и получаемым при операции взвешивания. Пружинные весы изготовлены нами; мы калибровали их по некоторому независимому образцу; мы сконструировали их и явным образом знаем механические преобразования, которые они производят. Напротив, в случае человека как раз отсутствует явное знание о природе неврологических преобразований, происходящих между входом и выходом (нашим переживанием мира), и о вкладе, который они вносят. Это составляет преграду, лишаящую нас сколько-нибудь глубокой уверенности в наших мысленных картах, совокупность которых мы называем миром.

2. Пружинные весы имеют строго ограниченный и однозначный словарь, в котором выражаются их отсчеты – это система чисел. Как бы ни была сложна система преобразований, встроенная в структуру некоторого прибора, результат выражается строго ограниченным множеством однозначных символов. Эти символы – числа, указывающие некоторый одномерный количественный аспект изучаемого предмета. В случае пружинных весов результат операции измерения – это число граммов, унций и т.д. Заметим, что этот единственный ясный отчет о количественном аспекте измеряемого предмета достаточно резок, чтобы пройти без заметного искажения через преобразования человеческой нервной системы.

Между тем, когда люди дают отчет о воспринятых ими входных данных, они делают это на естественном языке со всем его богатством, неясностью и неопределенностью. Далее, чтобы понять содержание такого отчета, мы должны привести в действие сложные процессы осознания смысла. Такие процессы до сих пор очень мало понятны.

3. Измерительные приборы не подвержены внутренним сдвигам того же логического типа, как человеческие. Можно заметить, что фактическая работа пружинных весов меняется в зависимости от влажности, от наличия ржавчины на пружине, от направления силы ветра в месте взвешивания и т.д. Однако эти вариации можно понять и в конечном счете учесть вполне определенным образом, что позволяет достигнуть требуемой точности. Напротив, сдвиги в человеческих состояниях, глубоко влияющие на отчет человека о его переживаниях в мире личного опыта, плохо поддаются пониманию. Вдобавок отсутствуют отчетливые формулы, позволяющие учесть вклад этих переживаний, что мешает их корректировать и получить точный ответ.

Есть и другие важные различия между этими двумя классами событий (человеческой чувствительностью и отчетами о ней с одной стороны, и инструментальными измерениями – с другой), но сказанного достаточно, чтобы оправдать наше различие. Мы не хотим этим сказать, что приборы и измерения с помощью приборов раскрывают подлинную природу мира вокруг нас; мы утверждаем лишь, что они в некоторых отношениях явно отличаются от прямой человеческой чувствительности, а потому доставляют другое описание частей мира, к которым они применяются. Между прочим, здесь видна

настоятельная необходимость критического подхода будущих эпистемологов к проектированию приборов, составляющему существенную часть развития разумной эпистемологии.

Рассмотрим одну из специальных эпистемологических операций, стандартизованное измерение – применение простых пружинных весов для взвешивания ряда предметов. Попросим наивного субъекта поднимать эти предметы по два одновременно и решать в каждом случае, имеют ли эти два предмета одинаковый вес или разный. Если человек говорит, что «разный», он укажет, какой из них тяжелее. В конце этого процесса сравним результаты, полученные при использовании в качестве измерительного прибора человека, с результатами нашей специальной эпистемологической операции – взвешивания на стандартизованных весах. Мы обнаружим при этом некоторый паттерн.

Паттерн состоит в том, что психофизики больше ста лет называют едва различимым отличием. Если различие в весе между двумя поднятыми предметами превосходит определенный процент веса более тяжелого из двух ящиков, то различие будет обнаружено. Если же различие в весе между двумя предметами меньше определенного процента веса более тяжелого из них, то различие не будет обнаружено, и человек опишет эти предметы как имеющие одинаковый вес. Таким образом, сравнивая результаты двух операций измерения – операции взвешивания пружинными весами и операции, использующей человеческую способность обнаруживать различия – мы приходим к выводу, что человек систематически считает равными веса, которые по данным пружинных весов оказываются различными. Как показывает этот опыт, отдельные события в мире, различимые при измерении приборами, воспринимаются человеком как одинаковые.

Этот простой эксперимент можно повторять в любом сенсорном канале: в слуховом канале, где сравниваются громкость или высота двух звуков; в зрительном канале, где сравнивается яркость двух источников света. Для большинства наблюдаемых явлений имеется постоянное отношение разности, аналогичное тому, какое получается в эпистемологическом акте взвешивания ящиков стандартными весами; это отношение предсказывает, какие пары ящиков будут описаны человеком как одинаковые, и какие как разные.³

Таким образом, даже в простейших суждениях мы находим в любой сенсорной модальности различия между тем, что может быть доказано измерением с помощью приборов – и тем самым существует в мире – и нашим опытом, то есть представлениями ПД. Хотя существование таких различий нетрудно доказать, точная природа различий между ПД и окружающим миром, за исключением простейших случаев, еще мало изучена. Поэтому мы в настоящее время не в состоянии объяснить, каково точное соотношение между элементами нашего опыта (ПД) и подлинным миром.

Вряд ли наши читатели производили (или хотели произвести) опыт, описанный выше, то есть поднимали по два объекта сразу. Обращаясь к более обычным примерам иллюзий, происходящих в нашей повседневной жизни, рассмотрим следующие примеры.

Предположим, что вы сидите в машине перед светофором. Слева от вас находится большой автобус, поворачивающий влево. Вы впадаете в типичный транс водителя, думая о чем угодно, пока красный свет не превратится в зеленый. И вдруг вы чувствуете, будто ваша машина движется назад, и быстро нажимаете на тормоз. В действительности, конечно, автобус начал двигаться вперед, поворачивая влево. Ваше периферийное зрение подсознательно обнаружило движение автобуса вперед, и неврологические преобразования превратили это в синестезию – зрительно-кинестетическое ощущение вашего движения назад. Движение автобуса было подлинным; ваше переживание движения назад было следствием рассматриваемого нами неврологического преобразования. Коллеги, проживающие в Париже, Вене или другом большом городе с развитой системой метро, испытывают ту же иллюзию, когда два поезда вначале стоят рядом, а потом начинает двигаться НЕ ваш поезд.

Конечно, трудность состоит попросту в том, что нервные, физиологические, анатомические и биохимические структуры, передающие новости о различии от сенсорных рецепторов первому доступу (ПД), – это не просто пассивные проводящие пути, через которые проходит поток данных, это в действительности ряд неврологических операций над поступающим потоком данных, преобразующий их еще не изученными способами. Пока не выполнены фундаментальные исследования, как именно преобразуется этот поток данных между сенсорным рецептором и ПД, нам приходится ограничиться

утверждениями о структуре преобразованного потока данных, но не о структуре источника этого потока, которым является окружающий мир.⁴

В то время как большая часть явлений происходит без ведома читателя, многие из вещей, попадающих в узко ограниченные пределы чувствительности его сенсорного аппарата, не могут быть обнаружены, потому что они происходят слишком быстро или слишком медленно, в слишком большом или слишком малом масштабе.

Вернемся к представлению, что читатель сидит в удобном кресле, держа в руках по-видимому неподвижную книгу. Если эту сцену увидит физик, он убедит этого человека, что все это иллюзии – и неподвижная книга, которую он держит в руках, и кресло, в котором он удобно сидит, и пол, на который опирается его кресло: в действительности, если бы можно было остановить на мгновение все движущееся в этих предметах, то оказалось бы, что в них гораздо больше пустого места, чем вещества. Твердость каждого из этих предметов – это следствие или артефакт огромных скоростей, с которыми движутся их отдельные компоненты, и соответствующих ограничений сенсорного аппарата читателя.

Чтобы дальше разъяснить этот вопрос, мы попросим вас вспомнить, как вы впервые приблизились к вращающейся двери. В каком возрасте это произошло? Может быть вы стояли в страхе перед вращающейся дверью и просто смотрели какое-то время, как люди входили в секции с одной стороны и выходили с другой. Может быть вы держали кого-нибудь за руку. И вы, и человек, с которым вы были, калибровали движение двери, подсознательно зная и полагаясь на то, что эта вращающаяся дверь была сконструирована людьми для людей, в масштабе событий, доступных нашему сенсорному аппарату. В тот день дверь двигалась со скоростью, не выходящей за пределы вашей способности различения. Поэтому вы могли судить, в какой момент следует войти в пространство одной из секций вращающейся двери, чтобы затем безопасно выйти из этого пространства.

Предположим, что вы стоите сейчас перед вращающейся дверью, но вращение двери ускорилося и явно выходит за пределы времени ваших реакций. Такая дверь представляет опасность. Вы не сможете судить, когда можно безопасно войти в проходящую секцию, и не сумеете выйти из нее вовремя, чтобы стенка секции не ударила вас сзади.

Если бы можно было ускорить эту же дверь до скоростей атомных электронов, она превратилась бы в непроницаемый барьер. Такая дверь не представляла бы теперь опасности для нас, поскольку вся огромная скорость ее движения создавала бы для нашего сенсорного аппарата впечатление твердости – теперь она была бы попросту закругленной частью стены, в которую она встроена. Мы могли бы опираться на нее, толкать ее, отбивать от нее мяч и т.д., опасаясь ее не больше чем кресла, в котором вы теперь сидите. То, что мы как индивиды считаем окружающим миром, есть система сложных динамических отношений между тем неизвестным, что там действительно есть, и нашими способностями подвергать сенсорной и неврологической обработке некоторую небольшую избранную часть происходящих событий.

Посмотрите в окно; предположим, что вы видите там дерево. Растет ли оно? Вы видите сочные молодые листья, появляющиеся весной, но можете ли вы видеть, как дерево растет? Чтобы ответить на эти вопросы, мы можем позвать натуралиста, который произведет измерения, доказывающие, что дерево возле нашего дома все время растет, но и в этом случае наши чувства нас обманывают. Мы просто не можем обнаружить этот рост без помощи приборов, раскрывающих масштабы различий, выходящие за пределы нашей нормальной сенсорной восприимчивости. Не удивительно ли, насколько вырастает ваш ребенок, или внук, или племянник, или племянница, пока вы были несколько дней в отъезде?

Когда вы смотрите на восток и видите восходящее солнце, можете ли вы ощутить, что вы движетесь «вперед и вниз» по отношению к солнцу; что вращение Земли попросту переводит вас в новую позицию восприятия, с которой солнце выглядит выше?

Выберем определенную нервную клетку в сложном нервном пучке, проводящем зрительные восприятия, в любой точке между перекрестом зрительных нервов и затылочной долей. При каких условиях эта нервная клетка испускает свой импульс? Требуется ли для этого входной стимул от одной предыдущей нервной клетки, или от некоторой комбинации нервных клеток? Запускается ли эта нервная клетка наподобие логической связки И – то есть требуется почти одновременное поступление стимулов от всех предшествующих нервных клеток – или она запускается как связка ИЛИ в формальной ло-

гике, для чего требуется воздействие лишь некоторой части этих предшествующих нервных клеток? Если требуется лишь действие некоторой части этих клеток, то каких именно и при каких условиях?

Эти вопросы, по-видимому, определяют некоторые важнейшие исследования в неврологии. С нашей точки зрения *они в то же время определяют некоторые из самых важных задач эпистемологии.*

Таким образом, в настоящее время невозможно сказать сколько-нибудь точно и полно, какие части мира в конечном счете представляются нашими отображениями, какие элементы мира, напротив, очевидным образом не отображаются в наших представлениях (что отчасти известно в простейших случаях), и какие элементы наших отображений являются всего лишь вкладом наших механизмов обработки.

Отсюда вытекает очевидный вывод – что ПД является уже множеством преобразованных представлений, продуктом преобразований входного потока данных. Эти преобразования не составляют простого изоморфного отображения того, что нас окружает. Мы знаем, что подавляющее большинство происходящих явлений никогда не попадает в сферу нашего представления, никогда не проходит путь через наши сенсорные каналы, а потому не проникает в наши представления, в наши мысленные карты, поскольку структура наших сенсорных рецепторов попросту не способна обнаружить их и свидетельствовать об их наличии. Далее, даже резко ограниченное множество событий, попадающих в область нашего сенсорного восприятия, лишь частично нам сообщается, поскольку такие переменные как скорость и масштаб представления еще более сужают область, которая может быть обнаружена и воспринята.

Наконец, что более интересно, отчеты о событиях, проходящих через эти первоначальные фильтры, составляют входные данные последовательности сложных неврологических операций, структуру которых еще предстоит выяснить. Эти преобразования делают совершенно невозможным простое соответствие между тем, что есть, и тем, что мы воспринимаем.

Второе множество преобразований: лингвистически опосредованный опыт.

До сих пор мы сосредоточивали внимание на примерах неврологических преобразований – то есть операций, предшествующих любому осознанию, выходящих за пределы нашего возможного влияния⁵, предшествующих ДП, и заведомо предшествующих любым лингвистическим отображениям.

Теперь мы дошли в нашем описании до той стадии процесса обработки потока входных данных, где мы применяем второе множество преобразований; это преобразования естественного языка с его производными формами – такими формальными системами как логика, алгебра, геометрия, теория автоматов и т.д. Спешим пояснить: мы НЕ утверждаем, что множество указанных формальных систем зависит в каком-либо обычном смысле от языка – мы вполне сознаем, что математики, физики и логики, точно так же как архитекторы, вполне способны к эффективным и творческим способам визуального мышления, и в действительности затрачивают значительную часть своей профессиональной жизни на такое мышление, не использующее естественного языка. Подобным же образом танцоры и атлеты в совершенстве думают своим телом, без помощи языковых форм – и в самом деле освобождаются от такой «помощи» в важнейших частях своей профессиональной жизни, при исполнении. Композиторы и музыканты испытывают глубокое удовлетворение в своей профессиональной деятельности, воздействуя на слух без языка. Мы утверждаем здесь (см. более подробное изложение в книге *RedTail Math: Эпистемология повседневной жизни* (предварительное название), Гриндер и Бостик, 2002), что естественный язык исторически был первой подсистемой человеческой нервной системы того типа, который мы называем теперь системами конечного рекурсивного управления.

Прежде чем развить дальше это высказывание, приведем ряд повседневных переживаний, в которых люди реагируют на весьма важные ситуации внешнего мира без всякого участия языка:

Представьте себе, что вы едете в машине со значительной скоростью по автостраде, и внезапно две машины сталкиваются прямо перед вами. Тогда вы предпринимаете ряд чрезвычайных быстрых действий, позволяющих вам избежать столкновения с ними и найти безопасную дорогу. В эти доли секунды вы принимаете превосходные решения и осуществляете их без всякого применения языка, пользуясь тем, что мы в НЛП называем визуально-кинестетической и

аудиадно-кинестетической (синестетической) системой. Эти действия не затрагивают ни сознательного размышления, ни языка.

Теперь представьте себе, что вы спите – в 5 часов утра, перед рассветом. Вдруг вы чувствуете, что ваша кровать начинает резко двигаться. Вы слышите скрип и глухой стон всего вашего дома. Вы прыгиваете с кровати и мчитесь, чтобы выхватить из кровати своего младенца и вынести его из дома. Лишь гораздо позже, в безопасности, вы обнаруживаете, что вы поранили в кровь ноги осколками стекла, когда бежали из шатающегося дома, спасая своего ребенка. И вдобавок на вас нет приличной одежды – это еще одно калифорнийское землетрясение.

Теперь представьте себе, что вы находитесь в кухне и готовите свое любимое блюдо. Вы слышите классическую музыку, тихо играющую поодаль, разговор соседей через забор, шум детей на качелях... Воздух наполнен сладостным запахом фрезий, стоящих в вазе посреди стола. Вы видите последние лучи великолепного солнечного заката, когда наше жизнетворное светило медленно погружается за горизонт Тихого океана. И все это происходит без малейшего участия языка. Это весьма важно, поскольку это отчасти определяет качество вашей жизни.

Применения к традиционному различию Карта /Территория.

Как мы знаем, процессы, доставляющие нам данные о мире – это множество операций, действующих на эти данные, преобразуя их еще не вполне ясными нам способами. Мы знаем, что есть существенные различия между миром и нашим представлением мира. Однако в большинстве случаев мы еще не в состоянии сколько-нибудь точно определить, в чем состоят эти различия. Таким образом, мир, каким мы его знаем, это не территория, а результат ряда неврологических преобразований. Один из самых распространенных штампов НЛП – это различие, приписываемое Кожибскому, подчеркивавшему, что мы создаем мысленные карты для представления территории (подлинного мира, где мы живем), а затем обращаемся с этими отображениями так, как если бы это были представляемые ими вещи. Все это резюмируется изречением:

Карта – это не территория.

Мы утверждаем, что Кожибский был еще слишком консервативен, говоря, что карта – это не территория. Как мы полагаем, даже его территория не является территорией⁶.

Критерий полезности.

Теперь перед нами возникает вопрос, каким конкретным образом эти естественные языковые преобразования продолжают формирование наших уже преобразованных представлений того, что происходит вокруг нас. Второе отображение – функция под названием «язык» – в принципе свободно от всех ограничений, кроме полезности; этот критерий близок и дорог сердцу любого моделировщика НЛП. Под полезностью мы понимаем тот факт, что, как и при создании всех моделей, основным критерием оценки является простой вопрос:

Работает это или нет?

Иными словами, приводит ли наш способ использования языка для обработки преобразованного мира, который представляет нам ПД, к достаточно эффективной способности манипулировать им для достижения наших целей? Лингвистические преобразования выполняют утилитарные подразделения этого воспринимаемого мира, и вопрос в том, приводят ли они к желательным для нас результатам. Заметим, что мы применяем эти категории НЕ к миру, а к изображению мира, построенному на ПД неврологическими преобразованиями.

Как мы полагаем, важно подчеркнуть, что наше использование лингвистических отображений вовсе не связано требованием истинности (что бы оно ни означало); нет никакого необходимого соответствия между нашим способом подразделения опыта, воспринятого на уровне ПД, и подлинным строе-

нием мира; нет изоморфного отображения (взаимно однозначного соответствия, сохраняющего отношения элементов) между миром и первым доступным для нас его изображением – ПД. Далее, нет изоморфного отображения между этим представлением ПД и его лингвистической кодировкой. Конечно, как и в случае любой модели НЛП, универсальная моделирующая деятельность языка не изменяет структуры того, чему язык дает название. Эта структура, как можно предположить, остается неизменной, что бы мы ни думали о нашем лингвистическом творчестве.

Однако – и этот критерий применим как к созданию языка, так и к моделям НЛП – если наши попытки наложить на мир некоторую структуру посредством языка слишком расходятся с подлинной структурой и поведением вещей и процессов, это приводит нас к неспособности эффективно манипулировать воспринимаемым миром. При таких обстоятельствах, под давлением обратной связи, мы реорганизуем нашу модель – лингвистические категории, которые мы накладываем на воспринимаемый мир. В этом смысле наши естественные языки и структуры, налагаемые ими на наш первичный опыт (ПД) – это свидетельства о длительном эволюционном процессе проб и ошибок, создавшем языковую обработку мира. Эти отображения, связывающие ПД и лингвистические категории наших языков, представляют накопленную мудрость наших предков и результаты исторического процесса – поиска полезных манипуляций воспринимаемым миром, осуществляемых посредством языка.

Можно предположить, что главной функцией мозга, нервной системы и органов чувств является не продукция, а устранение... Функция мозга и нервной системы – защитить нас от подавления и замешательства при восприятии всей этой массы главным образом бесполезного и несущественного знания, преграждая доступ большей части того, что мы могли бы воспринять или запомнить в любой момент, так что остается лишь та небольшая и специальная выборка, которая, по-видимому, может быть практически полезной... Чтобы сделать возможным биологическое выживание, Разум в Целом должен быть профильтрован через сужающую воронку мозга и нервной системы. Из другого конца воронки вытекает жалким ручейком тот вид сознания, который помогает нам оставаться в живых на поверхности этой особой планеты. Чтобы формулировать и выразить содержание этого сокращенного восприятия, человек изобрел и бесконечно разработал символические системы и неявные философии, которые мы называем языками. Каждый индивид получает выгоду от лингвистической традиции, в которой он родился, и в то же время становится ее жертвой, жертвой, поскольку она укрепляет в нем веру, что суженное восприятие – это единственно возможное восприятие, и поскольку она обманывает его чувство реальности, слишком уж побуждая его принимать свои понятия за данные, свои слова за подлинные вещи.

Олдос Хаксли, *Врата восприятия*, Нью-Йорк, Харпер и Роу, стр. 22-23.

Таким образом, лингвистические преобразования всевозможных структур, представляемых ПД, организованы в принципе относительно свободно; сами же эти структуры являются малопонятным изображением всевозможных структур, какие могут быть в реальном мире, с прибавлением всевозможных вкладов, вносимых самими структурами обрабатывающих механизмов.

Мы без конца упорядочиваем и переупорядочиваем с помощью языковых структур результаты неврологических преобразований, полученных от ПД, применяя логику, совершенно не зависящую от того, каковы могли быть подлинные структуры первоначальных событий реального мира (если такие структуры в самом деле были).

Функция наименования.

Если некоторый предмет, находящийся перед нами, имеет в своей структуре физическое свойство поглощать все длины волн видимого света, за исключением зеленого, то мы с потрясающей эпистемологической небрежностью отбрасываем все технические аспекты происходящего даже в той узкой полосе электромагнитного спектра, которая нам доступна, и приписываем этому предмету цвет под названием *зеленый* – не потому, что этот объект сам по себе зеленый, а потому что он поглощает все цвета видимого спектра *за исключением зеленого*. Этот пример попросту иллюстрирует, что мы сопоставляем некоторой части ПД некоторую произвольную последовательность звуков совершенно условно – условны сопоставляемые звуки и условен способ, как они сопоставляются.⁷

Повседневные примеры этого произвола в наименовании часто наблюдаются, когда маленькие дети дают имена разным предметам, особенно в семьях, где применяют нетехнические способы описания обычных предметов. Например, при введении дистанционного управления телевизорами, проигрывателями компактных дисков и т.д. возникло множество терминов, обозначающих это устройство – *дистанция, управление, переключатель*.

Язык доставил нам возможность создавать развитые мысленные отображения, следующие за ПД, – мысленные представления, приписывающие некоторые характеристики предметам, людям, процессам и т.д.; это вполне искусственные конструкции, отвечающие нашим человеческим требованиям. Рассмотрим следующие вопросы:

*В чем разница между сорняком и цветком, между борцом за свободу и террористом, между шумом и музыкой?*⁸

Мы просим вас понять, что язык – добавочный слой искажения наших восприятий. Язык – это еще один источник иллюзии, это, по-видимому, присущее только человеку преобразование, наложенное на описанные выше неврологические преобразования.

Как было сказано выше, мы полагаем, что Кожибский был слишком консервативен. Мы считаем весьма полезным уточнить анализ Кожибского, называемый различением карты и территории. Более конкретно, важно различать два класса отображений, производимых двумя фундаментально различными логическими типами преобразований: первый из них – это нервные преобразования, предшествующие Первому Доступу (ПД), а второй – это лингвистические преобразования, следующие за ПД. Преобразования, действующие между рецепторами и ПД, составляют первое множество преобразований (неврологических преобразований, множество которых мы будем иногда обозначать f^1), выполняющих отображение на множество представлений, называемое ПД. Как мы уже сказали, ПД – это множество образов, звуков, ощущений и т.д., образующее то, что мы называем нашим первым переживанием мира. Второе множество преобразований (лингвистических преобразований, иногда обозначаемых f^2) отображает то, что мы называем нашим первым переживанием мира (ПД), на языковые структуры.⁹

Различие между неврологическими и лингвистическими преобразованиями.

Основное уточнение, которое мы вводим – это различие между множеством неврологических преобразований (от рецептора до места первого доступа (ПД) к образам, звукам, ощущениям и т.д.), и множеством преобразований, называемых языком (вместе с его формальными производными). Это различие мотивируется целым рядом соображений, одно из которых, и может быть самое настоящее, это различие между внутренними отношениями, преобладающими в каждом из этих множеств преобразований.

Я вижу с одной стороны всю совокупность чувственного опыта, а с другой стороны – совокупность всех концепций и предложений. Отношения концепций и предложений между собой и друг к другу имеют логический характер, и задача логического мышления строго ограничивается установлением связей между концепциями и предложениями по твердо установленным правилам, которые и составляют дело логики. Концепции и предложения получают свой «смысл», соответственно, «содержание», лишь посредством своей связи с чувственным опытом. Связь этого последнего с предыдущим чисто интуитивна, а не логична по своей природе. Степень уверенности, какую может внушать эта связь, то есть интуитивная комбинация, составляет единственное различие между пустой фантазией и научной «истиной». Система концепций – это создание человека, вместе с правилами синтаксиса, составляющими структуру концептуальной системы.

Альберт Эйнштейн, *Автобиографические заметки*, стр.13

Мы предлагаем следующие примеры, демонстрирующие различие в логике (во внутренних отношениях) двух множеств преобразований – нервных и лингвистических преобразований, и, тем самым, различие между этими двумя множествами преобразований:

Попросите ребенка рассортировать кучу игрушек. Ребенок разделит игрушки на кучи, исходя из некоторого воспринимаемого сходства: по размеру, цвету, применению и т.д. Ребенок НЕ сортирует их в

зависимости от изготовителя или цены. Это первое множество критериев, используемое ребенком при сортировке, мы назовем естественными подразделениями. Естественные подразделения – это естественно воспринимаемые категории или группировки, основанные на характеристиках, вытекающих из взаимодействий между предметами и структурой воспринимающих органов (рецепторов), а затем неврологических систем обработки, присущих только людям. Естественные классификации *ограничены различиями, доступными на ПД*. Ребенок неявно свидетельствует своими действиями, что он группирует предметы, выбирая их по одной из их размерностей (цвету, величине, форме и т.д.), и пренебрегая при этом всеми другими различиями. Выбранная размерность или часть представляет целое – что напоминает классическое иконическое* отношение.

Здесь надо соблюдать осторожность; мы НЕ говорим, что это первое множество подразделений или группировок есть подразделение по аспектам самих предметов. У нас нет доступа к самим предметам, нам доступны только результаты сложных операций восприятия и обработки, которым подвергаются эти предметы, преобразуемые нашей нервной системой – точнее, преобразованиями f^1 между рецепторами и ПД.

Сортировка по цене или изготовителю – это пример искусственного подразделения: это значит, что подразделения в таких случаях не имеют ни малейшего основания в опыте восприятия ребенка; напротив, они представляют категории, созданные единственно нашим видом – категории, развитые и наложенные на эти объекты независимо от каких-либо внутренне присущих им особенностей, представленных в ПД. Искусственные подразделения вытекают из лингвистических преобразований, действующих на ПД.¹⁰

Рассмотрим в виде примера оторванную руку пластикового супермена в куче игрушек, о которых шла речь выше. Каким образом ребенок классифицирует этот предмет? Вероятнее всего, он решит поместить оторванную руку вместе с целыми пластиковыми фигурами супермена. Здесь представляет интерес контраст между двумя видами логики. Логика, наблюдаемая в продуктах неврологических преобразований, стремится быть иконической – то есть передает отношения между частью и целым. Таким образом, оторванная рука воспринимается как часть класса пластиковых суперменов.

Большинство из нас пользуется языком, не сознавая применяемых при этом структур и процессов. Пример ребенка, сортирующего игрушки, демонстрирует разницу между логикой неврологических преобразований и логикой лингвистических преобразований. Обратите внимание на то, что язык осуществляет дальнейшее преобразование наших представлений, и что вследствие этого воспринимаются мысленные карты иного логического типа – мысленные представления. Те из читателей, кто имеет опыт в НЛП^{np}, поймут, насколько важны мысленные представления в работе изменения.

Теперь мы займемся структурой внутренней логики языка и тем, как она преобразует наши мысленные карты. При этом мы исследуем логику упорядочивающих отношений¹¹ (множеств). Заметим, что мы употребляем здесь термин *множество* не в его формальном смысле, как в математике, а в его обиходном смысле, и в смысле той роли, которую множества играют в классификациях.

Внутренняя логика естественной языковой системы (и многих ее производных) обычно моделируется логикой множеств, что вполне удастся. Логик, вероятно, классифицировал бы оторванную руку совсем иначе, чем ребенок, отнес ее к куче *частей игрушек*, вместе с отломанным колесом трактора. В том, что Кожибский называл территорией – то есть в результатах неврологических преобразований, представляемых нам первым доступом – нет таких искусственных множеств, как множество частей игрушек, и ПД не имеет таких группировок. Преобразования лингвистического характера, которые обрабатывают наш первичный опыт, производя наши лингвистически опосредованные отображения, изобилуют такими группировками. Рассмотрим следующие множества:

а. *множество всех игрушек, купленных ребенку до трех лет;*

б. *множество всех любимых игрушек ребенка;*

в. *множество игрушек, которые после игры укладываются в зеленый ящик;*

---

* В эпистемологии – относящееся к образу. (Прим. перев.).

г. множество игрушек, купленных и подаренных ребенку его бабушкой и дедушкой с материнской стороны.

Множества, определенные в пунктах а – г, представляют дальнейшие примеры искусственных множеств, порождаемых логической структурой языка – ни одно из них не связано каким-либо обязательным соответствием с различиями в восприятиях, получаемыми на ПД.

Выражаясь несколько точнее, естественные подразделения – это подразделения, определяемые исключительно различиями, доступными в результате неврологических преобразований, то есть в ПД. Следовательно, естественные множества – это множества, порождаемые естественными подразделениями. Искусственные подразделения и происходящие от них искусственные множества образуются по правилам отбора элементов, которые НЕ обязательно доступны в результате неврологических преобразований. Возникающие таким образом искусственные множества используют в качестве критериев отбора элементов лингвистические критерии, или критерии лингвистического происхождения.

Одно из главных преобразований, основанных на языке и служащих для искусственного подразделения (и образования искусственных множеств) – то, что лингвисты называют построением подчиненных предложений. Рассмотрим существительное *корабль*, в предложении

Я иду корабль!*

Существительное *корабль* само по себе является подразделением множества выходных данных неврологических преобразований (ПД), причем подразделение, выполняемое существительным *корабль*, представляет собой название некоторого потенциально весьма обширного множества. Предположим, что читатель понимает, что имеет в виду под существительным *корабль* человек, произносящий предыдущее предложение.¹²

Пользуясь одним из основных словесных орудий НЛП, мы могли бы просить у говорящего уточнения при помощи следующих вопросов:

Какой именно корабль?

Корабль, пригодный к мореплаванию.

Корабль, пригодный к какому мореплаванию?

Корабль, пригодный к мореплаванию и способный совершить плавание из Калифорнии на Таити.

Это можно упорядочить в виде диаграммы:

Корабль

Корабль, пригодный к мореплаванию

Корабль, пригодный к мореплаванию и способный совершить плавание из Калифорнии на Таити

... ..

Этот диалог можно было бы продолжить, пока он не завершится единственным референтом – конкретным кораблем. Образование каждого придаточного предложения имеет два следствия: рассматриваемое множество (например, *корабль*) подразделяется дальше, отчего происходит более ограниченное множество, то есть множество с меньшим числом элементов. Заметьте, что это замечание относится только к случаю, когда рассматриваемые множества конечны.

В то же время, новые множества и все множества, возникающие из дальнейших подразделений, наследуют правила отбора элементов первоначального подразделения, обозначенного словом *корабль*. Каковы бы ни были критерии элементов этого множества *корабль*, они сохраняются при любом подразделении этого множества с помощью придаточных предложений.

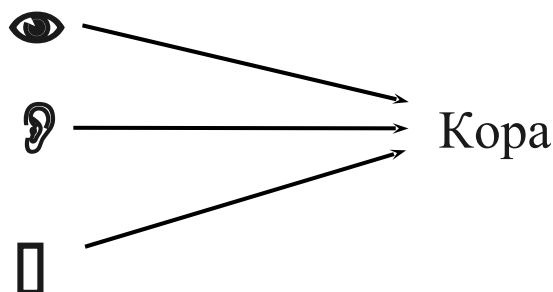
Логические уровни как структура лингвистических преобразований.

* В подлиннике слово boat, означающее и «лодку», и «корабль» (Прим. перев.).

Мы будем называть все иерархические упорядочения, удовлетворяющие двум приводимым ниже формальным критериям, иерархиями, упорядоченными логическим включением, или, короче, логическими уровнями. Эти два критерия логического включения состоят в следующем:

1. Сжатие – сужение объема при каждом последовательном подразделении, заданном образованием придаточного предложения.*
2. Наследственность – сохранение критерия отбора элементов множества при подразделении, заданном образованием придаточного предложения.

Как сказано выше, события, представляемые нам на Первом Доступе (ПД), являются результатом множества неврологических преобразований, начинающихся в том месте, где наши рецепторы соприкасаются с внешним миром подлинных стимулов, и кончающихся в соответствующих им участках коры. Связь между рецепторами и корой осуществляется рядом нервных структур, функции которых мы называем неврологическими преобразованиями.

Иерархия, порожденная подразделением первоначального множества *корабль* на его составляющие части, несомненно, является законным отношением упорядочения – в действительности она находит аналогию в продуктах неврологических преобразований, вроде того способа, которым упорядочивается оторванная рука пластикового супермена, то есть иконического отношения.

Применим теперь к этому случаю формальные критерии, определяющие иерархию логических уровней. Заметим, что эта новая иерархия не может рассматриваться как иерархия логических уровней по указанным выше двум критериям. Формальный критерий сужения не выполняется уже вследствие простого наблюдения, что на свете есть больше болтов, чем кораблей (и точно так же, больше резьбы, чем болтов), критерий же наследственности не выполняется, так как правила отбора элементов, определяющие множества кораблей, просто отсутствуют в определении множества болтов. Например, для категории *корабли* одним из критериев отбора элементов было бы то, что они плавают; между тем, болты делаются как правило из веществ тяжелее воды и обычно не плавают. Очевидно таким образом, что отношения упорядочения, порождаемые отношением части к целому, представляют иной логический тип, чем иерархии, порождаемые логическим включением.¹³

Различие между естественными и искусственными подразделениями (и возникающими из них множествами) составляет яркий частный случай различий между внутренней логикой, управляющей неврологическими преобразованиями, и внутренней логикой, доминирующей в лингвистических преобразованиях. Заметим далее, что иерархии, порождаемые естественными языковыми процессами (например, образованием придаточных предложений), приводят к логическим уровням – для иерархий, определенных естественным языком, упорядочивающим принципом является логическое включение, то есть вполне определенное формальное упорядочение. Между тем, в современных исследованиях, насколько нам известно, до сих пор нет соответствующей формального описания отношения части к целому, или естественных иерархий в продукте неврологических преобразований, доставляемых ПД;

* Relative clause в английской грамматике. (Прим. перев.).

есть лишь мучительные попытки угадать, что могло бы составить естественную часть в области ПД (см. замечания Гофмана на стр. 102-105 его превосходной книги «Зрительное понимание» (*Visual intelligence*)).

Упомянем еще кратко два примера различий между неврологическими и лингвистическими преобразованиями, отсылая заинтересованного читателя к более подробному изложению в книге *RedTail Math: эпистемология повседневной жизни* (предварительное название), Гриндер и Бостик, 2002. Одна из интересных классификаций в языке заключается в том, что есть содержательные слова (обычно все существительные и глаголы языка с их производными) и функциональные слова (предлоги, артикли, связки, отрицания и т.д.). Довольно ясно, что существительные *собака, кошка, самолет* и т.д. и глаголы *ударить, коснуться, видеть* и т.д. относятся к предметам и действиям, соответствующим конкретным частям нашего восприятия. К чему же относятся функциональные слова *к, на, при, над, под*, определенный артикль *the*, неопределенный артикль *a, he*? Обычный ответ состоит в том, что они не относятся ни к предметам, ни к действиям, а представляют собой лингвистические операторы, указывающие внутренние отношения между содержательными словами. В следующей дальше паре предложений единственное различие заключается в контрастирующих функциях слов *под* и *на*:

Тарелка стоит на столе Джессики

Тарелка стоит под столом Джессики

Обычный анализ заключается в том, что функциональные слова *на* и *под* указывают пространственное отношение между существительными *тарелка* и *стол*. Интуитивно это кажется удовлетворительным. Но рассмотрим теперь предложение:

Бультерьер не нападает на Немецкую Овчарку.

Человек, владеющий английским языком, может легко представить себе образы, звуки и чувства, выражаемые этим предложением. Но рассмотрим эту ситуацию с точки зрения участвующих в ней собак. Мы процитируем превосходный анализ этой ситуации, принадлежащий Грегори Бейтсону:

В иконической коммуникации нет ни времени, ни простого отрицания, ни указателей модальности.

Отсутствие простого отрицания заслуживает особого интереса, поскольку оно часто вынуждает организмы говорить обратное тому, что они имеют в виду, чтобы выразить таким образом, что они хотят обратного тому, что говорят.

Две собаки приближаются друг к другу, и им надо обменяться сообщением «Мы не собираемся бороться». Но единственный способ, которым можно упомянуть борьбу в иконической коммуникации, – это показать клыки.

Грегори Бейтсон, *Стиль, изящество и информация в примитивном искусстве* (в книге *Этапы экологии разума*), стр. 140-141).

Два нелингвистических существа (Бультерьер и Немецкая Овчарка) стоят перед проблемой – как сообщить об отсутствии или отрицании действия в системе коммуникации, не содержащей отрицания, которым пользуются лингвистические системы человека. Суть дела в том, что в ПД – единственной области, в которой действуют два животных – нет отрицания.

Читатель, знакомый с тем, как НЛП применяется к подсознанию, осознаёт это положение вещей в других контекстах. В анализе эффективной коммуникации человек, использующий в своей речи отрицание, должен упомянуть в точности ту вещь или то действие, которых он не хочет, а затем отрицать то, что его слова стимулировали у слушателя, – пользуясь той или иной формой отрицания. В наивном использовании языка это приводит к типично шизогенному классу коммуникации, когда, например, родители говорят детям:

Не играй с огнем!

Это предложение вызывает у ребенка, посредством естественных процессов осмысления на подсознательном уровне, *образы, звуки и ощущения* игры с огнем (то есть ребенок видит образ огня, чувствует его жар, слышит его треск, а затем ощущает в себе стремление поиграть с ним). К несчастью для этого ребенка, взрослый, выражающий отрицание, то есть указание НЕ делать чего-то, стимулирует этим взрослым предложением именно это действие ребенка. В самом деле, эта последовательность слов стимулирует в точности те представления, которые родитель НЕ хочет стимулировать и против которых он направляет свои указания. С точки зрения восприятия ребенка, взрослый предлагает некоторые представления, а затем указывает, что эти представления НЕ дозволяются. Ребенок оказывается зажат между выполнением названных действий и указанием их НЕ выполнять.

Более умная, эффективная и конгруэнтная стратегия взрослого, желающего сообщить ребенку, что предстоящее (или будущее) поведение (*игра с огнем*) нежелательно, состояла бы в том, чтобы назвать другую деятельность, подходящую к контексту, к ребенку и к намерению взрослого и исключаящую ту деятельность ребенка, которую взрослый хочет предупредить, например,

*Собери все спички, положи их сюда на стол, и мы
построим из них дом!*¹⁴

Хотя мысленные карты имеются на обоих описанных нами уровнях (ПД и следующих за ним лингвистических отображениях), мы привели этот пример, чтобы объяснить одно из существенных различий между множеством неврологических отображений, происходящих между рецепторами и ПД, и множеством лингвистических отображений, происходящих между ПД и привычными для нас мысленными картами, следующими за лингвистическими отображениями. Первичный опыт (и связанные с ним отображения на ПД) не имеет представления для отрицания, и этим резко различается от лингвистических отображений, обычных в нашем повседневном опыте.

В виде завершающего примера этих основных различий рассмотрим контраст между двумя следующими «силлогизмами»:

Силлогизм А (паттерн сознательного мышления из классической дедуктивной логики):

Все женщины смертны.

Николь – женщина.

Николь смертна.

Силлогизм Б (паттерн подсознательного мышления, из еще не объясненной логики):

Птицы летают.

Слова летают.

Птицы – это слова.

Первый силлогизм типичен для лингвистики сознательного мышления, то есть для построения логических паттернов, в то время как второй по-разному обнаруживается в сновидениях, в поэзии, в шизофренической напыщенности и в пленарном докладе авторов этой книги на всемирной конференции по психотерапии в Вене в июле 1999 года. Силлогизм А – это одна из форм правильного дедуктивного мышления, применяемого в сознательных словесных рассуждениях и впервые явно кодированного в греческой традиции. Силлогизм Б, с нашей точки зрения, относится к множеству паттернов ассоциативной логики обычно подсознательного, не опосредованного лингвистически мира ПД.

Разумеется, Фрейд пользовался термином «первичный опыт» для описания результата неврологических преобразований – которые мы называем ПД. Вторичный опыт означает опыт, уже обработанный лингвистическими преобразованиями.

Мы предложили несколько примеров различий в логических типах между неврологическими преобразованиями и преобразованиями, выполняемыми языком. Хотя между логиками, управляющими продуктами этих двух больших множеств преобразований (неврологических и лингвистических), имеются и другие весьма примечательные различия, приведенных выше примеров достаточно, чтобы мотивировать различие этих двух классов преобразований.

Но, конечно, наша более общая точка зрения не зависит от того, как называются эти различия. Есть три множества событий, подлежащих оценке (вместе с отображениями внутри них и между ними):

МИР

Первый доступ

Лингвистически опосредованные описания ПД

Далее, к этому упорядочению на различных уровнях нетрудно прибавить другие виды деятельности – добавочный анализ, формальный или математический, использование приборов или измерений и т.д.

Некоторые следствия эпистемологических соображений.

Неверно полагать, будто задача физики – узнать, какова природа. Физика занимается тем, что мы можем сказать о Природе.

Нильс Бор, цитируется по книге *Восхождение науки* Брайана Силвера, стр. 36.

Бор занимает удивительно консервативную позицию по отношению к области деятельности (физике), в которую он внес столь важные вклады. Мы полагаем, напротив, что физика в самом деле имеет своей целью кодирование паттернов внешнего для нас мира. Такая деятельность началась с качественных наблюдений над отношениями в ПД. Когда эти отношения становятся более понятными, переходят к количественному представлению способов образования паттернов. Следующая фаза, как правило, состоит в развитии стандартизованных измерений и в проектировании экспериментов для проверки явных, а затем и неявных следствий тех объяснительных систем, на которые отображается это построенное паттернов – так называемых теорий. Строятся приборы, позволяющие измерять описываемые теорией процессы, происходящие вне ПД – то есть вне нашей способности непосредственно (без приборов) обнаруживать, чувствовать и измерять. Когда накапливаются выводы этой последней фазы, несовместимые с наблюдениями ПД, физик постулирует сущности, находящиеся вне ПД – гипотетические элементы, позволяющие описать обнаруженное построение паттернов, а затем объяснить его в расширенной теории.

Например, когда мы писали первый набросок этой книги, лаборатория CERN (главный исследовательский центр Западной Европы, находящийся в Швейцарии, занимающийся фундаментальными исследованиями в физике элементарных частиц) почти готова была объявить, что они открыли последний недостающий гипотетический элемент стандартной теории – бозон Хиггса. Эта частица была первоначально предсказана лишь потому, что она заполняла пробел в этой стандартной теории, делая ее полной и последовательной. Ученые CERN были весьма вдохновлены тем, что им удалось обнаружить события, которые они считали первым физическим доказательством подлинного существования этого теоретически необходимого объекта.

Если эти наблюдения подтвердятся, этот объект займет свое место наряду с другими частицами стандартной теории, экономно объясняющей, как надеются физики, все физические явления; но этому элементу безусловно не соответствует никакое явление в ПД.

Важно иметь в виду, что различия между видимостью и действительностью – это в точности область деятельности физики в ее нынешней форме. Столь же важно заметить, что когда физики переходят от наблюдения к описанию, а затем к объяснению, то их работа подчиняется тем же лингвистическим преобразованиям, что и в других дисциплинах. Это происходит потому, что основные виды их описа-

ния и объяснения необходимым образом включают неврологические и лингвистические преобразования, свойственные людям (а также производные формы лингвистического кода, такие как математика, логика и т.д.). Таким образом, в эти аспекты их работы с полной силой входят неврологические и лингвистические преобразования.

С нашей точки зрения, наиболее убедительные аспекты таких дисциплин как физика состоят в следующем:

1. Постоянно применяется стратегия инструментального наблюдения, отображающая в ПД части электромагнитного спектра, лежащие вне ПД, и таким образом становятся возможными наблюдение и установление паттернов.
2. Развертываются также инструментальные наблюдения, дающие доступ к очень большому и очень малому, очень быстрому и очень медленному, то есть к тем аспектам мира, которые в некоторых случаях попадают в узкие пределы восприятия ПД, но вследствие значений соответствующих переменных – размера, скорости и т.д. – наш сенсорный аппарат, унаследованный от истории нашего вида, не способен отобразить их на ПД.

Практические успехи приложений этих абстрактных физических теорий напоминают нам, что хотя мы никогда не получим прямого сенсорного доступа к реальному миру, возможно все же обнаружить и кодировать паттерны, по-видимому, действующие в нем, что ведет к важным практическим успехам.

Стратегии инструментального наблюдения и измерения, переплетенные между собой, придают физике и связанным с ней областям науки особый эпистемологический статус *в тех областях их деятельности, где применимы эти стратегии*. В настоящее время это единственные виды деятельности, какие могут претендовать на приближение к прямому соприкосновению с реальным миром (как бы ни были странны области такого соприкосновения). Это вытекает из того, что приборы не подвержены тем неврологическим преобразованиям, которые определяют события в ПД.

Рассмотрим теперь выводы из вышеизложенной эпистемологии, касающиеся неврологии. Мы полагаем, что они составляют еще один шаг, удаляющий область деятельности этой дисциплины от реального мира. Дело в том, что значительное большинство ее предметов не имеет прямого соприкосновения с миром. И в самом деле, они относятся к двум областям:

1. Во-первых, это множество отображений между реальным миром, изучаемым физиками, и ПД. С нашей точки зрения, задача неврологии – установить структуры и функции неврологических преобразований. Конечные результаты ее должны позволить нам понять систематическое образование паттернов, создающее тот прямой опыт, который мы называли ПД.
2. Во-вторых, это отношения между преобразованными элементами ПД. Оказывается, что ПД отражает паттерны, хотя и отчасти независимые от мира физиков, но все же несущие в себе свою собственную неумолимую логику – внутреннюю логику, навязываемую организацией нервной системы человека.

Обратим теперь внимание, в свете нашей эпистемологии, на работу лингвистов, логиков, математиков и т.д. Их задача также состоит из двух областей:

1. Во-первых, отображения между ПД и мысленными картами, которые подавляющее большинство людей принимает за действительность. Это и есть в самом деле их действительность. Их позицию хорошо выразил лингвист Дерек Биккертон:

Конфликты между представлениями мучительны по многим причинам. На весьма практическом уровне, мучительно иметь модель действительности, расходящуюся с моделями окружающих. Но почему бы это должно было беспокоить людей, если модель – это всего лишь модель, наилучшая догадка о действительности, какую делает каждый из нас? Потому что никто ее не рассматривает таким образом. Если модель – это единственная действительность, какую вы можете знать, то эта модель и есть действительность, а поскольку действительность может быть только одна, то человек с иной моделью должен быть неправ.

Ответом на вызывающий вопрос Биккертона являются в точности те соображения, которые мы высказали выше по поводу специальных эпистемологических операций инструментального наблюдения и измерения, применяемых физиками. В этом специальном контексте они в самом деле имеют большое значение.

2. Во-вторых, образование паттернов внутренней логики естественного языка и его производных – формальных систем, которые мы развили и постоянно налагаем на ПД (примером является синтаксис естественного языка).

С этой последовательностью профессий связаны различные виды деятельности. Такие дисциплины, как физика, химия, физиология и т.д. представляют систематическое исследование множества отображений между миром и специальным множеством мысленных карт, называемых теориями. Как правило, эта деятельность происходит в нескольких фазах или на нескольких уровнях, хотя эти различия вообще не воспринимаются отчетливо и недостаточно глубоко оцениваются. Как указано выше, такая деятельность обычно начинается с наблюдений над элементами множества, определяемого результатом неврологических преобразований (ПД). По мере того как эти наблюдения становятся более изощренными, в них играет все возрастающую роль инструментальное наблюдение и измерение, помогающее работе исследователей. Операции наблюдения и измерения доставляют таким ученым второе описание мира. Как уже было сказано, эти операции (инструментальные наблюдения и измерения) имеют особый эпистемологический статус, поскольку они отличаются рядом признаков от всех видов прямых наблюдений (в пределах ПД). Укажем два различия:

1. Эти операции не подвержены прямому действию нормальных неврологических преобразований, определяющих человеческую нервную систему.¹⁵
2. Эти операции выполняются внешним образом, и их результаты как правило отображаются единым и однозначным объектом – некоторым числом или множеством чисел, достаточно прочным, чтобы пройти через наши нервные преобразования без существенной деградации.

При выполнении этих отображений происходят сравнения между миром и нашим нормальным опытом – ПД; в этих сравнениях используются специальные эпистемологические операции, называемые инструментальным наблюдением и измерением. Конечной целью этой работы является действенная модель отношений между элементами самого мира, а не между элементами ПД.

Когда ученый пытается описать различия, получаемые при сравнении нормальных наблюдений над ПД и этих специальных эпистемологических операций, его деятельность подвержена второму множеству преобразований. Более конкретно, это лингвистические преобразования и их производные – лингвистика, математика, логика и т.д. Эта часть научной деятельности явно относится к множеству эпистемологических операций высшего порядка – более удаленных от образования паттернов в реальном мире.

Множество неврологических преобразований между деятельностью на уровне рецепторов и ПД – это область невролога, анатома, физиолога и т.д., которую можно считать эпистемологической деятельностью, отстоящей на шаг дальше от паттернирования реального мира. Опять-таки, когда невролог начинает объяснять свои результаты – самому себе или коллегам – то его поведение относится к еще более высокому уровню эпистемологической деятельности, а именно, к лингвистическим преобразованиям (и их производным).

На вершине всех этих видов профессиональной деятельности находятся такие дисциплины, как лингвистика, логика, математика и т.д., предметом которых является множество отображений между ПД и результатом лингвистически опосредованных отображений, а также отображений внутри самой области лингвистической деятельности и ее производных. Эти операции не свидетельствуют о самом мире, а лишь об отображениях между ПД и нашим описанием мира, а также об отображениях, происходящих в области самого описания.

Выводы о Нейролингвистическом Программировании.

НЛП как дисциплина представляет собой операционную эпистемологию высшего уровня; его область включает отображения внутри ПД, между ПД и лингвистически преобразованными представлениями, а также образование паттернов во множестве лингвистических преобразований и преобразований высшего порядка. Например, множество преобразований естественного языка, именуемое синтаксисом, есть одно из важнейших множеств отображений f^2 , формирующих конечный продукт – наши лингвистически опосредованные мысленные карты. Совершенно ясно, что областью, в которой определяются паттерны НЛП, являются представления. Заметим, что это истолкование НЛП с его операциями как множества эпистемологических операций высшего порядка означает, что НЛП оперирует единственно и исключительно представлениями (мысленными картами) *и ни в одном пункте не касается каких-либо вопросов о природе реального мира*. Область НЛП состоит из представлений, и только их одних. Отображения, входящие в эту область, – это отображения, соединяющие ПД с различными описаниями ПД и его внутренних отношений.

Такое, следовательно, эпистемологическое положение НЛП. На обоих уровнях, на уровне ПД и на уровне лингвистических преобразований, мы оперируем представлениями – мысленными картами – но никогда не занимаемся самим миром. Очевидно, таким образом, что областью Нейролингвистического Программирования (НЛП) являются представления, а применение паттернов НЛП есть не что иное, как манипуляция такими представлениями. Это было высказано Бендлером и Гриндером в книге, положившей начало НЛП:

Люди живут в реальном мире. Но мы не оперируем этим миром прямо и непосредственно, а оперируем картой или рядом карт, служащих для руководства нашим поведением. Эти карты, или системы представления, неизбежно отличаются от моделируемой ими территории.... Когда люди приходят к нам на терапию, выражая страдание и недовольство, то испытываемые ими ограничения относятся, как правило, к их представлению мира, а не к самому миру.

Бендлер и Гриндер, *Структура магии*, т. I, стр. 179.

Бегло просматривая последствия развитой выше эпистемологии для практики НЛП, мы обнаруживаем, между прочим, следующее:

1. О центральной деятельности НЛП, моделировании – то есть отображении подсознательного знания в явное знание – следует заметить, что любое моделирование содержит в себе некий произвол. Если задан некоторый сложный способ поведения, и особенно некоторое множество динамических взаимодействий между людьми, то существует очень много способов формирования таких взаимодействий, создающих из них модель. Этот произвольный характер моделирования ограничивается несколькими переменными, сужающими такой произвол, хотя эти ограничения нисколько не придают этому процессу детерминистского характера.

Достаточно привести конкретный пример. Возьмем обычную и довольно простую механическую систему – карманный фонарик. Рассмотрим следующие две модели или описания одного и того же фонарика:

Модель А – фонарик. Поздравляю вас, вы только что купили великолепный фонарик Эверлайт. Действие вашего Эверлайта – сама простота: вам надо только нажать на серебряную полоску со стороны стекла. Готово! Теперь вам светло даже в абсолютной темноте. Не забудьте, что перед действием выключателя надо вложить в это устройство две батареи.

Модель Б: Фонарик. Этот механизм состоит из простой цепи, соединяющей источник тока (2 или более батарей «С»), включенных последовательно) с лампой накаливания, помещенной в конце механизма. Простая скользящая рукоятка, продвинутая к концу, где находится лампа, замыкает цепь и включает лампу, создавая источник освещения.

Конечно, обе эти модели или описания полезны, хотя и служат совершенно разным целям. Это указывает на важность цели или намерения в деятельности, именуемой моделированием, и на тесно связанный с ней вопрос о словаре, на который отображается моделирование превосходства.¹⁶

Это легкое упражнение в описательном кодировании показывает, насколько важно выявить в процессе моделирования намерение моделировщика. Еще более важно требование проверить модель, действительно представив ее учащимся, и получить возникающую из нее обратную связь, с помощью которой моделировщик наблюдает работу учащихся и делает выводы, какие модификации кодировки этой модели могут облегчить усвоение и тем самым улучшить самую модель.

2. Как уже было сказано, мы хотим сосредоточить внимание на том факте, что НЛП ни в каком аспекте своей работы не соприкасается с реальным миром. Область деятельности НЛП, как в его основной работе моделирования, так и в его разнообразных приложениях, например, в работе по изменению – личному, терапевтическому, или профессиональному, относящемуся к большим и могущественным организациям (корпорациям, учреждениям, даже странам) – состоит из представлений и *ни из чего иного*.

Приведем пример, какие освобождающие последствия имеет эта эпистемология в конкретной области применения. Профессиональный терапевт сталкивается во многих случаях своей карьеры с клиентами, испытывавшими ужасные переживания бесчеловечных действий. Поставьте себя в перцептивное положение такого терапевта: перед вами находится человек, переживший многочисленные акты личной агрессии, травмированный беженец из Боснии, Северной Ирландии, Афганистана, Руанды или из пригорода Лос-Анджелеса. Человек, находящийся перед вами, пытается спастись от ужаса своего прошлого. Вследствие этих травм он не способен мобилизовать свои ресурсы и стереть последствия пережитого, чтобы войти в продуктивную, и даже творческую фазу жизни и развития личности.

И вот, если профессионал не понимает, что его дело – манипулировать представлениями, составляющими область, на которой определено применение паттернов НЛП (или любой системы изменения), то его задача буквально невозможна. Как может он помочь клиенту изменить грубые переживания его личной истории – нападения, насилия, оскорбления и т.д. – все эти события, которые действительно произошли в прошлом, и недостижимы для настоящего?

Ответ, конечно, обезоруживающе прост: достаточно заметить, что ни одно из этих ужасных переживаний, происшедших в прошлом, не происходит сейчас. Что происходит в настоящем – это то, что клиент сохраняет в себе представления (образы, ощущения, звуки, запахи и вкусы) этих переживаний, и что всякая попытка продвижения к продуктивному, правильному поведению включает, реактивирует (посредством довольно хорошо изученного явления, которое мы называем в НЛП якорением) эти представления, перемещая их из прошлого в настоящее.

Понимая все это, терапевт способен создать контекст, в котором клиент сможет освободиться, быстро и окончательно, от этих уже неуместных реакций. Как можно полагать, никто не способен принимать и терпеть такое оскорбительное поведение; но мы способны, осознав, что представление не тождественно с представляемым предметом, систематически и этично манипулировать этими представлениями, чтобы клиент освободился от этих препятствий и перешел в своей жизни к новым переживаниям, более удовлетворительным и творческим, не обремененным его личной историей. Таков подлинно освобождающий, творческий выбор как для клиента, так и для терапевта.

Различие между наукой и другими законными видами человеческой деятельности.

Приведенный выше комментарий «ничего больше»^{*} несколько не удивителен в свете предложенной нами эпистемологии; он имеет значительно более широкие приложения. Хотя все науки рассматривают увлекательные эпистемологические операции измерения и инструментального наблюдения как нечто единственное в своем роде и заслуживающее особого обращения, их областью является *лишь представление*. Рассмотрим даже такие специализированные области исследования, как физика. Как

---

^{*} В подлиннике nothing more, намек на стихотворение Эдгара По «Ворон». (Прим. перев.).

только из приборов, предназначенных для установления и численной оценки изучаемых явлений, возникают надежные числа, дальнейшая деятельность производится или интерпретируется в языке и его формальных производных – математике и т.д. Это ставит деятельность ученого в полную зависимость от преобразований, что вносит дальнейшую неопределенность, поскольку вклад самих преобразований неизвестен.

Констатация этого факта имеет немедленные и конкретные следствия, и в том числе похороны – как мы полагаем, окончательные – особенно зловредного наименования под названием *истина*. Некоторых ее смерть тревожит. Других же она освобождает.

Поспешим прибавить, что эта эпистемология может быть понята иначе, чем мы ее понимаем, в так называемых релятивистских или конструктивистских центрах мышления, откуда может произойти нежелательная расплывчатость, смазывающая важные различия. В частях II и III этой книги мы развиваем и предлагаем специальные практические приемы, конгруэнтное применение которых может позволить моделированию НЛП, с его особой концентрацией на крайностях человеческого поведения (гении), занять свое надлежащее место наряду с другими систематическими и научно обоснованными подходами к изучению человеческого поведения. Мы устанавливаем и разъясняем некоторые свойства, отличающие научно обоснованные дисциплины от тех, которые не связаны ограничениями этого рода. Многие формы человеческой деятельности, не связанные такими ограничениями, имели важное значение в истории нашего вида, например, религия. Приведем следующее мнение:

Из электронного письма, полученного от Американской Ассоциации Развития Науки, я узнал, что целью этой конференции должен быть конструктивный диалог между наукой и религией. Я всячески приветствую диалог между наукой и религией, но не конструктивный диалог. Одно из великих достижений науки состоит в том, что хотя она и не сделала невозможным для умных людей быть верующими, она по крайней мере сделала для них возможным не быть верующими. От этого достижения мы не должны отказываться.

Стивен Вайнберг *A Designer Universe*
Нью-Йоркское книжное обозрение,
том XLVI, №16, стр. 46.

Некоторые релятивисты или конструктивисты могут ухватиться за те или иные части нашего изложения эпистемологии. Поскольку любое знание, по определению, может достигнуть статуса знания лишь пройдя через два больших множества преобразований, определяющих существование человека – неврологических (до ПД) и лингвистических (после этого), то они могут утверждать, что нет существенной разницы между научным знанием и религиозным «знанием». Здесь приходят на ум раздающиеся теперь параллельные монологи креационистов и биологов-эволюционистов по поводу принятых в Соединенных Штатах школьных программ.

Такие заключения мы отбрасываем. Мы не имеем намерения смазывать это важное различие. Мы просто указываем, что в этих решительно высказываемых, но фундаментально различных мнениях, заслуживают они имени *теории* или нет, имеются некоторые существенные различия, связанные с их образом действий. Точка зрения, которую мы развиваем здесь, подчеркивает важность сохранения и укрепления этих различий.

По определению любой научной деятельности, ее участники считают необходимой и естественной частью своей принадлежности к научному сообществу определенную дисциплину публичного изложения. Они обязаны не только сообщать свои заключения, но, что крайне важно, также свои процедуры. Это позволяет другим исследователям проверить и подтвердить (или нет) эти заключения способом, более или менее повторяющим первоначальные наблюдения или эксперименты. В таком случае расхождения разрешаются не обращением к авторитету, письменному или устному, живому или мертвому, и не аргументами, ссылающимися на личную интуицию, но обращенными к внешнему миру систематическими наблюдениями, экспериментами и отчетами о такой работе в стандартных, доступных публичных формах.

Трудно указать, где расхождения во мнениях в области религии (часто называемые верованиями) подвергаются обсуждению с публичным изложением результатов и процедур – если это вообще когда-нибудь случается. Точно так же никто не считает себя обязанным разрешать такие расхождения система-

тически наблюдениями и экспериментами. Трудно даже представить себе, какие данные – если они вообще существуют – могли бы изменить мнение так называемого сторонника жизни, то есть противника аборта или, если уж на то пошло, так называемого сторонника выбора, то есть сторонника аборта. Расхождения во мнениях, заслуживающие внимания всех разумных и благонамеренных участников этих споров, должны были бы разрешаться с соблюдением процедурных требований любой научно обоснованной деятельности – с публичным изложением результатов, процедур исследования и оснований для формулировки и проверки гипотез.

И, разумеется, мы предлагаем окончательное погребение наименования *истина*.

Примечания к Главе 1 Части I

1. Читатель, знакомый с литературой НЛП, узнает здесь (под названием ПД) то, что мы исторически обозначали в НЛП как «четверку» – это наименование было определено неприятно для читателей, не занимавшихся теорией автоматов.
2. В самом деле, иллюзия определяется как различие между нашим сенсорным восприятием некоторого аспекта мира и доказуемыми данными эпистемологически привилегированной деятельности, такой как инструментальное наблюдение и измерение.
3. Это версия классического эксперимента Густава Фехнера, лейпцигского физика, который формулировал приведенную в тексте закономерность – постоянное отношение разностей между весами, определенными специальными эпистемологическими операциями (взвешиванием с помощью стандартного прибора, весов с пружинной шкалой), и человеческими ощущениями. Интенсивность ощущения пропорциональна логарифму стимула. Он назвал это законом Вебера, по имени более раннего исследователя, детально изучившего этот вопрос, но без формализации указанного отношения. Формулировка закона Вебера, данная Фехнером, предшествует этой книге на 150 лет.
4. Исключением является множество инструментальных наблюдений и измерений. Они имеют особый эпистемологический статус, поскольку не подвергаются тому же множеству неврологических преобразований, как все прямые наблюдения и непосредственный опыт. Эта точка зрения более подробно развивается в книге: *RedTail Math: эпистемология повседневной жизни* (предварительное название), Гриндер и Бостик, 2002.
5. Мы знаем, что с помощью дисциплины, тренировки и, возможно, использования гипнотических паттернов можно влиять на части физиологии, находящиеся на уровне, заведомо предшествующем ПД. Этот предмет, конечно, выходит за пределы нашей книги.
6. В изложении Кожибского есть неясность, относится ли его понятие территории к тому, что мы здесь называем ПД, или к самому подлинному миру. Более общее различие между неврологическими преобразованиями и лингвистическими преобразованиями, которое мы здесь проводим, не зависит от понимания текста Кожибского.
7. Единственное исключение составляют ономотопэтические термины, такие как «шлёр», в которых звуковая последовательность, по крайней мере отчасти, является слуховым отображением события, которое они называют. Иными словами, «шлёр» звучит как обозначаемое этим словом событие.
8. Например, носители японского языка, по-видимому, воспринимают западную музыку таким же способом, как повторяющиеся механические шумы. В книге Цунода *Японский мозг* можно найти поразительное описание этого, как и других подобных различий в организации мозга у носителей японского языка (и полинезийских языков) и у людей, говорящих на других языках.

9. Мы отдаем себе отчет в том, что преобразования, которые мы называем лингвистическими, в конечном счете должны иметь также и нервное представление. Различие здесь педагогическое – мотивируемое в дальнейшем тексте.
10. Мы утверждаем, что различия, осуществляемые языком, искусственны в том же смысле, как в выражениях *искусственное подразделение* или *искусственное множество*. Мы придаем этим терминам описательный, а не оценочный характер. Рекомендуем читателю прочесть более подробную аргументацию в книге *RedTail Math: эпистемология повседневной жизни* (предварительное название), Гриндер и Бостик, 2002, где приводятся доводы в пользу того, что именно способность создавать *искусственные* множества с помощью *искусственных* подразделений в значительной степени объясняет творческие способности нашего вида.
11. Полное обсуждение отношений порядка, встречающихся в приложениях НЛП, содержится в Главе 1 Части III этой книги, под названием *Отношения порядка*.
12. Мы не утверждаем, что референт некоторого существительного и его значение – одно и то же; мы говорим лишь, что полезной стратегией для оценки того, что говорится, является способность определять референты различных частей сказанного.
13. В дальнейших комментариях (см. Главу 1 Части III под названием *Логические уровни и логические типы*) мы определим логические типы более формально, чтобы уточнить различие между ними. В действительности мы предлагаем лингвистическую реформу исторически сложившегося употребления этих двух ключевых терминов.

Мы понимаем также, что предлагаем нестандартную терминологию. Более конкретно, мы приносим извинения всем логикам и математикам, читающим нашу книгу, за расхождение между стандартным употреблением терминов в их дисциплинах и тем, что мы предлагаем. Мы подчеркивали различие между иконическим упорядочением, то есть упорядочением части и целого, и тем, что мы называем логическими уровнями (порождаемыми – в нашей терминологии – упорядочением по логическому включению). Хотя имеются убедительные аргументы, свидетельствующие о различии этих двух типов иерархического порядка, и хотя устанавливаемое нами различие между ПД и структурами после ПД не меняется, употребление терминов здесь очевидным образом нестандартно.

Мы пытаемся преодолеть здесь две трудности. В течение более двух десятилетий термин *логические уровни* использовался в НЛП весьма неопределенным образом, хотя мое личное употребление его (ДГ) было последовательным. Я обучил значительное число практиков, принявших эту терминологию. Поэтому заслуживает крайнего сожаления то обстоятельство, что я, будучи последователен в моем способе выражения, в то же время полностью разошелся со стандартной терминологией логики. Таким образом, вследствие моего невежества в стандартной логической терминологии, я по недосмотру применял термин *логические уровни*, используемый логиками для обозначения отношения упорядочения части и целого, к совершенно иному отношению, логическому включению; отношение же части к целому я называл попросту этими словами, или иконическим отношением. Поэтому наша терминология расходится здесь со стандартным употреблением терминов в теории множеств, формальной логике и т.д.

14. Конечно, взрослый должен будет дать указания ребенку, как можно и как нельзя играть со спичками и другими огнеопасными предметами, обсудив этот вопрос отдельно. Можно предположить, что это произойдет, когда взрослый и ребенок будут находиться в контексте и в состояниях, допускающих такие указания. Возможно, это будет сопровождаться объяснением или демонстрацией последствий НЕЖЕЛАТЕЛЬНОГО поведения ребенка – то есть игры с огнем. Очевидным образом шизогенное поведение – это стимулировать у ребенка внутреннее представление того поведения, которого взрослый НЕ желает, а затем налагать запрет на стимулированное представление.

15. Из этого замечания следует, что весь содержащийся здесь замысел может приобрести большую ценность при развитии эпистемологии инструментального наблюдения. При этом один из вопросов, подлежащих исследованию, будет:

*Какие отображения или преобразования встраиваются
в конструкцию приборов?*

Пока не выполнены эти эпистемологические исследования, специальный эпистемологический статус таких операций остается не объясненным.

Далее, имеется обширная литература (например, книга *Эффект экспериментатора* Роберта Розенталя), говорящая о том, что на самый акт наблюдения подсознательно влияют предпосылки и гипотезы, которые ученые вносят в свою работу. По-видимому, это свидетельствует о назревшей необходимости исследовать проектирование приборов.

16. Мы еще раз рекомендуем читателю прочесть более развитое и подробное изложение этих вопросов в книге *RedTail Math: эпистемология повседневной жизни* (предварительное название), Гриндер и Бостик, 2002.

Глава 2: Терминология

Нейролингвистическое Программирование НЛП

(НЛП) – это технология моделирования, предметом которой является множество различий между работой гениев и работой средних исполнителей в той же области деятельности. Изучение моделирования в НЛП имеет целью превратить это множество различий в код, поддающийся передаче и усвоению.¹ Таким образом, в центре этой деятельности находится отображение подсознательного знания в явную модель. Эта метадисциплина была создана Джоном Гриндером и Ричардом Бендлером в начале 70-х годов.

Моделирование, приложение или проектирование.

В течение нескольких последних десятилетий термин *НЛП* стал обозначать, в его обычном употреблении, множество видов деятельности, включающее не только моделирование, но и применения продукта этой центральной деятельности – паттернов превосходства, кодируемых по множествам обнаруженных различий – а также обучение и тренировку в этих паттернах. Смещение смысла этого термина в некоторой степени свидетельствует о том, что его создатели не сумели разъяснить и уточнить, что такое НЛП.

Различие, о котором идет речь – то же, что различие между физикой и техникой, или между медициной и клинической практикой, или между химией и фармакологией. Например, физика есть изучение паттернов, управляющих физическими явлениями вокруг нас. Такие исследования в течение столетий привели к кодированию определенных паттернов, принципов, законов природы и т.д. Инженер, проектирующий мост, заимствует из этого запаса испытанные и проверенные паттерны (в особенности вычислительные формулы). Говорят, что он применяет законы физики, чтобы решить, каким конкретным способом должен быть построен мост. Физика – изучение основных паттернов физических явлений – может применяться в самых разнообразных случаях, от строительства мостов до проектирования внеземных транспортных аппаратов. Все это просто-напросто приложения физики.

С этим можно сравнить моделирование гениев, проведенное Гриндером и Бендлером и создавшее НЛП, что привело к ряду моделей превосходства. В этих моделях кодируются паттерны, управляющие паттернами взаимодействия людей в определенных контекстах (изменение поведения, гипноз и т.д.). Этими паттернами пользуется деловой консультант, занимаясь трудностями компании, являющейся его клиентом. Можно сказать, что он применяет этот запас испытанных и проверенных паттернов, чтобы найти конкретный способ разрешения трудностей.

НЛП – изучение основных паттернов превосходства в человеческом исполнении – может применяться (например, в контексте деловой практики) к менеджменту, стратегическому планированию, набору персонала, обращению с кадрами, проектированию новых продуктов и т.д. Все это просто-напросто приложения НЛП.

Например, метамодель следует представлять себе как приложение моделирования лингвистических паттернов, подсказанное Трансформационной Грамматикой.

Важно заметить, что в первоначальном моделировании Гриндера и Бендлера в кодирование большого числа паттернов входило множество переменных. Эти переменные (например, состояния), присущие каждой из кодируемых моделей, образуют исходный словарь, из которого составляются паттерны превосходства. Такие переменные могут применяться в качестве переменных проектирования при создании и проверке добавочных паттернов. Хотя эти добавочные паттерны большей частью оказываются вариантами первоначальных, открытых и закодированных Бендлером и Гриндером, их можно использовать для развития подлинно новых способов построения паттернов и моделей. *Новый код* (излагаемый в Части II под этим же названием) представляет собой превосходный пример чистого проекта,

чистой манипуляции этими переменными. Тем самым мы устанавливаем различие между моделированием и проектированием.

И в самом деле, с нашей ограниченной точки зрения, в общей области деятельности, именуемой НЛП^{мод*}, содержится не так уж много деятельности, которую можно по праву назвать моделированием. В действительности одним из мотивов, побудивших нас написать эту книгу, было опасение, что если не будет осознано объясняемое в этой книге различие и – что более важно – если деятельность моделирования не превратится в существо того, что вообще называется НЛП, то технология моделирования, которая произвела столь сильные паттерны, может попросту увянуть. Например, в любом семинаре высокого качества по менеджменту в США или в Западной Европе почти неизбежно встречается некоторое число закодированных паттернов мастерства НЛП, таких как системы представления, или ряд словесных паттернов. Если пробным камнем НЛП не станет обновленное моделирование и кодирование новых паттернов мастерства, то весьма вероятно, что первоначально моделированные и закодированные паттерны превосходства попросту внедрятся в различные области приложений. Когда такая интеграция завершится, самое название НЛП не будет иметь оправдания.

Таким образом, мы сталкиваемся в этой книге с трудным лингвистическим вопросом – как следует называть НЛП и его различные виды деятельности. Если мы примем обычное употребление термина *НЛП*, то будет утеряно решающее значение моделирования. Если же мы будем настаивать на различии между НЛП^{мод} и НЛП^{пр*}, то мы поплывем против течения, нарушив принятый обычай.

Ну что ж, плыть так плыть!

В этой книге мы будем применять термин НЛП как общее родовое название для всего диапазона деятельности, от моделирования до приложений и тренировки. Но во всех местах, где, по нашему мнению, различие между видами деятельности может быть важно, мы будем уточнять, что имеется в виду центральное ядро НЛП, называя его, как и выше, НЛП^{мод}, или некоторое приложение НЛП, называя его НЛП^{пр}. Иногда мы будем, далее, различать приложение от тренировки, пользуясь термином НЛП^{пр}. В некоторых случаях различие, которое имеется в виду, ясно из контекста (то есть намерение авторов объясняется окружающим текстом), так что мы сможем избежать этого искусственного приема, уточняющего наше изложение. Мы надеемся сделать различие достаточно ясным и убедительным, чтобы возбудить интерес некоторой части читателей и вдохновить их на активную деятельность в моделировании превосходства – то есть в

НЛП^{мод}

Паттерн.

В анализе моделирования НЛП главным составным элементом является паттерн – естественный продукт процесса моделирования. Сам по себе паттерн есть избыточность, как это объясняется цитатой из работы Грегори Бейтсона:

любая совокупность событий или предметов (напр., последовательность фонем, картина, или лягушка, или культура), как мы будем говорить, содержит некоторую «избыточность» или некоторый «паттерн», если эту совокупность можно подразделить с помощью некоторого «разреза» таким образом, что наблюдатель, воспринимающий лишь то, что находится по одну сторону разреза, может угадать с более чем случайным результатом, что находится по другую сторону... Или, опять-таки с точки зрения кибернетического наблюдателя, информация, доступная по одну сторону разреза, ограничивает (то есть уменьшает вероятность) неверной догадки.

Грегори Бейтсон,

Этапы экологии разума, стр. 131.

Проект моделирования НЛП, таким образом, всегда выдает в качестве продукта (по меньшей мере) некоторый паттерн.

· Моделированием НЛП (Прим. перев.).

· Приложением НЛП. (Прим.перев.).

Рассмотрим в качестве повседневного примера поведение птиц, переходящих от сидения на насесте к полету. В эту последовательность действий всегда входит момент, когда они отталкиваются от поверхности, где они сидели, чтобы лететь. Таким образом, если бы потребовалось описать деятельность птицы, начиная с сидения и кончая полетом, то мы могли бы отметить разрез между двумя частями этого описания – момент, когда птица отталкивается от поверхности и начинает полет.

Типичная форма приложения паттернов НЛП составляет частично или полностью упорядоченную последовательность предложений (большой частью указательных, а не повествовательных); эти предложения содержат переменные, определяющее, чем надо манипулировать, и инструкции, какие операции надо выполнить над этими переменными. В контексте приложений термин *формат* часто используется как синоним термина *паттерн*.

Более глубокий анализ подлинных паттернов приложений обнаруживает, что они в действительности состоят из ряда ключевых моментов, указывающих, на чем и каким образом следует сосредоточить внимание клиента, или внимание терапевта, или внимание обоих.

Из этого обсуждения вытекает весьма конкретное заключение. Мы утверждаем, что все паттерны, предложенные в моделировании НЛП и содержащиеся в литературе или в устном изложении, удовлетворяют трем следующим минимальным требованиям (или их эквивалентам):

Изложение образования паттерна

1. Описание паттерна – это сенсорно обоснованное описание элементов паттерна и их необходимого порядка (то есть последовательности, в которой эти элементы должны быть применены – исторически в НЛП она состояла из шагов некоторого формата, определявшего, что практик должен делать на первом шаге, на втором и т.д.).
2. Последствия использования паттернов – это сенсорно обоснованное описание, каких последствий исполнитель может ожидать при конгруэнтном применении паттерна.
3. Критерии выбора – это указание условий или контекстов, в которых уместны выбор и приложение этого паттерна (насколько это знает моделировщик в данный момент) – например, в области работы изменения здесь проводится различие между уместностью паттерна для изменения первого или второго порядка.² Это описание должно включать любые возможные противопоказания (условия, при которых данный паттерн настоятельно рекомендуется НЕ выбирать и НЕ применять).

Предлагая предыдущий формат «изложения паттерна», мы хотим создать стандартный формат, в котором моделировщики смогут сообщать свои результаты (паттернирование) способом, позволяющим легко оценить их работу, их способность построить на ней дальнейшее паттернирование и ясную процедуру ее применения. Включение критериев выбора предназначается именно для того, чтобы развить, уточнить и поддержать эту менее развитую часть отчетов о паттернировании в НЛП^{мод}.

Модель

Более типичным продуктом проекта моделирования НЛП, чем отдельный паттерн, является набор паттернов, то есть модель. Модели следует строго отличать от двух связанных с ними понятий – реплик и теорий.

Модель просто соответствует значению этого слова – это описание некоторой части поведения источника, отображение сложного множества взаимодействий на меньшее множество элементов. Таким образом, полученное описание всегда является сокращенным описанием сложного поведения источника. В этом различие между репликой и моделью. Модель НЕ является попыткой установить изоморфное отображение исполнения источника на его предполагаемое описание. В самом деле, ценность паттерна или модели состоит в том, что она доставляет заинтересованной стороне упрощенное описание сложного поведения самого источника. Сокращение при этом существенно, это нужно, чтобы паттерн

или модель поддавались достаточно эффективной передаче и усвоению. Отображения без сокращений называются репликами.

Надо предупредить читателя о различии между сокращенным представлением и редукционизмом. Редукционизм – это направление (имеющееся во многих дисциплинах), которое стремится свести построение паттернов в своей области к фиксированному множеству элементов, как правило, на другом уровне описания, рассматриваемом как более фундаментальный или элементарный. Редукционизмом является любая попытка отобразить паттерны биологических явлений в чисто химическое и физическое описание.

Сокращенное представление не обязательно предполагает фиксированное множество элементов или фиксированный словарь. Существенно лишь то, что отображение, выполняемое моделировщиком НЛП в фазе кодирования (если оно успешно) есть отображение сложного поведения мужчины, женщины или группы (изучаемых как источник паттернов превосходства) на некоторую модель, просто игнорирующую те аспекты исполнения источника, без которых учащийся может воспроизводить превосходное поведение первоначального источника в контексте моделирования. Это в основном сортировка, отделяющая существенные аспекты лица или группы, служащих источником паттернов, от их случайных аспектов, то есть сокращенное представление в очевидном смысле этого выражения.

Набор паттернов или моделей, возникающий из моделирования превосходства, резко отличается не только от реплик, но в некотором важном смысле также и от теорий. Например, теории подчиняются ряду критериев, по которым они оцениваются, в том числе критериям внутренней связности, отчетливости, изящества (минимальное описание в смысле бритвы Оккама) и соответствия «действительности», или, как иногда выражаются, «истине»... Модели устроены проще; единственный критерий для их оценки (во всяком случае, принятый до сих пор) состоит в следующем:

Работает ли этот паттерн или эта модель – то есть поддается ли она усвоению, и проявляет ли учащийся поведение, подобное по результатам и качеству поведению источника, от которого заимствована модель?

Набор паттернов, связанных некоторым общим принципом, или принципами, называется моделью, причем можно различить два класса моделей:

1. Класс паттернов, моделированных по одному и тому же источнику. Например, паттерны, открытые и закодированные Бендлером и Гриндером по их наблюдению, усвоению и проверке конкретных стратегий, применявшихся доктором Эриксоном, были названы Милтон-моделью.
2. Класс паттернов, проектируемых для одной и той же функции. Например, гипнотические паттерны, общая цель которых – прямая коммуникация с подсознанием человека, которому они адресуются, без его сознательного участия. Сюда входят не только паттерны, моделированные Гриндером и Бендлером в их развернутом исследовании работы доктора Эриксона, но также паттерны, спроектированные с помощью переменных, открытых в этом моделировании и в других источниках гипнотических паттернов.

Термин *модель* систематически используется в НЛП неоднозначным образом; как сказано выше, он может относиться к набору паттернов (например, к Милтон-модели), или к источнику вдохновения при этом образовании паттернов (которым был в этом случае сам доктор Милтон Г. Эриксон).

Как наборы паттернов, связанных некоторым принципом (или принципами), модели могут быть чистыми или гибридными; мы говорим о чистой модели, когда все паттерны этого набора имеют общий источник (как в случае Милтон-модели), тогда как термин *гибрид* мы применяем к набору паттернов, имеющему более одного источника. Примером гибридной модели является метамодель (источниками которой являются, в частности, Перлс, Сатир и трансформационный синтаксис).

Резюмируя все эти замечания, мы получаем центральную деятельность НЛП – моделирование (НЛП-мод) – создающее множества паттернов или модели. Значительное большинство видов деятельности, рассматриваемых в настоящее время как НЛП, это приложение и тренировка – более конкретно, приложение и тренировка в образовании наборов паттернов или, что то же, моделей, происходящих из

проектов моделирования в конкретных областях деятельности (например, таких как изменение личности – либо с целью исправления, либо для оптимизации исполнения, – деловая практика, спорт, медицина, искусство и т.д.).

Исторические модели: Классический код и Новый код.

В истории нашего предмета продукты моделирования назывались по-разному – паттернами, форматами и стратегиями. В этой книге мы различаем классический код НЛП и новый код НЛП. Эти термины надо понимать следующим образом:

1. Классический код – это множество паттернов, закодированных Гриндером и Бендлером в период их сотрудничества (с 1973 по 1979 год), когда была создана область моделирования НЛП посредством первоначального моделирования гениев (Перлс, Сатир, Эриксон и т.д.). Важно заметить, что паттерны, типичные для этого периода сотрудничества, являются смесью двух типов:
  - а. Паттерны, моделированные непосредственно по указанным выше источникам.
  - б. Паттерны, спроектированные Гриндером и Бендлером посредством манипуляции основными переменными, открытыми и частично закодированными в результате их первоначального моделирования гениев, вдохновившего их на исследование превосходства.

Заметим, что этот второй источник построения паттернов не является моделированием в определенном здесь смысле, а проектированием – более конкретно, манипуляцией переменными, открытыми в первоначальном моделировании, с использованием этих переменных в качестве главных переменных проектирования при создании новых паттернов.

2. Новый код: это первоначальный набор паттернов, спроектированный в 1984-1986 годах Гриндером и Делозье в период их сотрудничества, с дальнейшими расширениями и уточнениями.

С 1986 года Гриндер продолжал расширять, уточнять и проектировать добавочные способы образования паттернов, совместимые с характеристиками нового кода. С 1989 года он сотрудничал в этой работе с Кармен Бостик С-т Клер. В это время Бостик С-т Клер и Гриндер сосредоточили также свои усилия на моделировании и проектировании паттернов превосходства в контексте больших организаций (компании, учреждения и в некоторых случаях правительства).

Таким образом, классический код и новый код – это примеры моделей.

Первый Доступ (ПД).

Первый доступ определяется как первое место, где мы получаем доступ к информации о мире. Например, для зрительной системы, как показывают лучшие современные неврологические исследования, это происходит в участке (V-1) затылочных долей, где двумерный поток импульсов перестраивается, производя трехмерный образ (блестящее описание этих процессов см. в работе Гофмана *Зрительное познание*). Этот трехмерный образ – то, что мы привыкли видеть, и что большинство людей называет действительностью или территорией. Для других входных каналов имеются особые участки коры, связанные с соответствующими модальностями ПД. Как мы полагаем, это равносильно тому, что Фрейд называл первичным опытом. Это – лингвистически неопосредованные мысленные карты. Мы приво-дили доводы, свидетельствующие о том, что внутренние отношения (или логика) ПД, как правило, отличаются от внутренних отношений (или логики) лингвистически опосредованных мысленных карт. В предыдущих работах по НЛП, в особенности Гриндера и Бендлера, этот последний привилегированный уровень представления назывался «четверкой» (см., например, *Паттерны гипнотической техники Милтона Г. Эриксона; Нейролингвистическое образование паттернов; или Внизу всюду черепахи*).

f^1 и f^2

Эти обозначения относятся к множествам отображений, происходящих до ПД (отображения или преобразования f^1) и после ПД (отображения или преобразования f^2). Таким образом, отображения f^1 происходят между рецептором и ПД, тогда как преобразования f^2 обозначают отображения между ПД

и окончательными формами наших лингвистически опосредованных представлений, которые составляют наши лингвистически опосредованные мысленные карты.

Комментарии

Сделаем некоторые добавления по поводу предыдущих определений:

1. Предметом моделирования НЛП являются исполнители высшего уровня и их работа, то есть изучение превосходства. Более конкретно, исследования НЛП сосредоточены на установлении и кодировании существенных различий между исполнением гения и среднего исполнителя в некоторой области ценной человеческой деятельности.
2. Центральный метод НЛП – это моделирование, неизменно использующее как одно из своих систематических средств контраст (например, контраст между исполнением гения, служащего моделью, и среднего исполнителя). Черты поведения модели (источника), обнаруживаемые также в поведении среднего исполнителя, при этом не описываются – описывается лишь то, что отличает модель от среднего исполнителя.
3. Термин *гений* (и точно так же термины *превосходство* и *высокий уровень исполнения*) имеет, разумеется, оценочный, а не описательный характер, и не может быть в настоящее время удовлетворительно описан объективными критериями. При отсутствии определения этого термина, по сложившейся исторической традиции руководствуются общим мнением других специалистов той же дисциплины; от этого и зависит, кто считается или не считается гением в некоторой дисциплине, причем здесь играет роль и личная оценка моделировщика. В этой области еще многое остается сделать, особенно по той причине, что профессиональные специалисты часто склонны игнорировать отступников или даже порочить их работу (сюда относится исторический ответ Американской Медицинской Ассоциации доктору Эриксону).
4. Критерий для оценки модели или паттернов весьма прост:

если разумный человек учился выполнять действия по описаниям паттернов, полученных моделированием гения, и преследует подобные цели в том же профессиональном контексте, что и первоначальный исполнитель, то достигает ли этот учащийся подобного же качества результатов примерно в то же время, что и первоначальный исполнитель?

В случае утвердительного ответа паттерн или модель считаются успешными. В противном случае паттерн или модель считаются неудачными. При этом вовсе не требуется какого-либо совпадения с «действительностью» или «истиной». В самом деле, соавторы этой книги систематически и намеренно предупреждают участников приключения под названием НЛП, что предлагаемые паттерны «ложны»³ – то есть систематически искажают то, что в действительности происходит. Мы напоминаем далее этим участникам следующий важный вопрос: доставляет ли конгруэнтное применение этих «ложных» паттернов способ исполнения, приближающийся по изяществу и эффективности к первоначальному гению? Иными словами, полезна ли «ложь»?

Для НЛП вряд ли возможна другая позиция в этом вопросе, если принимается эпистемология, развитая в Главе 1 Части I этой книги, где была уже речь о невозможности узнать, согласно ли описание с «истиной».

5. Паттернирование можно подразделять разными способами. Рассмотрим любой из паттернов метамодели, например, реакцию на модальные операторы возможности –

клиент: *Я не могу выразить мои чувства в присутствии супруга*

терапевт: *А что случится, если вы это сделаете?*

По определению паттерна, данному Бейтсоном, перед нами здесь клиент и подготовленный НЛП терапевт, составляющие цикл. Мы можем поместить разделительный знак сразу же после первоначального утверждения клиента, содержащего в качестве вызова модальный оператор возможности (*не могу*), поскольку терапевт возразит на него вполне предсказуемым образом, при заданном синтаксисе утверждения клиента. Но столь же правильно было бы поместить разделительный знак после возражения терапевта. Что произойдет по другую сторону разделительного знака – можно ли ожидать, что следующие реакции клиента окажутся (по крайней мере отчасти) избыточными или предсказуемыми? Должно произойти изменение.

В первом случае, где разделительный знак поставлен сразу же после утверждения клиента, конкретное множество реакций, находящихся в распоряжении терапевта, задается алгоритмами – например, входящими в метамодель; поэтому мы можем предсказать с достаточной вероятностью словесные реакции терапевта. Если же мы поставим разделительный знак после возражения терапевта, то можно с уверенностью предсказать, что за этим возражением произойдет исследование, расширяющее и обогащающее мысленную карту клиента, что расширит его выбор и приведет его к новым возможностям.

6. НЛП является метадисциплиной в том смысле, что все дисциплины (включая и само НЛП) подвергаются моделирующей деятельности НЛП – иными словами, что гении в таких дисциплинах как физика, химия, психология, религиозная практика, деловая активность, спорт и т.д. служат потенциальными источниками различий между высшими и средними исполнителями. Гении в этих областях являются потенциальными источниками проектов моделирования НЛП.
7. Результаты проектов моделирования надо кодировать с помощью некоторого словаря, что составляет нетривиальную проблему. Мы рассмотрим этот вопрос в Главе 1 Части III под заголовком *Кодирование паттерна*.

Примечания к Главе 2, Части I.

1. Просматривая материалы об НЛП, опубликованные в течение 15 последних лет, мы с удивлением увидели, что даже столь выдающийся практик прикладного НЛП, как Роберт, определил НЛП в опубликованном интервью как изучение паттернов *мышления* гениев. Может быть это просто отражение его специального внимания к *моделированию* умерших людей (Дисней, Иисус Христос, Эйнштейн и т.д.) по их сочинениям и биографиям.
2. Это различие – существенное в приложениях НЛП – более полно излагается в Главе 2 Части III этой книги под заголовком *Функции сортировки*. В то время, когда мы с Бендлером создавали первоначальные паттерны классического кода, с которого началось НЛП, лишь немногие из этих вопросов были нам ясны (например, различие между изменениями первого и второго порядка). Указанное различие было осознано лишь впоследствии – после многих лет применения паттернов.
3. Термины «ложный», «истина» и «действительность» поставлены здесь в кавычки, чтобы напомнить читателю эпистемогическую позицию, занятую нами в Главе 1 Части I этой книги. Коротко говоря, в настоящее время невозможно какое-либо общее сравнение между описанием некоторого предмета и самим предметом, поскольку то и другое еще непонятным способом искажается структурой человеческой нервной системы и языка (f^1 и f^2). Как было указано в разделе эпистемологии, единственным *частичным* исключением являются здесь стратегии инструментального наблюдения и измерения. Это исключение частично в том смысле, что приборы, спроектированные, построенные и применяемые людьми, содержат, однако, иное множество преобразований, чем человеческая нервная система, и тем самым доставляют другое описание, независимое от преобразований в нервной системе.

Глава 3: Интеллектуальные предшественники НЛП

Общий фон западной научной парадигмы

Мы начнем этот раздел об интеллектуальных предшественниках с вызывающего утверждения из недавно изданной книги, которое составит для нас широкую историческую рамку в нашей работе, направленной к более конкретному влиянию на развитие НЛП.

Стивен Шейпин в своем размышлении *Научная революция* (1996) рисует крупными мазками историческое развитие определенных способов мышления, определенных видов восприятия и понимания, составляющих более или менее систематическую попытку нашего вида исследовать окружающий мир и дать ему некоторое полезное представление.

Шейпин выявляет в своей реконструкции определенные стили мышления (неявные эпистемологии), описывавшие устройство и функционирование мира, начиная с классических греческих парадигм, обычно приписываемых Сократу и Аристотелю, а затем прослеживает развитие этих стилей в Средние века и в 17-ом столетии – когда, по мнению многих исследователей развития науки, возник современный научный метод. Шейпин осторожно избегает таких широких утверждений, и в замечательном, намеренно вызывающем первом предложении Введения к своей книге говорит:

Не было такого явления как научная революция, о чем и написана эта книга.

Стивен Шейпин, *Научная революция*, стр. 1.

Говоря об интеллектуальных предшественниках НЛП, мы хотим побудить читателя к размышлению, каким образом меняются и развиваются эпистемологии. Историческое развитие науки является моделью эволюции человеческого мышления и восприятия – моделью того, как могут меняться и меняются мысленные карты человека.

Представьте себе, что вы проснулись в такую эпоху, когда очень плохо умели объяснять окружающий нас физический мир. Представьте себя пятилетним ребенком, живущим на ферме возле реки, на самой дальней ферме в конце длинной пыльной дороги – на расстоянии шести дней езды верхом до ближайшего соседа.

И вот однажды, когда все заняты своими текущими делами, вы как раз окончили свои. Стоит знойная летняя погода; вам жарко, вы вспотели и испытываете жажду. Вы хорошо знаете окрестности и, в частности, тенистое место с прудом прохладной воды. Вы идете к этому чистому пруду с мягким песчаным дном. Вы удовлетворяете свою жажду.

Отдыхая в прохладе, в тени деревьев, вы лениво бросаете камень в этот прозрачный пруд. Вы беззаботно смотрите, как он падает, и когда он ложится на дно, вы замечаете, что камень кажется вам больше, чем раньше, когда вы его держали в руке. Вы бросаете другой камень. На этот раз вы обращаете внимание на поверхность воды и замечаете концентрические круги, расходящиеся от того места, где камень упал в воду.

Вы садитесь и думаете о проделанных опытах. Вы видите отражение в воде деревьев и солнца. Эти изображения расплываются, как только вы чувствуете легкий ветерок, шевелящий ваши волосы. Вы слышите шелест листьев над вами. Ваши глаза, все еще устремленные к пруду, замечают, что отражения деревьев и солнца слегка помутнели. Это вызывает у вас любопытство, вы поворачиваетесь и замечаете, что туча начинает закрывать солнце. По опыту вы заключаете, что может начаться дождь, и вы идете домой.

По дороге вы ощущаете сильный запах и слышите хриплое карканье, а затем видите летающих над вами воронов. Вы идете в направлении запаха, куда летят птицы. Вы видите обглоданное тело молодого оленя. Внутренности его вывалились наружу. Вокруг летают мухи.

Какие вопросы возникают в вашем уме? Какие объяснения вы можете себе представить? Какие теории вы придумываете? Что вы думаете об этом опыте, что вы узнали об окружающем мире? Какие выводы вы делаете о части природы, которую только что наблюдали? Ищете ли вы доказательства, и какие именно? Находите ли вы паттерны в том, что видели? Как вы обобщаете эти паттерны? Ответы на эти вопросы будут зависеть от того, как организовано ваше внимание, ваш личный опыт, ваша способность к систематическому мышлению, ваши мысленные образы мира, ваша способность к обобщениям и ваша любознательность – во всяком случае, способность замечать происходящее.

Человек – любознательное существо, и эта любознательность, систематически направленная на мир, в котором мы живем, создала все научное знание, какое у нас есть.

Наука – это наш способ не обманываться!

Ричард Фейнман

При любом обсуждении нашего мысленного наследия, независимо от того, к чему оно относится, важно сознавать контекстуальные парадигмы, существовавшие, когда возникло рассматриваемое мышление. Если бы вы жили во времена Гомера и были тем мальчиком, о котором была речь, стоявшим перед прозрачным прудом, как бы вы ответили на поставленные выше вопросы? Может быть, вы сказали бы, что *боги гневаются, и потому будет дождь?* Или что *боги были голодны, и олень был принесен в жертву этому голоду?* Или, во время Аристотеля, вы сказали бы, что *камень падает в то место, где ему предназначено быть?* Какой мысленный образ (представление) вы могли бы составить, чтобы понять ваши переживания в окружающем мире?

Мы хотели бы подчеркнуть, что ответы на эти вопросы в высшей степени определяет контекст. Это предпосылки культуры и общества, в котором вы живете, исторический период, ваша личная история, ваши собственные мысленные карты мира и условия, в которых вам заданы эти вопросы, и так далее, и так далее...

Насколько влияют на наше мышление пережитки мышления наших предшественников? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим следующий пример. Представим себе некоторые понятия досократовского времени о природе мира. Анимизм, пронизывающий всю конструкцию греческой мысли, предполагает такой мир, где все предметы склонны по своей природе вести себя так, как они себя ведут – мир, в котором желания, цели, намерения не ограничиваются живыми существами, и тем более людьми; мир, в котором эти свойства присущи всем предметам, прошедшим через фильтры системы f^1 : назовем это эпистемологией анимизма. Мышление послефрейдовской эпохи называет этот процесс проекцией: это навязывание человеческих свойств неодушевленному миру. Вряд ли можно сомневаться, что этот своеобразный способ восприятия мира все еще жив, и даже в наше время действует во многих случаях, о чем свидетельствует следующее письмо в редакцию Сайенс Ньюс:

«Не надо удивляться, что анимизм популярен среди умудренных опытом взрослых любой культуры, в том числе и нашей... Человек, борющийся с пожаром, при виде пылающего здания, охваченной огнем прерии, леса или нефтеперегонного завода, не имеет ни времени, ни возможности развить трехмерную конечную модель для предсказания будущей эволюции огня. Намного эффективнее моделировать огонь как голодного зверя, которого можно остановить, лишив его «пищи» или «воздуха».

Анимизм – это первое прибежище любого человека, столкнувшегося со слишком сложной ситуацией или со слишком большим числом переменных, чтобы можно было моделировать происходящее более «рационально». Когда дело подходит к развязке, умудренные опытом взрослые пользуются лучшим мысленным подходом, какой могут придумать, не заботясь о том, одобряют ли его теологи, психологи или философы».

Чарли Мейзи

Голдн Вэли, Аризона

Письмо в редакцию.

Сайенс Ньюс, том 156, № 6, 7 августа, 1999 года.

Замечания Чарлза Мейзи превосходно соответствуют духу основной деятельности НЛП^{мод}. Он утверждает, что эта анимистическая эпистемология полезна в особых контекстах, где требуется реакция на подавляюще сложные явления в условиях ограниченного времени, когда от нашего решения зависит катастрофа или успех, даже жизнь или смерть.

Эпистемология греков менялась, но самая известная ее форма была предложена Аристотелем. Это мировоззрение резко противоречит эпистемологиям, сложившимся после Декарта. Так качается тяжелый исторический маятник философии.

В мир средневековой Европы пришло новое мировоззрение, столь же общее и преобладающее, каким было только что описанное мировоззрение греков: это была метафора машины. С этой новой точки зрения, не только неодушевленные предметы, но и значительные части живой природы были лишены тех психических свойств, какие им приписывали греки, и были сведены к простым механизмам без малейшей психической деятельности. Животные представлялись автоматами, внутреннее устройство которых описывалось наподобие сложного часового механизма. Люди были весьма увлечены сооружением машин, напоминавших животных – этот образ как будто отражает дух времени.

Поучительным символом этой эпохи, продолжающейся до наших дней, является Декарт. Декарт был философ и математик, живший в эпоху, в которой преобладали религиозные интересы и влияния. Он очевидным образом стремился выделить человека, и особенно отличить его от машин. Он пришел к решению, чрезвычайно вредному в повседневной жизни. Он утверждал, что мы состоим из двух частей: духа и тела. Тело представлялось ему механической системой, весьма напоминающей автомат, тогда как дух был, конечно, чем-то совсем другим. По-видимому, эта дихотомия в значительной степени определила характер философского рассуждения, каким оно было с тех пор, и каким оно осталось до наших дней. Поскольку нас расщепили на части, то возникла особая проблема – как соединить эти две «отдельных» части человека.

Декарт провел линию, разделившую единое целое – человеческое существо – на две части, и тем самым создал проблему, каким образом эти две разделенные части могут воздействовать друг на друга. Этот вопрос весьма занимал с тех пор философов, а также доставил занятие множеству врачей, призванных избавить нас от некоторых последствий первородного греха Декарта – его расщепления человека на дух и тело.

Влияние 20-го столетия

Читатель должен отдавать себе отчет в том, что в любом обзоре исторического развития – ищет ли нынешний исследователь поддержки своих предшественников, или критикует в отрицательном смысле некоторую историческую эпоху – всегда имеется тенденция оценивать эту работу отдаленного прошлого в терминах принятых в наше время представлений и текущей практики, разумеется, с вытекающими отсюда преимуществами. Такие интеллектуальные набег из настоящего в прошлое почти всегда отдаются самодовольством, сознательным или нет.

В нынешнюю эпоху значительную часть происходящего диалога можно понять лишь принимая во внимание, что обсуждение происходит в контексте реакции на весьма влиятельную форму эпистемологии, называемую логическим позитивизмом.¹

Логические позитивисты разрешили ряд традиционных философских вопросов, аккуратно отодвинув их в сторону; они попросту ограничили область научной деятельности, исключив из нее некоторые предметы. Позитивисты определили область науки как описание, анализ и объяснение ограниченного множества данных, причем единственными данными, приемлемыми для научного обсуждения, они считали те, которые можно наблюдать (в некоторых школах лишь те, которые можно измерить). Хотя с нашей исторической точки зрения такая критика может показаться чрезмерной, интеллектуальный контекст, в котором возникла эта философия науки, позволяет лучше понять ее, с ее преувеличенными притязаниями. Важным вопросом этой эпохи было определение различия между живыми и неживыми системами. Отдаленные отзвуки и рецидивы религиозных влияний побуждали логических позитивистов устранить из науки все такие влияния, раз и навсегда.

С одной стороны, виталисты настаивали, что существует сила или принцип, одушевляющий живые системы и не сводимый ни к каким физическим принципам. Позитивисты же, независимо от их лич-

ных верований, провели черту, отделяющую область научной деятельности от других человеческих предприятий. Эта разделительная черта состояла в том, что в область науки входят лишь осязаемые, чувственно контролируемые и измеримые части воспринимаемого нами мира, все же остальное, к чему бы оно ни относилось, находится вне науки.

С другой стороны, отражением логического позитивизма в психологии был так называемый бихевиоризм (наиболее известными представителями которого были его основатель Уотсон, а затем Скиннер); соответствующим явлением в лингвистике была работа Леонарда Блумфилда и его сотрудников. Влияние этой парадигмы проявилось во многих вопросах лингвистики. Например, в парадигме Блумфилда специалисты по синтаксису оошрялись записывать высказывания носителей изучаемого языка. Множество сделанных таким образом записей составляло так называемый корпус данных, подлежащих описанию, анализу и объяснению. В течение этой эпохи все это казалось достаточно очевидным, и было принято как стандартная доктрина почти всеми работающими лингвистами.

Влияние Хомского на Нейролингвистическое Программирование

Во время создания НЛП наиболее влиятельной парадигмой в нем была лингвистическая парадигма того времени. Эта парадигма, названная Трансформационной Грамматикой (ТГ), была одним из самых блестящих достижений 20-го века в изучении человеческого поведения. Хотя парадигмы обычно не возникают без прецедентов, без предшественников, без важных интеллектуальных влияний других людей или дисциплин (о чем и идет речь в этой части книги), ТГ была создана в значительной степени усилиями одного человека, Ноама Хомского.

Хотя лингвистика развивалась и после создания НЛП, важно заметить, что описание ТГ, предлагаемое ниже, использует в качестве основы состояние ТГ начала и середины 70-х годов. Поскольку нашей целью является некоторое *историческое* понимание интеллектуальных предшественников НЛП, этот выбор вполне уместен и достаточно мотивирован. В ходе дальнейшего изложения мы отметим, насколько существенны различия, возникшие вследствие дальнейшего развития лингвистики.

Конечно, ТГ продолжала развиваться, и в ней был ряд значительных достижений. В самом деле, можно держаться той точки зрения (высказанной Гриндером в 1972 году в предисловии к книге *О явлениях удаления в английском языке*), что модель ТГ Хомского 60-х и 70-х годов самой своей определенностью и строгостью гарантировала свою кончину. То же можно выразить с большей симпатией, сказав, что самый успех ее естественным образом привел к ее разработке и в конечном счете к ее замене.

После того как ТГ стала системой отсчета для ряда первоначальных процедур НЛП, некоторые из основных предпосылок и методов ТГ были поставлены под вопрос, а в отдельных случаях даже отброшены. Однако, хотя некоторые из первоначальных рабочих предположений Хомского в области лингвистики оспаривались, действовавшая тогда парадигма сыграла во время создания НЛП роль катализатора, была обобщена и оказалась чрезвычайно полезной для одного из его создателей (ДГ) и решающей в успешном развитии НЛП.

Блестящий прорыв в синтаксических исследованиях, вдохновленный парадигмой Хомского, был столь энергичен, что исчерпал себя несколько десятилетий назад. Это было совершенно естественно в столь динамической области как лингвистика, с рядом талантливых исследователей.

Некоторые читатели сочтут, что новая теория под названием Когнитивной Грамматики (см. двухтомную работу Р. Лангеккера *Основания когнитивной грамматики*, 1987 и 1992, где подробно изложены различия между ней и ТГ) является естественной парадигмой, заменяющей ТГ того времени, когда было создано НЛП. Основные принципы прежней парадигмы поставлены под вопрос. Доминирование предложения как первичной единицы анализа; стратегия исследования, полагающая, что синтаксис полезно отделять от семантики, что значительно облегчает паттернирование; строгое разграничение, которым лингвистика отделила себя от психологии и неврологии, а также от других смежных дисциплин; развитие гипотетических понятий, таких как Глубинная Структура, и использование логических форм как основы трансформационных компонент грамматики в период расцвета синтаксиса 60-х и 70-х годов – все эти предпосылки были благополучно заменены или находятся в настоящее время под угрозой (в зависимости от автора, который это говорит).² Однако многие из этих основных идей по-прежнему применимы к НЛП и другим дисциплинам.

Обдумывая этот раздел нашего обзора, мы придавали особое значение вопросу, насколько пригодны в настоящее время основные элементы ТГ, послужившие больше четверти века назад для создания НЛП. Следующее ниже описание позволит читателю рассмотреть и решить этот вопрос.

Методологическое влияние Трансформационной Лингвистики на НЛП: Различие между компетентностью и исполнением.

Хомский был учеником Зеллига Гарриса, одного из ведущих американских лингвистов; это было в конце периода доминирования в лингвистике Блумфилда, работавшего в Пенсильванском Университете. Сам Гаррис находился под глубоким влиянием Блумфилда, с его особой интерпретацией логического позитивизма в теории и практике лингвистических исследований.

Хомский поставил под вопрос модель Блумфилда – отчасти тем, что предложил некоторое решающее различие. Здесь можно воспользоваться аналогией: есть музыкальное произведение, называемое Пятой симфонией Бетховена, которое, как полагают, было сочинено Людвигом ван Бетховеном и впервые исполнено в 1808 году. Так вот, любой компетентный классический музыкант (и многие сведущие любители) могут с уверенностью отличить Пятую симфонию Бетховена в исполнении, например, оркестра Берлинской филармонии и оркестра Лондонской филармонии. Конечно, эти два музыкальных события различимы, поскольку создают у слушателя разные переживания, но оба оркестра претендуют на исполнение Пятой симфонии Бетховена. Возникает вопрос:

Которое исполнение – Берлинской или Лондонской филармонии – представляет «подлинную» Пятую симфонию Бетховена?

Многие знатоки классической музыки отвергнут этот вопрос, находя его странным. Но если они проявят достаточный интерес и затратят достаточное время на его рассмотрение, то придут к чему-то вроде следующего утверждения:

Что ж, каждый из этих оркестров предлагает свою собственную интерпретацию Пятой симфонии Бетховена. Различия в исполнении – естественное следствие различий в интерпретации Пятой симфонии Бетховена каждым из этих оркестров. Никакое из этих исполнений не представляет Пятую симфонию Бетховена – а каждое является просто отдельным исполнением, воплощающим ее особую интерпретацию.

Отсюда следует интересное различие – а именно, что есть некоторый предмет, некоторый опус, называемый Пятой симфонией Бетховена, существующий независимо ни от какого частного исполнения. Некоторые любители музыки станут говорить об абстракции, чем-то вроде платоновской идеи под названием Пятая симфония Бетховена; другие же укажут на письменное представление как на подлинное представление Пятой симфонии Бетховена.³

Конечно, это не исчерпывает всех возможностей.

Как бы вы ни решили этот вопрос, Хомский предложил параллельное различие в лингвистике. Он выдвинул идею, что подлинные высказывания индивидуальных носителей языка являются чем-то вроде индивидуальных исполнений разных оркестров. В частности, исполнение некоторым носителем языка в данный момент никоим образом НЕ представляет корпуса данных, подлежащего описанию, анализу и объяснению, поскольку оно искажено. Оно может быть искажено временными условиями исполнения, существовавшими во время речи. Например, если строго придерживаться критериев Блумфилда, то надо было бы включить в корпус данных невнятную, путанную и бессвязную речь усталого, пьяного или одурманенного человека.⁴ Поэтому специалистам по синтаксису пришлось бы разработать грамматики, порождающие и такие последовательности слов, наряду с другими, интуитивно воспринимаемыми как более правильно построенные. Это оказалось невозможной задачей.⁵

Позиция Хомского состояла в том, что надлежащим объектом описания, анализа и объяснения является для лингвиста компетентность носителя языка, лежащая в основе его высказывания. В любом отдельном акте речи носитель языка может при указанных выше условиях (устомление, измененные состояния, вызванные химическими веществами в крови, и т.д.) произносить последовательности

слов, которые не являются закономерным результатом грамматической компетентности, лежащей в основе речевой деятельности. Странная продукция, возникающая таким образом, является результатом искажения этой основной грамматической компетентности, поскольку она фильтруется через множество переменных, задающих исполнение. Далее Хомский утверждал, что для лингвиста надлежащей областью исследования является эта основная компетентность, а все переменные, определяющие исполнение, относятся к психологии. На языке лингвистики того времени это называлось различием между компетентностью и исполнением.

Мы предлагаем читателю два примера искажающего влияния переменных исполнения на переменные компетентности.*

В первом примере сравниваются два предложения:

а) *Она издохла, но лошадь кормили.*

и

б) *Лошадь кормили, но она издохла.*

Первое предложение этой пары (а) непонятно, второе же легко анализируется и понятно. Различие между ними состоит лишь в перестановке слов, и оба правильно сформированы, так что лингвистическая компетентность соблюдена. Но исполнение в случае (а) неудачно, потому что в передаче причинных связей причина чаще всего ставится перед следствием: можно полагать, что говорящий хотел сказать «Лошадь пала, *хотя* ее кормили», но порядок слов создает впечатление, будто кормили павшую лошадь.

Второй пример различия между компетентностью и исполнением содержится в предложении:⁶

Кошка, которую собака, которую лошадь ударила, прогнала, убежала.

Кроме профессиональных лингвистов, тренирующихся в распутывании всевозможных странных и причудливых компетентностей, все сочтут эту последовательность неправильно построенной – то есть вообще не предложением языка.

Но рассмотрим следующие предложения:

Лошадь ударила собаку.

Собака прогнала кошку.

Кошка убежала.

Собака, которую ударила лошадь, прогнала кошку.

Кошка, которую прогнала собака, убежала.

В конце концов можно собрать все это вместе, восстановив синтаксические метки придаточных предложений:

Кошка, которую прогнала собака, которую ударила лошадь, убежала.

Читатель может понять или не понять это, затратив значительные усилия. Такие структуры называются центрально погруженными структурами – то есть структурами, в которых главный субъект именно-го оборота (*кошка*) и соответствующий ему глагольный оборот (*убежала*) разделены промежуточным материалом.

---

* Поскольку первый английский пример невоспроизводим в русской грамматике, мы приводим другой пример того же явления. (Прим. перев.).

В данном случае, комбинация подлежащее/глагол (*кошка убежала*) разделяется второй комбинацией подлежащее/глагол, а именно, промежуточным материалом (*собака прогнала кошку*). Третья комбинация подлежащее/глагол вставлена как промежуточный материал (*лошадь ударила собаку*), довершая этим сложность. Говорят, что центрально погруженные предложения перцептуально невозможны, хотя они в действительности дозволены интернализированной грамматикой.⁷ Заметим, что примерно то же значение может быть легко представлено, если выбрать не центрально погруженную синтаксическую форму, а именно:

Вот лошадь, которая ударила собаку, которая прогнала кошку, которая убежала.

Отсюда видно, что в основе перцептуальной трудности понимания центрально погруженной структуры лежит не содержание или смысл предложения, а его синтаксическая форма.

Два приведенных сравнительно простых примера объясняют, какие вещи в то время рассматривались как переменные исполнения, и потому относились к психологии, а не включались в корпус, подлежащий лингвистическому описанию. Задним числом можно подумать, что критерии, которыми руководствовались лингвисты того времени, относя приведенные выше примеры к переменным исполнения, и тем самым к области психологии, а не лингвистики, были несколько своекорыстными и тавтологическими. Они были своекорыстными в том смысле, что освобождали лингвистов от обязанности заниматься такими вещами. Они были тавтологическими – как, например, в случае центрально погруженных последовательностей – в том смысле, что эти последовательности порождались по установленному правилу грамматической схемой, и поскольку в таком виде были неприемлемы для носителей языка, то трудность должна была заключаться в переменных исполнениях.

Можно, пожалуй, сказать – также задним числом – что эти споры лучше рассматривать как примеры особенно неудачного соответствия между категориями, навязываемыми миру (преобразования f^2), и подлинными структурами процессов, происходящих в мире – в данном случае, неудачного способа, которым различные научные дисциплины разделяют мир на специальные области исследования.

Интуиция как законная методология

Принятие различия между компетентностью и исполнением приводит к значительному продвижению в построении синтаксических паттернов и одновременно заводит нас в большие глубины эпистемологии. Фактическое содержание корпуса данных, определявшего задачу лингвиста, и способа построения паттернов, которые лингвисты должны были описывать, анализировать и объяснять, зависело в то время именно от их способности проводить различие между компетентностью и исполнением. Все подлинные высказывания являются некоторой странной смесью компетентности и исполнения; как же лингвисты могут решить, какой из услышанных отрывков вытекает из компетентности, и какой является следствием переменных исполнения или, может быть, некоторого взаимодействия того и другого?

Простой ответ – это интуиция: подлинный образ действий специалиста по синтаксису, занимающегося своим делом, выглядит примерно так. Имеется некоторый паттерн, который он в качестве специалиста по синтаксису пытается выяснить. Если взять сравнительно простой пример, предположим, что я пытаюсь формально описать распределение возвратных форм американского английского языка. Я замечаю, что существуют такие последовательности как

Я побрился

Ты побрился

Она побрилась

Они побрились.

Если я произнесу эти последовательности, обращаясь к самому себе⁸ или к другому носителю американского английского языка, а затем спрошу,

Являются ли эти предложения правильно построенными?,

то получу утвердительный ответ.

Напротив, если я произнесу следующие предложения, обращаясь к самому себе или к другим носителям языка,

*Она побрилась меня

*Они побрились его

*Вы побрились их

*Я побрился ее,

а затем задам тот же вопрос, *Являются ли эти предложения правильно построенными*, то на этот раз получу отрицательный ответ.

В виде второго примера я предложу носителям американского английского языка следующее предложение:

Женщина смотрела на мужчину в очках,

а затем спрошу, не двусмысленно ли это предложение – то есть не имеет ли оно более чем одно значение – то ответ будет, что это предложение может означать одно из двух: либо *женщина смотрела на мужчину, который носил очки*, либо *женщина, носившая очки, смотрела на мужчину*.

Эти суждения носителей языка примечательным образом постоянны и, что важно, независимы от уровня формального образования. Последнее различие существенно, поскольку оно позволяет исключить, что такие суждения носителей языка попросту отражают принудительные догмы, установленные грамматиками: эти несомненно благонамеренные люди не принимают во внимание подлинного использования языка.⁹

Заметим, что такие интуиции проявляют устойчивость и последовательность при всем разнообразии индивидов, крайне отличающихся друг от друга во всех отношениях, кроме того, что они бегло говорят на рассматриваемом языке. Такое свойство делает это множество интуиций идеальной основой моделирования – то есть развития явных представлений. Конечно, это составляет особую трудность для профессиональных лингвистов. Остается открытым вопрос, есть ли какие-либо другие множества различимых интуиций с тем же поразительным постоянством, какое доставляет нам наш разговорный язык.

Одним из последствий этого различия была поставленная перед лингвистами задача явно описать управляемое правилами поведение, представляемое интернализованной грамматикой. Никогда не было серьезной надежды (во всяком случае в то время), что грамматика – множество явных формальных правил порождения и понимания предложений языка – вообще может существовать, если не удастся отделить от переменных компетентности запутывающее влияние переменных исполнения. Таким образом, это различие сделало возможной некоторую идеализацию в лингвистике, имеющую много общего с идеализациями в других дисциплинах. Например, любой читатель, пытавшийся на уроках физики в средней школе удержать шар на наклонной плоскости, чтобы выполнить измерение в пределах допустимой ошибки, может понять ценность идеализации. Таково намерение, стоявшее за принятым в лингвистике различием компетентности от исполнения.

Эти суждения о естественном языке обычно называются интуитивными: едва ли этот термин может внушить эпистемологическое доверие, поскольку сам термин остается не анализированным. Хотя здесь неуместно устанавливать для лингвистики надежное эпистемологическое основание, мы рассмотрим этот вопрос несколько дальше, чтобы разрешить методологический вопрос – каким образом лингвисты в действительности занимаются своим ремеслом.¹⁰

Одним из самых отчетливых воспоминаний о времени моей (ДГ) аспирантуры (1967-1970) было поведение на нашем исследовательском семинаре моего главного профессора Эдварда Клайма, великого специалиста по синтаксису. Когда при рассмотрении на семинаре некоторого интересного синтаксического паттерна кто-нибудь из присутствующих предлагал предположительный контрпример, он реагировал на это, внимательно прослушав предложенный пример; затем, глубоко вздохнув и подняв глаза вверх, слегка поглаживая подбородок, он рассматривал внутренним зрением необходимые варианты, чтобы решить, составляет ли предложенный пример подлинный контрпример. Эти поиски длились в зависимости от сложности вопроса от немногих секунд до нескольких минут, между тем как все остальные, то есть студенты и аспиранты, либо выполняли параллельный поиск, либо с восхищением наблюдали, как этот искусный лингвист решал, существен ли для рассматриваемого паттерна предложенный контрпример.

Что же делал профессор Клайм? Я могу здесь только сослаться на мой собственный опыт, поскольку я сам несколько лет работал в академическом мире как профессиональный лингвист. Прежде всего, задним числом можно тривиально объяснить действия Клайма с формальной стороны – описанные движения его глаз сразу же позволяют любому наблюдателю, тренированному в НЛП, определить, что он создавал в качестве первичной исследовательской стратегии внутренние зрительные образы – на это указывали движения глаз вверх ¹¹.

Таким образом ясно, что делал Клайм, чтобы определить, является ли предложенное предложение законным контрпримером – именно, что он использовал зрительные образы. Я также отчетливо вспоминаю, что непосредственно перед объявлением результата своего поиска Клайм опускал глаза вниз в позицию, указывающую, что он проверял свои ощущения по поводу результатов поиска.

Я (ДГ) могу описать мои собственные впечатления от этого процесса, как профессиональный лингвист. Если вы попросите меня решить, является ли последовательность слов американского английского языка правильно построенной или нет – что составляет одну из самых основных интуиций по поводу нашего языка – то я испытаю примерно следующее. Вначале происходит очень быстрый внутренний процесс – как правило, повторение заданного предложения в виде внутреннего диалога, чтобы убедиться, что я начинаю поиск с правильного предложения; затем следует ряд внутренних образов, обычно начинающийся с некоторой структуры абстрактного дерева; и наконец возникает кинестетическое ощущение, действительно ли это предложение имеет некоторое неврологическое соответствие с тем, что мы называем интернализированной грамматикой. Иными словами, я пытаюсь почувствовать, соответствует ли заданная последовательность некоторому законному продукту моей интернализированной грамматики (то есть ответить на вопрос, *Есть ли множество цепей, активируемых этой последовательностью, или нет?*)¹²

Теперь мы предложим каждому читателю самому испытать этот процесс – прочесть одно за другим следующие предложения, пользуясь внутренним диалогом или произнося их вслух, а затем заметить, как вы узнаете, составляет ли каждое предложение правильно построенное предложение, то есть предложение американского английского языка*. В частности, обратите внимание на различные ощущения, испытываемые вами, когда вы выносите суждения о различных предложениях:

Кто говорил с Дагом и Кэтлин?

*Кто Даг и говорил с Кэлом?

Шарон сказала Кэти, чтобы она перестала говорить с собой при людях.

*Шарон сказала Кэти, чтобы они перестали говорить с собой при людях.

Эти предложения позволят читателям испытать посредством прямого контраста, каким образом лингвисты приходят к самым основным суждениям своего ремесла – то есть отвечают на вопрос, является ли некоторая произвольная последовательность правильно построенным предложением их языка, или нет.

Примеры заменены соответствующими примерами из русского языка. (Прим. перев.).

Есть значительно более сложные случаи, допускающие последовательные суждения. Например, мы предложим читателю спросить себя, в чем состоит различие двух следующих предложений, обратив особое внимание на способ использования слова *Николь*¹³:

Николь старается нравиться.

Легко нравится Николь.

Вскрытие черного ящика

Излагая эту часть работы Хомского, можно резюмировать ее главную мысль следующим образом: в поисках явного представления процесса образования паттернов, выражающего закономерности естественных языков, единственной существенной опорой является сам источник паттернов – человек. Грамматика – то есть лингвистическая компетентность носителя любого естественного языка – представлена в нервной системе столь же определенным образом, как правила образования трехмерных зрительных образов в затылочной доле мозга. В обоих случаях трудность состоит в том, что в настоящее время мы не располагаем достаточно утонченными и неагрессивными средствами исследования, позволяющими сколько-нибудь приблизиться к прямому восприятию таких неврологических представлений. Поэтому перед нами стоит задача формального представления паттернов естественного языка по отчетам его носителей – в частности, по их интуициям о формах в их языке и в их поле зрения. Служащая для этого мерка внутренне присуща нашему виду.

Как можно проверить, является ли наше формальное паттернирование полезным представлением естественного языка? Это действительно интересный эпистемологический вопрос, поскольку минимальное требование к такой проверке должно основываться на сравнении формальной системы правил с соответствующим исходным материалом – которым в данном случае является интуиция индивидуального носителя языка.

Работа над зрительными паттернами, как видно из превосходных исследований таких ученых как Д. Гофман (*Зрительное знание*, 1998), должна включать в себя манипуляцию различными зрительными стимулами, в соответствии с изучаемым паттернированием. При выполнении манипуляций сам исследователь, или вместе с ним некоторая группа людей с нормальным зрением, должны выражать суждения вроде следующего: видят ли они две отдельных светящихся точки, попеременно зажигающихся и гаснущих, или одну светящуюся точку, быстро перемещающуюся из одного положения в другое. Если член этой группы сообщает, что при определенной скорости чередования две отдельных светящихся точки начинают представляться ему в этой манипуляции как единственная движущаяся точка, то такой отчет становится одним из данных – паттерном, подлежащим описанию и объяснению.¹⁴ Как же может быть иначе?

Вполне аналогична ситуация при исследовании лингвистических паттернов, независимо от теоретических взглядов исследователя. Лингвист манипулирует синтаксическими, фонологическими и семантическими формами и судит, или просит носителей языка судить, являются ли некоторые последовательности правильно построенными предложениями языка, или двусмысленными последовательностями, или еще чем-нибудь из многих возможностей. Опорой здесь, по самой природе исследования, является грамматика, внутренняя для носителя языка – то есть сам носитель языка.

Чтобы выразить то же в несколько иной форме, предположим, что мы сумели построить прибор, который, как утверждают, приходит к тем же суждениям о зрительных явлениях, что люди с нормальным зрением.

Как узнать, правильно ли работает этот прибор?

Очевидно, мы сочтем прибор правильным в том и только том случае, если реакции этого прибора в точности совпадут с реакциями людей, обладающих нормальным зрением. Иными словами, при калибровке такого прибора мы используем то же множество суждений (интуиций), сообщаемых этими людьми, какое мы получаем и в отсутствие такого прибора. Аналогичный довод легко привести в случае исследования паттернов языка с помощью его естественных носителей.

Таким образом, в областях, где исследуемое образование паттернов относится к человеческому поведению, опорой и источником суждений неизбежно является человек.

Важно понять, что задача лингвиста, принадлежащего традиции ТГ и ее последователей, состоит в расширенном отображении интуиций в явные представления. Обратите внимание на то, что это и есть в точности определение центральной деятельности НЛП, то есть моделирования, поскольку моделирование есть отображение подсознательного знания (компетентности поведения с сопутствующими ей интуициями) в явные представления или модели (см. Главу 2 Части I под заглавием *Терминология*).

По убеждению позитивистов, различие между компетентностью и исполнением нам недоступно, и паттерны, которое мы рассматриваем, попросту не существуют. В глубоком смысле, Хомскому удалось открыть черный ящик – это было достижение, которому глубоко обязаны многие современные исследователи. Прибавим, что, как и при любом революционном сдвиге в любой дисциплине, у него были предшественники, ясно видевшие требования своего времени. В частности, приходят на ум превосходные работы Лэшли, Толмена и Бродбента.

В согласии с установкой, выраженной в начале этого раздела, мы приходим к выводу, что использование людей в качестве опоры при исследовании человеческой деятельности и, в частности, использование интуиций носителей языка в качестве основных данных, подлежащих описанию и объяснению, беспрепятственно перешло в область Когнитивной Грамматики, как одна из ее рабочих процедур и предпосылок ее методологии.

Более конкретно, Гриндер и Бендлер выработали при создании и развитии метамоделей, в качестве эффективного средства изменения в контексте терапевтических сеансов, определенную стратегию, и подготовленный практик НЛП после размышления придет к выводу, что эта стратегия оказывается прочно основанной на способности терапевта (а затем клиента) использовать как орудия изменения надежные интуиции о структуре естественного языка. Эта стратегия независима от теоретических или гипотетических понятий, принятых в лингвистике на любой стадии ее развития (например, от Глубокой Структуры, логических форм и т.д.). Это имеет методологическое значение, поскольку использование интуиций в качестве опоры беспрепятственно перешло к последователям Трансформационной Грамматики 70-х годов.

Основанием метамоделей является использование паттернов интуиции, связанных с нашим подсознательным знанием структуры языка. Это рабочая процедура, вдохновленная методологией исторически сложившейся ТГ 70х годов. Эта методология надежно работает в области НЛП и остается мощной и действенной моделью в этом контексте. Черный ящик, таким образом, открыт, позволяя исследовать превосходство и образование паттернов, отличающее поведение гениев от поведения «средних» исполнителей. Таким образом, рабочая процедура, обобщающая методы лингвистики, становится краеугольным камнем моделирования, а также основой его приложений.

Модель, лежащая в основе НЛП

Второй аспект исторического вклада Хомского в лингвистику составляет важный урок для моделирования и исследования в НЛП. К этому аспекту относится проверка результатов паттернирования НЛП. Мы начнем с примера.

Когда моделировщик обнаруживает и кодирует паттерн, каким образом он проверяет, существует ли этот паттерн, каковы его предпосылки, и как эти факторы влияют на результат? Это столь же важно для исследователя, не участвовавшего в развитии паттернов, но желающего оценить справедливость сделанных при их построении предположений.

Предположим, что 100 носителям американского английского языка предлагается некоторая последовательность английских слов и их спрашивают, является ли эта последовательность правильно построенным предложением, то есть предложением их языка. Пусть, далее, 50 из них интуитивно полагают, что это правильно построенное предложение, а 50 полагают, что последовательность построена неправильно, то есть не является предложением. Что делать профессиональному лингвисту в такой ситуации? Решит ли он, что здесь нет никакого паттерна? Или он расширит коллектив людей, участвующих в исследовании? Или он объявит, что предложение грамматически правильно с вероятностью 0,5,

то есть вероятность того, что предложение правильно, равна 0,5? Хотя все эти ответы в рамках статистической модели понятны, подлинный ответ состоит в том, что ни один из них не верен.

В действительности практически работающий лингвист без самодовольства заявит, что здесь имеется два отдельных диалекта, каждый из которых имеет в своей основе собственное, целостное грамматическое множество формальных правил рекурсии. Он сразу же примется описывать эти основные системы правил, различающие две обнаруженные им целостные грамматики. Описав некоторым способом различия между этими грамматиками, он попытается обнаружить другие лингвистические явления, связанные с этими различиями, которые можно предсказать по правилам, первоначально послужившим для различения диалектов. Его утверждение, что здесь имеется два отдельных диалекта, выдержит испытание или нет в зависимости от его способности обнаружить такие лингвистические паттерны, оправдывающие различие диалектов. Его поведение можно понять лишь в контексте приращения дискретного анализа.

Различие между реакцией лингвиста, использующего дискретную модель, и типичными реакциями психолога, использующего в подобной же ситуации статистическую модель, в высшей степени поучительно. Если психолог-исследователь пытается определить, возникает ли некоторое поведение из некоторого конкретного и, предположим, вполне определенного множества условий и обнаруживает, что 50 из 100 человек, поставленных в эти вполне определенные условия, проявляют это поведение, а 50 не проявляют, то он придет к заключению, что никакого паттерна нет (подтвердив нулевую гипотезу), или что вероятность этого поведения в указанных условиях равна 0,5, то есть поведение попросту случайно.

Но, главное, возникает вопрос о парадигме – какова надлежащая парадигма, лежащая в основе НЛП? Мы настаиваем на том, что эта парадигма, происходящая из лингвистики (и в некоторой степени из формальных исследований в определенных областях математики и формальной логики) есть в самом деле самая подходящая известная нам парадигма для того рода исследований, какими занимается НЛП. Обратите внимание на то, что это в конечном счете эмпирический вопрос, а не вопрос предпочтения. По мере развития более утонченного анализа и оценок вопрос о выборе для НЛП дискретной или статистической основной модели может стать значительно серьезнее, чем в настоящее время. Вполне может случиться, что хотя вообще более подходит дискретная модель (например, Теория Автоматов), мы сможем найти специфические ограниченные явления, играющие значительную роль в работе НЛП и лучше всего моделируемые статистической моделью. Например, как представляется наиболее вероятным в настоящее время, некоторые аспекты явлений якорения лучше всего поддаются анализу и оценке в статистической форме.¹⁵

Исследуем сделанное выше предположение внимательно, поскольку его следствия огромны, и от них будет в значительной степени зависеть эффективность всего предприятия. Начнем с формулировки некоторой части парадигмы, действовавшей в ТГ во время создания НЛП и отчетливо соответствующей парадигме, которую мы предлагаем для НЛП. Несомненно, лингвистика придерживается следующего утверждения:

Языковая компетентность есть человеческая деятельность, управляемая правилами.¹⁶

Лингвисты понимают это в том смысле, что предмет, который они пытаются объяснить – это основная система формальных правил, порождающая, вместе с другими паттернами, все правильно построенные последовательности изучаемого языка, и только их – то есть предложения этого языка.¹⁷ Эта основная система связанных между собой и упорядоченных формальных правил и есть языковая компетентность – основа порождения и понимания разговорного языка.

Вернемся теперь к описанной выше ситуации, когда половина популяции, с которой работает лингвист, описывает некоторую последовательность слов языка как правильно построенную – то есть как предложение их языка – тогда как другая половина популяции описывает ту же последовательность как неправильно построенную, тем самым не являющуюся предложением их языка. Как уже было сказано, лингвист немедленно и без колебаний реагирует на это заявлением, что язык содержит два диалекта, и будет искать подтверждения различий между предполагаемыми диалектами.¹⁸

Рассмотрим теперь соответствующий пример из НЛП. Один из излюбленных паттернов исследования в НЛП, подвергаемый проверке несомненно благожелательными психологами, это системы представления (зрительная, слуховая и кинестетическая) и, в частности, движения глаз, указывающие, какая из трех главных систем представления (зрительная, слуховая или кинестетическая) приводится в действие. Допустим, что вы как исследователь заинтересованы в изучении обычным научным способом, справедливо ли предлагаемое истолкование движений глаз.¹⁹

Проверка паттерна

Предположим, что мы формулируем – в соответствии с утверждениями, содержащимися в книгах *Структура магии*, *Из лягушек в принцы* и *Нейролингвистическое Программирование*, том I, ряд предложений, систематически отличающихся друг от друга присутствием или отсутствием предикатов, относящихся к одной из трех главных систем представления. Далее, мы выбираем для работы лишь правосторонних субъектов, поскольку НЛП утверждает, что правая или левая ориентация – мера мозгового доминирования – сильно взаимодействует с изучаемыми глазными паттернами. Среди ряда стимулирующих предложений мы находим каверзный вопрос:²⁰

Какого цвета глаза вашей матери?

Предположим, что мы применяем видеокамеру, снимающую движения глаз испытываемых субъектов, и обнаруживаем после завершения процедуры, что 80 из 100 субъектов после предъявления этого вопроса направляют глаза выше горизонта и перед ответом на вопрос расширяют зрачки. Далее, остальные 20 субъектов опускают глаза вниз, поворачивая их влево, а затем либо расширяют зрачки в этом положении, либо переводят глаза из этого положения в положение выше горизонта.

Что можно из этого заключить? Должны ли мы вместе с психологами заключить, что после предъявления этого вопроса субъект с вероятностью 0,8 переведет свои глаза в положение выше горизонта (обобщив наш результат на всю популяцию)? И что с вероятностью 0,2 этот субъект посмотрит вниз и влево и либо расширит зрачки, либо затем переведет глаза из этого положения в положение выше горизонта?

Можно представить себе контексты, в которых такие вероятности могут быть полезны – при манипуляции движениями глаз больших человеческих групп (например, в печатной массовой рекламе). Но как исследователи мы находим такое заключение, мягко говоря, забавным.

Читатель может спросить, какова же правильная реакция на эти результаты? К каким заключениям, дальнейшим действиям или анализам они должны привести?

В идеальном случае опытный наблюдатель НЛП продолжит исследование 20 субъектов, реакции которых расходятся с предсказанным поведением – то есть реакцией которых будет движение глаз вниз и влево с расширением зрачков, или вниз и влево, а затем в положение выше горизонта, что надо будет проверить для каждого субъекта в отдельности. Более конкретно, исследователь должен будет весьма тщательно выяснить для каждого из этих субъектов его текущие переживания во время указанных движений. При этом, как можно рассчитывать, обнаружится, что субъект пользовался внутренним диалогом для повторения каверзного предложения в то время, когда поворачивал глаза вниз и влево, а затем составил зрительный образ указанного лица либо в этом же положении (вниз и влево), либо переведя глаза в положение выше горизонта. Это выяснение приведет поведение всех субъектов в соответствие с предсказуемым поведением, и тем самым просто регулирует полученные данные. Такой результат составит весьма сильную поддержку рассматриваемого тезиса.

Чтобы полностью разъяснить этот вопрос, применим одну из предпосылок лингвистики, имеющую изоморфную параллель в НЛП:

Языковое поведение управляется правилами.

Это обычно понимается в том смысле, что языковая компетентность, лежащая в основе подлинных актов речи (произнесение и понимание), полезнее всего представляется как формальная система точно определенных рекурсивных правил.

В НЛП этому методологическому предположению лингвистики соответствует параллель:

Паттерны превосходства в человеческом поведении управляются правилами.

В действительности мы предлагаем здесь эффективную и полезную методологию анализа паттернов превосходства в человеческом поведении, полагающую, что наблюдаемое у индивида поведение представляет целостную систему, управляемую правилами, и задаем вопрос:

Какое множество правил объясняет наблюдаемое поведение?

Это обычно понимается в том смысле, что лежащая в основе компетентность, от которой происходят действительные акты поведения, допускает полезное представление в виде формальной системы точно определенных рекурсивных правил.

Параллельно предыдущему лингвистическому принципу, мы понимаем это в том смысле, что есть значительные части человеческого поведения – точнее, в области НЛП это паттерны превосходства – допускающие полезное представление (или, что то же, моделирование) в виде формальной системы точно определенных рекурсивных правил. Если принять это как фундаментальный принцип анализа и оценки – в НЛП, как и в лингвистике – то становится очевидным, что применение в этих областях статистических, и вообще вероятностных методов является совершенно неприемлемой стратегией описания, анализа и объяснения.²¹

Примечательно дальнейшее обобщение: если изучаемый паттернинг содержит в виде элементов явления различных логических типов (см. формальное определение в Главе 1 Части III под заглавием *Логические уровни и логические типы*), то надлежащая модель оказывается дискретной. Например, если в образовании паттернов участвуют разные системы представления, зрительная, слуховая и кинестетическая, то эти три компоненты системы представления относятся к различным логическим типам; их нельзя связать изоморфным отображением, сохраняющим их существенные характеристики. Мы полагаем поэтому, что надлежащая модель в таких случаях дискретна.

Отметим, что здесь, по-видимому, имеется и дельнейшая корреляция: если образование паттернов очевидным образом следует за ПД, то оно дискретно. Далее, если образование паттернов происходит в пределах ПД и относится к одному и тому же логическому типу, то статистический анализ вполне может быть полезен.

Можно высказать и более глубокую точку зрения, что есть две больших парадигмы, которые могут составлять основу научного описания, анализа и объяснения: дискретная парадигма, используемая в некоторых областях математики, таких как алгебра и формальная логика, в лингвистике и т.д., и статистическая парадигма, применяемая в теоретической физике (в особенности в физике очень больших и очень малых объектов), в социологии, демографии и т.д. В действительности, исторический факт состоит в том, что Хомский избрал в качестве надлежащей основной структуры лингвистики Теорию Автоматов.*

Мы полагаем, что та же универсальная дискретная парадигма подходит для моделирования паттернов мастерства, составляющих центральную деятельность НЛП.

Неуместность применения некоторых статистических средств (например, средних значений) представляется достаточно очевидной каждому вдумчивому наблюдателю. При анализе паттернов в лингвистике и, как мы полагаем, также многих паттернов в НЛП, очевидной нелепостью является смешение исполнения многих различных субъектов с помощью усреднения их реакций – в попытке решить, существует ли некоторый паттерн. В действительности такое смешение и усреднение гарантирует, что любой возможный паттерн будет упущен. Как показывает приведенный выше лингвистический пример, применение стратегии дискретной системы, рассматривающей каждого субъекта как целостную управляемую правилами систему, обнаруживает прекрасное в своей ясности описание (в предыдущем

---

* В математической терминологии речь идет о теории алгоритмов; теория автоматов является ее специальным разделом. (Прим. перев.).

примере различие между двумя диалектами) и приводит к весьма полезному анализу. В дальнейшем такой анализ становится основой более тонкого исследования.

Таким образом, вместе с принятием представления об управляемых правилами процессах предмет НЛП оказывается в области дискретного анализа. Вопрос, над которым мы работали – как надо анализировать и оценивать некоторый паттерн. Занимаясь обнаружением или оценкой паттерна, столь же бессмысленно применять вероятностные методы, как говорить о вероятности того, что решение алгебраического уравнения правильно. Это значило бы статистически смазывать в исследовании НЛП паттерны исполнения отдельными субъектами, подсчитывая затем вероятности наподобие вероятностей визуализации в описанном эксперименте – между тем как конкретное вопросительное предложение требует ответа, основанного на зрительном образе!

Идеальное исследование в моделировании и проверке паттернов

Заметим далее, что в каждом проекте моделирования НЛП внимание в действительности сосредоточивается на индивиде – на некотором гении или некотором коллективе, работающем в определенной области интересов и систематически превосходящем своих коллег в данной области. Всевозможные дискуссии о теории выборов, средних значениях, коэффициентах корреляции и других предметах, связанных с вероятностями и основанных на непрерывной парадигме, безнадежно неуместны в практике дисциплины, именуемой моделированием НЛП, и точно так же в ее оценке. И в самом деле, исторически так оно и было – в случае Милтон-модели (любовно названной по имени вдохновившего ее человека, доктора Милтона Г. Эриксона), изложенной в книге труда *Паттерны гипнотической техники Милтона Г. Эриксона*. Мы находим там ряд явных описаний некоторых видов его словесного и несловесного поведения (даже с указаниями, как построить излагаемые паттерны); но в этом двухтомном труде читатель не найдет ни применения, ни даже ссылок на вероятностные стратегии.

Разумеется, все это согласуется с изучением превосходства – мастер исполнения доставляет единственную в своем роде возможность получить ответ на центральный вопрос моделирования НЛП:

Пусть задан некоторый гений; каковы существенные различия между его поведением и поведением компетентных исполнителей в той же области?

Если паттерны поведения гения смешиваются с описаниями паттернов других исполнителей, а затем все это усредняется в попытке оценить рассматриваемый паттерн, это противоречит самой цели проектов моделирования НЛП, и можно гарантировать, что моделировщик не сумеет обнаружить именно те различия, на которых надо сосредоточиться в таких исследованиях.

Нас весьма интересует вопрос, каким образом такая дисциплина как психология исторически полностью и исключительно сосредоточилась на среднем поведении групп, явно отказавшись от исследования крайних случаев человеческого исполнения (например, гениев). Как нам кажется, психологи упускают из виду существо дела даже в таких странных заданиях, как запоминание списка бессмысленных слогов. Кому интересно, сколько попыток требуется в среднем мифическому среднему исполнителю, чтобы полностью запомнить бессмысленные слоги? И какая польза может выйти из этого занятия?

Не интереснее ли было бы, даже в контексте этого странного запоминания бессмысленных слогов, выявить субъекта, проделывающего это задание значительно быстрее и аккуратнее, и моделировать то, что он делает? Далее, если психологи находят, что утверждения о группах или групповых средних столь привлекательны, что от них невозможно воздержаться, то они могли бы измерить, сколько времени у них займет в среднем передать стратегию превосходства, моделированную по лучшему учащемуся, остальной экспериментальной группе.²²

Такая установка является очевидным образом правильным выбором при моделировании мастерства. Было бы весьма поучительно, если бы некоторые ведущие исследователи, занятые стандартной психологической практикой, обнаружили мотивацию, лежащую в основе исследования средних, в противоположность предпочтению изучать крайние случаи поведения – например, гениев, как это делается в НЛП.

В этом способе мышления (в НЛП и в моделировании превосходства) есть особый аспект, на который мы хотели бы обратить внимание читателя. В НЛП очень мало внимания уделяется предсказанию – предмету, занимающему выдающееся место в традиционных дискуссиях о науке и научной деятельности. Это отсутствие интереса к предсказанию кажется нам естественным в том смысле, что моделирование превосходства и изложение моделей решающего различия обращает внимание человека на создание будущего, а не на его предсказание.²³

Какой смысл сосредоточивать внимание на том, что произойдет в будущем, если рассматриваемое будущее есть проекция, основанная на среднем исполнении средних групп? Не лучше ли было бы, в самом деле, затратить время, деньги и внимание на создание моделей превосходства и передачу их заинтересованным лицам? По-видимому, есть только одна область, где можно заметить, хотя бы в рудиментарной форме, намек на такое мышление – а именно, бизнес. Вдобавок к установлению эталонов, в бизнесе уделяется все больше внимания (и соответственно, больше времени и денег) улучшению практической работы. Наилучший рабочий коллектив, самый производительный менеджер, новаторы производства, самый деятельный продавец и т.д. начинают рассматриваться как ценные преимущества – не только сами по себе, но и потому, что могут служить моделью для улучшения исполнения других сотрудников компании, при наличии надлежащих ресурсов моделирования. Компания Квантум Лип (Quantum Leap), возглавляемая соавторами этой книги, руководила рядом успешных программ, в которых глубокие принципы моделирования НЛП применялись к таким задачам.

Вопрос о проверке паттернов

Продолжим это обсуждение на следующем примере. Представим себе проект моделирования НЛП, в котором моделируется некоторый академический навык, имеющий, как предполагается, важное значение для развития детей. Это значит, что группа тщательно подготовленных моделировщиков получает доступ к тем детям, которые, в своей группе сверстников, проявляют превосходство в усвоении или выполнении некоторого навыка (произношения, чтения, математики и т.д.). Избранные моделировщики могут создать по каждому из таких детей модель превосходства. В результате в распоряжении учителя окажется надежный набор разнообразных моделей для каждого навыка. Поскольку каждая изложенная модель будет представлять специфическую стратегию обучения одного выдающегося ребенка, то перед учителями будет стоять двоякая задача:

1. Определить, какая из разнообразных стратегий превосходства, явно закодированных моделировщиками, подходит к индивидуальному ребенку, стоящему перед учителем.
2. Искусно создать контекст обучения, в котором учитель будет проводить детей своего класса, одного за другим, через набор конкретных стратегий, обучая их моделям превосходства, подходящим для каждого из них в данном академическом навыке.

Сравним теперь позитивный опыт детей, которым предлагается (с руководством) некоторая модель превосходства, позволяющая им подражать стратегиям лучших исполнителей в каждом из этих академических требований, с практикой воспитательных учреждений, существующих, например, в настоящее время в Соединенных Штатах. Мы тратим теперь в Соединенных Штатах массу времени и внимания на тестирование детей, чтобы узнать их оценку по отношению к некоторым мифическим средним. Нужны ли кому-нибудь эти средние? И есть ли в самом деле родители и учителя, заинтересованные в достижении среднего исполнения?²⁴

Как нам кажется, цель состоит в поощрении превосходства. Представьте себе, насколько такая программа (основанная на моделировании и передаче превосходства) будет лучше существующей в отношении опыта и возникающей из него компетентности, не говоря уже о доходе от инвестиций, с каждого доллара, затраченного на образование.

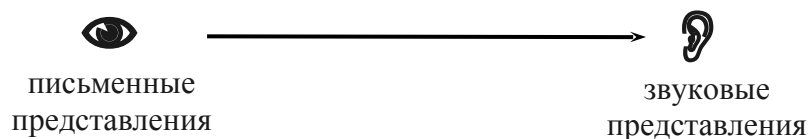
Представьте себе хотя бы один результат, который может возникнуть из такой воспитательной программы. Может быть, в будущем наши ежедневные газеты (обычные и электронные) будут сообщать новости на более высоком академическом уровне, чем нынешняя норма (уровень чтения 6 класса), и даже словарь, используемый журналистами, может расшириться за пределы нынешних 1200 слов – что же случится тогда со *средним значением*?

В этом обсуждении построения паттернов важно различать несколько фаз исследования. Для начала проведем различие между фазой открытия, фазой кодирования и проверкой паттерна. Предыдущий пример может служить комментарием к фазе открытия; фаза кодирования рассматривается отдельно (Глава 1 Части III). Для этих фаз нет известных алгоритмов, так что пока лучше считать их искусством.

Предположим поэтому, что мы выполнили две первых фазы проекта и получили явные разнообразные модели превосходства в некоторой академической задаче. Обращаясь теперь к фазе проверки, приведем подробный пример, демонстрирующий, как можно выбирать и применять различные методы, заимствуя их из числа имеющихся моделей, как дискретных, так и непрерывных. Мы возьмем в качестве примера оценку предложения, сделанного в НЛП несколько десятилетий назад – стратегии произношения НЛП (которая была впервые изложена в томе I книги *Нейролингвистическое Программирование*). Эта стратегия произношения была одной из первых стратегий, предназначенных для образования; она была построена по методу НЛП моделированием людей с превосходным произношением, и она достаточно проста, чтобы иллюстрировать обсуждаемый вопрос.

Общий контекст стратегии произношения НЛП состоит в том, что в английском языке, как и в большинстве языков (с некоторыми прекрасными исключениями, такими как испанский), от образованных людей требуется, как часть общего умения писать на родном языке, умение отображать зрительное (письменное) представление слов языка, именуемое орфографией, в слуховое (разговорное) представление.²⁵

Иными словами, образованный человек должен уметь правильно произносить тексты своего языка. Трудность состоит в том, что в большинстве языков, в том числе в английском, имеется достаточно сложная система отображений, соединяющая звуки с их правописанием, и притом с очень многими исключениями.

Практики НЛП²⁶, наблюдая людей с превосходным произношением, заметили, что у этих людей была простая и последовательная, подсознательно применяемая стратегия, которой НЕ было у людей с дурным произношением.

Последовательное эффективное поведение этих лучших мастеров произношения было, разумеется, в точности таким систематическим поведением превосходства, которое моделировщики разыскивают, чтобы отобразить это подсознательное знание в явную модель, подлежащую распространению. Один из способов явного представления этого эффективного поведения имеет вид:

$$V^i \rightarrow K^i \rightarrow A^d$$

где V^i представляет зрительный внутренний образ (то есть образ слова, подлежащего произнесению и внутренне порождаемого произносящим), K^i представляет внутренний кинестетический образ (то есть ощущение внутренней реакции на предыдущий образ слова, подлежащего произнесению). Наконец, A^d (слуховой дискретный – то есть языковой образ) представляет произнесение вслух визуализированного и проверенного ощущением слова.

В словесном выражении эта стратегия произношения НЛП состоит в том, что произносящий проходит три последовательных этапа: создает внутренний образ слова, подлежащего произнесению, рассматривая этот образ; затем проверяет своим ощущением, правилен ли этот образ; и наконец, если ощущение подтверждает его, произносит слово вслух. Если ощущение не подтверждает образа, процесс повторяется сначала, причем образ этого слова произносится иначе.

Конечно, чтобы произносящий вообще мог применить эту стратегию, он должен прежде на некотором этапе тренировки увидеть подлежащее произнесению слово.

Поставим себя теперь в положение хорошо подготовленного и благонамеренного психолога, желающего оценить действенность стратегии произношения НЛП. Как можно предположить, такой исследователь подойдет к этой оценке с некоторыми дисциплинирующими требованиями, в том числе следующими:

1. с готовностью самому овладеть предложенной стратегией, а также более общим интеллектуальным контекстом (например, системами представления и паттернами движения глаз), позволяющим убедиться, что проверяется именно то, что предлагают моделировщики стратегии произношения НЛП;
2. со здоровым скептицизмом, систематически стремящимся устранить фильтры сознания (например, системы верований), слишком часто сопровождающие восприятие новых и революционных притязаний – то есть с установкой, активно избегающей «эффекта экспериментатора» Розенталя.

Сильное притязание стратегии произношения НЛП заключается в том, что люди, обученные и тренированные в этой стратегии, должны превосходно произносить. Менее требовательное притязание состоит в том, что люди, применяющие стратегию произношения НЛП, должны правильно произносить больше слов, чем люди, применяющие какую-нибудь иную явную стратегию, или никакой определенной стратегии вообще. Предположим, что наш дисциплинированный экспериментатор принимает следующий план: он намерен испытать действенность стратегии произношения НЛП, и в частности ее относительную эффективность, сравнивая ее с контрольной группой и группой, тренированной в некоторой альтернативной стратегии произношения и использующей эту стратегию; такой стратегией может быть, например, фоника (phonics), несомненно, самая популярная и широко распространенная альтернатива стратегии произношения НЛП. Таким образом, перед нами три группы:

Группа произношения
НЛП Группа фоника
Контрольная группа

Каждая группа получает предварительную тренировку – группа произношения НЛП проходит тренировку в стратегии произношения НЛП, группа фоника – тренировку в стратегии фоника. Контрольная группа проводит то же время предварительной подготовки в присутствии экспериментатора, так что контакт с ним играет роль отдельной переменной.

Экспериментатор может предвидеть, что члены группы произношения НЛП будут произносить все слова совершенным образом. Он может придерживаться и той позиции, что любой индивид, использующий стратегию произношения НЛП (то есть любой член группы произношения НЛП) будет правильно произносить больше слов, чем любой член двух других групп. Далее, на уровне совокупного исполнения группы он может предсказать, что члены группы произношения НЛП будут *как группа* правильно произносить больше слов, чем каждая из двух других групп в совокупности. Чтобы подчеркнуть эффекты (иными словами, чтобы создать контекст, где вероятнее всего отчетливо проявятся различия между группами), экспериментатор может воспользоваться списками слов, составляемыми существующей в Соединенных Штатах ассоциацией, которая ежегодно устраивает в этой стране национальные соревнования в произношении.²⁷

Представим себе, что наш бесстрашный исследователь производит этот опыт. Он получает любопытные смешанные результаты, в том числе,

- а. что члены группы произношения НЛП правильно произносят не все слова,
- б. что есть отдельные члены группы фоника и контрольной группы, правильно произносящие больше слов, чем некоторые члены группы произношения НЛП.

Пусть при этом группа произношения НЛП *как группа* правильно произносит больше слов, чем каждая из двух других групп *как группа*.

На первый взгляд можно подумать, что все это приводит к следующим результатам:

1. что оказывается опровергнутой сильная форма притязания НЛП – утверждение, что индивидуальные члены группы произношения НЛП будут в совершенстве произносить все слова. Конкретные свидетельства такого опровержения сильной формы притязания НЛП двояки: это результаты, приведенные выше в пунктах а и б. Каждый из этих результатов достаточен, чтобы опровергнуть сильное притязание, а оба вместе, по-видимому, устраняют всякую возможность поддерживать это сильное притязание;
2. что между группами имеется различие в исполнении, и, в частности, группа, использующая стратегию НЛП, показала как группа лучшее исполнение, чем другие две группы. Таким образом, оказывается подтвержденным более слабое притязание, что члены группы произношения НЛП как группа будут правильно произносить больше слов, чем каждая из двух других групп.

Насколько мы понимаем, в этот момент наш бесстрашный исследователь, как правило, просто опубликует эти результаты, а затем свернет свои пожитки и исчезнет в зыбучих песках учености, в поисках другого предмета исследования.

Мы приведем некоторые комментарии по поводу того, как исследователь мог бы в идеальном случае реагировать на эти результаты. Прежде всего, он был бы заинтригован: в самом деле, на уровне группы имеется эффект, указывающий на некоторое превосходство стратегии произношения НЛП по сравнению с альтернативной стратегией произношения (фоникой) и бесструктурной контрольной группой. Отсюда видно, что имелось достаточно основательное различие, способное пережить усреднение результатов, применяемое при статистических измерениях.

Во-вторых, наш исследователь внимательно рассмотрел бы, что могли бы означать обнаруженные различия, сосредоточив особое внимание на сильном притязании моделировщика НЛП. Думая в этом направлении, он особенно заинтересовался бы определенными классами результатов. Так, он проявил бы особую чувствительность к наименее предсказуемым результатам и сосредоточил бы на них свои исследования. Например, он рассмотрел бы видеосъемки всех индивидов, правильно произносивших все слова, независимо от группы, в которую они вошли. Во время этого просмотра он следил бы за отчетливыми движениями глаз, указывающими, что субъект производит визуализацию – то есть спонтанно использует стратегию произношения НЛП. В идеальном случае он в самом деле обнаружил бы, что все индивиды, правильно произнесшие все слова, использовали стратегию произношения, обозначенную в НЛП в виде $V^i \rightarrow K^i \rightarrow A^d$, – либо применяя заранее усвоенную в группе НЛП стратегию произношения, либо спонтанно (то есть без тренировки). В случае какого-либо сомнения можно предложить испытываемому субъекту новый набор слов, трудных для произношения. Во время этой второй сессии тщательное выявление стратегии субъекта доставит подтверждение или опровержение того, какую конкретную стратегию успешно применяет этот субъект.

Наш исследователь мог бы произвести анализ ошибок – подразделить список трудных слов с помощью простого вопроса метамодел: «*трудно, но в чем трудность?*». Это привело бы к подразделению первоначального списка на слова, явным образом трудные вследствие расхождения между звуком и орфографией (отображением разговорной речи в письменную), и другие слова, не представляющие таких трудностей; иначе говоря, исследователь мог бы предсказать, что группа фоники гораздо хуже действовала бы на подмножестве трудных слов, чем на всем списке в целом.

Далее, наш исследователь мог бы заново просмотреть звукозаписи всех индивидов группы произношения НЛП, которые не сумели правильно произнести все слова, и особенно тех индивидов этой группы, исполнение которых было хуже среднего двух других групп. Опять-таки, в идеальном случае он мог бы предвидеть, что члены группы стратегии произношения НЛП, не сумевшие правильно произнести все слова, продемонстрируют своими движениями глаз, что они не применяют последовательно процедуру

$$V^i \rightarrow K^i \rightarrow A^d,$$

представляющую стратегию произношения НЛП. При этом было бы особенно важно заново рассмотреть подмножество тех несовершенных исполнителей, которые в действительности показали худшие

результаты, чем средние двух других групп, поскольку анализ их исполнения мог бы выявить очевидные отклонения от последовательности произношения НЛП.²⁸

Еще более убедительно было бы продемонстрировать использованием видеосъемок, что буквально в каждом случае, когда члены группы НЛП не сумели правильно произнести слово, можно было увидеть на снимке, что исполнитель не воспользовался требуемой последовательностью. Опять-таки, дальнейшие сессии могли бы устранить неоднозначность ситуации и определить, какую стратегию субъект использует в случаях успеха или неудачи.²⁹

Наш исследователь мог бы принять решение заново рассмотреть видеозаписи субъектов, относящиеся к тем случаям, когда субъект неправильно произнес слово – он мог бы, проверяя сильную форму притязания моделировщиков НЛП, предсказать, что во всех случаях неправильно произнесенного слова примененная стратегия произношения НИКОГДА не была стратегией произношения НЛП. В случае этих индивидов – тренированных в стратегии произношения НЛП, но проявивших плохие результаты – наш исследователь проверил бы с помощью заданий и прямого наблюдения, действительно ли эти индивиды правильно научились стратегии произношения НЛП и способны ли они к визуализации.

Вся эта тщательная проверочная работа позволяет изучить разрыв между сильной формой притязания моделировщиков НЛП и первоначальными результатами. Притязание само по себе устанавливает точку отсчета, и все отклонения от предсказанного им исполнения составляют в точности ряд различий, подлежащих более тщательному рассмотрению. Все дело в изучении этого ряда различий. Заметим, что вся эта проверочная работа должна вестись с использованием в качестве материала первоначального множества различий, подлежащего исследованию, причем выявление индивидуальных различий служит для тщательной оценки стратегий, в действительности примененных отдельными субъектами в меняющихся условиях (как в первоначальном испытании правильного или неправильного произношения, так и в более утонченных способах испытания, учитывающих различные факторы).

В этих расширенных формах эксперимента неявно присутствует следующее предположение: если стратегия НЛП работает так, как утверждает сильное притязание, то каждый использующий эту стратегию должен получать лучшие результаты, чем каждый член других групп. В самом деле, любые «ошибки» членов группы произношения НЛП должны быть тем более тщательно исследованы, чем ближе они подходят к контрпримерам, опровергающим притязания моделировщиков НЛП.³⁰

В конце этой проверочной работы исследователь сможет предложить набор основательных данных. Он сможет либо подтвердить сильное притязание стратегии произношения НЛП, либо в точности установить, при каких условиях это притязание не оправдывается. Заметим, что в этом частном примере единственная роль статистических средств (основанных на вероятностной модели) – это использование средних и, может быть, оценок, характеризующих тип распределения, как например стандартного отклонения, которые могли бы доставить исследователю некоторую уверенность, что в смешанных данных (результатах всей группы) имеется некоторый скрытый паттерн. Ободренный этим первоначальным результатом, он мог бы приступить к более утонченному исследованию стратегии и связанных с ней сильных притязаний.

За исключением этой первоначальной фильтрации для выявления образования паттернов, использование статистических мер не играет здесь никакой роли. Нам остается решить вопрос:

Могут ли статистические средства играть какую-либо другую необходимую и полезную роль в фазе подтверждения или опровержения паттернов (кроме того, что они дают исследователю уверенность в том, что дальнейшее более утонченное исследование по-видимому обнаружит паттерны)?

Мы не уверены, что эти средства могут сыграть такую роль. С нашей точки зрения в качестве моделировщиков, применение таких средств ограничивается главным образом описанным выше контекстом – тем, что они дают исследователю предварительные указания на скрывающийся в данных паттерн.

В самом деле, мы можем представить себе чисто качественный анализ того же сильного притязания стратегии произношения НЛП, вовсе не пользующийся такими средствами, без какой-либо потери в общности и достоверности. Достаточно просто обучить людей стратегии произношения НЛП, а затем

заставить их произнести трудные слова из предварительно заготовленного списка, с тщательным выявлением особенностей сопровождающими исследованиями, что должно привести к тому же ряду основательных результатов. Нам было бы приятно, если бы исследователи, более опытные в таких вопросах, объяснили нам, каким образом применение статистических моделей могло бы что-нибудь прибавить к анализу и оценке того класса паттернов, на котором определено моделирование НЛП.³¹

Резюме влияния Хомского

Как мы видим, хотя в области лингвистики имеется некоторое движение в сторону недискретного подхода, методы дискретного анализа, типичные для ТГ 70-х годов, по-прежнему применимы к изучению гениев.³²

Как бы ни развился этот вопрос в лингвистике, паттерны, на которых сосредоточено НЛП (решающие различия между ведущим исполнителем и «средними» исполнителями), основываются на дискретном анализе индивидуальных систем – то есть каждого из гениев, которые служили и будут служить источниками вдохновения для паттернов, кодируемых в НЛП.

Мы предвидим, что в будущем словарь и кодирование паттернов в НЛП^{мод} достигнут такой утонченности, что можно будет разработать специфическую парадигму, лежащую в основе более общего поведения (то есть поведения вне области языка). Такие подходы можно будет затем использовать (подобно классическим подходам Хомского к языку), чтобы определить, какое место должны занять в иерархии идеализированных компьютеров или автоматов соответствующие модели, формализующие паттерны превосходства в человеческом поведении.

Работы Хомского и, в частности, его изящная формализация и критика моделей грамматического описания, предшествовавших трансформационной грамматике, дают нам представление о математической основе его мышления и анализа – изучения паттернов естественного языка; такой конкретной основой была теория автоматов. Как было уже сказано, ТГ была единственным в своем роде глубоким фактором, повлиявшим на НЛП. Мы привели выше два примера, иллюстрирующих, как глубоко работа Хомского повлияла на мышление и поведение одного из создателей НЛП (ДГ), и каким образом она продолжает оказывать глубокое влияние в области НЛП:

1. Уместность выбора человека в качестве опоры при образовании паттернов, как в ТГ, так и в НЛП с его специальной областью деятельности – паттернированием превосходства.
2. Выбор дискретной парадигмы в качестве основы моделирования, исследования и проверки паттернов превосходства в НЛП.

Бейтсон

Трудно перечислить все способы, которыми воздействовал на НЛП этот интеллектуальный гигант – даже если не считать его прямой поддержки.³³

Как ни один из мыслителей своего времени, он последовательно демонстрировал стиль и качества независимого мышления, снова и снова вырывающегося из общепринятых интеллектуальных категорий, обычно служащих для исследователей организующими принципами, но в то же время и ловушками познания, мешающими им пробиться через трудности. Было бы весьма интересно составить перечень людей, подвергшихся его личному влиянию (с указанием фамилий, первоначального опыта, и в особенности с описанием их деятельности в контексте различных влияний Бейтсона).³⁴

По мнению авторов, работа Бейтсона лучше всего представлена его внушительным ранним сборником статей *Этапы экологии разума* – книгой столь плодотворной и богатой возможностями, что она будет стимулировать в течение десятилетий исследователей во всех областях человеческого поведения, включая НЛП.³⁵

Конечной целью стремлений Бейтсона была эпистемология – начав в качестве ботаника, он преследовал эту ускользающую добычу и в исследовании традиционных культур, не тронутых западным влиянием (например, культуры Бали), и в исследовании работы психики (например, шизофрении в Инсти-

туте Психических Исследований в Пало Альто), и в ряде других исследований обучения и коммуникации. Широта и глубина его работы поразительны.

Его влияние на НЛП имело разнообразные формы: во-первых, это была его способность междисциплинарного синтеза, вдохновившего нас на попытки такого синтеза. В частности, мы имеем в виду его работу о соотношениях сознательных и подсознательных процессов, о логических уровнях обучения и коммуникации, о кибернетике и т.д. Мы критически рассмотрим некоторые из его основных различий (см., например, *Логические уровни и логические типы*, Глава 1 Части III). В действительности Бендлер и Гриндер высказали уже свою критику в томе II *Структуры магии*. Во-вторых, надо отметить его великодушную личную поддержку работы двух безумцев (Гриндер и Бендлер) в их неортодоксальных возражениях против таких профессий как психиатрия и психология. Он был приятнейшим из знакомых, и в то же время самым требовательным из наставников. Было бы трудно перечислить все отдельные интеллектуальные стратегии и средства, развитые им и нашедшие применение в образовании паттернов НЛП.

Укажем одну такую стратегию. Бейтсон применял то, что он называл логическими уровнями, для распутывания ряда важных проблем. Проводя это различие, он следовал идее Рассела, хотя к этому надо подойти с осторожностью, поскольку Бейтсон часто говорит о логических уровнях, в то время как Рассел употреблял термин *логический тип*. В дальнейшем мы укажем добавочные различия и пересмотрим терминологию (см. Главу 1 Части III под заголовком *Логические уровни и логические типы*). Бесстрашное использование Бейтсоном этой концепции (а в действительности этого ряда концепций) столь фундаментально, что теперь трудно себе представить, как другие мыслители могли упустить это понятие и как кто-нибудь мог вообще эффективно работать без его систематического развития.

Практики НЛП, продолжающие думать о его важных применениях, найдут вдохновение в работе Бейтсона. Следствия из некоторых его мыслей будут еще долго влиять на развитие этой области, как и многих других.

Эриксон

Доктор Милтон Г. Эриксон, в течение десятилетий ведущий практик медицинского и психиатрического гипноза в Соединенных Штатах, был источником паттернирования, составившего созданную Бендлером и Гриндером вторую модель НЛП. У него была легендарная способность влиять на подсознательные процессы своих пациентов посредством официального или косвенного гипноза. Он утонченно управлял своим голосом и своими пространственными метками и располагал широким ассортиментом словесных паттернов, с помощью которых достигал требуемых результатов в работе с пациентами.

С самого начала своего контакта с Гриндером и Бендлером Милтон Эриксон бескорыстно предложил им свой опыт и постоянное руководство (конечно, всегда в форме метафор), что значительно облегчило их работу. Хотя он все время предчувствовал их потребности, как подлинный наставник, он отказывался их направлять; он предоставлял им самим находить материал и источники, нужные для продолжения их исследований. Когда у него запрашивали информацию, он отвечал в своей характерной манере:

«Так как я предвидел ваш вопрос . . . (здесь он делал перерыв, протягивал руку под стол и находил пачку оттисков своих многочисленных статей, которые, как он знал, трудно было бы отыскать), то я приготовил для вас вот это».

Эти материалы, вместе с прямыми наблюдениями, дали возможность Гриндеру и Бендлеру построить модель, которую они с признательностью называли Милтон-моделью.

Его достижения в понимании работы подсознания огромны и очевидны; часть из них подробно излагается в двухтомной работе Гриндера и Бендлера (в соавторстве с Делозье во втором томе) *Паттерны гипнотической техники Милтона Г. Эриксона*. Поскольку эти паттерны, таким образом, доступны читателю, мы не пытаемся описывать их в этой книге. Опять-таки, как и в случае Бейтсона, Эриксон великодушно оказал нам личную поддержку и благосклонно отнесся к выполненному нами труду –

двухтомной работе о его паттернах. Авторы этой книги несколько удивлены, почему столь многие из практиков НЛП не сумели обобщить паттерны подсознательной работы на контексты и процедуры, официально считающиеся внегипнотическими. Мы обсудим этот вопрос подробнее в Главе 3 Части II этой книги, под названием *Новый код*.

Эриксон систематически, тонко и чутко исследовал подсознание, отказываясь заключить это паттернирование в рамки сознательной логики. Его влияние особенно важно как противовес чрезмерной тенденции, существующей в западном мышлении и, в частности, в западной системе образования.

Как мы (Бостик и Гриндер) считаем, практик НЛП буквально не в состоянии конгруэнтно действовать, вызывая изменения, если он не культивирует текущую позитивную связь с собственным подсознанием — источником столь многих постижений в области НЛП.³⁶

Теория автоматов

Есть относительно малоизвестная и эзотерическая отрасль математики под названием Теория Автоматов — исследование абстрактных машин. Иерархия автоматов, изучаемых математиками в своей специальности, простирается от простейших — автоматов с конечным числом состояний — до самых мощных, машин Тьюринга.

В этой области в центре внимания находится вычислимость. В действительности сказать, что некоторая функция вычислима — это все равно что сказать «Существует машина Тьюринга, которая может вычислить эту функцию». Машина Тьюринга — это точно определенная математическая модель, успешно послужившая моделью для настоящих компьютеров, хотя она вовсе не является физической машиной, и в наше время отчасти реализуемая как идеализированная форма современного компьютера. Машины Тьюринга были созданы британским математиком Аланом Тьюрингом в 1936-ом году, задолго до появления настоящих компьютеров в том виде, как они известны их нынешним пользователям. Формализация Тьюринга сделала возможными некоторые из самых удивительных вычислительных достижений 20-го столетия.

В основе Трансформационной Грамматики естественного языка лежит модель под названием Теория Автоматов. Читатели, уже знакомые с образованием паттернов и кодированием НЛП, заметят существенные заимствования из Теории Автоматов: например, понятия *шестерки* (*Структура магии*, том II, Часть III), *четверки* (*Паттерны Гипнотической техники Милтона Г. Эриксона*, том II, стр. 17), *описания состояний* (вездесущих в первоначально классическом коде Гриндера и Бендлера), функции (такие как *операторы с и r* в *Паттернах гипнотической техники Милтона Г. Эриксона*, том II) и т.д. Как сказано выше, теория автоматов относится к классу дискретных математических моделей, в отличие от аналоговых или непрерывных математических моделей. Это поддерживает указанное выше различие, имеющее решающее значение при определении надлежащей эпистемологии для НЛП.³⁷

Эти заимствования, важные и полезные сами по себе, составляют лишь одну сторону связи между теорией автоматов и НЛП. Как мы надеемся, в будущем, когда словарь НЛП разовьется до надлежащей точности, кодирование паттернов станет вполне явным и т.п., нам удастся связать также нелингвистическое поведение с иерархией Теории Автоматов отображениями эквивалентности, подобными классическим построениям Хомского в области языка.³⁸

В неформальном описании машина Тьюринга (ТМ) (детерминистская, с одной лентой) есть гипотетическая машина с конечным числом состояний Q , с полубесконечной лентой, ограниченной слева конечной меткой $\}$ и неограниченной справа, и с головкой, которая может двигаться по ленте влево и вправо, читая и записывая. Удивительно, что с помощью этого минимального множества элементов все, что может быть вообще вычислено, может быть вычислено одной из гипотетических машин Тьюринга.

Машина Тьюринга

Читающая головка

полубесконечная лента

Действие этой машины Тьюринга можно представить себе следующим образом. Машина начинает работу в своем исходном состоянии и читает символ, записанный в крайней левой клетке ее входной ленты. В ее наборе формальных правил (переходной функции) содержится инструкция, говорящая, что если машина находится в состоянии s^i и читает символ a^i , то затем она пишет символ a^i , движется влево, вправо или остается на том же месте и переходит (или нет) в другое состояние s^j . Таким образом машина продвигается вдоль ленты, следуя установленному набору правил. Если в конце вычисления машина останавливается в состоянии приема, то входная лента называется вычислимой и принятой этой машиной. Если машина останавливается в конце вычисления в состоянии отказа, это значит, что входная лента отвергнута этой заданной машиной. Прием или отказ машины могут быть отображены (как это сделал Хомский) на лингвистические вопросы, например, на вопрос, составляет ли определенная последовательность слов правильно построенное предложение рассматриваемого языка, или нет.³⁹

Этим способом можно представить даже удивительный результат Геделя о неразрешимости. В этом контексте он известен как проблема задержки: для произвольно заданной, вполне определенной МТ (машиной Тьюринга), вообще говоря, невозможно решить по заданной входной ленте, остановит ли машина свое вычисление с этой лентой через конечное число шагов.

Хотя эти результаты поразительно важны и плодотворны в более широком контексте философии науки и математики в целом, мы не будем заниматься ими в этой книге. Читатель с соответствующей подготовкой может познакомиться с этими вопросами глубже по любому изложению Теории Автоматов.

Я (ДГ) полагаю, что значительная часть моего собственного формального мышления о поведении и его кодировании сложилась под глубоким влиянием формализмов, определенных в Теории Автоматов. Независимо от того, можно ли заимствовать другие существенные идеи из этой области, эта случайность моего личного интеллектуального развития оказалась важным стимулом всего моего мышления о декомпозиции поведения при изучении превосходства и о кодировании его элементов. Я полагаю даже, что систематическая подготовка в этой области может в значительной степени прояснить происходящие теперь дискуссии с неправильными рассуждениями, смешивающими логические типы и уровни – какие можно встретить в журналах, претендующих на представление работы в области НЛП.

Логика

Может быть, наша позиция вызовет споры, но нам представляется очевидным, что исторические корни логики исходят из внутренней логики естественного языка. Это значит, что создание формальных систем и, в частности, логики (формальных систем, логики предложений, логики предикатов и модальной логики) представляет собой утонченное и очищенное обобщение паттернирования, содержащегося в системах естественного языка. Если принять эту точку зрения, то становится ясным, что, вдобавок ко всем уже наличным применениям логики, она представляет также возможное орудие исследований, ведущих к явному моделированию некоторых отображений, предшествующих преобразованиям I^2 естественного языка – что должно составить существенную часть эпистемологии будущего.

Мы формально доказываем (см. Часть III, Глава 1, *Логические уровни и логические типы*), что структуры, лежащие в основе языка, в обеих главных категориях, обычно различаемых лингвистами (существительные и глаголы), образуют множество иерархий, определяемых логическим включением (логическими уровнями). Это упорядочение по логическому включению типично для лингвистических преобразований, и явно не характерно для многих паттернов на уровне ПД – что составляет важное

различие при выборе способов вмешательства в приложениях паттернов НЛП к изменению поведения. Для нашей нынешней цели отметим следующие дальше отображения, связывающие паттернирование в НЛП, паттернирование в естественном языке и формальные логические системы.

В самом элементарном разделе формальной логики, в исчислении предложений, начатом еще греками, делается попытка формально определить правила правильного рассуждения. Все это предприятие решающим образом зависит от набора логических связок – таких операторов как И, ИЛИ, ЕСЛИ $\rightarrow$ ТО, НЕ и т.д. Определение этих операторов задается таблицами истинности. Например, таблица истинности для оператора И задается следующим образом:

Таблица истинности, определяющая оператор И

S^i	S^j	S^i и S^j
T	T	T
T	F	F
F	T	F
F	F	F

(где T = истинно и F = ложно)

Таблица читается следующим образом: два левых столбца содержат множество из всех четырех возможных перестановок символов T (истинно) и F (ложно) для отдельных предложений S^i и S^j . В третьем столбце перечисляются истинностные значения конъюнкции (соединения оператором И двух предложений S^i и S^j). В итоге истинностная таблица говорит, что если в нашей логической системе заданы два произвольных, правильно построенных повествовательных предложения, то конъюнкция этих двух предложений (соединенных оператором И) истинна в том и только в том случае, когда оба предложения S^i и S^j сами верны, и ложна во всех других случаях.

Истинностная таблица, определяющая оператор ИЛИ

S^i	S^j	S^i или S^j
T	T	T
T	F	T
F	T	T
F	F	F

Эта таблица читается таким же образом и говорит, что если в нашей логической системе задано два произвольных, правильно построенных повествовательных предложения, то дизъюнкция этих двух предложений истинна в том и только в том случае, если одно из этих отдельных предложений или оба истинны, и ложно в противном случае (то есть в случае, когда S^i и S^j оба ложны).

Эти определения с помощью истинностных таблиц хорошо согласуются с практикой естественного языка. Если я скажу вам два следующих предложения:

Я устал

Вы носите зеленое платье

и если оба эти предложения оказываются при проверке правильными (то есть истинными на языке формальной логической системы), то их конъюнкция, то есть предложение

Я устал и вы носите зеленое платье

считается правильным (истинным). В самом деле, если вы спросите себя, при каких условиях вы сочтете последнее предложение правильным, то вы легко придете к выводу, что сочтете его правильным в точности в том случае, если правильны оба отдельных предложения. Это превосходно согласуется с формальным определением логического оператора И.

Теперь задайте себе параллельный вопрос, при каких условия вы сочтете дизъюнкцию

Я устал или Вы одеты в зеленое платье

точным описанием вашего опыта; вы придете к выводу, что она превосходно согласуется с истинностной таблицей для логического оператора ИЛИ. Иначе говоря, вы признаёте, что дизъюнкция справедлива, если истинно одно из двух отдельных предложений. Если же истинны оба предложения, вы, может быть, удивитесь, зачем нужна такая дизъюнкция, но если уж вам придется решить, считать ли ее истинной или нет, то в конечном счете вы припишете ей истинное значение. Конечно, в нормальных обстоятельствах это, несомненно, странное сообщение. Ну и хорошо! Объяснение отрицания НЕ не вызывает трудности, но истинностная таблица для ЕСЛИ $\rightarrow$ ТО вызывает у многих людей вопросы.

Эти вопросы связаны с неопределенностью, или неточным определением выражения *если x, то y* в естественном языке. Но в этом как раз и состоит одно из решающих различий между естественным языком и формальной логикой. Формальная логика не имела бы никакой цены для представления правильных умозаключений, если бы в ней не доставало соответствующего определения. Как мы полагаем, обсуждаемая здесь формальная логическая система была выведена из способа образования паттернов естественного языка, а именно, посредством точных предписаний, очищающих его от неопределенности и двусмысленности, присущих соответствующим паттернам естественного языка.

Важно заметить, что исчисление предложений имеет совершенно общий характер: оно не зависит от содержания входящих в него отдельных предложений. Каково бы ни было содержание S^i и S^j , если мы знаем их истинностные значения, то мы знаем также значения составных предложений, образованных из них с помощью логических операторов. Это имеет важное значение для вычислительных целей – что и составляет одно из глубоких преимуществ любого формального или синтаксического подхода, и тем самым определяющую характеристику паттернирования НЛП.

Как мы заметили во втором томе исследования гипнотических паттернов доктора Эриксона (Гриндер, Делозье и Бендлер, *Паттерны гипнотической техники Милтона Г. Эриксона*),

С лингвистической стороны мы сочли полезным различать три категории отношений или связей:

(а) Конъюнкция, то есть использование связки «и» (с утверждением в обоих случаях)

... Самый обычный способ, которым гипнолог использует этот процесс моделирования – это связывание некоторой части текущего переживания клиента, которую тот способен непосредственно проверить, с переживаем или поведением, которое гипнолог хочет у клиента создать.

Паттерны гипнотической техники Милтона Г. Эриксона, Том II, стр. 147-148.

Иными словами, гипнолог строит расширенную конъюнкцию

$$S^i \text{ и } S^{i+1} \text{ и } S^{i+2} \text{ и } S^{i+3} \text{ и } S^{i+4} \text{ и } S^{i+5} \text{ и } \dots S^j,$$

где предложения от S^i до S^{i+4} и т.д. – истинные, поддающиеся непосредственной проверке в текущем переживании клиента, а S^j – то, что гипнолог хочет ввести в переживание клиента...

Таким образом, клиент слышит ряд утверждений, правильность (истинность) которых он может непосредственно проверить, и в конце концов, проверив ряд правильных предложений, соединенных подряд оператором естественного языка *и*, он слышит предложение, которое он сделает правильным (истинным), чтобы сохранить истинностное значение всей конъюнкции.

В стратегиях изменения поведения можно, точно так же, найти предшественника логического оператора ИЛИ, взятого из естественного языка. Напомним, что ряд предложений, связанных этим логическим оператором, считается «истинным» в том и только в том случае, если «истинно» одно из связываемых предложений. Может быть, самое очевидное приложение этого оператора содержится в работе доктора Эриксона – точнее, в его предложении ряда альтернатив, из которых клиента просят сделать выбор. Как правило, Эриксон сосредоточивает внимание клиента на ряде дизъюнктивных альтернатив, а затем предлагает ему свободно выбрать для выполнения одну из них. Разумеется, доктор Эриксон prepares этот ряд таким образом, что прежнее (нежелательное) поведение представляется как одна из альтернатив наряду с более нежелательными выборами, а также с одним или несколькими видами поведения, которые Эриксон желает в действительности внушить клиенту. Например, когда к Эриксону обратились родственники молодого человека, который глубоко отождествлял себя с Иисусом Христом и вел себя в обществе все менее приемлемым образом, Эриксон предложил этому молодому человеку соорудить по контракту большой тяжелый деревянный крест, а потом пронести его через жилые кварталы. Столкнувшись с задачей выполнить такое чрезмерное (и весьма обременительное) задание, молодой человек избрал один из относительно безобидных вариантов, которые Эриксон включил в первоначально предложенную ему дизъюнкцию.

Следующая логика, в порядке возрастания сложности, это исчисление предикатов, где изучается истинность предложений формальной системы, содержащей кванторы. Типичными образцами этого уровня логики являются выражения следующего вида:

$\forall x$ *x смертен*

$\exists y$ *y желтый.*

Простейший перевод их в нормальные английские тексты таков:

Для всех x, x смертен   или   *Все смертно*

Для некоторого y, y желтый   или   *Нечто – желтое*

Здесь символ $\forall$ изображает квантор общности – выражаемый в терминах естественного языка словами *все, каждый, любой, всё, всегда (всё время)* и т.д., тогда как символ $\exists$ означает квантор существования, *некоторый, некий, нечто, иногда* и т.д. Взаимодействие квантора общности ($\forall$), например, с отрицанием ($\sim$) дает *ни один, никакой, никто, ничего, никогда* и т.д. ($\forall\sim$)

В первой модели, созданной и закодированной в НЛП – метамодели – содержится специфическое возращение, относящееся к квантору общности. Это явление демонстрируется следующим диалогом:

Клиент: *Все меня ненавидят*

Терапевт: *Все? (с вопросительной интонацией)*

Терапевт ставит здесь намеренно под вопрос некоторое обобщение клиента, составляющее часть его мысленной карты, препятствующей ему осуществить его полные возможности и существенно улучшить качество его жизни. Предложение клиента имеет вид:

$\forall x$ *x меня ненавидит*

где переменная x пробегает множество всех людей

Возражение терапевта представляет собою требование к клиенту, чтобы тот уточнил свою мысленную картину, внося в нее различия, которых в ней прежде не было. Такое ущербное мышление и его выражение часто лежит в основе препятствий, мешающих общему развитию личности, поскольку выборы, не представленные в мысленной карте клиента – это выборы, отсутствующие в его мире.

Приведем, наконец, пример из логики высшего порядка – модальной логики, где встречаются такие выражения:

Необходимо ждать до следующей недели, чтобы выполнить ваш запрос.

Невозможно выполнить ваш запрос тотчас же.

При переводе в модальную логику символ $\square$ представляет *необходимо*, а символ $\diamond$ представляет *возможно*. Тем самым сочетание $\sim \diamond$ представляет *не возможно* или *невозможно*.

$\square (\forall x)$ *x ждать до следующей недели, чтобы выполнить ваш запрос*

$\sim \diamond (\forall x)$ *x выполнить ваш запрос тотчас же*

Конъюнкция модальных операторов необходимости и возможности (не)возможности с квантором общности составляет особенно зловещее множество представлений в мысленной карте клиента. Мета-модель ставит под вопрос эти модальные операторы следующим образом:

Клиент: *Необходимо ждать до следующей недели, чтобы выполнить ваш запрос.*

Терапевт: *А что случится, если вы не будете ждать до следующей недели, чтобы выполнить мой запрос?*

Клиент: *Невозможно выполнить ваш запрос тотчас же.*

Терапевт: *А что случится, если вы выполните мой запрос тотчас же?*

Есть и другие примеры применений этих видов логики, уже закодированные для использования в НЛП. Наша цель здесь – указать заинтересованным читателям на интеллектуальных предшественников НЛП в надежде, что они ознакомятся с ними, углубив свое знание этих богатых источников паттернов, и сделают из этого дальнейшие вклады в паттерны НЛП.

Резюме

Каждое открытие и изобретение имеет свою историю. В такой истории выступают люди, образование, интересы и биография которых соединяются в надлежащее время в некотором контексте, и которые используют эту возможность, чтобы создать, изобрести, открыть или развить нечто новое. Во время, когда это происходит, индивид подсознательно прибегает к ресурсам своей личной истории. Эти ресурсы в значительной степени представляют собой подсознательные фильтры, через которые он воспринимает мир. Иногда от этих фильтров зависит решающее отличие этого первооткрывателя от соседа, который удовлетворится, попросту используя это открытие, но не сделает его сам.

Этот краткий обзор интеллектуальных предшественников НЛП имеет двоякую цель:

1. указать внимательным читателям, где они могут найти и оценить источники НЛП,

2. доставить доступ к этим источникам, чтобы заинтересованные читатели могли сами решить, есть ли в этих и связанных с ними дисциплинах добавочные отображения и различия, не замеченные или пропущенные Гриндером и Бендлером в их историческом предприятии.

Далее, этот раздел преследует цель указать и объяснить заинтересованному читателю интеллектуальную ситуацию (одного из соавторов – ДГ), составившую контекст создания НЛП.

На форму изложения этой главы, как и последующей, повлияла глубокая любознательность одного из соавторов (КБ), которой принадлежит и инициатива ее написания. Таким образом, этот раздел в значительной степени является результатом взаимодействия между обоими соавторами, возникшего из этой любознательности.

Желаем вам успеха!

Примечания к Главе 3 Части I

1. Оба соавтора этой книги испытали особое переживание, приняв участие в качестве гостей на заседании в Вене в 1997 году в кафе Ландтмана, том самом, где происходили традиционные встречи логических позитивистов в горячие дни возникновения этого течения, в 19-м столетии. В этом случае предметом встречи были совместные усилия, предпринятые в германоязычных странах, вместе с представителями из Германии, Австрии и Швейцарии, с целью добиться признания надлежащими властями Нейролингвистической Психотерапии. Следствием успешного лоббирования этой группы было бы признание и регистрация Нейролингвистической Психотерапии как законной формы психотерапии и, тем самым, ее доступ к платежам в медицинских системах и системах социального обеспечения соответствующих стран. Читатели, желающие больше узнать об этом движении, приглашаются вступить в контакт с Петером Шульцем по адресу friendly@eunet.at или любым другим членам Европейской Ассоциации Нейролингвистической Психотерапии (EANLP).
2. Эрик Робби в статье, опубликованной в журнале *Мир НЛП (NLP World)*, Том 7, №3 за ноябрь 2000 года, делает следующее утверждение (основываясь на своем прочтении *Порождающей грамматики* Хоррокса (*Horrocks' Generative Grammar*, 1987) и цитируя высказывание Бендлера и Гриндера в *Структуре магии*, том I, стр. 207):

Мы интуитивно предвидим, что модель Порождающей Семантики будет наиболее полезна в области соотношений Логической Семантики.

Робби комментирует это таким образом:

И он (Гриндер) или они (Гриндер и Бендлер) в этом полностью ошиблись.

Робби прав в том, что источником цитированного здесь мнения из *Магии*, Том I, был Гриндер, но его заключение (так же, как заключение Хоррокса) неверно. В самом деле, Порождающая Семантика давно заброшена, и я (ДГ) сказал бы, что, как и предшествовавшая ей Стандартная Теория Хомского, она сослужила чрезвычайно полезную службу, в качестве точно определенной позиции, откуда лингвистическое исследование продвинулось к его нынешнему положению – к развитию Когнитивной Грамматики. Развитие Когнитивной Грамматики и Когнитивной Науки зависело именно от работы, открывшей возможности порождающей семантики и освободившей занятых ею лингвистов от этой парадигмы. Это естественный и обычный ход событий в быстро развивающейся дисциплине. Наше другое замечание относится к форме всей статьи Робби, представляющей собой странную смесь логических типов и логических уровней. Некоторые аспекты этой статьи симптоматичны, свидетельствуя о том, что должно измениться, чтобы НЛП заняло принадлежащее ему по праву место наряду с другими систематическими способами исследования человеческого поведения:

- а. Робби берется доказать упорядоченность, но нигде не указывает, какую упорядоченность он имеет в виду (см. для сравнения Главу 2 Части III этой книги). Касается ли предлагаемое им

упорядочение приложений в контексте вызываемого изменения (то есть упорядочения в реальном времени применения); или речь идет о некотором роде упорядочения паттернов и группировок паттернов; или же надо считать это утверждением о психологической реальности группировок паттернов и их упорядоченности по отношению друг к другу? Все это не объясняется. Таким образом, отсутствует связная основа как для поддержки и развития его предложения, так и для предложения контрпримеров, уточняющих дискуссию. Это не позволяет использовать его работу для продвижения в вопросе о порядковых отношениях в метамодели.

- б. Доказательства – весьма точная и явная форма рассуждений; либо Робби не знает, что такое в действительности доказательство, либо он использует этот термин в метафорическом смысле. Если он использует термин метафорически, то он обязан поместить его в надлежащую рамку. Поскольку он этого не делает, то он попросту теряет всякое доверие читателей, действительно понимающих формальные требования к доказательствам, и препятствует серьезному рассмотрению своей работы математиками и лингвистами, имеющими точное представление о том, что такое доказательство.
- в. Робби вводит и использует терминологию без определений, делая этим невозможной любую попытку серьезно оценить идеи, которые он пытается выразить; в самом деле, некоторый минимум операционных определений является предпосылкой для начала профессионального и интересного публичного диалога в области НЛП.

Мы приводим эту критику статьи Робби просто как пример того, какого рода различия надо принимать во внимание при изложении работы в области НЛП, чтобы это изложение принималось всерьез и вело к успеху.

Наше собственное мышление, разумеется, направлено иначе – к редуцированной или минимальной модели, но такой, которая функционально эквивалентна полной метамодели. По-видимому Робби совершенно упустил из виду самую основу моделирования – отображение сложного поведения на небольшое множество поддающихся изучению, эффективно передаваемых явных переменных, и то же относится, по-видимому, к М. Холлу. Это различие независимо от только что приведенной критики и является эмпирическим вопросом.

- 3. Интересный вопрос для размышления: можно утверждать, что собственная нотная запись Бетховеном его Пятой симфонии не представляет Пятую симфонию Бетховена. Сама по себе нотная запись есть уже представление и интерпретация той Пятой симфонии, которую он сам сочинил, в собственной нервной системе.

Заметим еще, что различие между компетентностью и исполнением, решающее в нашем тексте, развилось в дальнейшие годы в дискуссию, где это понятие заменяется термином *Я – язык*. Не вполне ясно, насколько отличаются использование терминов *компетентность и исполнение* и *Я-язык*. Очевидно, Хомский выбрал новый термин отчасти для того, чтобы выразить этим свои возражения против анализа языка как публичного конструкта, о котором отдельные носители языка имеют лишь частичное знание. Насколько мы можем судить, интерналистская позиция Хомского совместима с тем пониманием прежнего различия компетентности и исполнения, какое было изложено здесь (см. Ноам Хомский, *Новые горизонты в изучении языка и психики*, 2000).

- 4. Если читатель в этом сомневается, мы предлагаем ему спокойно прослушать какой-нибудь подлинный разговор двух или более людей под действием алкоголя, наркотиков или утомления, или без такого действия, и отметить, сколько высказываний они воспринимают как правильно построенные предложения английского языка.
- 5. Мы не хотели бы вводить в заблуждение читателя, не искушенного в практике лингвистики, и в особенности синтаксиса, внушая ему представление, будто исключение из корпуса данных этих последовательностей слов, интуитивно воспринимаемых как безграмотные, привело к разительным успехам в описании грамматики, лежащей в основе исполнения носителей языка. Как заме-

тил однажды Поль Посталь, несомненно один из способнейших исследователей синтаксиса, работающих в традиции Трансформационной Грамматики, *средняя продолжительность жизни паттерна без контрпримера составляет примерно полторы минуты, за исключением вечера в пятницу, когда она снижается до 30 секунд.*

6. Практик НЛП, получивший тренировку в Милтон-модели, узнаёт в центрально погруженной структуре один из излюбленных приемов гипнотической техники Эриксона с разговорным наведением транса. Эриксон имел обыкновение начинать рассказ, потом прерывал его, чтобы вставить в него другой рассказ, затем вставлял третий рассказ внутрь второго (уже вошедшего в первый), и т.д. (см. другое описание в Главе 2 Части II). Примерно на третьей погруженной структуре клиенты доктора Эриксона отказывались от всяких сознательных попыток классифицировать эти рассказы и сопровождающие их сообщения, или настолько сосредоточивались на некотором аспекте неразрешенных рассказов, что прямой доступ к подсознанию не представлял уже трудности. Иногда доктор Эриксон завершал центрально погруженную структуру, заканчивая каждый рассказ в их соответствующем порядке, а иногда он просто оставлял рассказ в подвешенном состоянии (вместе с вниманием своих клиентов).
7. Одно правдоподобное объяснение трудности, связанной с центрально погруженным предложением, состоит в том, что оно превосходит краткосрочную память большинства носителей языка. Нам кажется, что носители немецкого языка должны в таком случае демонстрировать заметное преимущество в обработке таких структур. Это объясняется синтаксисом немецкого языка, помещающего все перед исходным глаголом, а исходный глагол в конце предложения – такая синтаксическая форма отчасти аналогична центрально погруженному предложению в смысле требований, предъявляемых к обработке.
8. Предпочтительный метод установления этого специализированного контекста при испытании материала, вопреки интуитивным ожиданиям, по-видимому, слуховой, хотя у некоторых лингвистов встречаются индивидуальные вариации в этом предпочтении, поскольку они в действительности предпочитают видеть предложенную последовательность слов в письменной форме. Практики НЛП узнают в этом предпочтение некоторой системы представления. Большинство лингвистов, с которыми я (ДГ) работал, также применяет, как правило, кинестетический выход как часть своей стратегии суждения о предложениях.
9. В лингвистике это различие передается терминами *прескриптивный* – диктуемый повелительно, то есть без всякого видимого основания в подлинно интернализированной и неврологически выраженной грамматике носителей языка, и *нормативный* – соответствующий тому, что носители языка в действительности считают правильно построенными, двусмысленными, синонимическими и т.д. предложениями своего родного языка. Прескриптивная грамматическая установка является особенно забавной формой эпистемологической ошибки, смешивающей карту с территорией.
10. Фоконы (1994) характеризует эти традиционные интуитивные суждения носителей языка или лиц, бегло говорящих на этом языке, как способность конструировать «надлежащие минимальные контексты» (страница XXVII предисловия его книги *Психические пространства*). Что более важно, его работа, наряду с другими (например, Лангеккера), представляет нарушение парадигмы, развенчивающее предложение как основную единицу анализа и обещающее найти путь к когнитивным структурам, которые мы используем как человеческие существа, и следствием которых является построение лингвистических паттернов. Мы аплодируем его усилиям.
11. Конечно, в это время НЛП, с его кодификаций движений глаз и их истолкованием, еще не возникло.
12. Разговоры с рядом профессиональных математиков обнаружили, что в некоторых частях своей профессиональной деятельности – например, в первоначальной оценке формального доказательства – они проходят последовательности операций, вполне аналогичные описанным выше.

Мы хотели бы также обратить внимание читателя на происходящие теперь в Когнитивной Грамматике дискуссии о природе интуиции с точки зрения лингвиста (см. Лангеккер, 1978, Фоконье, 1994) – например, Фоконье полагает, что интуитивные действия в действительности служат проверкой способности носителя языка, составляющего суждения, произвести контекст, в котором подлежащее суждению предложение окажется приемлемым. Лангеккер считает обилие звездочек (значков, используемых в порождающей грамматике и в нашей книге) аргументом против автономии синтаксиса, полагая, что существует градация образования паттернов, начиная со словаря и семантики вплоть до употребления (подлинного акта речи), и не различая при этом отдельных синтаксических уровней (таких как Глубокая Структура).

13. Читателям, которые пожелали бы сравнить свои интуитивные суждения с нашими, мы предложим рассмотреть слово *Николь*, являющееся, по-видимому, подлежащим в обоих предложениях. Оно имеет совершенно различные функции в том, что лингвисты той эпохи называли Глубокой Структурой (так называлась нечто вроде необработанной первоначальной версии предложения перед применением различных синтаксических операций, отображающих его в то, что мы действительно говорим). Рассмотрим предложение

Николь старается нравиться.

В этом предложении *Николь* – подлежащее глагола *нравиться*, то есть смысл предложения в том, что Николь является лицом, стремящимся нравиться кому-то другому. Во втором предложении

Легко нравиться Николь

слово *Николь* функционирует как дополнение глагола *нравиться*, то есть кто-то другой нравится Николь. Можно сказать

Николь старается нравиться Греггу,

но нельзя сказать

* Легко нравиться Николь Греггу.

14. Мы признаем также особую важность экспериментов, имеющих целью обнаружить подсознательные восприятия как зрительных паттернов, так и лингвистических. Чтобы не перегружать изложение, мы оставляем здесь в стороне эти добавочные методы исследования. Заметим, что их включение лишь усилило бы нашу аргументацию, поскольку опорой опять-таки являются представления и конструкции человека. Это первоначальное и в некотором смысле предварительное исследование образования паттернов подсознательного восприятия несомненно станет важным элементом будущих моделей человеческого познания. Превосходный пример такого исследования, использующего подсознательное паттернирование, см. в работе Kurzban, Tooby and Cosmides в *Proceedings of the National Academy of Sciences*, December 15, 2001.

15. Конкретные переменные, которые имелись в виду в этом утверждении, следующие:

Уже несколько десятилетий назад было замечено, что момент якорения (то есть фактического установления якорного состояния) в сильной степени определяет эффективность якоря при повторном доступе к этому состоянию. Если, например, якорь ставится непосредственно перед или сразу же после наивысшего физиологического выражения состояния, подлежащего якорению, то он окажется значительно менее эффективным при повторном доступе к заякоренному состоянию, по сравнению с якорем, установленным в точности в момент максимально выраженного состояния – таким образом, здесь важна переменная времени.

Если якорь установлен в одной из трех главных систем представления (или входных каналов), и если во время якорения клиент получает другие представления в этом же канале, то эффективность якоря значительно уменьшается. Это иногда называется перемен-

ной чистоты – измеряющей, насколько чисто внимание клиента в состоянии, когда ставится якорь.

Обе этих переменных представляют процессы, в конечном счете нейрофизиологические по своему происхождению, известные практику лишь по происходящим физиологическим сдвигам, обнаруживаемым при калибровке и связанным с изменениями состояния. Наблюдения, сделанные в нашем совокупном опыте якорения (в течение более 50 лет), убедили нас в том, что якорение лучше всего поддается пониманию (анализируется и оценивается) как непрерывный процесс, а не как дискретное явление, разделяемое на категории. Эти замечания опираются на наблюдения, свидетельствующие о градации реакций на якорение в зависимости от переенных времени и чистоты, каких может добиться практик.

Наконец, тот факт, что якорение – центральный процесс в практическом применении паттернов НЛП – до сих пор НЕ БЫЛО систематически изучено, свидетельствует о недостатке серьезных систематических исследований в нашей области. Этот вопиющий недостаток может быть восполнен блестящей докторской диссертацией какого-нибудь предприимчивого и хорошо подготовленного практика НЛП.

16. Что касается других видов, то предельный известный нам случай составляет Уошо, шимпанзе, воспитанный супругами Гарднер из Университета штата Невада. Они справедливо предположили, что одним из факторов, делающих шимпанзе неспособным выучить язык, являются ограничения их звукового тракта – то есть их неспособность формировать требуемые звуки, поскольку их физиологические механизмы просто этого не допускают. Тем самым любая попытка ответить на вопрос

Способны ли шимпанзе научиться языку?

путем обучения их какому-нибудь разговорному человеческому языку обречена на неудачу – факторами, несущественными по самой природе вопроса. Поэтому экспериментаторы учили Уошо Американскому Языку Знаков (American Sign Language, ASL).. По-видимому шимпанзе усвоил несколько сот знаков и продемонстрировал поразительные новые применения, в том числе спонтанное исполнение знака «цветок» при виде изображения цветка в журнале (значит ли это, что шимпанзе способны, как и мы, делать эпистемологическую ошибку, смешивая карту с территорией?). После этого Гарднеры готовы были утверждать, что Уошо преодолел языковой барьер, отделявший, как ранее предполагалось, человека от всех других видов. Мой главный профессор в КУСД* Эдвард Клайма был приглашен, чтобы проанализировать то, что делал Уошо. Клайма полагал в консервативном духе (и по нашему мнению, правильно), что ответ на вопрос, преодолел ли Уошо языковой барьер, отчасти зависит от ответа на следующий вопрос:

Является ли Американский Язык Знаков языком того же логического типа, что человеческие разговорные языки?

Как нам кажется, вопрос сводится к тому, можно ли продемонстрировать, что Американский Язык Знаков содержит вполне развитую синтаксическую систему. Более конкретно, могут ли исследователи доказать, что существует две последовательности знаков, состоящих из одного и того же множества знаков и различающихся лишь порядком этих знаков, но означающих в рассматриваемой системе разные вещи. По этому вопросу можно сослаться на исследования Урсулы Беллуджи-Клайма и, в частности, на последние комментарии Клайма и Беллуджи-Клайма с их соавтором Грегори Хиккоком в их статье *Знаковый язык в мозге* (Edward Klima, Ursula Bellugi-Klima, Gregory Hickok, Sign Language in the Brain, *Scientific American*, June 2001, pp. 58 – 65). В этой статье они недвусмысленно утверждают:

Но в действительности языки знаков – это высоко структурированные лингвистические системы со всей грамматической сложностью разговорных языков.

Хотя мы не имели доступа к данным, на которые опирается это заключение, мы доверяем этим исследователям и надеемся в будущем проверить открытое ими образование паттернов.

Калифорнийский Университет в Сан Диего. (Прим. перев.).

17. Это лишь часть задачи лингвиста, специализирующегося в синтаксисе, но вполне достаточная для целей нашего изложения. Напомним читателям, что поскольку нашей целью в этом разделе является изучение интеллектуальных предшественников НЛП, мы ссылаемся на тот класс образования паттернов в Трансформационной Грамматике, который был в употреблении во время создания Гриндером и Бендлером НЛП (начало 1970-х годов). С тех пор в этой области произошло много нового, и читатели могут сами ознакомиться с текущей работой в ней тех, кто считается преемниками ТГ (например, с Когнитивной грамматикой и Когнитивной Наукой), чтобы вместе с другими исследователями внести свой вклад в исследование человеческих паттернов.

В частности, по поводу обсуждаемого вопроса заметим, что представители Когнитивной Грамматики подвергли резкой критике полезность исследовательской стратегии различения исполнения и компетентности, составлявшей краеугольный камень синтаксической работы в 60 – 70-е годы. Можно приветствовать их попытку распространить образование паттернов с относительно изолированной области синтаксических паттернов на то, что раньше рассматривалось как предмет семантики и прагматики (причем последняя первоначально считалась делом психологов). В конце концов, использование языка в любом практическом смысле затрагивает эти области, отныне считающиеся допустимой темой исследования для современных лингвистов. Историческая стратегия состояла в том, что синтаксис может подвергаться паттернированию автономно, причем переменные исполнения относились к совсем иной области (психологии). Теперь можно сказать, что эта стратегия сослужила блестящую службу, продвинув исследование до того уровня, когда сдвиг парадигмы стал уместным и возможным.

Как нам кажется, это естественный ход развития в сменяющих друг друга научных дисциплинах, где сначала развивается модель с упрощенными предположениями, которые приводят к большому успеху (поскольку они весьма облегчают кодирование паттернов), а затем эти предположения наталкиваются на ряд контрпримеров. Это приводит, в свою очередь, к изменению парадигмы, что и произошло в лингвистике в последние десятилетия.

18. Нельзя сказать, чтобы лингвисты всегда были единодушны в этих вопросах. В 70 и 80-х годах была сильная тенденция сосредоточить синтаксические и фонологические исследования американского английского языка на диалектах, предпочитаемых интеллектуальной элитой и восточными университетами*, что несомненно, хотя и ненамеренно, создавало одностороннее направление, уже исправленное или подлежащее исправлению.

Я вспоминаю конференцию высокого уровня в области трансформационного синтаксиса, состоявшуюся в 1970 году в Калифорнийском Университете в Сан Диего, где присутствовали лучшие представители этой отрасли (Посталь, Росс, Филлмор, Лаков и другие), с заметным исключением Хомского. На этой конференции Г. Лаков высказал утверждение, что ни один язык не допускает правильно построенного предложения с двумя или более смежными модальными операторами. Тогда поднялась Сьюзетт Хейден Элджин, в то время аспирантка (а теперь профессор лингвистики), которая была соавтором учебника, написанного одним из авторов этой книги (ДГ), и любезно заметила:

Вы могли бы найти такие примеры в Озарках!#

Конечно, это высказывание было контрпримером к утверждению Лакова. Оказалось, что было очень мало лингвистов, занимавшихся полевой работой (как это было в случае Элджин) и происходивших из этих мест, или знакомых с диалектами этой части Соединенных Штатов.

19. В самом деле, движения глаз были предметом десятков магистерских и докторских диссертаций в университетах Соединенных Штатов и Европы в течение последней четверти столетия. Поскольку эти исследователи не смогли понять развитую здесь методологическую точку зрения, их работы были как правило неудовлетворительны: примерно половина из них доказывала

---

* В подлиннике Ivy League (буквально «Лига Плюща») – американское обозначение интеллектуальной элиты, преимущественно сосредоточенной в университетах восточного побережья. (Прим. перев.).
# Ozark Mountains – группа невысоких гор в Южном Миссури, Северном Арканзасе и Северо-восточной Оклахоме. (Прим. перев.).

значение движений глаз, а другая половина утверждала, что такого паттерна нет. Заметим, что нам неясно намерение, стоящее за такими исследованиями (кроме очевидного желания получить степень), поскольку, как мы уже объясняли, НЛП сосредоточивается на изучении индивидуальных систем, управляемых целостными правилами. Для этих неудовлетворительных исследований характерно смешение данных, относящихся к разным субъектам, что значительно увеличивает вероятность не обнаружить какой-нибудь паттерн, если он в самом деле существует. НЛП – это исследование отдельных актов поведения, управляемых целостными правилами и наблюдаемых у индивидов, отличившихся постоянным превосходством в своей области.

20. Это был классический вопрос о доступе, исторически служивший, а в некоторых случаях и до сих пор используемый, чтобы побудить субъекта продемонстрировать движения глаз, указывающие на зрительный доступ. Ретроспективно представляет интерес заметить, что предпосылки этого вопроса могут использоваться, если хотят продемонстрировать подсознательный этнический и географический шовинизм в происхождении НЛП вообще и систем представления в частности. Представьте себе, насколько полезен (или даже уместен) такой вопрос в однородной группе людей азиатского, африканского, испанского и т.д. происхождения.
21. Это не значит, что любое человеческое поведение лучше всего описывается системами правил – например, как было указано выше, в практике якорения имеются отчетливые аналоговые компоненты. Проведение границы, отделяющей те части человеческого поведения, которые надлежащим образом описываются системами правил категорического типа, от тех, которые лучше всего представляются аналоговыми процессами, в настоящее время требует значительной работы. В самом деле, Лангеккер предлагает пространную аргументацию в пользу того, что язык в некоторых своих аспектах не дискретен, а непрерывен. Мы предлагаем читателю прямо обратиться к его доводам (Лангеккер, 1987). Пока что мы находим анализ Лангеккера неубедительным.
22. Разумеется, результат будет зависеть от способности психологов создать надлежащий учебный контекст, а также в некотором смысле от их способности моделировать – то есть сделать построенную модель эффективно усвояемой.
23. Мы с большим интересом наблюдаем, как в настоящее время некоторые ученые всерьез ставят под вопрос то, что несколько десятилетий назад было предпосылкой всех высказываний о науке тех членов ученого и философского сообщества, кто думает и пишет об этой деятельности. Такие возражения имеют многочисленные аспекты. Мы укажем два из них:
  1. Некоторое время назад было замечено, что ученые отнюдь не бесхитростно сорвали на дереве паттернов наиболее доступные плоды. Именно, значительное большинство обнаруженных паттернов, которые были эффективно кодированы и проверены, ограничивалось лишь линейными процессами. Более сложные явления, например, динамические открытые системы, описываемые сторонниками теории хаоса, как правило оставались вне исследования.
  2. Ввиду этого постоянного предпочтения, имеется общепризнанный набор процедур исследования и методов кодирования таких линейных процессов. Естественным следствием этого предпочтения было то, что (до недавнего времени) уделялось мало внимания и усилий развитию, уточнению и выполнению процедур исследования и методов кодирования более сложных нелинейных явлений.

В настоящее время есть ряд весьма способных исследователей, призывающих преодолеть это предпочтение. Они предложили ряд процедур и методов, с которых начинается большой проект расширения фактических границ научного исследования, с целью включить в него более сложные явления.

Нынешнее состояние НЛП столь рудиментарно, что эта критика, по нашему мнению, не имеет особого значения для текущей работы в области НЛП. Но нельзя не упомянуть важность этого расширения на более сложные явления и увлекательные предложения о методологии их иссле-

дования и кодировании. Поскольку НЛП сосредоточивается на моделировании мастерства в человеческом поведении, мы не сомневаемся, что этот ход развития внесет важный вклад в будущее, когда НЛП стабилизирует свой основной словарь и свои процедуры исследования и кодирования паттернов превосходства. В частности, мы рекомендуем заинтересованному читателю следующие пионерские работы: *Бабочки и метафоры (Butterflies and Metaphors)* Грегори Бейтсона (лекция, записанная в институте Эсален (Esalen) незадолго до смерти Бейтсона, которую можно получить из этого института); и книги Дж.А. Скотта Кельсо *Динамические паттерны: Самоорганизация мозга и поведение (Dynamic Patterns: the Self-Organization of Brain and Behavior)*, by J.A. Scott Kelso, 1995); Стюарта А. Кауфмана, *Происхождение порядка: самоорганизация и отбор в эволюции (The Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution)*, by Stuart A. Kaufmann, 1993); Стюарта А. Кауфмана, *Во вселенной, как дома (At Home in the Universe)*, by Stuart A. Kaufmann, 1995); Пригожина и Стенгерса, *Порядок из хаоса (Order out of Chaos)*, by Prigogine and Stengers). Мы выражаем также глубокую благодарность Тому Меллоу и Крису Митчеллу, обратившим наше внимание на все это предприятие, за увлекательные разговоры о его значении, лицом к лицу и через электронные средства.

24. Заметим, что мы понимаем, каким образом улучшение исполнение детей изменяет, по определению, вычисляемые средние – в этом примере мы ссылаемся на некоторые ранее установленное среднее исполнение. Вопрос состоит в том, где приложить имеющиеся ресурсы. Мы используем здесь термин *среднее* в том же смысле, как Гаррисон Кейлор в конце своего изложения Новостей с озера Уобегон (*Из дома в прериях*, Общественное радио Миннесоты); а именно:

«Таковы новости с озера Уобегон, где женщины сильны, мужчины красивы и все дети выше среднего».

25. В испанском языке отображение, связывающее орфографию со звуковой системой, прямолинейно, а потому, например, в системе образования Мексики произношение даже не признается академической задачей.

26. Кто из первоначальной группы практиков НЛП первым сделал это наблюдение, ускользнуло из моей памяти – это случилось на очень ранней стадии развития НЛП, в середине 70-х годов. Я помню (ДГ), что кто бы ни был первый, заметивший эту простую и изящную стратегию, над ней работал Роберт Дилтс, уточнивший ее и, в частности, прибавивший превосходное тестовое требование, чтобы учащийся, использующий эту стратегию НЛП, был способен произносить в обратном порядке столь же успешно и почти столь же эффективно, как и в прямом. Я помню, как работал с Робертом и Дэвидом Гастером над созданием пакета программ, воплощавшего эту стратегию как часть коммерческой деятельности компании Бихевиорал Энджиниринг, принадлежавшей тогда трем из нас: Гриндеру, Дилтсу и Гастеру.

При обсуждении этого примера авторам этой книги (ДГ и КБ) была весьма полезна постоянная дискуссия с Крисом Митчелом и Томом Меллоем (факультет психологии Университета Юта), нашими ближайшими друзьями и очень способными самостоятельными исследователями. Мы их благодарим!

27. Здесь необходима осторожность, поскольку вероятно, что в списках труднейших для произношения слов, составленных такими агентствами, выбор слов окажется тенденциозным, так как будут выбираться именно те слова, в которых слуховое звучание и орфографическое представление максимально расходятся. Это могло бы преувеличить (в положительном смысле) результат стратегии произношения НЛП, поскольку функция отображения, называемая фоникой, для таких слов очевидным образом бесполезна, тогда как стратегия произношения НЛП этим частным расхождением не затрагивается – *предполагая, что произносящие когда-нибудь видели рассматриваемое слово.*

28. Вряд ли можно извлечь много информации из обратного – то есть из случаев, когда член группы произношения НЛП произнес слово правильно, не демонстрируя при этом последовательность движения глаз, подтверждающую, что этот субъект в этом частном испытании соблюдал требуемую последовательность. Мы не утверждаем, что стратегия произношения НЛП является единственно эффективным методом произношения – поскольку можно запоминать слова с це-

лю произношения на слух – мы утверждаем лишь, что если раньше субъект видел предлагаемое слово, то она наиболее эффективна (100% правильного исполнения) по сравнению с другими стратегиями.

29. Есть и другие, более развитые методы испытания, применяется некоторая стратегия или нет – проверка интерференцией, задания с соревнованием, перерывы и т.д. Эти методы подробно рассматриваются в книге *RedTail Math: эпистемология повседневной жизни* (рабочее название), Гриндер и Бостик, 2002.
30. Заметим, что концепция контрпримера принадлежит парадигме мышления и анализа, относящейся к категории дискретного паттернирования. Строго говоря, в непрерывном анализе контрпримеры невозможны.
31. Кстати, исходные результаты, упомянутые в этом примере, основаны на подлинном анализе, проведенном несколько лет назад компетентным исследователем, превосходно владевшим статистическими средствами и знавшим их ограничения. Сопровождающие исследования, подробно описанные в тексте, к сожалению, не были выполнены. Далее, ничто из предыдущего изложения не следует понимать как опорочивающее стратегию фонки вообще. Точно так же, как стратегия произношения НЛП неприменима в случаях, когда говорящий никогда не видел подлежащего произношению слова, несправедливо критиковать некоторый метод за то, что он не действует как раз в тех случаях, для которых НЕ БЫЛ предназначен. В этом смысле две стратегии – стратегия произношения НЛП и стратегия фонки – в высокой степени дополнительные, то есть занимают отдельные, но дополнительные области приложений. Стратегия произношения НЛП абсолютно не подходит для того класса слов, которых никогда ранее не видели, а фоника – для слов, у которых слуховое звучание и орфографическое представление значительно различаются (как в самом слове фоника, phonics). В позитивном выражении стратегия фонки чрезвычайно ценна для такого вида чтения, где часто встречаются никогда не виденные раньше слова, тогда как стратегия НЛП столь же ценна для произношения слов, виденных раньше. Мы предполагаем, что если бы было возможно разделить предлагаемые субъектам наборы слов по этому признаку, такая информация позволила бы делать весьма точные предсказания об их дальнейшем исполнении.
32. Обсуждение этого вопроса см. в особенности у Лангеккера, 1988.
33. Несомненно, Бейтсон высоко оценил первые публикации, положившие начало НЛП (*Структура магии*, тома I и II). С другой стороны, его первоначальная реакция на двухтомный труд, который Гриндер и Бендлер в действительности написали по его инициативе, была совсем иной. После первоначального чтения первого тома *Паттернов гипнотической техники Милтона Г. Эриксона* он сделал загадочное замечание:

«Дрянная эпистемология!»

Мысль, стоявшая за этим замечанием, и последующее развитие его размышлений по этому поводу очень интересны, но не входят в рамки этой книги (см. статью Джозефа О'Коннора под тем же названием *Дрянная эпистемология* (*Shoddy Epistemology*, by Joseph O'Connor), где дается некоторая интересная интерпретация, хотя и не совпадающая с моим (ДГ) пониманием того, что имел в виду Бейтсон в этом замечании).

34. Джон Гриндер и Грегори Бейтсон вначале познакомились как коллеги по профессии. Грегори был профессором в колледже Кресджи (в то же время, когда Джон был доцентом лингвистики в том же колледже). Когда Бейтсон писал книгу *Разум и природа* (*Mind and Nature*), Джон Гриндер, Ричард Бендлер и Грегори Бейтсон оказались соседями, жившими в горах Санта Крус, на территории, принадлежавшей одному собственнику, Роберту Спитцеру, владельцу издательства Сайенс энд бихевиор букс. Грегори работал тогда также над рукописью книги *Куда ангелы боятся вступить* (*Where Angels Fear*), а Джон и Ричард над паттернами, составившими основу Тома I *Структуры магии*. Время от времени семейство Грегори и семейство Джона встречались – Нора (дочь Бейтсона от его брака с Лойс Бейтсон) и Кэтлин (дочь Джона), примерно одного возраста, были подруги. Иногда Маргарет Мид (прежняя жена Бейтсона) и Кэтрин Бейтсон

посещали Грегори и гуляли по окрестностям. Отношения между Джоном и Грегори во многом сводились к дискуссиям о предметах их размышлений в то время. Эти обмены мнениями можно вовсе не были похожи на обычные разговоры соседей через забор – они скорее напоминали обмен мнениями двух ученых, весьма точно выражавших свои мысли.

35. Мы весьма рекомендуем работу Бейтсона тем, кто ее не читал. Когда вы читаете ее в первый раз, читайте ее, как поэзию, чтобы пережить чистое удовольствие – мы обязаны этим выражением Джудит Лоу. Читая эту книгу, вы можете просто расслабиться и с удивлением заметить, как легко вы усваиваете и обобщаете эти крупницы мудрости.
36. Нам представляется, что источник всякого открытия паттернов тесно связан с подсознательной способностью обнаруживать избыточность. Далее, позитивное отношение между работой подсознания и сознания составляет предпосылку для объяснения образования паттерна, уже открытого на подсознательном уровне – то есть для превращения подсознательного знания в явное.
37. Поэтому тщательное изучение Теории Автоматов подготовит учащегося к более глубокой оценке методологии и концептуальных рамок, в которых развилось НЛП, а также соответствующих стратегий исследования, которые надо применить в будущем.
38. Хомский использовал принципы Теории Автоматов в своей ретроспективной критике ограниченности анализа естественного языка, предложенного Блумфилдом. Например, используя столь сильные средства, как формальное определение математического понятия автомата с конечным числом состояний и его эквивалентность грамматике с конечным числом состояний, Хомский смог доказать, что образование паттернов в естественном языке не поддается описанию с помощью ограниченной методологии Блумфилда. Мы решили не углубляться здесь в эту часть работы Хомского и ее влияние на НЛП. Этот предмет подробно рассматривается в книге *RedTail Math: эпистемология повседневной жизни* (рабочее название), Гриндер и Бостик, 2002.
39. Более формально, машина Тьюринга есть девятка

$$M = (Q, \Sigma, \Gamma, \delta, \mu, s, t, r)$$

где

Q есть конечное множество (состояния машины)

Σ есть конечное множество (входной алфавит)

Γ есть конечное множество (алфавит ленты, включающий Σ как подмножество).

$\}$ $\in \Gamma - \Sigma$, левая разделительная метка на ленте

$\mu \in \Gamma - \Sigma$, символ пробела

$\delta : Q \times \Gamma \rightarrow Q \times \Gamma \times \{L, R\}$, переходная функция

$s \in Q$, начальное состояние

$t \in Q$, состояние приема

$r \in Q$, состояние отказа, $r \neq t$

Глава 4: Личные предшественники НЛП

Это одна из глав нашей книги, которые труднее всего написать, по двум причинам. Во-первых, нелегко добиться ясного общего представления о любом человеке. Если этот человек – я сам, то задача еще усложняется, даже при существенной помощи моего соавтора, при ее замечательной и стимулирующей способности выявить нужный материал с помощью ее единственной в своем роде сильной техники опроса и искусства раскрытия паттернов, и при всей нашей способности использовать такие средства НЛП, как тройное описание. Во-вторых, я, Джон Гриндер, и человек, с которым я работал, создавая эту технологию, Ричард Бендлер, уже больше двадцати лет работаем отдельно, и публике достаточно известно, что у нас есть значительные расхождения в представлениях об истории возникновения НЛП.¹

Я пользуюсь этим случаем сделать публичное заявление – то же, которое я неизменно повторял частным образом и публично, более 20 лет.

Личное заявление Джона Гриндера

Создание Нейролингвистического Программирования (НЛП) представляет великолепный пример сотрудничества. Я не мог бы один создать НЛП и, как я полагаю, этого не мог бы сделать Ричард Бендлер. Каждый из нас внес в это предприятие свои особые таланты и способности, в числе которых важное значение имела способность к коллективной работе. Примерно в течение 6 лет мы работали бок о бок в качестве исследователей, стимулируя, поддерживая, оспаривая и забавляя друг друга в наших усилиях кодировать мастерство в форме, доступной для остального мира.

Отдельно и вместе мы неуклонно следовали стратегии Действовать Как Если Бы, все время задавая друг другу вопросы, стимулируя друг друга и создавая обратную связь, когда мы развивали представления паттернов, определяющие в настоящее время Классический Код НЛП. Если и возможно отчасти различить первоначальные способности каждого из нас, то в процессе нашего сотрудничества произошло глубокое взаимодействие, в котором мы научили друг друга, как выполнять необычайную задачу – установить исторический стандарт практики НЛП, как на уровне моделирования, так и его приложений. Поэтому я с удовольствием признаю важный исторический вклад Ричарда Бендлера как создателя, наряду со мной, технологии НЛП, и приношу ему даже теперь мои поздравления и наилучшие пожелания в продолжении его работы.

Читателям, ищущим модель превосходного сотрудничества, лучше миновать нынешнее состояние наших отношений и сосредоточиться на работе, выполненной нами в период с 1973 по 1979 год. Следующие дальнейшие описания должны доставить внимательному читателю возможность в некоторой степени ознакомиться с событиями, связанными с созданием НЛП, причем особое внимание будет уделено переменным, определяющим контексты и процессы этого открытия. Естественно, дальнейшее описание отражает лишь мою точку зрения, как одного из двух создателей НЛП.

В течение более двух десятилетий мы услышали ряд критических голосов, утверждавших, что «два великих коммуникатора», Бендлер и Гриндер, сами не способны к эффективной коммуникации – что они не умеют пользоваться теми средствами, которые сами создали. Это кажется нам превосходным примером неумения различить форму от существа дела, процесс от содержания. Во всяком случае с моей точки зрения (ДГ), мы с Бендлером находимся в превосходной коммуникации. Оба мы несколько не заинтересованы в дальнейших профессиональных или личных отношениях, и все сообщения между нами имеют в точности это содержание – коммуникация полна.

Как правило, в доказательство этой неспособности к коммуникации (если вообще приводится такое доказательство) говорится, что Гриндер и Бендлер не согласны между собой. Это совершенно верно – мы с Бендлером не согласны между собой. Однако на уровне процесса мы вполне способны к коммуникации. Эта способность никак не означает согласия. Кто не способен различать коммуникацию и

согласие, должен еще научиться простейшим различиям в коммуникации. В самом деле, некоторые самые удивительные продвижения в науке и в развитии понятий происходят именно в контексте таких расхождений во мнениях.²

Характерологическое описание

Рассматривая прошлое с нашей нынешней точки зрения (и с моей личной – ДГ), мы видим в создавших НЛП людях (Бендлер и я) ряд общих черт, которые они, как я полагаю, разделяли в начале этой работы:

Черты сходства

Дерзость

Любознательность

Равнодушие к авторитету и традиции

Сильные личные ограничения – высокоразвитое чувство личной ответственности за собственные поступки и требование того же от других

Готовность делать почти все, чтобы избежать скуки (или не быть скучным)

Полное отсутствие сомнений в себе – самомнение

Веселость

Высокая способность играть в игру «Действовать Как Если Бы»

Высокая оценка различия между формой и содержанием, выражающаяся в поведении

Впрочем, эти описания сами по себе содержат очень мало информации и весьма обременят нервную систему того, кто попытается их истолковать или уточнить. Каждый обучавшийся НЛП заметит, что эти характерологические описания оставляют желать лучшего – а именно, в них полностью отсутствуют все контексты происходящего. Чтобы помочь интерпретации сказанного, я коротко расскажу читателю о себе. Из профессиональной любезности я предоставляю Бендлеру опубликовать, если он пожелает, такой материал о себе.

Расширенный комментарий к главным характерологическим описаниям.

Я родился первым из девяти детей Джека и Эйлин Гриндер в Детройте, штат Мичиган, 10 января 1940 года. Я был воспитан и получил образование, вплоть до степени бакалавра, в католическом воспитательном контексте.

Я отчетливо вспоминаю, что для жизни семьи было характерно сильное одобрение расхождений, в том числе способности спорить рационально, но в то же время со страстью. Обычные рамки такого поведения состояли в том, что родственные отношения между членами семьи создавали контекст, в котором расхождения могли высказываться (и как правило высказывались) с большой страстью, но без страха разорвать семейные связи.

Хотя воспитание считалось основой личного развития и открывало путь к путешествиям и приключениям, мы (дети) усвоили урок, что интеллект и воспитание – независимые переменные. Мои родители принесли большие жертвы, чтобы обеспечить каждому из нас превосходное воспитание – обычно традиционное. Я посещал Грамматическую школу имени Святого Сердца Иисусова в Детройте до 6 класса, а потом, для завершения Грамматической школы, Академию Святой Бригитты (Пасифик Бич в Калифорнии – предместье Сан Диего), Среднюю Школу имени Святого Августина в Сан Диего (орден августинцев), и получил степень бакалавра от Сан-Францисского Университета (орден иезуитов). По-

лучив степень бакалавра, я решил вступить в армию Соединенных Штатов, с заверением, что меня пошлют в Европу – я мечтал о Европе еще с детства.

В один и тот же богатый событиями уикенд в июне 1962 года я был официально утвержден лейтенантом второго ранга Армии Соединенных Штатов, женился на Барбаре Марии Диридони и окончил Сан-Францисский Университет. После подготовки в Форте Беннинг, штат Джорджия, я был назначен в 24 пехотный батальон в Аугсбурге, в Германии, откуда мне удалось перевестись в 10 Специальную Армейскую Группу в Бад Тельце в Германии, где я жил в прекрасной альпийской деревне Ленгтрис, занимаясь деятельностью, которую можно лучше всего описать как приключения в духе общеамериканских мальчишеских мечтаний.

Мой первый ребенок Майкл (Джон Майкл) родился в Аугсбурге в июне 1963 года. Моя дочь Кэтлин (Барбара Кэтлин) родилась в июне 1965 года в Мюнхене. По ряду причин осенью 1967 года я отказался от моей должности капитана и вернулся в США. Осенью 1968 года я поступил в Калифорнийский Университет в качестве аспиранта факультета лингвистики. Я провел один академический год как приглашенный исследователь в лаборатории Джорджа Миллера Университета Рокфеллера в Нью-Йорке (1969/70), где почти целый год разделял рабочие комнаты с Полем Посталом, как можно думать, лучшим специалистом по синтаксису того времени. Среди других выдающихся лиц, кроме Посталя и Миллера, там был Том Беверс, весьма способный психолингвист. Осенью 1970 года я занял должность доцента (assistant professor) Калифорнийского Университета в Санта Крус, где познакомился с Бендлером, оканчивавшим в то время колледж Кресджи. Так началось наше совместное приключение, именуемое теперь НЛП.

Я проанализировал интересующий нас период времени, имея в виду следующий вопрос:

Какого рода опыт, с моей нынешней точки зрения, сыграл важнейшую роль в моей подготовке к созданию НЛП в сотрудничестве с Бендлером, и к моему положению в этом сотрудничестве?

Мне представляется, что главную роль играли здесь следующие факторы:

1. Гипнотическое увлечение компетентностью и превосходством.

Более конкретно, начиная с моих первых воспоминаний, я проводил долгие промежутки времени, как я теперь понимаю, в измененном состоянии, наблюдая и прислушиваясь к людям, проявлявшим превосходство в том, что они делали. Содержание их деятельности не имело для меня значения – для меня важны были только изящество, легкость и полная компетентность, с которой они выполняли свое дело. Вот пример этого:

Однажды в мае, вероятно в 1949 году, я возвращался домой из Академии Святого Сердца (примерно в полтора милях). Я до сих пор слышу жужжание пчел и мух вокруг меня, когда я пересекал, упоенный запахом свежескошенного сена, длинную спортивную площадку – где я играл ребенком в бейсбол. В то время как я медленно брел без особого желания вернуться поскорее домой, где меня ожидали разные обязанности, я услышал какой-то посторонний звук – ритмические удары, напоминавшие стук железа об железо. Это было столь необычно, что я сразу же решил исследовать, в чем дело. Я прошел в направлении повторявшегося звука около полумили и оказался перед домом, где некогда был большой склад или амбар. Огромные двери были приоткрыты, и из них исходил интересовавший меня звук. Затаив дыхание, я заглянул в дверь и увидел в мягком слабом освещении кузницы мужчину, обнаженного до пояса и обливавшегося потом во время работы. Некоторое время я наблюдал за движениями этого танца в одиночку и прислушивался к сопровождавшей его песне ударов молотка и дыхания. Каждое движение следовало за предыдущим так же уверенно и естественно, как ночь следует за днем, так же изящно, как полет сокола, так же точно, как прыжок кошки. Ни одного лишнего движения, никакого колебания, никакой ошибки – была лишь хореографически законченная последовательность движений мастера своего дела. Это вполне понял бы Рудольф Нуриев.

2. Отчетливое различение в поведении между формой и сущностью, процессом и содержанием.

Это различие имело несколько источников – стиль и форма преобладали над содержанием споров, сопровождавших нормальное течение дня в доме Гриндеров – в частности, моя мать Эйлин наделена описательным стилем речи, очаровывавшим всех ее детей. Ее способ выражения столь отчетлив, что когда наши высказывания, например, не удовлетворяли ее личным требованиям точности, она настаивала, чтобы мы повторяли их в более конкретной форме. Несомненно, моя чувствительность к паттернам языка и отчасти то, что впоследствии получило название метамодели, происходит от этих разговоров.

Другим источником были иезуиты, известные своей мастерской аргументацией, и я обязан им чем-то вроде того, что получали ученики софистических школ древней Греции. Иезуиты научили меня не только правильным формам устной речи и мышления, но особенно важной оценке отношения между высказыванием и предполагаемыми свидетельствами в пользу этого высказывания. Они хорошо подготовили меня к будущему.

Мой опыт в течение так называемой холодной войны и разведывательные работы в Европе, в частности, необходимость изображать из себя нечто, чем я безусловно не был (члена неамериканской национальной и лингвистической группы в контексте, где ошибки могли быть фатальными), обострили у меня различие между формой и содержанием и научили меня ценить гибкость в поведении. Этот опыт также весьма развил мою способность «действовать Как Если Бы».

Наконец, сосредоточенное изучение синтаксиса в аспирантуре Калифорнийского Университета в Сан-Диего доставило мне одновременно две важные вещи. Во-первых, оно усовершенствовало мою способность отличать процесс от содержания (которые в естественных языковых системах называются синтаксисом и семантикой). Во-вторых, оно научило меня диссоциации между мною как личностью и языком моего самовыражения, то есть прямому восприятию не обязательно совпадающих переживаний – того, что я говорю о себе, что другие говорят обо мне, и чем я являюсь.

Более конкретно, я научился рассматривать язык как орудие – острое, но все же лишь орудие для исследования мира и моего отношения к нему. В этом смысле НЛП кажется мне естественным распространением трансформационной грамматики на более широкую область – ведущим к тому, что лучше всего было бы назвать синтаксисом переживания.

В действительности эта стратегия резкого различия между процессом и содержанием была уже довольно отчетливо выражена в учебнике, написанном мной совместно с Сьюзетт Хейден Элджин, подготовленном к печати в 1969 году (за несколько лет до встречи с моим будущим соавтором в создании НЛП Ричардом Бендлером) и опубликованном в 1973 году, где я утверждал:

... те же множества правил (языка), то же множество категорий структурируют также восприятия. Конкретно, эти категории или, точнее, заключенные в них различия воздействуют на информацию, поступающую в нервную систему на предсознательном уровне, преобразуя этот материал, группируя, резюмируя его, опуская его части, и вообще производя искажения, прежде чем нервная система представляет возникающую таким образом обедненную картину «внешнего мира» нашему сознанию.

Гриндер и Элджин,
Введение в трансформационную грамматику, стр. 3.

... если наше предыдущее обсуждение в некотором смысле справедливо, то деятельность, именуемая лингвистикой, будет играть важнейшую роль в освобождении нашего мышления от структуры, навязанной нашим родным языком. Пытаясь построить явный набор формальных утверждений, отражающий структуру анализируемого языка, мы осознаём категории и различия, неотделимо связанные с тканью самой языковой системы. Это осознание, то есть введение в сознание систематического искажения, вносимого нашей языковой системой, дает возможность избежать подсознательного или предсознательного искажения, о котором была речь...

Гриндер и Элджин,
Введение в трансформационную грамматику, стр. 8.

3. Позитивное средство с тем, что другие называют риском.

По-видимому, большинство людей называет риском возможность неудачи. Здесь я сразу же настоял бы на различии между риском, в котором неудача исключает дальнейший риск (то есть является фатальной ошибкой), и неудачей, допускающей дальнейший риск. Хотя в моей биографии был ряд эпизодов, потенциально содержащих смертельный риск, я не буду здесь о них говорить; тот тип риска, о котором будет речь, относится ко второму классу, и его можно пояснить примером:

Фрэнк Пьюселик (третий человек в первоначальном моделировании и проверке паттернов НЛП) проводил на семинаре в Сан Хосе в середине 70-х годов демонстрацию в присутствии нескольких сот человек – вероятно, он демонстрировал излечение фобии; в конце семинара к нему подошло несколько человек с вопросом:

Как вы можете идти на такой риск?

Фрэнк спросил с искренним удивлением, какой риск они имеют в виду. Они стали объяснять, что такая демонстрация перед всей этой публикой означала (для них) неприемлемый риск. В конце их объяснения Фрэнк умолк и попросту ушел. Для Фрэнка (ввиду его опыта во Вьетнаме), а также для нас с Бендлером (со случаями риска в наших биографиях) такие опасности были попросту желательной и необходимой возможностью узнать, к чему мы способны в разных контекстах. Когда Фрэнк, вернувшись с работы, рассказал мне этот случай, он все еще не мог поверить заданному вопросу по поводу риска.

Я как-то пришел к пониманию, что если моей целью было чему-то научиться, то рискованно было только избегать риска. Иными словами, избегать риска и действовать было равносильно неудаче. Когда вы занимаетесь рискованной деятельностью, то неудача невозможна – вы всегда чему-нибудь учитесь.

Это понимание риска сильно напоминает мне объяснение Бейтсона об уровнях обучения (см. Этапы экологии разума). Предположим, что вы впускаете крысу в лабиринт, наказывая ее электрическим шоком, если что она входит и исследует некоторую секцию лабиринта. Получив шок, крыса научится избегать этой секции, но важно, что крыса этому научилась, что составляет несомненный успех. В царстве обучения не бывает неудач, бывают лишь последствия.

4. Понимание ценности формализации и явных представлений

Различение формы и сущности, процесса и содержания, как я полагаю, естественно сопровождало мою деятельность в формальном мышлении и в создании формальных представлений повседневного опыта: языка, поведения и т.д. Модель Трансформационной Грамматики является, особенно для специалиста по синтаксису, развернутым упражнением в отображении интуитивных представлений в формальные представления, которое может затем привести вас к открытию подлинно новых путей к пониманию интересующего вас предмета.

Многолетний опыт мышления, характерного для Теории Автоматов и других формальных систем, убедил меня, что формализовано может быть все – причем важнейшее значение имеют следующие соображения:

- a. Отображение, происходящее при моделировании в фазе кодирования, произвольно: это значит, что при отображении некоторого сложного поведения в мире воспринимаемого опыта на некоторое явное представление этого поведения не существует никаких принципиальных правил. Для открытия нет алгоритмов. Таким образом, фаза кодирования в моделировании остается в настоящее время искусством. Моделировщик должен принять при этом ряд решений: каким образом изолировать подлежащие отображению элементы из их естественного контекста (то есть как подразделять и проводить границы), каковы предполагаемые отношения между изолированными элементами, как выбрать материал из Первого Доступа, нужный для модели, как выбрать формальный и неформальный словарь, и т.д. Эти решения часто принимаются подсознательно. Как я полагаю, в этой ситуации важно не упускать из виду два обстоятельства:

- 1) важно установить и применять в процессе моделирования явные критерии оценки – в случае моделей НЛП, обучаемость (сколько времени и усилий необходимо людям для усвоения модели) и эффективность (насколько поведение человека, учащегося мастерству по некоторой модели, приближается к поведению оригинала модели по качеству и времени исполнения);
  - 2) следует отдавать себе отчет в том, что область определения паттернов НЛП состоит из представлений, и только из представлений, и что такие представления произвольны в указанном выше глубоком смысле этого слова – то есть что существует множество описаний, каждое из которых полезно в некотором контексте, но ни одно из которых не представляет странно-го идола человеческого заблуждения, именуемого истиной.
- б. На более высоком уровне возникает вопрос, в какой области применимо моделирование. Вопрос этот можно поставить следующим образом:

Каковы предельные условия, вне которых моделирование (перевод подсознательного знания в явную форму) неприменимо)?

или, равносильным образом:

Какие конкретные препятствия делают моделирование просто невозможным?

Самое очевидное ограничение состоит, конечно, в том, что желательное для меня проявление паттернов может не иметь воплощения ни в каком лице или группе – если просто не существует доступной модели, проявляющей паттерны, то нечего моделировать. Это очевидное и важнейшее ограничение технологии моделирования. Такие случаи указывают также на возможность приблизиться к цели посредством проектирования.

Например, в настоящее время не существует человека, умеющего летать собственными силами. Поэтому моделирование в этом случае бессмысленно.

Есть, однако, более тонкое ограничение моделирования, налагаемое исследователем на самого себя и лучше всего объясняемое метафорически. Я припоминаю следующую историю, впервые услышанную мной от Бейтсона в одном разговоре.

Изидора Дункан, одна из лучших американских хореографов и танцовщиц прошлого века, создала и исполнила в Нью-Йорке блестящую балетную сцену (в 30-х годах). Пьеса была принята с энтузиазмом профессионалами, публикой и даже критиками. Реакция была однозначно положительной. Через несколько дней после первого представления среди критиков возник спор о значении некоторой символики в пьесе Дункан. Один критик утверждал, что пьеса очевидным образом изображает борьбу между классом капиталистов и рабочим классом; другой толковал ее как конфликт между мужчиной и женщиной, а третий – как конфликт между поколениями. Каждый из них защищал свою интерпретацию, используя всевозможные средства критики и анализа. Наконец, один из журналистов сумел получить интервью у Дункан и, выразив свое восхищение ее работой, спросил:

Журналист: Изидора Дункан, ваша последняя работа вызвала ряд интерпретаций. Не могли бы вы разрешить расхождения между спорщиками? Что все это означает?

Изидора Дункан: ... внимательно слушает вопрос и отвечает, подумав около минуты... Если бы я могла это сказать, мне не надо было бы это танцевать.

Так вот, в рамках нашего изложения эту историю можно оценить несколькими способами. Например, ее можно понять как обещание будущим моделировщикам, что присутствие при исполнении столь блестящей танцовщицы и хореографа вдохновит их, дав им возможность научиться путем подражания некоторым аспектам работы этой необыкновенной женщины. Однако любая попытка

отобразить этот прямой опыт в язык была бы безуспешной, если не говорить о некотором механическом уровне (*три шага влево и прыжок, затем приземление ...*). Иными словами, процесс моделирования оказался бы изуродованным – из него было бы удалено явное представление.

Или же можно истолковать эту историю в том смысле, что предложенный опыт лучше оставить непереведенным, в частности, не отображать его в языковые структуры. Тем самым форма выражения (в этом случае самый танец) является существенным элементом в создании переживания. Поскольку сама форма – танец – проявляется на уровне первичного переживания, то его перевод в язык (то есть наложение лингвистических категорий) упускает этот существенный элемент и меняет воздействие – зритель (и слушатель) реагирует на словесное описание не так, как на самый танец. Это приводит на ум резкое изречение НЛП:

Смысл сообщения состоит в реакции, которую оно вызывает.

Если применить этот принцип, то ясно, каким образом перевод художественного выражения из формы первичного переживания во вторичное (языковое) представление фундаментально изменяет его смысл. Мы полагаем, таким образом, что госпожа Дункан как художник отказалась предложить перевод, поскольку мудро сознавала, что первоначальное содержание нельзя было бы таким образом выразить без существенного изменения его смысла.

Конечно, этот вопрос значительно шире, чем вопрос о том, не лучше ли оставить без перевода профессиональную работу художника. Посмотрите на самые интимные моменты вашего общения с детьми – предположим, вы рассказываете о некотором конкретном происшествии; когда вы это делаете, вы можете заметить, что даже самый внимательный и симпатизирующий слушатель (во второй позиции) реагирует на ваше *описание опыта иначе*, чем вы реагировали на *самый опыт*.

Далее, в сердечных делах, по-видимому, опасно пытаться объяснить эти столь глубокие и богатые переживания. Кажется, по крайней мере в двух последних областях человеческого опыта нужна особая осторожность в попытках наложения лингвистических категорий. Читатель, несомненно, может оценить эту трудность по фразе, завершающей такие неудачные попытки:

...надо было самому видеть...

Надо предостеречь читателя от часто встречающегося непонимания сказанного. Ясно, что язык и формальные системы способны представить любой опыт – вопрос в том, соответствуют ли последствия такого объяснения первоначальному намерению, с которым делалось отображение.

В этом различии нет ничего мистического – это в точности то же различие, которое вы испытываете в ресторане между рассматриванием меню и едой – различие между опытом и описанием опыта.

Наконец, с этим вопросом связаны мои тенденции к минимизации – стремление установить минимальный набор паттернов, требуемый для достижения некоторого вполне определенного результата. Это качество, по крайней мере в моем собственном случае, постоянно побуждает меня пересматривать мою работу (и работу других), применяя правила бережливости, отыскивая сокращенное множество паттернов, достаточное для эффективного достижения некоторой цели. Таким образом, первое побуждение состоит в достижении некоторого желательного результата, но затем возникает вопрос:

Могу ли я достигнуть того же желательного результата (или результата того же класса) меньшими средствами с сохранением того же качества и, может быть, в более короткое время?

Исследование, можно ли сделать больше меньшими средствами, кажется мне здоровым видом деятельности, поскольку оно ставит под вопрос предпосылки паттернирования и отсеивает запертые в них темные предрассудки. Рассмотрим, например, раздел Контексты открытия (Глава 1 Части II), где первоначальная модель НЛП – метамодель – сводится к двум простым словесным возражениям, без потери общности и действенности и со значительным выигрышем в эффективности. Таким образом, для каждого овладевшего паттернированием НЛП открывается возможность значительного сокращения паттернирования – в поиске минимального набора паттернов. Это продвижение весьма обычно в

развитии и распространении формальных систем – но вполне возможно, что в данном случае оно происходит от моих собственных минимизирующих тенденций, часто свойственных моей работе.⁴

5. Позитивная реакция на двусмысленность и неопределенность.

Моделирование сложных видов поведения требует позитивной реакции, или по крайней мере терпимости по отношению к неопределенности и двусмысленности. Рассмотрим, например, процесс моделирования, предпринятый Бендлером и мною при паттернировании эриксоновского гипноза. Вначале наша стратегия была подсознательным подражанием учителю, и лишь после того, как мы продемонстрировали, что можем повторять работу Эриксона с нашими собственными клиентами, мы перешли к сознательным попыткам разобраться, что делал он и что делали мы. Это требует определенного позитивного отношения (или по крайней мере терпимости) к тому, что другие обычно называют путаницей.

Но путаница не входила в мои переживания во время такого моделирования, и я не заметил ничего похожего на путаницу в поведении Бендлера. Ясно, что в течение длительных периодов практики мы оба не имели никакого сознательного, связного ощущения, что же такое мы делаем – мы не могли даже предложить никакого представления этой работы.

Возможно, что это описание вводит в заблуждение; точнее было бы сказать, что мы решительно отказывались предъявлять самим себе, друг другу или кому-нибудь еще представление того, что мы делали, пока мы не достигли критерия – не научились удовлетворительно повторять поведение источника. Как я понимаю, оба мы сделали выбор – отложить потребность в сознательном понимании того, что мы делали. Огромное преимущество такой стратегии состоит в том, что чем дольше вы откладываете потребность в сознательном понимании (пока вы не сможете повторить поведение модели), тем полнее и богаче оказывается первичное переживание, то есть подсознательно создаваемые карты преобразований, поступающих на выход ПД. Это значительно расширяет и углубляет представление «территории Кожиского» (в действительности НЕ территории, а уже преобразованных представлений на Первом Доступе), из которых у вас, после достижения критерия, в конечном счете складывается отображение в явную модель (следующую за ПД). Эта стратегия помогает вам также преодолеть сильную тенденцию классифицировать новый опыт в терминах старых категорий опыта, уже содержащихся в наших картах – все мы обладаем как люди такой тенденцией, доходящей почти до вынуждения.

Обратите внимание на то, что эта компетентность – позитивное принятие двусмысленности и неоднозначности – по существу лежит в основе управления состояниями.

Можете ли вы сохранять состояние ненапряженной, не предчувствующей любознательности и конгруэнтности в контексте, предъявляющем значительные требования к вашей способности выдавать серьезные ценности?

Мне кажется при ретроспективном размышлении, что позитивная реакция на двусмысленность и неоднозначность, с сопровождающим ее развитием способности выбирать и поддерживать состояние, какое я описал выше, составляет предварительное условие для эффективного действия во время критических фаз процесса моделирования.

Отсюда вытекает интересное следствие – если у вас нет сознательной, явной модели того, что вы делаете, то вы учитесь ДЕЙСТВОВАТЬ, и притом действовать безупречно, КАК ЕСЛИ БЫ вы знали, что вы делаете. Это абсолютное требование во многих случаях моделирования, особенно в фазе подсознательной ассимиляции, когда вы пытаетесь воспроизвести путем подражания эффекты, производимые моделью. Заметим вытекающее отсюда следствие, что говорить – вместо того, чтобы действовать – попросту невозможно. Говорить о чем-нибудь значит, что вы имеете уже некоторое (хотя бы минимальное) объяснение рассматриваемых процессов. Но это в точности то, от чего мы Бендлером решительно отказались. Тогда нам остался лишь один образ действий, которому мы и следовали: действовать безупречно. Действовать – это метод, провоцирующий окружающий мир научить нас, что работает и что не работает в таких-то специфических контекстах. Эта стратегия стимулирует мир предложить нам корректирующие реакции. Затем такая стратегия становится одной из главных методологий исследования в том моделировании окружения, которое предшествует кодированию.

Эта организация личности для исследования (в частности, моделирования) неявно идет совсем иным путем, чем гораздо более обычное «обучение», в котором подчеркивается сознательное понимание с помощью левого полушария мозга (см. *RedTail Math: эпистемология повседневной жизни* (рабочее название), Гриндер и Бостик, 2002), где вопрос об этой решающей стадии организации личности рассматривается полнее). В этом смысле технология моделирования представляет второе описание обучения, уравнивающее традиционный сознательный подход, укоренившийся в образовательных учреждениях Запада.

Читателям, применяющим паттерны НЛП (или даже любой модели) к изменению личного поведения, мы предлагаем следующий вопрос:

Предположим, что вам предлагают описание клиента перед тем, как вы в действительности встретитесь с ним в профессиональном контексте; примете ли вы и прочтете ли это описание?

Теперь свяжите ваш ответ с темой предыдущего обсуждения.

6. Обостренная чувствительность к необычным событиям.

Не могу сказать о других, но по крайней мере в моем случае позитивное отношение к двусмысленности и неопределенности влечет за собой повышенную чувствительность к неожиданному и необычному – к необычным событиям, которые могут открыть путь к образованию новых паттернов. В самом деле, история открытия паттернирования в НЛП (и более общим образом, в любой научной дисциплине) изобилует такими примерами. Приведем один такой пример:

С середины до конца 70-х годов Гриндер и Бендлер возглавляли группу людей, которых они любовно называли «живыми ребятами». Это были талантливые, интеллигентные молодые люди, большинство из которых было в то время студентами старших курсов Калифорнийского Университета в Санта Крус. Собирая эту группу живых ребят, эти два человека преследовали двоякую цель: во-первых, ставился неформальный эксперимент, в котором выявление паттернов НЛП поручалось группе молодых людей, еще не избравших себе профессию (и тем самым не избравших некоторую частную систему профессиональных верований о возможном и невозможном); во-вторых, имелось в виду подготовить команду тренированных практиков, с которыми мы с Бендлером могли бы расширить пределы закодированного к тому времени паттернирования. Задачи и эксперименты, выполненные этой группой, были иногда великолепны, а иногда странны. В этом контексте произошло следующее.

Однажды вечером Джон работал с группой, направляя ее к открытию пределов гипнотической регрессии. Субъектом была Мерибет, превосходный гипнотический субъект, и сама по себе умелый гипнолог-экспериментатор. Мерибет страдала в то время недостатком зрения (близорукость). В момент, когда начинается рассказ, она удобно сидела в кресле перед книжным шкафом, на расстоянии около 12 футов от него. Джон использовал классическое эриксоново паттернирование, чтобы навести измененное состояние и сделать ряд специфических внушений о регрессии к младшему возрасту. Его текущая калибровка физиологических реакций Мерибет свидетельствовала, что она реагировала вполне адекватно.

Джон внушал Мерибет, что когда она достигнет надлежащего молодого возраста (обратите внимание: не говорилось, какого), она должна будет указать это, позволив своим глазам (закрытым во время внушения) раскрыться. Когда ее глаза раскрылись, Джон спросил ее, что она видит (уже раньше она научилась говорить, не ослабляя своего состояния транса). Проявляя типичную физиологию регрессии, движения и паттерны разговора молодой девушки, она казалась при этом несколько расстроенной и как будто затруднялась сосредоточить взгляд на том, что было перед ней. Присмотревшись к ней внимательнее, Джон осознал, что на ней по-прежнему были контактные линзы.

Слегка досадуя на свой недосмотр, Джон быстро сделал Мерибет ряд внушений – заметить, где она была в данный момент, позволить себе закрыть глаза и почувствовать себя опять в удобном и безопасном состоянии, двигаясь обратно к настоящему. Когда она вернулась в нечто напоминающее ее нормальное состояние, Джон предложил ей снять свои линзы и начал

работу заново. Однако по интуитивному побуждению, перед тем как начать внушение во второй раз, он попросил ее прочесть без помощи линз названия каких-нибудь книг в стоявшем перед ней шкафу. Она пыталась в течение нескольких минут прочесть какое-нибудь из этих названий, но безуспешно. Теперь была подготовлена почва для правильной проверки одного из аспектов гипнотической регрессии.

Когда Мерибет полностью вернулась к регрессивному состоянию, достигнутому ею прежде, Джон попросил ее открыть глаза и сказать, что она видит. Она ответила, среди других наблюдений, что увидела в шкафу перед ней много книг. Тогда Джон начал сомневаться, знает ли она азбуку. Она кокетливо ответила, что конечно знает и что может повторить наизусть весь алфавит, продемонстрировав свое умение. Джон сразу же попросил ее выбрать одну из книг в шкафу и сказать, какие буквы напечатаны на корешке. Мерибет прочла названия всех книг, какие были в шкафу, читая их буква за буквой без видимой трудности. Тогда ей были предъявлены другие вещи, на больших расстояниях, чтобы узнать, сохранились ли у нее в регрессивном состоянии какие-нибудь недостатки зрения. Не оказалось никаких.

Наконец Джон осторожно предложил ряд внушений с двоякой целью: во-первых, вызвать амнезию, поскольку он не был уверен, как Мерибет будет сознательно реагировать на информацию, что в регрессивном состоянии у нее, по-видимому, не было ни следа близорукости, и что она продемонстрировала около 20/20 нормального зрения. Во-вторых, он внушил ей, что во всех отношениях кроме одного она вернется в настоящее, освеженная и довольная, проделав хорошую работу. Единственное, в чем должно было продолжаться действие регрессивного состояния, состояло в том, что она должна была оставить свои глаза молодыми – в том же регрессивном возрасте, в котором она продемонстрировала свою способность беспрепятственно видеть. Предлагая эти внушения, Гриндер сознавал, что у него не было никакого понятия, что они могут означать, но положился на подсознательную способность Мерибет интерпретировать их некоторым интересным и эффективным способом. Эти внушения были повторены несколько раз, пока Джон не убедился, что они были поняты на подсознательном уровне.

Когда Мерибет вышла из измененного состояния, она сообщила, что чувствует себя вполне отдохнувшей и довольной. Ее внимание было быстро отвлечено на другие предметы, прямо не связанные с работой транса. Во время последовавшего затем разговора, в котором участвовали она, Джон и другие члены группы, она ничем не проявила своего осознания происшедшего. Важнее было наблюдение, что она не проявила намерения опять надеть линзы. Ей между прочим дали лист бумаги, на котором Гриндер написал небольшими буквами несколько вопросов по поводу только что состоявшегося транса. Он попросил ее заполнить эту анкету как можно лучше и, дав знак другим членам группы оставить ее в покое, перешел к другому заданию в другой части комнаты, внимательно наблюдая издали, что будет делать Мерибет. Мерибет прочла и заполнила анкету без видимой трудности, вручив ее Джону.

Затем, с ее согласия, Джон снова погрузил ее в измененное состояние и попросил помощи у подсознания Мерибет. Более конкретно, он спросил, не возражает ли подсознание, чтобы Мерибет осознала происшедшее. Возражений не было, и другие члены группы видели и слышали с молчаливым удивлением, как Мерибет обнаружила полученный результат. Ее способность отчетливо видеть без искусственной помощи продолжалась несколько дней, а затем ухудшилась – зрение работало лучше в дневное время, чем ночью. Возвращение к видению без искусственных средств потребовало чего-то вроде того, что мы теперь считаем сущностью Шестишагового Рефрейминга, поскольку за недостатком зрения обнаружилось позитивное намерение, и были предложены альтернативные способы поведения для согласования этих аспектов, оставлявшие ей возможность беспрепятственного видения.

Таким образом произошла замечательная последовательность событий:

- а. Гриндер упустил из виду, что субъект носил контактные линзы.

- б. Затем Гриндер заметил любопытную «проблему» субъекта, Мерибет, которая пыталась смотреть с помощью искусственного средства (контактных линз) регрессированными глазами, не нуждавшимися в такой помощи.

Это привело к осознанию, что при некоторых обстоятельствах регрессии, по-видимому, можно вернуть физиологические состояния возраста регрессии, устранив развившиеся впоследствии недостатки.⁵

Резюме

Эти личные воспоминания представляют, частично и в первом приближении, некоторые личные стратегии, которые оказались (в моем случае) эффективными в сложной задаче моделирования – центральной деятельности НЛП. Повторяю, это лишь неполное описание.

Далее, что более важно, в нашей психике несомненно имеются и другие сочетания стратегий, которые могут оказаться столь же эффективными, или более эффективными, чем указанные выше. В чем могут состоять эти стратегии, будет видно по мере развития и уточнения моделирования в области НЛП.

Конечно, эта частная (и особенная) личная история одного из двух создателей НЛП составляет лишь пример биографического пути, который привел к развитию этих стратегий. Несомненно, есть много других, может быть, менее извилистых путей, которые могли бы привести к тем же результатам.⁶

Примечания к Главе 4 Части I

1. Например, до конца 1980-х годов Бендлер и Гриндер признавали устно и письменно, что оба являются создателями технологии НЛП. Но с какого-то момента в конце 1980-х годов Бендлер начал претендовать на роль единственного создателя НЛП, сначала устно, а потом, в начале 1990-х годов, печатно – см. обложку его книги Проект человеческой техники, а также его заявление в его сайте Интернета. Мы воспроизводим для заинтересованного читателя документ, который можно получить из Верховного Суда в Санта Крус, навсегда положивший конец таким ошибочным притязаниям. Это соглашение, завершающее судебные иски Бендлера против Гриндера, а затем против других лиц, в частности, Гриндера и Бостик (см. приложение А). Ряд практиков НЛП обращался к нам с вопросом:

Не является ли это примером классической техники изменения с помощью якорения, известной как Изменение Личной Истории, без надлежащей экологической рамки?

У нас нет ответа на этот вопрос.

2. Время от времени возникает ряд других, неточных (и с моей точки зрения (ДГ) неуместных) комментариев. Упомянем одно из них: в статье журнала Мир НЛП, опубликованной в конце 90-х годов одним из моих знакомых, Лукасом Дерксом, появилось утверждение:

Бендлер и Гриндер сами уже ссорятся в течение нескольких лет по поводу прав на НЛП. Этим они наносят вред репутации НЛП. Многие другие парочки нэлперов продемонстрировали свою неспособность исцелить свой раскол. На все это критики кричат: «Если уж сами основатели не могут уладить свои дела, то чего же стоит НЛП?»

Встретившись с Лукасом в Финляндии, где мы оба проводили демонстрации, я говорил с ним об исторической неточности такого утверждения и выразил мою озабоченность, что такое ошибочное изложение событий может войти в мифологию НЛП. Он выслушал меня внимательно и вежливо, навел некоторые справки, и опубликовал в следующем номере журнал следующее заявление:

«Бендлер и Гриндер сами ссорятся уже несколько лет по поводу прав на НЛП».

Как указали некоторые коллеги, это утверждение было ошибочным, поскольку оно упускало из виду тот факт, что Бендлер вчинил иск против Гриндера (и нескольких других членов сообще-

ства НЛП). Гриндер же никогда не пытался закрепить за собой права на НЛП. По-видимому, недавнее решение суда положило конец этому конфликту. Мы можем теперь считать, что все это прошло. Судебное решение не позволит больше Бендлеру притязать на права собственника НЛП.

3. Я настаиваю на различии между словесными заявлениями и другими формами словесного обмена – в таких обязывающих высказываниях то, что я говорю, прямо означает мою готовности поддерживать сказанное и, тем самым, содержит решающее требование конгруэнтности. Другие способы употребления речи (не заявления), как мне кажется и как указано в тексте, лучше всего рассматривать как средства исследования возможностей.

4. Я (ДГ) слышал в разное время замечания моих близких и соавтора, что мои минимизирующие тенденции несколько не связаны с неявно поставленным здесь вопросом методологии и философии науки, а попросту выражают мою собственную лень, нечто вроде закона наименьшего усилия:

Каково наименьшее усилие, необходимое для выполнения задачи X?

Это замечание, возможно, не лишено основания.

5. Этот случай, по-видимому, побудил практика НЛП по имени Лео Ангарт из Гонконга (leo.angart@ibm.net) развить целый режим лечения, включающий эту стратегию вместе с другими (основанными на НЛП или нет), чтобы помочь людям восстановить свое зрение без искусственной помощи.

6. Рассматривая мою личную (ДГ) историю как часть подготовки к изложению истории моих предшественников, я могу указать людей, испытавших вполне аналогичные переживания (хотя и не все, описанные здесь) и сделавших из этого опыта совершенно иные выводы. Таким образом, в этом описании одна переменная вовсе опущена – это интерпретация различных переживаний. В моей личной истории есть переживания, составившие основу некоторых описанных выше форм компетентности; но у других людей, в том числе участвовавших вместе со мной в этих приключениях, эти переживания вызвали заметное ослабление их интереса и эффективности в стремлении к точно тем же формам компетентности.

Часть II

В центре буре

Центр бури производит иллюзорное впечатление тишины и спокойствия. Люди, находящиеся в центре, как будто научились двигаться с той же скоростью и столь же непредсказуемо, как буря. Приминаясь к этой сумятице вокруг них, они становятся частью этого страшного существа, неотличимой от самой бури и почти всегда невидимой для тех, кто старается сохранить неподвижность, не поддаваясь силам вихря. Затем и они сдаются хаосу и, тем самым, становятся неотделимой частью его движения.

Глава 1: Контексты открытия

Присутствовать при рождении новой области человеческого исследования и, тем более, участвовать в таком событии – это редкое переживание, внушающее некоторый трепет. Обычно мы узнаем историю таких событий из учебников или популярных изложений. В таких рассказах нам предлагают последовательное и захватывающее изображение неумолимого хода событий, внутренне связанных, проходящих мимо нас в безупречной логической последовательности и неминуемо ведущих к вдохновляющим заключениям, выровненным опытом прошлого, освобожденным от хаоса и замешательства, при-сущих всем таким предприятиям.

В таких рассказах вы не заметите роли случайности, подсознательной хитрости, оскорбительной непочтительности, необходимой для потрясения старых навыков восприятия, неуклюжих первых шагов, неоправданных, но конгруэнтных действий. Как Будто Бы, ошеломленного признания совершенно невозможных гипотез, долгих, глубоких, спокойных, отчаянных ночей, счастливых дружеских отношений и связей, ускорения, сопровождающего важные и совершенно неожиданные последствия, товарищества, поддерживающего предприятие, тупиков, логических скачков, иррациональных и неоправданных предположений, случайностей личной биографии и, не в последнюю очередь, даров и случайностей подсознательной метафоры – всего того, что в конечном счете наталкивает вас на различения, которые затем становятся основными переменными новой дисциплины, потому что в конце концов она удаётся вопреки всему.

Такова была невысказанная жалоба, которую я пытался выразить в своем предисловии к некоему популярному рассказу об НЛП^{mp} под названием *Введение в НЛП*:

Эти два человека, О' Коннор и Сеймур, взялись написать связную историю одного странного приключения. Мы с Ричардом брели через причудливые и удивительные джунгли. А эти милые и благонамеренные люди покажут вам картинки английского цветника, ухоженного и прилично-го. И джунгли и цветник имеют свою особую привлекательность.

Того, что вы прочтете, никогда не было, но это кажется разумным – даже мне.

Джон Гриндер,

Предисловие к *Введению в НЛП*, 1989

Описания этого рода, которые вы найдете в популярных изложениях вроде только что упомянутого, или в учебниках, изображающих возникновение новой дисциплины, всегда представляют собой реконструкции. Такие нарочито подобранные, очищенные и аккуратные рассказы отчасти стремятся повысить престиж некоторой деятельности (и содействовать продаже книг), а отчасти являются рекламным предприятием с целью стимулировать, вдохновить и, наконец, завербовать способнейших студен-

тов ближайшего выпуска наших лучших университетов, которые могут стать будущими исследователями.

Такая мистификация подлинного процесса вызывает у нас возражения – нам кажется серьезной ошибкой ставить нам в пример гигантские фигуры, слишком большие для подражания и далеко превосходящие наши собственные таланты и возможности. Наука не столь хрупка, чтобы ее мог потрясти честный рассказ о запутанных и удивительных случайностях, почти неизбежно сопровождающих столь важное событие, как открытие новой области исследования.

Каждая научная дисциплина имеет свою методологию, как это и должно быть. Как убедительно заметил Кун, операции наведения порядка повседневным образом входят в нормальную научную деятельность, как он определяет это понятие, тогда как открытия, всегда дикие, совсем не повседневны.¹ Когда случайности открытия скрываются, это не приносит пользы ни научному сообществу, ни обществу в целом, которое все больше заинтересовано в руководстве ученых для принятия решений и распоряжения ресурсами. Для открытия нет алгоритмов; процессы открытия сами по себе до сих пор темны и не исследованы.

В философии науки особым предметом изучения является так называемый контекст открытия. Но фундаментальные открытия, потрясающие мир и разбивающие парадигмы, делаются людьми – такими же людьми, как мы с вами. В описании *Личных Предшественников* (Глава 4 Части I) и в следующем изложении мы рассказываем о ряде открытий и об элементах контекста, сыгравших те или иные роли в этих открытиях. Таким образом, мы пытаемся прояснить некоторые контексты открытия и процессов создания НЛП.

Как мы надеемся, вы поймете, что многое зависит не только от таланта, но и от увлечения. Мы хотим, чтобы читатель понял из этих описаний, какое конкретное участие он может принять в этом большом приключении. Два человека, создавших эту область исследования, могли приобрести необычные навыки и опыт благодаря случайностям своей биографии, но *когда эти ресурсы делаются явными, они становятся достижимыми для каждого, кто готов учиться и хочет действовать без ошибок.*

Таким образом, мы надеемся, что тщательное изучение следующего рассказа поощрит читателя встретиться с хаотическими и творческими переживаниями открытия.

Можно предсказывать будущее, безопасно и удобно сидя в своем кресле; но создание будущего требует больших усилий, энергии и риска.

Первая модель НЛП: метамодель

В один весенний вечер в начале семидесятых годов ко мне (ДГ) неожиданно постучали в дверь, что отвлекло меня от чтения учебника по монополистическому капитализму, который я тщательно изучал, пытаясь углубить мое понимание экономики – я готовился через несколько месяцев читать курс экономики в колледже Кресджи Калифорнийского Университета в Санта-Крус. Открыв дверь, я с удивлением увидел студента четвертого курса Ричарда Бендлера. Я пригласил его войти, несколько удивленный, зачем он хотел меня видеть. Вообще визиты студентов не были необычны, поскольку вновь основанный колледж (Кресджи) предоставил территорию для жизни и обучения, где могли жить (в принципе) и студенты, и преподаватели.

Я познакомился с Ричардом несколькими месяцами раньше по поводу его вступления в группу Т (так называемую группу встреч – это название было семантической ошибкой людей из Национальной Тренировочной Лаборатории); это была одна из первоначальных американских групп психотерапии, за которую я нес ответственность в качестве члена факультета. Между нами сразу же установился раппорт – оба мы быстро почувствовали, что у нас есть ряд общих паттернов, в том числе потребность любой ценой избежать скуки.

До этого момента наше общение было довольно ограниченным, и хотя приносило нам удовольствие, никак не обещало того высокопродуктивного и даже революционного сотрудничества, какое возникло из него позже. Это общение состояло главным образом в такой деятельности как закрашивание окошек на счетчиках автостоянки, чтобы помешать полицейским Калифорнийского Университета

налагать штрафы за неправильную парковку; странные психические игры на регулярных собраниях группы Т; шумные выходы на митингах против вьетнамской войны; и собирание местных трав вокруг Санта-Крус.

В этот памятный вечер Ричард быстро переходил с одного предмета на другой, в его обычной занимательной манере, не обнаруживая, с какой целью он нанес мне визит – если у него была такая цель. После того как мы приятно провели минут двадцать в юмористической беседе, он вдруг встал и собрался уходить. Я проводил его до двери, мы остановились, и тут он с не характерным для него смущенным видом спросил меня, не хотел ли бы я его проводить. Дальше он рассказал, что он со своим другом Фрэнком Пьюселиком ведет недалеко отсюда группу гештальттерапии, и пригласил меня ее посетить. Он сказал, что, может быть, мне будет интересно увидеть эту группу. Это приглашение меня удивило. Я поблагодарил его и объяснил, что не намерен участвовать ни в какой терапии. Кроме того, хотя у меня не было никакого опыта в этих делах, мне было ясно, что один из главных результатов терапии состоял в приспособлении людей к социальному, экономическому и политическому контексту, в котором они подвергаются эксплуатации; и далее, как убежденный революционер, я был уверен, что такая деятельность (терапия) является в высшей степени контрреволюционной. Я терпеливо объяснил ему, что приспособление людей к несправедливой системе приводит к отрицательному результату, снижая революционный потенциал.²

Такой ритуал – визит, завершившийся приглашением сопровождать его в группу гештальттерапии – повторялся несколько раз в течение ближайших недель, пока, наконец, я не спросил его, что может получиться, по его мнению, из моего визита в группу гештальттерапии. Он сбивчиво объяснил мне, что слушал в моих лекциях подробные, пространные и точные описания процессов естественного языка (моя докторская диссертация по трансформационной лингвистике) и его отношения к структуре человеческой психики. Он рассказал о своей фрустрации от работы в группе гештальттерапии, несмотря на то, что он и Фрэнк были превосходными гештальт-терапевтами; их настоящая цель состояла в том, чтобы научить других делать то, что они делали, но в этой части своего предприятия они пока что полностью провалились. Ричард надеялся, что я сумею описать то, что они делали, чтобы они могли обучить искусству гештальта других.

Когда таким образом выяснилось, в чем его трудность, мне показалось интересным посетить группу, где он и Фрэнк занимались гештальтом. Одного вечера было более чем достаточно, чтобы привлечь мое внимание – я уяснил себе, что оба они, Фрэнк и Ричард, своим странным и (как мне казалось) забавным поведением великолепно помогали другим совершать быстрые и, насколько я мог судить, глубокие изменения личности, освобождая своих клиентов от ограничений, наложенных ими на самих себя. Их работа была превосходной. И в самом деле, когда я позже сравнил их работу с работой Перлса, изображенной на киноленте с звукозаписью, то я убедился, что работа Пьюселика и Бендлера была значительно эффективнее модели, которой они подражали (то есть самого Перлса).

К этой загадке мы еще вернемся впоследствии.

Я решил помочь им создать описание, которое сделало бы то, что они делали, явным, и тем самым пригодным для обучения группы заинтересованных людей, собравшихся вокруг них.

Необходимая подготовка

Мой предыдущий опыт превосходно подготовил меня к этому делу. Моя докторская диссертация в Калифорнийском Университете в Сан-Диего (КУСД) была посвящена синтаксису. Этот опыт, вместе с четырьмя годами в Университете Сан-Франциско под опекой иезуитов, позволил мне занять позицию, которая, по моему мнению, отчетливо отделяет НЛП от других систем изменения поведения – это одностороннее и полное сосредоточение на форме, в противоположность содержанию.

Я вспоминаю, что на старших курсах КУСД проводил сотни часов с каким-нибудь знакомым, на первый взгляд внимательно прислушиваясь к его болтовне о каком-нибудь интересовавшем его предмете. В действительности же я тренировался в построении внутренних зрительных образов синтаксической структуры его предложений. Я готов был сидеть, как будто внимательно слушаю и глядя с большим интересом в лицо собеседника, с широко раскрытыми глазами, но зрительно составлял в это время сложные древесные структуры и время от времени поддерживал разговор какими-нибудь словами

вроде: «В самом деле!», «Замечательно!», «А что было потом?» По-видимому, эти реакции достаточно поощряли собеседника продолжать разговор, а мне позволяли вернуться к тому, что я делал – зрительно галлюцинировать абстрактные структуры. Если бы этот собеседник вздумал спросить меня, о чем он говорил, то я сразу же был бы разоблачен как мошенник, поскольку не имел понятия о содержании этих односторонних разговоров.

Перед поступлением в университет я достиг уже некоторого владения итальянским и немецким, изучив эти языки в контексте моей разведывательной работы в Европе. В ранних фазах этого опыта я старался освоить некоторые основные паттерны этих языков. При случае я даже много трудился, чтобы представить себя чем-то иным, чем я в действительности был, а именно, человеком, компетентным в местном языке и даже иногда европейцем – но всегда, конечно, из какого-нибудь другого места. Вся эта деятельность привела меня к ценному наблюдению: а именно, что можно эффективно действовать в лингвистическом контексте чужого языка, в действительности не очень понимая сказанное. Этот опыт научил меня, что *понимание никоим образом не является предварительным условием для эффективного действия в мире*. Осознание этого стало впоследствии большим преимуществом паттернирования НЛП, и как существенный элемент действительного моделирования паттернов превосходства, и как надлежащая установка НЛП терапевта в контексте приложений.

В чем же смысл этого отступления?

Смысл его в том, что эта лингвистическая деятельность, о которой я уже говорил раньше, была предпосылкой, подготовившей меня к созданию первой модели НЛП. И в самом деле, отсюда отчасти возникла метамодель, содержащаяся в *Структуре магии*, том I.

Рассказ продолжается

Я согласился помочь Ричарду в явном представлении паттернирования, которое использовали он и Фрэнк, чтобы дать им возможность обучить свою группу конкретному выполнению того, что они делали сами. Я решил следовать той же стратегии, на которой была основана Трансформационная Грамматика. Точнее, я предложил Бендлеру и Пьюселику выполнить задачу в два этапа. Во-первых, я должен был учиться делать то, что делали они, пока мы все не придем к согласию, что я выполняю это примерно с той же эффективностью и качеством, и примерно в то же время, что они. Иными словами, фаза I завершится, когда я смогу вызывать у клиентов те же реакции, что они. Затем, работав эти механизмы путем подражания и наблюдения за работой Фрэнка и Ричарда, я использую собственную интуицию в отношении того, что я в действительности делаю, и начну фазу II – явное отображение интуиции, развитой в ходе усвоения паттернов, в формальное представление, которое должно было быть явным и пригодным к обучению. Результатом этой второй фазы была, конечно, метамодель – первая из моделей НЛП.

Далее последовало то, что мы называли тогда Группой Повторения Чудес – я приходил в понедельник на занятия вечерней группы, тщательно наблюдал паттернирование, применяемое Бендлером и Пьюселиком, а в четверг вечером вел мою собственную группу, пытаясь воспроизвести чудеса, достигнутые Фрэнком и Ричардом в прошедший понедельник – независимо от того, нужны ли были моим клиентам именно эти чудеса.

Какова бы ни была этика этой группы повторения чудес (если вообще у нее была какая-нибудь этика), этот распорядок хорошо действовал в наших общих целях, и через несколько месяцев я был в самом деле способен воспроизводить в моей группе «те же» чудеса, которые Фрэнк и Ричард производили в своей группе. Этот проект (точнее, фаза II) был прерван другими видами деятельности каждого из нас – я отправился в Восточную Африку, пытаясь соединить лингвистическое исследование языка КиСуахили (поддержанное грантом Калифорнийского Университета в Санта-Крус) с чистым приключением; Ричард был в Колд Харбор, в Канаде, участвуя в месячном семинаре по семейной терапии Вирджинии Сатир; Фрэнк был в Оклахоме, занимаясь собственными делами и бизнесом. Когда я вернулся из Восточной Африки, Ричард обратился ко мне с предложением. Он рассказал, как он открыл новый набор замечательных паттернов – представленных в поведении Сатир – и хотел использовать ту же стратегию, которую мы раньше применили к паттернам Перлса, для создания явной модели работы Сатир. Его энтузиазм был заразителен, и мы сразу же начали работу –

точнее, фазу моего внутреннего или подсознательного усвоения паттернов Сатир в представлении Бендлера.

Ввиду глубокого раппорта между Бендлером и мною и ряда бессловесных сигналов, которые мы с ним выработали в то время в контексте моего изучения гештальта, мне нетрудно было добиться компетентности в новых паттернах. К тому времени нам обоим стало уже ясно, что между словесными паттернами двух исполнителей (Перлса и Сатир) были значительные совпадения. На этом этапе мы решили написать книгу (Структура магии, том I) с отчетливым изложением паттернирования обоих – Перлса и Сатир. У нас было интуитивное представление (подтвержденное последующими событиями), что мы сможем составить полезный код, объединив словесное паттернирование обоих исполнителей в единую модель.

Счастливое решение: вопрос о кодировании

Решение сосредоточиться на словесном паттернировании двух исполнителей оказалось счастливым – оно значительно упростило нашу задачу в двух разных отношениях.

1. Уже существовал явный код для выражения словесного паттернирования: это был описательный и формальный словарь для синтаксических исследований, используемый профессиональными лингвистами.
2. Мы с Бендлером сумели аккуратно обойти вопрос о структуре несловесных компонент поведения обоих исполнителей. Дигитализация аналоговых процессов – это чрезвычайно важный вопрос моделирования, один из тех вопросов, для которых не существует полезной явной стратегии, то есть для такой деятельности неизвестны полезные алгоритмы.

Здесь опять можно воспользоваться аналогией: предположим, что мы (Бостик и Гриндер) задались бы целью построить явную модель движений некоторой совершенной танцовщицы, чтобы дать ей возможность более эффективно передавать свое искусство и стиль заинтересованным учащимся. Искусство танца является аналоговым процессом – это значит, что движения танцовщицы составляют непрерывную последовательность, не делящуюся на какие-либо очевидные элементы. Конечно, можно было бы тривиальным образом предложить явную словесную модель танца, попросту указав три элемента – начало танца (поза и форма тела танцовщицы до начала движений танца), среднюю часть (все движения, следующие за началом танца и завершающиеся как раз перед его концом) и конец танца (конечная позиция и неподвижное положение танцовщицы в конце танца). Однако слишком грубое подразделение этого анализа не позволяет использовать его как модель, полезную для начинающих танцовщиц, заинтересованных в воспроизведении танца, так как это подразделение по существу не содержит никакой полезной информации о самих движениях танца.

Более подробный анализ может быть достигнут алгоритмически, простым наложением декартовой системы координат на видеозапись движений танцовщицы. С помощью хронометрии мы могли бы таким образом описать положение любой части тела танцовщицы в любой момент времени, с какой угодно точностью. Но будет ли такая явная модель полезна?

Можно представить себе некоторые ее применения. Например, если бы мы были заинтересованы в установлении разницы между исполнением образцовой и начинающей танцовщицы, мы могли бы синхронно наложить на каждую из видеозаписей декартову систему координат и убедительно показать, насколько оба танца отличаются друг от друга.³ Если, однако, целью моделирования является описание навыка, стиля и изящества образцовой танцовщицы, то такая модель мало чего стоит.

Если мы беремся моделировать ряд сложных видов поведения, как это было в первых опытах, положивших начало НЛП, то мы сталкиваемся с рядом решений, как разрезать или подразделить на отрезки сплошной поток интерактивного поведения, связывающего образцового исполнителя и его клиентов. Эта труднейшая задача, даже если отбросить любое притязание на «подлинное» или «реальное» представление происходящего.

К счастью, мы (Бендлер и Гриндер) сумели избежать значительной части этих трудностей, сосредоточившись вначале на словесном паттернировании двух избранных нами исполнителей – Перлса и Сатир.

Продолжение рассказа.

Следуя лучшим традициям научной деятельности, мы оба, вместе с Фрэнком Пьюселиком, провели несколько месяцев, ограничиваясь лишь теми паттернами, которые мы пытались выявить и проверить – мы выбрали некоторое множество словесных паттернов и строго ограничились этими паттернами, чтобы определить последствия систематического использования только этих паттернов. После ряда таких сеансов мы удалялись, чтобы рассмотреть результаты применения этих паттернов; при этом мы пересматривали множество паттернов, которые мы изучали, а затем возвращались к людям, приготовившись к дальнейшей проверке ответов на один и тот же вопрос:

Что произойдет, если мы ограничимся только этим множеством паттернов?

Мы все трое отчетливо понимали, что наша репутация, и еще более наше подсознательное использование несловесных паттернов влияния на клиентов мешали нам выделить воздействие тех словесных паттернов, которые мы моделировали. Мы неумышленно влияли на наших клиентов такими способами, которые запутывали наши исследования. Мы все (Бендлер, Пьюселик и Гриндер) пытались устранить такие переменные, чтобы можно было оценить воздействие одного только набора словесных паттернов, которые мы проверяли. Пытаясь исключить постороннее влияние⁴ этих несловесных переменных, мы принимали всевозможные меры – даже отделяли себя фильтрами от наших клиентов.

Один из способов такого отделения состоял в том, что мы отказывались входить в комнату, где находился клиент, посылая туда одного или нескольких наших студентов, хорошо натренированных и строго проинструктированных ограничивать свое взаимодействие с клиентом тем множеством словесных паттернов, которые мы изучали, а затем сообщать нам результаты своей работы. После этого мы давали им указание вернуться и выполнить некоторые действия, которые мы находили нужными.

Месяцы такой интенсивной деятельности в конечном счете привели нас к составлению метамоделей, опубликованной двумя из нас (Бендлером и Гриндером) в первой из книг, определивших область деятельности НЛП – Структура магии, том I – сначала в рукописной форме в 1974 году, а затем в виде книги в 1975 году.

Насколько мы (Бостик и Гриндер) могли судить, мета модель представляла собой первую полную синтаксически обоснованную языковую модель, когда-либо созданную для определенной цели. Тринадцать словесных паттернов (или около того, в зависимости от способа счета), составляющих мета модель, образуют высокоэффективную словесную модель для использования в конкретном контексте терапевтического изменения. Они сконструированы с определенной целью – оспорить ограничения в мысленных картах клиентов, обратившихся за профессиональной помощью, чтобы изменить себя путем терапии. Систематическое использование паттернов мета модели буквально вынуждает клиентов расширить или пересмотреть мысленные карты с ловушками, пробелами и ограничениями, мешающими им перейти к более эффективному и конгруэнтному поведению.

Комментарий о значении первой модели НЛП

Мета модель – это рекурсивная словесная модель, то есть просто-напросто набор синтаксических паттернов. В каждом из этих паттернов всегда есть две компоненты:

1. Установление синтаксического паттерна, используемого клиентом.
2. Возражение с целью создать контекст, в котором клиент расширит свою карту возможностей или обнаружит, что не имеет представления, о чем говорит – как можно предположить, это полезный первый шаг при изменении мысленных карт, ограничения которых вызывают неудовлетворенность клиента.

Сама метамодель представляет собой любопытную смесь паттернов. Утвердилось мифическое представление (в значительной степени исходящее от первоначальных учеников Гриндера, Пьюселика и Бендлера), будто паттерны метамодели – это паттерны, открытые Бендлером и Гриндером при тщательном анализе словесного паттернирования Перлса и Сатир. Подлинная история значительно отличается от этого представления.

Некоторые из паттернов метамодели были в самом деле общими в исполнении Перлса и Сатир:

Утверждение клиента		Возражение Перлса/Сатир
<i>Меня пугают <u>учителя</u></i>	→	<i>Какой именно учитель?</i> (вопрос о существительном)
<i>Учителя меня <u>пугают</u></i>	→	<i>Как именно вас пугают учителя?</i> (вопрос о глаголе)
<i><u>Все</u> люди лгут и обманывают</i>	→	<i>ВСЕ люди?</i> (вопрос о кванторе всеобщности)
<i><u>Моя жена думает</u>, что я веду себя глупо</i>	→	<i>Откуда вы знаете, что ваша жена думает, что вы ведете себя глупо?</i> (вопрос о чтении мыслей)

Когда мы говорим, что эти паттерны метамодели были общими в исполнении двух первоначальных образцов, мы не хотим этим сказать, что они использовали возражения вполне систематическим образом. Мы утверждаем лишь, что Сатир и Перлс использовали эти паттерны достаточно часто, чтобы их можно было определить как элементы множества форм поведения, воспроизведенного сначала в подражании Бендлера и Пьюселика, а затем Гриндера. А дальше случилось так, что эти три человека, Пьюселик, Гриндер и Бендлер, во время подражательной фазы своей работы подсознательно скорректировали свое собственное поведение, так что частота использования этих возражений оказалась в их поведении выше, чем в поведении первоначальных исполнителей, которым они подражали, Сатир и Перлс. Эту коррекцию можно было, конечно, понять как неудачу всех трех человек, пытавшихся точно воспроизвести путем подражания поведение Перлса и Сатир; но можно было попросту считать, что они стали использовать приведенные выше возражения чаще, чем их первоначальные образцы, подсознательно заметив, что получают таким образом более высокие результаты. Для нас оба эти выражения примерно равносильны, но мы находим вторую формулировку более поучительной.⁵

Стратегия достижения компетентности в моделируемых паттернах

Как мы полагаем, важнее всего описать этот процесс так, чтобы он был понятен читателю: представьте себе, что вы подражаете одному из первоначальных образцов, например, Перлсу. Перед вами находится реальный клиент, несчастный и недовольный своим жизненным положением человек, который ищет вашего руководства и помощи, чтобы перейти к более удовлетворительному способу жизни.

С одной сторон, вы обязаны подражать Перлсу (потому что в этом состоит ваше исследование); однако вы признаёте в то же время свою ответственность за сидящего перед вами человека. Поскольку у вас нет сознательной когнитивной карты того, что вы делаете (такая сознательная карта предполагала бы, что вы уже построили явную модель, которую вы только создаете), каким образом вы можете определить, шаг за шагом, действует ли то, что вы делаете?

Ответ на этот вопрос пугающе прост – это калибровка, то есть ваша способность отчетливо замечать различия в тоне голоса, позиции тела, дыхании и т.д., изменения мышечного тонуса и даже слова, используемые клиентом, а также ваша способность интегрировать все эти разнообразные виды реакций, составляя суждение, конгруэнтна или не конгруэнтна реакция клиента. Если реакции, которые вы вызываете принятой вами формой подражания, ведут в направлении, желательном для клиента, то продолжайте. Если же они не ведут в этом направлении, выберите любую другую форму доступного вам

подражательного поведения и перейдите к ней. Кстати, этот последний принцип составляет начало примечательного девиза НЛП:

Если то, что вы делаете, не работает, сделайте что-нибудь другое!

Если вы сочувственно отнесетесь к этой сложной форме поведения, запускаемой обратной связью (или, что еще лучше, если вы перемените свои привычки и в самом деле станете так себя вести), то вы оцените, насколько трудно корректировать свою работу НЕ подсознательным способом. В такой системе, под действием только обратной связи и требуемых клиентом результатов, вы в самом деле естественно и подсознательно продвигаетесь к эффективности.⁶

Приведенное выше описание точно изображает основную стратегию, использовавшуюся в первой фазе моделей НЛП классического периода – моделей подражательного поведения (1971 – 1979), и в то же время в нем содержится ответ на вопрос, вытекающий из удивительного наблюдения:

Каким образом люди, подражающие образцу, могут быть более эффективны, чем сам образец?

Один из авторов этой книги (ДГ), как было сказано выше в нашем рассказе, заметил, что в то время, когда начиналось моделирование, приведшее к первой модели НЛП (метамоделю), имитативное поведение Пьюселика и Бендлера в их группах гештальттерапии было в действительности чище и эффективнее, чем поведение Перлса, фиксированное в фильмах и на магнитофонной ленте. Подсознательный процесс редактирования прекрасно объясняет источник этого различия, первоначально вызывавшего удивление. Если бы вы смогли найти оригинальные звукозаписи гештальттерапии, сделанные в этот ранний период одним из трех участников, Гриндером, Бендлером или Пьюселиком, то выяснили бы причину различия, сравнив частоту использования возражений метамоделю в их записях и в записях работы Перлса или Сатир, применявших те же паттерны. Приняв во внимание, как часто возникала возможность законного применения паттерна, вы увидели бы, что имитаторы использовали его чаще – значительно чаще.

Сатир демонстрировала также в своем поведении несколько других паттернов, закодированных впоследствии как часть метамоделю.

Утверждение клиента

Мой муж сводит меня с ума.

→

Возражение Сатир

Каким образом он сводит вас с ума?

(возражение по поводу семантической неправильности причина-следствие).

Если бы моя девушка любила меня, то она всегда бы со мной соглашалась.

→

Значит, любить вас – то же самое, что всегда соглашаться с вами!

(возражение по поводу сложной эквивалентности).

До сих пор, таким образом, миф подтверждается – с особой оговоркой, что имитаторы более систематически использовали паттерны, чем это делали источники тех же паттернов. Сосчитав уже установленные паттерны, заимствованные у Сатир и Перлса, мы получаем шесть из паттернов метамоделю. Естественно, возникает вопрос:

Откуда произошли остальные паттерны метамоделю?

Мы уже упомянули раньше счастливое решение Гриндера и Бендлера, выбравших метамоделю в качестве их первой опубликованной явной модели – дело в том, что уже существовал явный код для записи словесных паттернов, а именно, дескриптивный словарь для синтаксиса, используемый профессиональными лингвистами. Перед возникновением этой модели Пьюселик, Бендлер и Гриндер подсозна-

тельно отобрали, с помощью процесса подсознательного редактирования во время имитации, наиболее эффективные из словесных паттернов Перлса и Сатир. И вдруг Гриндер – профессиональный специалист по синтаксису – поразился тому, что эти паттерны были уже ему вполне известны. В самом деле, они представляли собой хорошо изученные, хорошо закодированные паттерны в его профессиональной области – в синтаксисе Трансформационной Грамматики. Перед ним сразу возник вопрос:

Если использовать развитый, точный и обширный набор синтаксических различий, доступный любому компетентному специалисту по трансформационному синтаксису, то какие другие синтаксические паттерны, связанные с уже найденными, могут быть полезны в контексте процессов изменения?

Ответ, конечно, состоял в том, что обнаружился целый ряд возможностей: номинализация, удаление действующего лица, разнообразные формы отрицания, соотнесение, сравнительное удаление, модальные операторы возможности, предпосылки (33 синтаксических варианта), модальные операторы необходимости, невыраженные исполнительные глаголы, указатель отнесения, удаление объекта, симметрические предикаты, транзитивные предикаты, классы эквивалентности и т.д.⁷

Отсюда возникло огромное разнообразие синтаксических и логических паттернов – шведский стол, уставленный блюдами, и пиршество началось! Следующие месяцы были наполнены лихорадочной деятельностью, в которой Гриндер обнаруживал различные синтаксические паттерны, и все трое проверяли, к чему приводит систематическое использование этих паттернов в контексте изменения – некоторые отбрасывались, другие оставлялись, пока не получилась полная метамодель.

Гриндер и Бендлер явно указали дополнительные источники паттернов метамодели:

Язык является одним из путей, позволяющих терапевту познакомиться с клиентом и понять его, и поскольку язык является в то же время одним из главных способов, с помощью которого все люди моделируют свой опыт, мы сосредоточили свою работу на языке терапии. К счастью, независимо от контекста психологии и терапии, специалисты по трансформационной грамматике уже развили явную модель структуры языка. В применении к терапии она представляет нам явную метамодель для обогащения и расширения наших терапевтических навыков и дает нам ценный набор орудий, увеличивающих нашу эффективность, и тем самым магические результаты нашей терапевтической работы.

Структура магии, том I, стр. 19.

Центральная идея моделирования паттернов: форма versus* содержание.

Заметим, что в метамодели содержанию не придается абсолютно никакого значения. Это неиспользование содержания становится решающей характеристикой паттернирования НЛП во всех дальнейших применениях моделей НЛП классической эпохи. Грубо говоря, производящий изменения терапевт в процессе изменения занимает, в качестве эффективного руководителя, более высокий перцептуальный уровень, чем клиент (Джей Хейли в своем ценном описании гипнотической работы Милтона Эриксона, изложенном в книге *Стратегии психотерапии*, проницательно заметил и удачно обозначил это как метадополнительное положение).

Такая перцептуальная позиция охватывает тот уровень, на котором действует клиент. С точки зрения перцептуальной позиции терапевта, она определенно покрывает и клиента, и представление самого терапевта. Более конкретно, в то время как клиент сосредоточивается на содержании своего опыта, производящий изменения терапевт сосредоточивается на ряде добавочных вопросов, таких как отношение между ним и клиентом, подсознательные процессы отображения, используемые клиентом и т.д. Пользуясь этим широким диапазоном восприятия и манипулируя такими процессами, терапевт стремится создать контекст, в котором клиент может найти надлежащие альтернативные формы поведения и паттерны действия.

Иными словами, клиенту полностью предоставляется исследование содержания его жизни. Надлежащая позиция НЛП терапевта состоит в том, что он манипулирует этим процессом, в котором клиент исследует содержание своей жизни и развивает свои новые возможности. Один из этических принци-

---

* Против (лат.). (Прим. перев.).

пов НЛП требует, чтобы терапевт в процессе изменения сам не вмешивался в содержание вопросов, исследуемых клиентом. Этим он нарушил бы особое отношение между ним и клиентом. Более конкретно, если бы терапевт НЛП комментировал содержательную сторону проблем клиента (положительно или отрицательно, словесно или несловесно), или предлагал альтернативы, или как-нибудь иначе влиял на процесс исследования, производимый клиентом, то он обманул бы особое доверие к нему клиента. И в самом деле, полная сосредоточенность НЛП терапевта на изменении синтаксических паттернов клиента самым отчетливым способом удовлетворяет этому этическому требованию и избегает злоупотребления этим специальным отношением.

Есть разнообразные и тонкие способы, которыми терапевт может повлиять на клиента. Например, Фрейд, в начальный период использовавший гипноз, кокаин и весьма содержательные обсуждения со своими клиентами (к счастью, не все эти способы одновременно!), понял, что клиенты в муках процесса изменения крайне впечатлительны и весьма чувствительны к малейшим указаниям терапевта, правильно ли они действуют (с точки зрения психоаналитика). Решение его состояло в том, чтобы минимизировать влияние психоаналитика на клиента, манипулируя физическим контекстом: он направлял взгляд клиента в сторону от себя (и тем самым исключал визуальные связи); ограничивал свои словесные реакции (по крайней мере в некоторых частях терапевтического сеанса) относительно бессодержательными поощрениями, указывающими пациенту, что он должен продолжать то, что делает (*гм, продолжайте пожалуйста, что же дальше* и т.д.) и уменьшал тем самым слуховые связи; он помещал клиента на кушетку, в то время как сам, как правило, сидел (кинестетическое ограничение). С помощью этих манипуляций Фрейд пытался удовлетворить особые этические требования к процессу изменения, защищая личность клиента. Конкретная цель его состояла в том, чтобы не навязывать словесной и несловесной обратной связью взгляды и ценности психоаналитика впечатлительному и уязвимому клиенту, борющемуся за свое изменение.

В применении НЛП к процессу изменения – то есть в первом контексте, где были развиты модели НЛП – с этим требованием пытались справиться принципиально иным путем. В приведенном выше описании было сказано:

Надлежащая позиция НЛП терапевта – это позиция манипулятора, направляющего процесс, в котором клиент исследует содержание своей жизни и развивает свои новые возможности.

Номинализация *манипулятор*, произведенная от глагола *манипулировать*, часто действует как красная тряпка на профессиональных психотерапевтов, но мы используем этот термин намеренно, чтобы напомнить всем таким терапевтам изменения специальное этическое требование, связанное с их позицией. В частности, мы используем этот термин в данном контексте, чтобы подчеркнуть, как работает стратегия, применяемая в НЛП для защиты личности клиента: взаимодействие с клиентом ограничивается процессом, то есть терапевт манипулирует процессом, оставляя все содержание клиенту.

Как показал наш опыт, это весьма освобождающее ограничение – вы делаете то, что вы должны делать, чтобы клиент получил то, чего он хочет; причем то, что вы делаете, этично и ограничивается процессом. Предположим, что у вас классический клиент с депрессией. В таких случаях первая задача, с которой сталкивается терапевт – это установить раппорт с клиентом и получить его реакции. Учитывая сказанное выше, вы попросту делаете то что нужно, чтобы справиться с этой первой задачей. Эти действия начинаются с классической стратегии зеркального отражения, применявшейся в ранней работе НЛП, где вы тщательно повторяете позы клиента, его жесты, паттерны дыхания, интонации голоса, вокальные ритмы и т.д. – что составляет относительно невинную и мягкую манипуляцию – и доходят до метакомментария, что вы не знали, как скучны могут быть люди с депрессией, или даже до того, что манипулятор проливает слезы, не зная, что делать с таким нечувствительным человеком, или вдруг падает на пол, изображая сердечный приступ, чтобы привлечь все внимание клиента, или случайно проливает на него стакан холодной воды. Все эти действия входят в процесс манипуляции, при всем различии их стиля и последствий. Такая форма, или принцип процесс versus содержание, была и остается важнейшей для развития и быстрого распространения НЛП.

Один из более тонких способов, которыми психотерапевт неправильно влияет на своих клиентов – то есть манипулирует ими на содержательном уровне – это *попытка понять, в чем состоит переживание клиента*. Как это ни удивительно, усилие понять опыт другого человека может быть в высшей степени актом манипуляции,⁸ независимо от позитивных намерений того, кто пытается понять.

Мы приведем дальше пример работы терапевта НЛП со своим клиентом, предлагая вам обратить внимание на ваши внутренние реакции при попытке понять доставляемую клиентом словесную информацию.

Терапевт: *Так вы говорите, что с вашим браком что-то не в порядке?*

Клиентка: *Вот именно, ...не знаю, как это выразить – скажем, мой муж ведет себя не так, как мы обещали друг другу, как только поженились.*

Терапевт: *Хорошо, помогите мне понять это поведение, как это разошлось с тем, что вы обещали друг другу как только поженились?*

Клиентка: *Ну, вы знаете, как это бывает...в конце концов, мы уже прожили вместе больше 15 лет. Все это, может быть, немножко застоялось – знаете ли, раньше трава была зеленее...(голос начинает дрожать, как будто клиентке трудно продолжать).*

Терапевт: *Так о чем же мы теперь говорим?*

Теперь вопрос к читателю: поняли ли вы, о чем идет речь? О чем говорит эта женщина? Чувствуете ли вы, что не ладится в этом браке? Понимаете ли? Запишите ответы на эти вопросы. Продолжим сеанс.

Клиентка: *Об этом трудно сказать – ну, он делает разные вещи с другими. То, что мы раньше делали только между собой, так что... (голос ломается).*

Терапевт: *Ясно, что это очень сильно затрагивает ваши чувства. Что же вы чувствуете? (наклоняется вперед и слегка прикасается к женщине с видимым участием).*

Клиентка: *Думаю, я должна об этом рассказать – хотя мне противно даже думать об этом.*

Терапевт: *Ну, здесь вы в полной безопасности...продолжайте, скажите это!*

Теперь скажите откровенно, читатель, в чем состоит проблема брака этой клиентки с ее точки зрения?

Мы хотим сделать некоторые комментарии по поводу этой записи:

1. Терапевт очевидным образом не получил подготовки в НЛП.
2. Он эффективно воздерживается от словесного изображения того, о чем говорит клиентка. Это не значит, что он не размышляет самым бесцеремонным образом о сути дела, но он не говорит о своих размышлениях.
3. Если бы он получил подготовку в НЛП и применял мета модель, то несомненно, дело пошло бы быстрее. Посмотрите, например, на прямое действие некоторых основных возражений мета модели.

Первый пример:

Клиентка: *Вот именно, ...не знаю, как это выразить – скажем, мой муж ведет себя не так, как мы обещали друг другу, как только поженились.*

Терапевт: *Что именно вы обещали друг другу, как только поженились?*

или

Терапевт: *Ведет себя не так, как вы обещали друг другу, как только поженились, а как именно?*

Второй пример:

Клиентка: *Ну, вы знаете, как это бывает...в конце концов, мы уже прожили вместе больше 15 лет. Все это, может быть, немножко застоялось – знаете ли, раньше трава была зеленее...*(голос начинает дрожать, как будто клиентке трудно продолжать).

Терапевт: *Нет, я не знаю, как это бывает?*

или

Терапевт: *Что́ немножко застоялось?*

Третий пример:

Клиентка: *Об этом трудно сказать – ну, он делает разные вещи с другими. То, что мы раньше делали только друг с другом, так что...* (голос ломается).

Терапевт: *Что именно он делает с другими?*

или

Терапевт: *Какие именно вещи, которые вы раньше делали только друг с другом?*

Дело здесь в том, что если вы пытаетесь понять кого-нибудь в контексте изменения вроде этого, то вы подсознательно и невольно приводите в действие ваши стандартные языковые средства, порождающие значения на подсознательном уровне, те же процессы, с помощью которых вы понимаете любые предложения и слова.

Мы попросим читателя визуализировать следующий отрывок:

...котенок играет шерстяным клубком...

Теперь ответьте на следующие вопросы: Какого цвета клубок? В каком положении находится котенок? Каково расстояние между котенком и шерстяным клубком? Какова величина клубка по сравнению с котенком? Какова окраска котенка – полосатая или сплошная, и какого цвета...?

Все эти образы принадлежат вам – вы их создали, вы их галлюцинировали. Крайне маловероятно, что эти подсознательно принятые решения, входящие в языковые процессы вашего понимания, соответствуют первоначальному образу, возникшему, когда мы предложили задачу вашему воображению. Речь шла о котенке и каком-то клубке шерсти – не особенно нагруженных эмоциональным содержанием.

Понять какое-нибудь слово или выражение – значит привести в действие, иногда сознательно и *всегда подсознательно*, ряд образов, звуков и ощущений, ассоциированных с этим словом или выражением. В этот процесс входит использование личной базы опытных данных, то есть ассоциаций всей вашей жизни с предложенными вам словами.⁹

Подумайте теперь, как вы понимаете следующие выражения:

- а. Мой муж ведет себя не так, как мы обещали друг другу, когда мы только поженились.*
- б. В конце концов мы уже вместе больше 15 лет, все это несколько застоялось.*
- в. Он делает разные вещи с другими людьми. Вещи, которые мы раньше делали только друг с другом.*

Если в каком-нибудь выражении существительные и глаголы не специфичны, а ваше намерение состоит в том, чтобы понять его, то, если вы не высоко дисциплинированный и компетентный профессионал, вы начнете галлюцинировать. Перестаньте это делать!

И вы это делали?

Обратите внимание на то, что подлинное содержание существительных и глаголов, не вызвавшее в этом случае никакого вопроса или уточнения терапевта, может вполне законным образом пробегать широкий диапазон представлений, от галлюцинаций значительного большинства людей, у которых этот минимальный отрывок вызывает представление о супружеской неверности, до регулярной игры в бридж между мужем и кем-нибудь другим (не с женой, которая является клиентом).

Рассмотрим теперь последствия применения словесных паттернов, закодированных в НЛП – например, в метамодели. Конечно, вы движетесь при этом к конкретности, с некоторым приближением к оптимальной эффективности. Но важнее здесь, в контексте процессов изменения, то обстоятельство, что применение модели доставляет вам три чрезвычайно важных преимущества:

1. Терапевт не вводит абсолютно никакого содержательного материала. Все содержание – все слова и ассоциированные с ними значения, конкретизация которых требуется от клиента – имеют своим источником спонтанное словотворчество клиента. Неопределенные существительные и глаголы сначала предъявляются клиентом, затем выделяются терапевтом, помещаются им в рамки возражения и, наконец, снова предъявляются клиенту.

Какой именно _____? для существительных

Как именно? _____? для глаголов

Это вполне конгруэнтно этике приложения НЛП к работе изменения. Это равносильно также тому, что все подразделения на уровне ПД, происходящие во взаимодействии между терапевтом и клиентом, являются подразделениями, созданными единственно клиентом (см. Главу 2 Части III, раздел *Функции сортировки*). Терапевт ограничивается в этом контексте стандартными операциями отображений спецификации, входящими в структуру языка (составляющими подмножество преобразований f^2).

2. Терапевт систематически использует такие словесные паттерны, применяя НЛП к работе личного изменения. Если это делается последовательным и дисциплинированным образом, это защищает терапевта (а также его клиента) от подсознательной фильтрации, возникающей на подсознательном уровне процессов понимания терапевта. Иначе говоря, исключаются фильтры в мысленной карте терапевта, активируемые образами, ощущениями и звуками, составляющими смысл предложенного клиентом материала. На словесном уровне терапевт ограничивается исключительно тем, что обнаруживает, выделяет и переизлагает клиенту те части его предложений, которые не носят определенного характера. Цель терапевта – создать контекст, в котором он манипулирует происходящим у клиента процессом, приводя его к ряду новых выборов, расширяющих и обогащающих его жизненный опыт; при этом терапевт ничего не пытается понять.¹⁰
3. Задача дисциплинированного, компетентного НЛП терапевта – сосредоточиться на синтаксической структуре речевых паттернов клиента, то есть на выяснении, выделении и переизложении частей паттернов речи клиента в виде возражений, что скоро превращается в простое подсознательное действие. Это дает терапевту возможность замечать и интегрировать все виды несловесного поведения, предъявляемые клиентом. Такие формы поведения, главным образом подсознательные, почти всегда доставляют более убедительные указания на то, что происходит с клиентом.¹¹

Критерии оценки модели

Как уже было сказано, главный критерий оценки модели НЛП состоит в том, работает ли она, что приблизительно равносильно двум вопросам:

1. *Поддается ли она усвоению?*

2. *Приводит ли она к тому, что учащийся достигает результатов, сопоставимых с первоначальным источником модели?*

В случае словесных паттернов, как в метамоделю, первому критерию, очевидно, можно удовлетворить, поскольку любой носитель языка уже обладает в точности той интуицией в своем родном языке, которая позволяет выделить части речи клиента, подлежащие возражению. Как я уже упомянул в разделе об интеллектуальных предшественниках, это представление было заимствовано из методологии Трансформационной Грамматики Хомского. Остается лишь связать конкретные возражения с уже имеющейся синтаксической интуицией, что сравнительно просто.

Второй критерий лучше предоставить читателю для практической проверки.

Многие находят чрезвычайно трудным полностью сосредоточиться на процессе. Содержание разговора почти непреодолимо влечет к себе, как сирена на одинокой скале в подвижном море коммуникации. В самом деле, сосредоточенность на содержании составляет норму культуры, и для большинства людей почти всегда предпосылку того, что большинство людей считает целью коммуникации. Но мы представили аргументы – по нашему мнению убедительные – что, за исключением очень специальных условий,¹² естественные процессы языка, позволяющие нам вести себя так, как будто мы понимаем друг друга, неизбежно вызывают у слушателя галлюцинирование или создание смысла.

Существует простая, точно определенная стратегия, использующая естественную тенденцию к галлюцинации; эпистемологически она относительно правильна и напоминает мягкую провокацию. Эта особая система возражений была систематически разработана Фрэнком Фаррели, талантливым терапевтом НЛП. Мы предлагаем в качестве введения в эту технику следующий рассказ.

В конце 70-х годов Гриндер и Бендлер были приглашены в качестве главных докладчиков на форум «Границы психиатрии», организованный Университетом Темпл в Филадельфии. Они воспользовались этой возможностью, предложив директору форума пригласить Фрэнка Фаррели работать на сцене с настоящим клиентом перед 300 присутствовавшими на конференции психиатрами. По соглашению, сразу же после работы Фаррели Бендлер и Гриндер должны были представить явное изложение основных частей его работы – то есть моделировать поведение Фрэнка, выявив его паттерны. Бендлер и Гриндер были уже знакомы со способом образования словесных паттернов, изложенным Фаррели в его весьма поучительной и в то же время увлекательной книге «Провокационная терапия».¹³ У них были убедительные основания считать, что они обнаружат в его поведении также ряд форм несловесного мастерства, уже закодированных ими в их предыдущих исследованиях.

Демонстрация Фрэнка была великолепна. Чтобы дать читателю представление о его словесной работе и пример стратегии галлюцинации для конкретизации языка, мы воспроизведем несколько диалогов между Фаррели и его клиентом.

В первые несколько минут происходил относительно бессодержательный разговор (в ходе которого, как было ясно, Фрэнк полностью завладел сознательным и подсознательным вниманием своего клиента, что обычно называется раппортом – применяя главным образом стратегию отражения, кодированную в НЛП). Затем произошел следующий диалог:¹⁴

Фрэнк: Хорошо, так что же я могу для вас сделать?

Клиент: Ну, то, что меня беспокоит, это мои отношения с женой.

Фрэнк: Да-да, я знаю, что вы имеете в виду – ограниченность сексуальных позиций в постели.

Клиент (удивленно): Нет, я хочу сказать, что я просто не чувствую такой близости к ней, как раньше.

Фрэнк: Да, я понял. Вам это не удастся делать, как раньше.

Клиент (опять удивленно): Нет, не в этом дело – дело в том, что мы как будто не говорим больше о разных вещах.

Фрэнк: Значит, вы не говорите, как это делать иначе.

Клиент (опять удивленно): Нет, я хочу сказать, что мы не говорим, как мы воспитываем детей, или что мы будем делать, выйдя на пенсию... (продолжает перечислять темы разговоров).

Стратегия Фаррели для выяснения конкретной информации, продемонстрированная в этом примере, может быть объяснена следующим образом:

Модель Фрэнка Фаррели выявления конкретности в языке

1. Устанавливается раппорт
2. Выслушивается пожелание клиента
3. Выбирается существительное или глагол, термин, занимающий ключевое положение в предложении, разумеется, на столь высоком логическом уровне, что он покрывает большое число конкретных возможностей.
4. Нарочно изобретается некоторая интерпретация, то есть ярко галлюцинируется некоторая конкретная и провоцирующая ситуация, относящаяся к чему-то, что клиент может счесть совершенно неосновательным, и что даже крайне невероятно. В работе Фрэнка, и в этом примере, и в других случаях, он особо предпочитает использовать для этого сексуальное содержание, хотя так же подошло бы любое провокационное ошибочное толкование.
5. Это в высшей степени конкретное ошибочное толкование предъявляется клиенту в такой убедительной форме, как будто вы знаете, о чем он говорит.
6. Внимательно выслушивается исправляющий ответ клиента, спровоцированный вашим истолкованием.
7. Шаги 2 – 7 повторяются до тех пор, пока клиент (отчаявшись) доставляет вам конкретную информацию, нужную для выбора надлежащего и эффективного вмешательства.

Стратегия Фаррели может быть выражена простым рассказом: вступите в контакт с клиентом и выберите какое-нибудь важное существительное или глагол из его речи – какой-нибудь неопределенный термин, заключающий очень много вариантов в возможном опыте клиента. Начиная с этого, выберите какую-нибудь крайне конкретную и провокационную интерпретацию, как вы полагаете, совершенно не имеющую отношения к делу, и предложите ее клиенту столь убедительно, как будто вы в самом деле в нее верите. Выслушайте его ответ и повторяйте этот цикл, пока не получите всю нужную вам конкретную информацию.

Излагая модель Фаррели, мы (Бостик и Гриндер) полагаем, что эта стратегия:

- а. Мягко провокационна
- б. Точно определена
- в. Использует естественную тенденцию к галлюцинации
- г. *Относительно* правильна в эпистемологическом смысле

Наречие *относительно*, модифицирующее выражение *в эпистемологическом смысле*, относится к тому факту, что терапевт вводит материал по собственной инициативе, а не ограничивается словесным материалом, предложенным клиентом. Таким образом, предлагаемые терапевтом варианты оче-

видным образом происходят из его собственной мысленной карты, а потому потенциально не имеют ничего общего с опытом клиента. Как может подтвердить любой компетентный клиницист, люди, стремящиеся к изменению, весьма чувствительны к содержательным предположениям авторитетной личности – в роли которой очевидно выступает терапевт. Поэтому в модели Фаррели изобретения терапевта не исключают возможности неправильного влияния на клиента.

Чтобы воспрепятствовать такому влиянию, терапевт намеренно выбирает с помощью галлюцинации нечто почти наверняка ошибочное. Это провоцирует исправляющую реакцию клиента, восстанавливающую эпистемологическую правильность процесса. Ясно также, что терапевт, производящий изменение, намеренно пытается (шаг 4) выбрать нечто такое, для чего нет никаких оснований, и что почти наверняка окажется ошибочным; таким образом терапевт не прибавляет в своей галлюцинации ничего верного. Этим терапевт исправляет влияние дополнительного материала, происходящего от его собственных мысленных карт.

Ясно, что этот пример имеет провокационный характер; его последовательная стратегия точно определена и достаточно проста. Она очевидным образом использует способность галлюцинировать представления, фактически не входящие в коммуникацию, как это почти принудительно происходит у большинство людей, пытающихся понять услышанное. Мы остановимся подробнее на *относительной* эпистемологической правильности. Заметим, что инструкции этой последовательной стратегии содержат выражения вроде следующих:

- 1. Намеренно выберите некоторую интерпретацию, для которой у вас нет абсолютно никакого основания.*
- 2. Предъявите эту весьма специфическую интерпретацию клиенту, сделав это конгруэнтно, как будто вы верите, что он говорил вам именно об этом.*
- 3. Внимательно выслушайте исправляющий ответ, вызванный у клиента вашей весьма специфической и провокационной неправильной интерпретацией.*

Все эти фразы содержат эпистемологические инструкции, в высшей степени благотворные в данном контексте приложений – вас инструктируют, что вы должны галлюцинировать, сознавать, что вы галлюцинируете, и не придавать абсолютно никакого значения доказательству правильности вашей галлюцинации. Многие люди испытывают в этой области прежде всего ту трудность, что они не осознают прибавляемые ими добавочные значения, не оправдываемые тем, что они в самом деле слышат (мы называем это галлюцинированием или заполнением), а затем вкладывают в свою галлюцинацию то, что создают сами, и приписывают это говорящему. Таким образом, намеренно решив галлюцинировать, вы приобретаете в некоторой степени эпистемологический контроль над неизбежными подсознательными процессами языка. Вы знаете, что вы не знаете, о чем вы говорите!

Более общая эпистемологическая точка зрения – особенно в применении к паттернам в моделировании НЛМ – состоит в следующем: если вы пришли к личному убеждению, что открыли некоторый паттерн, и формально закодировали этот паттерн, ищите контрпример. В частности, если кодирование в самом деле явно (и удовлетворяет требованию фальсифицируемости*, подразумеваемому в любой научной деятельности), то нетрудно уяснить себе, какой ряд наблюдений может послужить в качестве контрпримеров. Затем вы сможете просто конгруэнтно создавать переживания из этого ряда контрпримеров. Эта эпистемологически здоровая стратегия противоположна описанному выше обычному поведению – то есть сильной тенденции убеждать себя в открытии паттерна, отыскивая исключительно добавочные примеры, подтверждающие этот паттерн. Продолжительная затрата времени и энергии в таких случаях приводит как правило лишь к тому, что открывший этот паттерн упражняется в доказательстве его правильности на множестве примеров. Далее, такой исследователь как правило примется доказывать, что альтернативные формулировки паттернов в той же области ошибочны, что приводит к множеству злополучных и непродуктивных дискуссий и к неприятным конфликтам между исследователями.

Комментарий к 1-ой модели НЛП

---

* Имеется в виду эпистемологический принцип Поппера. (Прим. перев.).

Мы указали, таким образом, характерные вопросы, возникшие при создании первой модели НЛП, мета-модели – этого странного и удивительного набора словесных паттернов, положившего начало НЛП и послужившего одним из главных орудий дальнейших исследований, в том числе их приложения к построению других моделей.

Важно отчетливо описать роль развертывания мета-модели в процессе моделирования. Мы утверждаем, что совершенно неуместно применять эти словесные различия непосредственно к модели (к источнику). Поступая таким образом, вы смешиваете соответствующие роли моделировщика и модели или источника. Если вы применяете мета-модель, спрашивая источник о его собственных представлениях того, что он делает, то вы по существу просите его моделировать самого себя – то есть выполнить труднейшую задачу явного представления своего подсознательного знания. Но это как раз обязанность моделировщика, а не модели.¹⁵

Мы утверждаем, что развертывание мета-модели (или функционально эквивалентных наборов словесных паттернов) в деятельность моделирования имеет специфическое и действенное применение на более поздней стадии моделирования – то есть после того, как моделировщик продемонстрировал компетентное поведение в построении развиваемых паттернов. Иными словами, мета-модель как правило не применяется к моделируемому человеку, а более продуктивно применяется к самим моделировщикам в фазе, когда они отображают интуицию, приобретенную эффективной имитацией, в формальное или по крайней мере явное словесное представление изучаемых и интегрируемых паттернов.

Вторая модель НЛП: системы представления – ранний прорыв в построении паттернов НЛП

В один прекрасный день в середине 70-х годов я (ДГ) я заехал за Ричардом в его резиденцию под номером 1000 по Альба Роуд в Бен Ломонде, небольшом горном селении в верхней части долины Сан-Лоренсо, примерно в восьми милях от Санта-Крус. Мы собирались начать в этот вечер занятия новой группы – первые собрания таких групп особенно интересны и связаны с разными ожиданиями, как это и должно быть. Мы почти не представляли себе, кем окажутся эти люди, но поскольку мы были уверены, что они из Санта-Крус, это было во всяком случае любопытно.

Ричард попросил меня остановиться в Бен Ломонде у винного магазина, чтобы купить сигареты. Сидя в машине перед магазином и ожидая, пока он совершит эту операцию, я размышлял над событиями нескольких последних месяцев и думал о том, куда мы пойдем дальше. Мы окончили Том I Структуры Магии, содержащий мета-модель, и это нас окрылило. Реакция на нашу работу как местных любителей, так и профессионалов всей страны была немедленной и вполне положительной.¹⁶

Мы погрязли в паттернах – кажется, мы ели, пили и спали с паттернами – но может быть было и кое-что другое. Когда Ричард снова поднялся в машину, прервав мои грезы, он смеялся. Я спросил его, что его так рассмешило. Он сказал (примерно) следующее:

Знаешь, Джон, люди говорят самые странные вещи, например, женщина, с которой я говорил у прилавка. Она сказала: «Я вижу, что вы говорите».

И он снова судорожно рассмеялся. Когда я свернул на 9-й хайвей, ведущий в Санта-Крус, я следил за ним боковым зрением, удивляясь, почему это предложение показалось ему столь забавным. Через несколько минут я сказал ему:

А не покажется ли тебе столь же забавным предложение «Я чувствую, что ты говоришь неясно».

Бендлер посмотрел на меня, резко повернувшись, с озадаченным и встревоженным видом. Затем мы начали очень специальную и очень обычную для нас игру: по дороге в Санта-Крус мы предлагали друг другу примеры, содержащие «тот же самый» паттерн. Игра была еще раз запущена!

Поймите, что оба мы на этой стадии не могли определить, к какому паттерну относились производимые нами примеры. Этот интуитивный открытый гамбит в паттернировании был нашим очень обычным занятием. Оба мы сознавали, что отслеживаем некоторый паттерн, и что на какой-то стадии будет полезно выяснить, в чем состоит этот паттерн, но эта стадия была еще в будущем. Между тем, мы с удовольствием продолжали игру.

Поездка была веселой, так как мы продолжали забавляться все более странными примерами. Когда мы подъехали к Санта-Крус, я заехал на автостоянку универмага и через несколько минут вернулся с листами разноцветной бумаги, зеленой, красной и желтой.

Когда мы доехали до места, где в этот вечер должна была собраться группа (это был частный дом), мы по обыкновению расположились снаружи и в ожидании запоздавших наблюдали и прислушивались к взаимодействиям пришедших людей, в ожидании остальных. В те дни в Санта-Крус полагось начинать первое собрание такой группы, приглашая каждого из членов группы, одного за другим, вставать и представляться, что включало обычно их имена и их представления о том, зачем они сюда пришли – если у них были такие представления. Но в тот вечер, как только каждый член группы завершал свое краткое представление, один из нас, Ричард или я, протягивал руку, касался одного из листов цветной бумаги на полу перед нами, и если другой кивал, то первый коснувшийся бумаги отрывал кусок и со значительным видом предлагал его члену группы, естественно, без всякого объяснения.¹⁷

Мы (Бостик и Гриндер) предлагаем несколько примеров типичных представлений участников, чтобы дать читателю понятие об этом процессе.

Участник 1: Ну что ж, добрый вечер. Меня зовут Линда, и я чувствую, как хорошо, что я с вами встретилась. Я вроде бы дрожу, и немножко нервничаю. Я надеюсь в самом деле ощутить свое Я.

Участник 1 получает желтый лист бумаги.

Участник 2: Привет! Я смотрю на группу и вижу такие сияющие лица. Меня зовут Джордж. Я в самом деле вижу мою цель. Чего я хочу – это присмотреться к моим отношениям с моей девушкой, и как я могу сделать наше будущее еще ярче...

Участник 2 получает красный кусок бумаги.

Участник 3: Я Поль. Я слышал кучу интересных вещей об этих двух парнях, Ричарде и Джоне. Говорят, что у нас здесь будет в самом деле что-то интересное. Я сказал себе, что, может быть, это такое место – словом, в этой обстановке – где я могу в самом деле прислушаться, что происходит внутри меня...

Участник 3 получает зеленый кусок бумаги.

После того как все члены группы высказались и должным образом получили свои непостижимые куски цветной бумаги, мы с Ричардом дали им инструкцию представиться другим членам группы не столь формально. Мы сказали им, что есть особенный и очень важный метод, как они должны это делать (в те дни мы вели себя так, как будто все было очень важно). В течение первых 10 минут они должны были проводить время, разговаривая только с людьми, у которых была бумага того же цвета, что у них. Дальше мы объяснили, что после этих 10 минут мы просим их общаться только с людьми, получившими бумагу другого цвета. Затем мы сели, чтобы наблюдать и слушать.

Разница между первыми и вторыми 10 минутами оказалась поразительной. В течение первых 10 минут – при соответствии цвета – в комнате раздавались громкие звуки, взрывы смеха, видны были оживленные движения участников, занимавших при общении напряженные и внимательные позы... Были все спонтанные признаки группы тесно связанных людей.

Вторые 10 минут, при несоответствии цвета, составляли самый резкий контраст – тихие голоса, несвязные обрывки речи, короткие разговоры, длительные периоды молчания, минимум физического

движения, скованные позы, минимум глазных контактов... Наблюдая несомненное различие между двумя занятиями одной и той же группы, мы с Ричардом поняли, что прослеживаем очень сильный паттерн. Мы окончили это собрание группы другим материалом и внушили членам группы, которые сами заметили разницу между двумя занятиями, подумать, в чем была эта разница – что, конечно, относилось и к нам самим.

Комментарий к первому способу образования паттернов в системах представления

Во время наших частных заседаний вдвоем – это был ритуал отчета, ставший у нас стандартной практикой – проделав немалую работу, в которой мы развлекали друг друга описаниями происшедшего (и того, что могло произойти), мы уяснили себе, что наткнулись на очень сильный паттерн; но форма этого паттерна была еще неясна.

Подчеркнем важность этого стиля игры с паттерном на ранней фазе, предшествующей какому-либо отчетливому пониманию формальных свойств этого паттерна. В первоначальной игре, происшедшей в автомобиле между Бен Ломондом и Санта-Крус, таким паттерном была синестезия – хотя в это время мы были недостаточно компетентны, чтобы ее закодировать. Синестезией называется устройство в коре человеческого мозга (хотя, конечно, не только человеческого), связывающее различные сенсорных модальности и их первичные центры в коре таким образом, что их области проекций в коре соединены попарно. Более конкретно, около 1/3 зрительной коры (затылочные доли) получает восприятия от кинестетического и слухового входных каналов и, в свою очередь, около 1/3 слуховой коры (височные доли) получает восприятия от кинестетического и зрительного каналов, и т.д.

Некоторые из самых обычных переживаний с синестезией происходят, когда вы слушаете музыку с закрытыми глазами и видите при этом движущиеся зрительные образы (вместе с цветом...), связанные с музыкой (отображение слухового на зрительное: цепь слушания – видения); или когда вы испытываете утешительные чувства, слушая оратора, отлично владеющего своим голосом и постоянно использующего тональности, ритмы, формы интонации и т.д. для усиления своего изложения (отображение слухового на кинестетическое: цепь слушания – ощущения); или когда вы испытываете возбуждение, видя исполнение превосходного танцора или атлета, особенно если у вас был предыдущий опыт в этом виде искусства и вы отражаете зрительные впечатления микроскопическими движениями мышц (отображение зрительного на кинестетическое: цепь видения – ощущения), и т.п.

Некоторые исследователи применяют термин *синестезия* в значительно более узком смысле, относя его лишь к тем случаям, когда человек, испытывающий синестезию, делает это невольно. Но в предыдущих примерах человек, испытывающий синестезию, намеренно выбирает это переживание и может окончить его по собственному решению. Клиническое применение этого термина иногда ограничивается случаями, когда от человека, по-видимому, не зависит выбор начала и конца этого процесса. Мы используем этот термин в более общем смысле, так как нам кажется, что такие переживания являются естественной частью человеческой природы.¹⁸

Приняв во внимание это различие, мы можем теперь разъяснить паттерн, неявно присутствовавший в описаниях контекста двух происшествий: игры Гриндера и Бендлера в машине по дороге в Санта-Крус и вручения разноцветных кусков бумаги на первом собрании группы. Обратите сначала внимание на примеры:

Я вижу, о чем вы говорите

Я чувствую, что ты говоришь неясно

Анализ состоит в следующем: подчеркнутые предикаты (глаголы и наречие) указывают на предполагаемую сенсорную модальность. Это явно выражается следующей классификацией:

Предикат участника

Указанная система представления

Виджу

зрительная

говорите

слуховая

чувствую ¹	кинестетическая
говоришь	слуховая
неясно	зрительная

Можно составить диаграмму, показывающую отображение модальностей друг на друга в двух предыдущих предложениях:

Я вижу, о чем вы говорите

зрительное (я вижу)	→	слуховое (о чем вы говорите)
------------------------	---	---------------------------------

Я чувствую, что ты говоришь неясно

кинестетическое (я чувствую)	→	слуховое (что ты говоришь)	→	зрительное (неясно)
---------------------------------	---	-------------------------------	---	------------------------

Таким образом, то, что мы интуитивно делали, было по существу построением ряда примеров правильно построенных предложений американского английского языка², лингвистически отражающих в качестве их главной черты синестезию.¹⁹

Эти паттерны синестезии играют роль в ряде случаев построения паттернов НЛП. В частности, мы имеем в виду их использование в работе с субмодальностями (например, с паттерном «взмах» (swish)) и в метафорах²⁰, причем в этих классах паттернов они служат неврологической основой.

Вторая группа паттернов – краткие представления участников на первом собрании новой группы – в действительности значительно проще паттернов синестезии. Это примеры использования говорящими предикатов, выбранных в соответствии с основной системой представления, которой оперирует говорящий. Рассмотрим примеры из предыдущего отрывка.

Ну что ж, добрый вечер. Меня зовут Линда, и я чувствую, как хорошо, что я с вами встретилась. Я вроде бы дрожу, и немножко нервничаю. Я надеюсь в самом деле ощутить свое Я.

Анализ: все подчеркнутые предикаты прочно кинестетически обоснованны (ощущения) и указывают, что говорящая использует свою кинестетическую систему представления (ощущения) как основу для подсознательного выбора конкретных слов коммуникации.

Привет! Я смотрю на группу и вижу такие сияющие лица. Меня зовут Джордж. Я в самом деле вижу мою цель. Чего я хочу – это присмотреться к моим отношениям с моей девушкой, и как я могу сделать наше будущее еще ярче...

Анализ: Подчеркнутые предикаты в этом представлении имеют отчетливую зрительную основу.

Я Поль. Я слышал кучу интересных вещей об этих двух парнях, Ричарде и Джоне. Говорят, что у нас здесь будет в самом деле что-то интересное. Я сказал себе, что может быть это такое место – словом, в этой обстановке – где я могу в самом деле прислушаться, что происходит внутри меня...

Анализ: Подчеркнутые предикаты свидетельствуют слуховом основании.

¹ В английском языке глагол feel имеет два смысла: «ощущаю» (на ощупь) и «испытываю эмоцию». Точно так же обстоит дело с русским словом «чувствовать». Здесь и дальше с кинестетической системой восприятия связывается первый смысл этого слова. (Прим. перев.)

² То же явление сохраняется в русском переводе (Прим. перев.).

В нормальных обстоятельствах выбор предикатов является подсознательным актом; это делает его особенно ценным для подготовленного слушателя, поскольку говорящие обнаруживают таким образом, какова их активируемая в данный момент модальность мышления и обработки, как правило, вовсе не сознавая, что они доставляют такую информацию. Поэтому можно достигнуть значительного уровня раппорта, применяя простую стратегию сопровождения, то есть подстраиваясь к системе представления, предпочитаемой субъектом, и если он переходит от одной системы представлений к другой, просто приспосабливая вашу коммуникацию, чтобы сохранить контакт.²¹

Вряд ли надо объяснять, что такая формальная манипуляция облегчает эффективную передачу информации, поскольку обе стороны излагают свой материал в одной и той же системе представления.

Рассказ продолжается

Особенно интересно то, что последовало за нашим (Гриндера и Бендлера) первоначальным анализом того, что мы проделали на этом собрании группы. По причинам, уже не сохранившимся в памяти, в 5 или 6 дней, непосредственно следовавших за работой в группе и сразу же проведенным после этого обсуждением, Бендлер и Гриндер были физически разобщены. Один из них или оба были в поездке за городом. Когда они снова встретились, прошло около недели после работы с группой и обсуждения. Их встреча была весьма поучительной. Опять-таки, со всеми извинениями по поводу точности передачи, произошло примерно следующее:

Ричард: Ну так что же происходит!

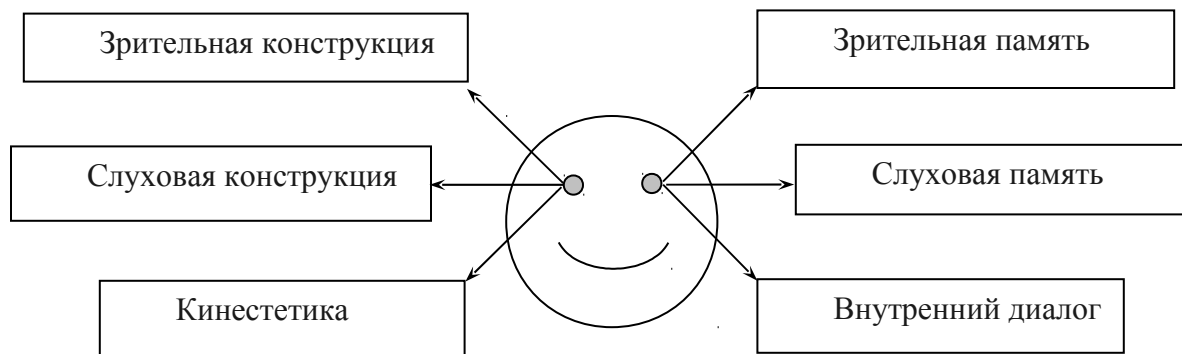
Джон: Ну ты знаешь это так же хорошо, как я!

Ричард: Так ты же это видел!

Джон: Как же можно было этого не заметить!

Указательное местоимение *это* в предыдущем разговоре относится, конечно, к тому, что мы теперь называем паттернами движений глаз. Яростный разговор, последовавший за этими несколько загадочными фразами, обнаружил, что в течение недели после проделанной работы и обсуждения, когда эти два человека не имели контакта между собой, у них были очень похожие восприятия. Точнее, при отчетливом наличии слухового фильтра для предикатов систем представления, они были удивлены регулярностью и очевидностью сопровождающих эти предикаты движений глаз – как будто завеса упала с их глаз. Удивительно было не то, что оба они независимо открыли паттерны движения глаз – в самом деле, как один из них сказал, *Как же можно было этого не заметить!* – удивительно, что они не заметили этот очевидный паттерн раньше!

Гриндер и Бендлер закодировали свои независимые наблюдения в виде картинki, которая теперь называется рожцей:

Возможно, это самая популярная картинка НЛП. Оба они были поражены простотой паттерна, который был чувствителен к различию правой и левой (что составляет общую меру так называемого церебрального доминирования), но в то же время устойчив – независим от культуры и языка.²²

Это доставило им возможность проверить, обнаружат ли тот же паттерн другие наблюдатели, при заданной первоначальной точке отсчета – предикатах, выбранных в системе представления. Затем они побудили некоторое число своих студентов искать этот паттерн; это упражнение оказалось в высшей степени успешным, поскольку большинство этих студентов сумело найти ту же последовательность движений глаз, которую независимо открыли ранее Гриндер и Бендлер.²³

Лишь немногие из паттернов НЛП могут справедливо считаться оригинальными открытиями создателей НЛП (в противоположность моделированию паттернов, уже присутствовавших, хотя и в интуитивной форме, в поведении высоко эффективных людей). Открытие движений глаз представляет оно из таких оригинальных достижений в исследованиях Бендлера и Гриндера. Большая часть паттернов, закодированных в НЛП, является результатом моделирования высоко эффективных исполнителей, то есть отображения их подсознательного знания (компетентного поведения) в явную модель, или заимствована из различных областей, таких как лингвистика, неврология и т.д. Например, вслед за кодированием паттернов движений глаз Гриндер и Бендлер направились в научную библиотеку Калифорнийского Университета в Санта-Крус и, насколько это возможно с помощью литературы по этому предмету, познакомились с рядом неврологических исследований, так или иначе связанных с их наблюдением движений глаз. Они откопали в литературе ряд исследований, сделанных неврологами в 50-е годы, которые открыли, что движения глаз в любую сторону из положения покоя (когда глаза первоначально фокусированы на центре поля зрения) активируют противоположное полушарие мозга – так что если глаза движутся горизонтально от центра в правую сторону, то активируется левое полушарие, и наоборот. Установление значения вертикальной размерности и соответствующее кодирование составляет, по-видимому, оригинальную часть паттернирования и кодирования, выполненного Гриндером и Бендлером.

Комментарий ко второй модели НЛП

Этот второй пример из ранней практики НЛП содержит ряд особенностей, заслуживающих внимания тех, кто заинтересован в процессах открытия:

1. Компетентность, позволяющая отложить любое сознательное требование определить то, что вы делаете (или пытаетесь делать), чтобы сделать возможным полное и естественное развитие паттерна на ПД.
2. Способность интуитивно (или, если угодно, подсознательно) генерировать добавочные члены изучаемого ряда без строгого представления, какой это в точности ряд.
3. Способность действовать таким образом, *как будто* вы знаете, что вы делаете, тогда как в самом деле вы этого сознательно не понимаете.
4. Способность вынести высокую степень двусмысленности и неопределенности в начальных стадиях исследования (два независимых ряда переживаний).
5. Способность манипулировать контекстами, в которых последствия предполагаемого хода событий проявляются бесспорным образом (например, цветные куски бумаги на первоначальном собрании группы и возникшее от этого различие в поведении членов группы).
6. Фиксация точки отсчета (предикатов системы представления), создающая иллюзию устойчивости восприятия, что облегчает корреляцию с ним добавочного поведения, составляющего часть процесса открытия (паттерны движений глаз).
7. Особая ценность сотрудничества – коллективная работа, позволяющая производить перекрестную проверку наблюдений.

Третья модель НЛП: Милтон-модель

В 1975 году Бендлер, Гриндер и Бейтсон все имели отдельные жилища по Альба Роуд 1000, в Бен Ломонде, штат Калифорния. Том I Структуры Магии должен был быть опубликован позже в этом году, но я доставил его в рукописной версии возбужденной группе людей, собравшихся вокруг трех че-

ловек, Бендлера, Гриндера и Пьюселика, и помогавших им в их работе. Бейтсон получил копию этой рукописи на несколько недель раньше – Гриндер и Бендлер надеялись, что он поймет, что они пытались сделать. Их надежды осуществились с лихвой, когда они были приглашены по телефону прийти к Бейтсону, где для них было устроено интеллектуальное пиршество – замечательная и стимулирующая дискуссия с Бейтсоном, длившаяся несколько часов.

У Грегори в его столовой был длинный деревянный стол – достойный сказочного норвежца, грубо сделанный из темного дерева и мощный. Грегори демонстративно расположился в одном конце этого чудовищного стола, как будто собирался возглавить суд, и указал двум более молодым людям ближайшие места справа (Гриндеру) и слева (Бендлеру). Начавшийся разговор был очарователен. Было примечательно (как казалось даже в то время и Гриндеру, и Бендлеру), что Бейтсон полностью овладел уже разработанным в рукописи паттернированием, так что на обсуждение этого понадобилось немного времени.²⁴

Грегори произнес монолог, в значительной степени содержащий воспоминания о его исследованиях с коллегами в Институте Психических Исследований (ИПИ), а затем удивительно напоминавший самооправдание рассказ (отчетливо приведенный позже в его Введении к Структуре Магии), как он и его сотрудники смогли пропустить то, что мы в действительности открыли и закодировали в нашей книге: «Как хорошо вытекала аргументация из лингвистики, и как запутанна была наша попытка сделать это, исходя из патологии и паттернов культуры». Он любезно предложил написать введение к книге, а затем, как будто пробуждаясь от старой навязчивой мечты, уже потерявшей значение, он внимательно посмотрел на нас обоих своим глубоким интеллектуально безжалостным взглядом, выражавшим любознательность и понимание, и сказал:

Хорошо, ребята, то, что вы сделали, очень хорошо, но я уверен, что все описанное в Структуре Магии случилось какое-то время назад, и я спрашиваю вас, что вы нашли с тех пор, как закодировали метамодель.

Мы были восхищены, когда этот человек, в котором нетрудно было увидеть интеллектуального гиганта, и который так хорошо понял, о чем идет речь, сразу перешел к новым рядам паттернов, которыми мы были одержимы в то время.

Все это хорошо, но...

Ричард и я выслушали с трепетом этот его вопрос, посмотрели друг на друга с полным единодушием, сделали отчетливую паузу, как будто перед прыжком ныряльщика, чтобы подчеркнуть важность этого переходного момента, а затем хлынула волна описаний, которые мы приводили без всяких усилий.

Грегори, теперь развеселившийся, чудесно руководил нами. Он внимательно слушал, когда мы ринулись описывать построение паттернов. Иногда говорил один из нас, иногда другой, а иногда мы оба говорили одновременно, как бы пытаясь наполнить его обширный интеллект нашими наблюдениями. Он сидел между нами, направив глаза на какую-то выбранную им точку выше горизонта, и внимательно обрабатывал рассказ о месяцах нашей работы.

Время от времени он прерывал это очарование, как будто замораживая волны нашего рассказа, откидываясь на свое кресло и устремлял взгляд на какую-то точку большого стола впереди и слева от него, формируя вопрос, который должен был вернуть этих двух безумцев к более трезвым предметам – вопрос, который должен был завершить связующий паттерн его богатого внутреннего мира, сформированного более чем 7 десятилетиями вдумчивого участия в окружающем мире, и получить ответ, чтобы продолжить этот свой непостижимый процесс.

Мы похожи были на двух собак, пытавшихся повести своего хозяина туда, куда, как им казалось, он хотел идти, иногда бросаясь вперед, иногда хватая его за пятки, всегда внимательных к его намекам, всегда верных его намерениям.

Наконец, мы все трое довели до конца наше долгое восхождение, изнуренные и восхищенные. Мы сидели теперь в задумчивости, большие не устремляясь в будущее и углубившись с любопытством в настоящее.

В его богатом голосе появился теперь новый тон, свидетельствующий о более глубоких чувствах. Острый клинок его интеллекта, сверкавший во время долгого восхождения, был теперь вложен в ножны. Несомненно, впервые за долгое время нечто глубоко взволновало его, коснувшись десятков исследований и воспоминаний, окруженных своими собственными метафорами. Он спокойно рассказал о некоторых событиях своей юности, о потере своего любимого брата Джона и о заброшенных начинаниях в Швейцарии – как будто в задумчивости, довольный нашим внимательным, хотя и пассивным присутствием. Наконец, он дошел до своих собственных запросов, и снова обратил свое внимание на нас.

Теперь его советы покатались к нам обратной волной, более утонченной и точной. Он говорил о многих предметах, но я ограничусь двумя:

Он спросил нас, как долго мы работаем вместе. Мы ответили: «Около трех лет». И он убеждал нас дорожить каждой минутой столь продуктивного и революционного сотрудничества, какое случается так редко, и часто так недолговечно. Мы с Ричардом посмотрели друг другу в глаза, подтверждая уверенность, какая дается только ощущением бессмертия и безусловного исключения из правил, обязательных для других членов нашего вида.²⁵

Он спросил, кому еще мы рассказывали эти паттерны, найденные после I тома Магии, и мы ответили: «Никому, кроме вас». Он сказал, что не уверен, какие конкретные шаги надо предпринять, и окончил свои советы замечанием:

...Жанну д'Арк сожгли за меньшее, чем вы мне рассказали сегодня.

Через неделю после этой замечательной встречи Грегори снова позвал нас к себе, чтобы попросить нас использовать наше искусство моделирования для осуществления мечты, которую он вынашивал десятилетиями. В тридцатых годах он женился на Маргарет Мид, и когда они готовились к совместной антропологической полевой работе на Бали, оба они осознали необходимость обучиться основам измененных состояний сознания. Уже было документально доказано, что аборигены Бали официально входят в состояния транса, рассматриваемые как нормальные, социально ожидаемые и приемлемые способы выполнения определенных видов артистического мастерства, например, танца. После длительных расспросов они услышали о еретике-психиатре, имевшем репутацию самого искусного практика медицинского гипноза, докторе Милтоне Г. Эриксоне. Их знакомство с доктором Милтоном Эриксоном убедило Грегори, что это был гений подсознательной коммуникации. Много лет спустя, когда Грегори возглавлял исследования ИПИ, он направил несколько членов своей исследовательской группы, в том числе Джея Хейли и Джона Уикленда, в Финикс, где жил и занимался своим загадочным искусством доктор Эриксон. Как насмешливо сказал Грегори в этом разговоре, с удивленным взглядом:

Все они вернулись в трансе от этого старика!²⁶

К тому времени мы с Ричардом имели уже некоторое знакомство с работами Эриксона по его публикациям и уже решили, что нам надо познакомиться с этим замечательным человеком. Ричард сразу же ответил, что он готов выехать в Финикс. Представьте мое удивление, когда я услышал слова, сказанные моим голосом:

Спасибо, Грегори, но я еще не готов моделировать Эриксона.

Мы заверили Грегори, что проведем моделирование, но не сейчас. Ричард не понимал моих колебаний – и как он мог их понять, если я сам не мог их выразить. Я знал только, что не надо ехать...пока.

Прошло больше трех месяцев, прежде чем я смог разобраться в себе и пришел в подходящее состояние, чтобы ехать в Финикс. Ричард был восхищен, и мы позвонили Грегори, который также выразил большое удовольствие, услышав эту новость. Он с уверенностью предложил нам собраться и ле-

теть самолетом, сказав, что он позвонит доктору Эриксону и договорится с ним. Он просил нас позвонить ему сразу же, когда мы прилетим в Финикс. Мы прибыли на следующий день в Финикс, заняли комнаты в одном из местных отелей и позвонили Грегори. К нашему огорчению, он рассказал, что говорил с Эриксоном, и что тот, хотя и был весьма заинтересован встречей с нами, только что был на ежегодном собрании Общества Клинического Гипноза – что было для него трудным предприятием – и что он будет занят в течение нескольких ближайших дней с его тремя ближайшими учениками.²⁷

Окончив этот разговор, мы взглянули друг на друга и принялись за работу. Мы взяли экземпляр нашей библии (это была Высшая техника гипноза и терапии, обширный сборник статей, написанных доктором Эриксоном при редакционном участии Джея Хейли) и обнаружили там ряд случаев наведения транса, описанных в разных статьях. Мы прочли эти внушения друг другу в течение следующего часа и договорились, какие вещи мы выберем для паттернирования в наших целях. Мы провели несколько часов, анализируя эти внушения и выделяя различные паттерны, пока не получили, как нам показалось, некоторый образец. Различия метамодели и тот факт, что работа Эриксона была так хорошо сделана, позволили нам довольно легко отделить содержание от формы. Во всех содержательных частях мы удалили материал, использованный Эриксоном, чтобы вызвать надлежащие реакции клиента, и вставили варианты двух посланий, которые мы хотели направить доктору Эриксону:

Найдите время теперь!

Пригласите нас теперь!

А иногда даже более решительно:

Найдите время и пригласите нас теперь!

Мы выписали отрывки из переделанной версии собственных внушений Эриксона, погрузив в них новые послания. Затем мы бросили монету. Я выиграл – это мне предстояло провести по телефону внушение доктору Эриксону. Я настоял на том, чтобы Ричард слушал его по телефону, который находился в ванной, вне моего поля зрения и заткнув себе рот салфеткой. Моя задача требовала полной сосредоточенности, я не нуждался ни в каком отвлечении со стороны Бендлера – ни в виде смеха, ни даже в виде хихиканья.

Я набрал номер, который нам дал Бейтсон, а Ричард поднял другую трубку в ванной. Убедив Бетти Эриксон, жену Милтона, которая и сама была хорошим гипнологом, что ее муж в самом деле хотел говорить со мной²⁸, я услышал глубокий заворачивающий голос:

Даааа, это доктор Эриксон.

Я отчетливо слышал его дыхание и сказал:

Доктор Эриксон, это Джон Гриндер – меня послал Грегори Бейтсон,

а затем без перерыва я начал внушение. Две с половиной минуты (мы отмерили это до звонка) я проводил через внушение вставленные нами послания, используя собственные паттерны мастера, насколько это позволяло мое в то время ограниченное знание. Меня сильно ободрило, что он замедлил дыхание и продолжал слушать в молчании мое внушение. Я завершил внушение, замедлив голос и просто остановившись. Затем прошло добрых 30 или 45 секунд (для меня целая вечность), после чего он стал дышать быстрее и просто сказал:

«Ребята, приходите оба немедленно!»²⁹

Дальнейшие 10 месяцев были наполнены странными и удивительными переживаниями. Мы проводили каждый раз три или четыре дня с Эриксоном в Финиксе, наблюдая, слушая и моделируя его микромышечные движения, когда он работал с пациентами. Затем мы бросались обратно в Калифорнию,

чтобы мучить всех, кто нам попадался, паттернами, которыми мы были одержимы и которыми пытались овладеть.

Ежедневно целые часы посвящались дисциплинированной практике, как в официальных контекстах, так и в первых попавшихся – официант, ставивший нам на стол императорский салат*, чувствовал, что ноги его прилипают к полу и он не может идти.

Дальше была женщина, которой повезло сидеть между нами при полете в Финикс. Она начала эту поездку чихая и кашляя, а окончила ее без всяких симптомов, причем мы всего-навсего спокойно говорили друг с другом в ее присутствии о сухом воздухе пустыни и его целебных свойствах.

Как только мы убедились, что овладели фазой внушения гипнотического сеанса, мы согласовали с нашими клиентами сигналы для повторного внушения, поскольку хотели сберечь время и сосредоточиться на использовании измененных состояний. Теперь все было гипнозом, ничего не было кроме гипноза. Крыша трещала и пол дрожал!

Мы были очень сдержаны, отказавшись от любых попыток прямого анализа – еще до личной встречи с Эриксоном нам было ясно, что некоторые из синтаксических переменных, определявших мета-модель, были любопытным образом связаны с лингвистическими паттернами этого гения. И все же мы откладывали любое объяснение, пока не убедились, что наше поведение достаточно компетентно, чтобы вызывать у клиентов те же реакции, какие Эриксон бескорыстно демонстрировал нам в Финиксе и тщательно описывал в своих статьях. Мы принялись воспроизводить все гипнотические эффекты нашей библии (Высшая техника гипноза и терапии), а также те, которые мы наблюдали непосредственно – мы были пламенные последователи.

Как и раньше, Ричард был готов до меня – трижды он предлагал нам писать это – первый том книги под названием Паттерны гипнотической техники Милтона Г. Эриксона – и трижды я отвечал ему: «Пока нет, подожди».

Как только я добился внутренней конгруэнтности, фактическое написание первого черновика книги Бендлера и Гриндера (Паттерны Гипнотической Техники Милтона Г. Эриксона, том I) заняло всего около 36 часов непрерывного труда, а последующее исправление и улучшение меньше 8 часов.

Методологический комментарий

К модели, содержащей некоторые из паттернов Эриксона – так называемой Милтон-модели – мы пришли посредством процесса удаления. Этот процесс столь важен в моделировании любой сложной системы, что заслуживает по меньшей мере вводного описания.

Мы усвоили технику Эриксона не критически, во время подсознательной учебной фазы моделирования, когда мы демонстрировали посредством имитации самим себе, друг другу и нашим ничего не подозревавшим клиентам, что мы овладели некоторыми частями его способа гипнотического паттернирования. Процесс декодирования самих себя принял вид преодоления предрассудков, которые мы временно приняли, сознательно откладывая и веру, и требование сознательно понять, что мы делали, – чтобы приобрести опыт с помощью обратной связи. Мы вынудили себя к дисциплинированной ежедневной практике, воспроизводившей с высокой точностью поведение Эриксона. Нашим критерием было развить надежную систематическую способность вызывать у наших клиентов реакции того же рода, какие Эриксон получал у нас на глазах от своих клиентов, приблизительно за то же время и того же качества. Этот критерий свидетельствовал, что у нас выработались (в нашей собственной нервной системе) представления поведения, функционально³⁰ эквивалентные поведению Эриксона. Теперь наша задача состояла в том, чтобы выделить те виды поведения (с лежащими в их основе нервными цепями), которые были существенны при наведении и использовании измененных состояний сознания, чем столь прославился Эриксон; при этом надо было разобраться, какие виды поведения были просто стилистическими или чисто идиосинкратическими.

---

* Особый салат, изготавливаемый на столе перед клиентами. (Прим. перев.).

Решающее значение имеет здесь способность отделить паттерн от шума, в который он погружен. Здесь важен некоторый методологический вопрос.

В стандартном планировании исследований, например, медицинских, фармакологических или психологических, экспериментатор желает выяснить, насколько некоторое лечение или химическое вещество может повлиять на определенную популяцию. Экспериментатор выбирает для этого надлежащую представительную группу из интересующей его популяции. Он создает экспериментальную группу и контрольную группу, либо случайным выбором членов этой популяции, либо нарочито уравнивая эти две группы по отношению к переменным, которым экспериментатор придает значение. Затем он предписывает членам экспериментальной группы лечение или прием химического вещества, но никоим образом не членам контрольной группы. В случае фармакологического исследования контрольная группа получает плацебо (вещество, предполагаемое инертным), а при психологическом исследовании определенное время контакта с профессионалом, эквивалентное времени контакта с экспериментальной группой. По окончании исследования экспериментатор использует некоторую систему измерения, чтобы определить, есть ли между двумя группами статистическое различие, превосходящее предполагаемые случайные вариации. Если такое различие обнаруживается, то лечение или лекарство объявляется эффективным для определенной доли населения.

Условимся называть этот стандартный способ экспериментального исследования аддитивным. Экспериментатор проверяет, производит ли *добавление некоторого условия* (лечения, лекарства и т.д.) различие по сравнению с ожидаемой реакцией эквивалентной в других отношениях популяции (то есть экспериментальная группа сравнивается с контрольной).

Методология Бендлера и Гриндера, в применении к ряду особенностей, отличавших великолепное исполнение Эриксона от работы средних практиков медицинского и психиатрического гипноза, может считаться полным обращением этого стандартного подхода – это вычитательная стратегия. Последовательность событий, описывающих моделирование Эриксона (и другие исследования гениев, создавшие НЛП), была следующей:

Пунктуация моделирования Эриксона

1. Выбор надлежащей модели (Эриксон).
2. Подсознательное усвоение способа образования паттернов, применяемого Эриксоном, посредством строгой практики имитации в течение продолжительного времени, причем решительно избегалась любая попытка сознательного понимания происходящего.
3. Оценка текущих результатов, выполняемая строго с помощью обратной связи.
4. После достижения заданного критерия – способности вызывать своим поведением те же реакции наших пациентов, какие были типичны у Эриксона, в тех же пределах времени и с тем же качеством – отбор из усвоенного поведения производился разделением его на два множества:

А – множество различий, существенных для вызова тех же реакций

Б – множество случайных или идиосинкразических различий в стиле Эриксона

5. Кодификация различий, то есть отображение их в описание, позволяющее экономно и эффективно перенести эти различия на заинтересованных лиц, с использованием критерия, упомянутого на шаге 4.
6. Испытание модели ее фактической передачей, с соответствующей модификацией, пока передача не станет достаточно эффективной.

Вопрос, которым мы теперь занимаемся, относится к четвертому шагу. Второй и третий шаги проекта моделирования обеспечивают усвоение моделировщиками существенных паттернов моделей, с минимальной сознательной фильтрацией (временное отключение фильтров f^2). Четвертый шаг гарантирует примерно столь же эффективное исполнение моделировщиков, как у первоначальной модели или ис-

точника паттернов. К сожалению, моделировщики, пользуясь подсознательной имитацией, как правило усваивают также некоторые части поведения модели, несущественные для достижения свойственных модели сильных результатов. Можно сказать, что моделировщики находятся в состоянии подсознательной компетентности – то есть эффективно воспроизводят поведение модели, но все еще имитируют ее без сознательного понимания (явной модели) того, что они делают. Можно это выразить словами: “У них есть подсознательное знание паттернирования, происходящее от источника этих паттернов”.

Четвертый шаг сосредоточен на отборе существенного и удалении случайных различий; эта задача не тривиальна. В частности, она требует переходов в обе стороны между наличным поведением и способом его функционирования в более широком множестве вариантов, кодируемом с особым вниманием к стоящему за разными видами поведения намерению. Это можно иллюстрировать примером.

Когда Бендлер и Гриндер встретились с Эриксоном, тот был частично парализован. Это обстоятельство вызвало определенные виды поведения, очевидным образом приспособленного к его физическому состоянию. Например, у него была привычка держать маленькую подушечку на выдвижной полке под его столом (обычно используемой для пишущей машинки³¹); он держал свою правую руку в сжатой левой ладони, наклоняясь вперед, так что его левый локоть опирался на подушечку, поддерживая обе руки.

Далее, кроме особых обстоятельств он не носил протезов отсутствующих верхних зубов, так что он был в значительной степени беззубым (хотя только в этом узком смысле слова). Это последнее обстоятельство сказывалось на определенном стиле его произношения.

В соответствии с дисциплинированными некогнитивными фазами ассимиляции (шаги второй и третьей предыдущей схемы моделирования), Гриндер и Бендлер проводили целые месяцы, выполняя гипнотические паттерны в виде имитации, в том числе воспроизводя характерные позы Эриксона (правая рука сжата в левой) и его стиль произношения (результат отсутствия верхних зубов). После примерно десяти месяцев оба они пришли к выводу, что достигли мастерства, достаточного для уверенного получения того же класса реакций, с той же скоростью и качеством – то есть удовлетворяющих критерию, установленному для начала шага 4.

Специфика программы, направленной против предрассудков, описывается достаточно просто. Гриндер и Бендлер брали двух клиентов, насколько возможно близких друг другу по предложенной проблеме и стилю. Затем они проделывали с одним из этих клиентов работу с использованием всех паттернов, типичных для Эриксона, которые они усвоили к тому времени в своей дисциплинированной практике. Они тщательно калибровали реакции этого клиента. Потом они брали другого клиента и проходили то же множество паттернов, что и в первом случае, *за исключением того, что они намеренно опускали некоторый единственный вид поведения Эриксона³², содержащийся в первом случае*. Они сравнивали затем результаты, полученные на двух клиентах. Ключевой вопрос был следующий:

Наблюдается ли различие в результатах, если опустить у одного из клиентов единственный частный вид поведения?

В случае положительного ответа соответствующее поведение сохранялось как существенная часть модели. Если же не было разницы, это поведение было, по-видимому, случайным или идиосинкразическим, так что его можно было попросту отбросить, без ущерба для эффективности модели. До сих пор все это достаточно просто.

Заметим, что все это подразделение поведения предполагает некоторые формы компетентности, не очевидные в поведении всей популяции. По поводу этой компетентности можно заметить следующее:

1. Формальная или синтаксическая рамка восприятия. По нашему впечатлению, подавляющее большинство людей, профессионалов или нет, сталкиваясь с сильной эмоциональной нагрузкой, типичной для терапевтических сеансов, не реагирует на нее применением перцептуального фильтра, разделяющего опыт на его элементы. Более типична эмоциональная реакция на содержание. Таким образом, этот формальный, синтаксический фильтр является важным элементом моделирования.

2. Внутреннее управление поведением, позволяющее вам подразделять ваше поведение в тяжело нагруженном эмоциями контексте, при серьезной ответственности за последствия, зависящие от вашей способности получать результаты. Более конкретно, вы должны сохранять способность принимать решения, какие части поведения надо применить и какие опустить, что составляет часть описанной выше программы борьбы с предассудками.

Возвращаясь к конкретному примеру, Гриндер и Бендлер были уверены, что с помощью их фильтра, позволявшего разлагать на компоненты поведение Эриксона, они могли безопасно опустить его позу (правая рука, зажата в левой), а также характерное качество голоса, происходившее от недостатка у Эриксона верхних зубов. Они проверили эти интуитивные представления на прямом опыте. Каждый провел двойные сеансы с «соответствующими» клиентами, в одном случае используя позу, а во втором – пропуская ее. Как и можно было предвидеть, результаты не обнаружили в этом случае никакой разницы – чем они и удовлетворились.

Загадка кодирования

Представьте теперь, как они удивились, когда обнаружили в опытах с «соответствующими» клиентами, что если опустить характерное качество голоса, связанное с недостатком верхних зубов у Эриксона, то получаются совершенно различные ряды результатов. Означало ли это, что будущие практики, применяя паттерны Эриксона, будут обречены воспроизводить это свойство голоса, первоначально связанное с отсутствием верхних зубов? Были ли сами Бендлер и Гриндер ограничены этим качеством голоса в использовании их собственных голосов? Как возможен был такой результат?

К счастью, в системе были и другие ключи. Решение этой загадки моделирования получается естественным образом, если принять во внимание более широкую систему. Оба они заметили, что Эриксон систематически использовал два голоса, хотя на тот и другой очевидным образом влияло отсутствие зубов. В конце сеанса с клиентом, в котором Эриксон применял некоторое неформальное внушение, он медленно смещал качества своего голоса, произнося слова все более отчетливо, постепенно ускоряя свое изложение и повышая тон своего голоса... В результате клиент сам спонтанно выходил из транса, вновь ориентировался в конкретной внешней обстановке и достигал чего-то близкого к «нормальному» (для этого человека) состоянию своего сознания.

Основное наблюдение состояло в том, что Эриксон систематически использовал два различных голоса³³ – один голос использовался, когда он хотел, чтобы его клиент вошел или оставался в трансе, и второй голос, когда он хотел, чтобы его клиент сохранял в его присутствии некоторое сознание. Таким образом, различия в голосе можно представить себе как динамические якоря, нарочито используемые, чтобы информировать подсознание клиента, что Эриксон хочет ввести его в определенное состояние или поддерживать его в этом состоянии в ходе текущего отношения с ним.

В более широкой системе этот контраст – отношение между двумя голосами – был важен, поскольку он информировал клиента, какого рода реакций требовал от него Эриксон. Таким образом, решение загадки моделирования, с которой столкнулись Гриндер и Бендлер (качество голоса Эриксона), состояло в отношении между двумя различными голосами. Они задали себе вопрос:

Какому намерению служило систематическое использование Эриксоном двух голосов?

Ответ состоял в следующем:

Намерение состояло в том, чтобы дать сигнал (динамический якорь) подсознанию клиента, информирующий его, какое состояние сознания или подсознания желательно для гипнолога.

Как только Бендлер и Гриндер отчетливо уяснили себе это, они смогли произвести ряд вариантов – то есть других способов сигнализации, информирующей подсознание клиента, какое состояние сознания требуется гипнологу. Конечно, другие качества голоса, отличные от связанного с отсутствием верхних зубов, действовали бы так же хорошо или лучше, чем первоначальное поведение – имитация голоса Эриксона с недостающими зубами – и так же действовали бы другие динамические якоря, такие как пространственное смещение голоса, изменение контура интонации и т.п.

Этот подробный комментарий должен обратить внимание читателя на некоторые вопросы кодирования. Сюда относятся: полезность использования контраста; исследование более широкой системы, куда входит рассматриваемое поведение; и выяснение намерения, стоящего за этим поведением. Эти средства позволяют выделить на четвертой фазе моделирования элементы поведения образца, существенные для модели, и другие элементы, которые можно опустить, когда моделировщик добьется в своем поведении мастерства. Такая вычитательная программа, направленная против предрассудков, важна при моделировании превосходства.

Резюме главы

Мы надеемся, что три только что описанных примера доставят читателю некоторое представление о контекстах процесса открытия, исторически приведшего к созданию НЛП. Хотя мы комментировали некоторые части этих контекстов и процессов, прямое описание их содержит много важных вопросов, выходящих за пределы наших комментариев. Мы рекомендуем читателю, непосредственно изучив эти описания, найти возможность применить этот класс паттернирования, чтобы самому научиться эффективному моделированию превосходства.

Примечания к Главе 1 Части II

1. Томас С. Кун (Thomas S. Kuhn) опубликовал ряд блестящих исследований по социологии и философии науки. Мы весьма рекомендуем его работы – в особенности *Главное напряжение* (*The essential tension*, 1959), *Структура научных революций* (*The Structure of Scientific Revolutions*, второе пересмотренное издание, 1970) и *Путь после структуры* (*The Road Since Structure*, 2000).
2. Столь полная самоуверенность, происходящая от полного невежества, была (а кое-где все еще остается) признаком революционного пыла – увы, таковы преимущества ясности и определенности фанатических систем. Это не должно отвлекать читателя от существа указанного вопроса – остающегося в полной силе.
3. Такие программы используются в течение некоторого времени в тренировке атлетов на профессиональном уровне, а недавно предлагались любителям в некоторых видах спорта. Например, в гольфе честолюбивый учащийся может сравнить свой удар с профессиональной моделью с помощью синхронизованного наложения.
4. Они посторонни лишь в том смысле, что запутывают исследование результатов словесной модели, которые мы пытались сплести. В более обычных условиях, когда единственной целью встречи НЛП терапевта с клиентом является достижение целей клиента, влияние несловесных факторов доминирует.
5. Такое подсознательное редактирование типично во всех случаях имитации, какие нам известны. Например, оно случается даже в больших социальных и этнических группах. Дж. Делозье указала (в конце 70-х годов) в своей кандидатской диссертации (Калифорнийский Университет в Санта-Крус, Программа исследования религий), что вероятность разделения религиозной группы на секты или подгруппы глубоко зависит от того, была ли в первоначальной группе устная или письменная традиция ее системы верований. В случае внесоматического хранения догмы (письменная традиция) разделение во много раз вероятнее, чем в случае устной традиции (внутрисоматического хранения догмы). Различие состоит, по-видимому, в том, что в случае устной традиции (хранение внутри тела) происходит постоянное подсознательное редактирование корпуса верований (групповой догмы) при его устной передаче из поколения в поколение. Эта деформация, или подсознательное редактирование, непрерывно обновляет догму, делая ее более понятной новым поколениям, при всех культурных и общественных различиях, возникающих после формирования и принятия ее предыдущим поколением.
6. Из этого описания можно было бы вывести аргументацию, что терапевты станут эффективнее, культивируя нерефлексивное сознание (дисциплинированное состояние незнания) во многих аспектах сложного терапевтического контекста. Отсюда уже недалеко до заключения, что такая стратегия значительно более эффективна, чем стратегии, основанные на когнитивно основанных состояниях терапевта, с сопровождающей их фильтрацией, пытающейся поместить клиента в некоторую заранее установленную перцептуальную категорию, чтобы определить надлежащее вмешательство. Один из самых вопиющих случаев когнитивной фильтрации этого рода происходит, когда клиент отказывается приспособиться к категориям когнитивной модели терапевта (остается независимым от них). Как правило, именно в этих случаях терапевт обозначает поведение клиента как сопротивление. Такое суждение неэтично.
7. Нас удивляет, что некоторые люди (например, Майкл Холл) предлагают добавить к метамодели дополнительные паттерны, без всякого их оправдания. Как мы полагаем, во всей области модели-

рования происходит движение в обратном направлении. Вместо того, чтобы расширять модель, уже доказавшую свою эффективность для получения некоторого результата X, моделировщик ставит себе цель сократить модель, достаточную для получения X, то есть доказать, что X может быть достигнуто с меньшим числом различий или более эффективно...

Поэтому мы полагаем, что всякий желающий включить добавочные словесные паттерны должен мотивировать их включение в модель. Более конкретно, такая мотивация должна доказать, что включение этих добавочных паттернов приведет к полезным результатам, кроме результата X, которые в строгом смысле недостижимы при конгруэнтном проведении первоначальной модели. Единственная другая мотивировка, какую мы можем себе представить, состояла бы в замене части или всех паттернов первоначальной модели некоторым другим набором паттернов, более экономным или эффективным для достижения X.

Наконец, заметим, что Гриндер опубликовал совместно с Майклом Макмастером (*Точность*, (*Precision*, by J. Grinder and M. McMaster, 1980)) сокращенную версию паттернов метамодели, уменьшающую более чем вдвое набор ее синтаксически обоснованных возражений по сравнению с первоначальным набором. В этой работе содержалось также первое явное кодирование в НЛП фрейминга, как общего паттерна.

В нашей собственной работе мы (Бостик и Гриндер) уяснили себе, что то же самое множество результатов X, достижимых с помощью метамодели, может быть получено с помощью всего двух из первоначальных словесных паттернов, спецификатора существительных и спецификатора глаголов. Мы предлагаем это как минимальный набор. Далее, мы замечаем, как это обосновывается в тексте (см. в особенности Главу 1 Части III), что при моделировании таких явлений возникают конкурирующие требования. Например, хотя возможно (как мы утверждаем) достигнуть с помощью сокращенного набора из двух упомянутых выше паттернов всех результатов, достижимых с помощью полной первоначальной метамодели, для целей обучения может быть значительно эффективнее включать также иные паттерны.

Хотя каждый тренер сам решает, как подойти к изложению словесного паттернирования, мы ставим вопрос перед всем сообществом НЛП, можно ли указать результат, достижимый с помощью первоначальной метамодели, но недостижимый с помощью предлагаемого здесь сокращенного набора.

8. Мы говорим здесь о специальном отношении, существующем в работе изменения; попытки понять друга или знакомого в некотором нетерапевтическом контексте относятся к категории нормальной манипуляции, которая, по крайней мере в нынешней Калифорнии, считается «заботливым» поведением.

Здесь возникает более глубокий эпистемологический вопрос, возможно ли вообще когда-нибудь, при любых условиях, понять опыт другого человека. Мы не касаемся этого вопроса и ограничиваемся замечанием, что если это возможно, это несомненно требует значительного времени, навыка и усилий.

9. Более конкретно, каждое содержательное слово (в отличие от таких функциональных слов как союзы, артикли и т.д.) открывает доступ ко всему опыту, связанному с этим словом. Таким образом, слово является одновременно и продуктом неврологических преобразований – результат которых мы назвали Первым Доступом – и командой *Open File* (открыть файл), относящейся ко всему опыту, который хранится под названием этого слова.
10. Бывают, конечно, исключения из этой практики: пациенты в состоянии комы, под действием предписанных лекарств, необычных измененных состояний (синдромы навязчивых состояний), и т.д. В таких случаях строгие этические правила, касающиеся автономии или независимости клиента, временно теряют силу до тех пор, пока клиент не сможет снова нести ответственность за процесс изменения на содержательном уровне, под руководством терапевта.

11. По удачному изречению, словесные паттерны, закодированные в НЛП (например, в метамоде-ли) – это то, что вы, как терапевт, делаете в процессе изменения, ожидая, пока явится вдохновение или какой-нибудь волшебный демон.

12. Полезно отчетливо перечислить эти конкретные условия:

1. Все выражения в предложениях, имеющие смысл существительных или глаголов, должны быть представлены в конкретной форме, известной говорящему и слушателю.
2. В предложениях не должно быть опущений или, что то же, все аргументы предикатов должны быть явно заполнены соответствующими существительными или заменяющими их именными оборотами.
3. Не должны быть нарушены принципы, содержащиеся в таких возражениях как «семантическая неправильность причины-следствия» или «угадывание мыслей», и т.д.

Кстати, такая коммуникация, кроме исключительных условий, оказывается педантичной, скучной и просто не слишком привлекательной. Однако она способна активировать надлежащие языковые процессы на подсознательном уровне, не требуя от слушателя галлюцинации или добавления его личного толкования. Заметим, что даже если эти условия строго удовлетворяются, в говорящем и слушателе активируется лишь денотатный смысл (подлинный референт рассматриваемого слова); коннотации или более глубокие ассоциации, имеющие вторичный характер и часто воспринимаемые в западных культурах как эмоциональный тон, связанный с коммуникацией, остаются индивидуальными для говорящего и слушателя, так что между ними все время остается различие. Это не более чем признание того факта, что экспериментальная база – в терминах НЛП, те части личной истории (четверки), которые доступны двум разным людям – ассоциируются с различным опытом, а потому эмоциональное (кинестетическое) воздействие меняется, точно так же, как представления в двух других главных системах.

Обратите внимание на то, что возможно, и не особенно трудно приучить себя к отказу от галлюцинаций в указанном здесь смысле, с описанными в тексте преимуществами. Рассматривая этот вопрос, мы вспомнили связанную с ним концепцию, развитую в фантастическом романе Роберта Хайнлайна *Чужой в чужой стране* – человека по кличке Свидетель. Свидетель был обучен сопротивляться соблазну дополнять или обобщать свои непосредственные переживания. Например, если бы вы со Свидетелем увидели лошадь на пастбище и сказали бы:

Вы видите там гнедую лошадь? (указывая на нее, чтобы выполнить требование референции),

то надлежащий ответ Свидетеля был бы:

Вы имеете в виду лошадь, гнедую с этой стороны?

13. В самом деле, они переиздали книгу Фаррели в издательстве Мета Паббликейшенс, принадлежавшем им в то время совместно.

14. Я (ДГ), участвовавший в этом событии, не настаиваю, что в точности излагаю диалог между Фрэнком и его клиентом. Я лишь стараюсь передать дух и метод его провокационного подхода к сбору конкретной информации – думаю, что Фрэнк легко узнает его.

Подобно Сатир, Фрэнк обладает превосходными навыками раппорта и многими другими подходами. Его исполнение было великолепным, и его провокационная техника конкретизации, описанная в тексте, была чрезвычайно эффективна, и в то же время крайне возмутительна для некоторых из присутствовавших психиатров – настолько, что во время моделирования, когда Гриндер и Бендлер излагали свои явные представления поведения Фрэнка, один из этих важных господ поднялся на ноги, потрясенный тем, что делал Фрэнк, и дрожащим от волнения голосом сказал:

Как могли вы говорить вашему клиенту все эти ужасные, оскорбительные вещи, особенно здесь, публично, перед лицом 300 психиатров?

Фрэнк, Ричард и Джон посмотрели друг на друга, а затем повернулись к клиенту, слушавшему в недоумении слова психиатра, и спросили:

Кажется ли вам оскорбительным то, что вам говорил Фрэнк?

Клиент немножко подумал и сказал:

Нет, мне не кажется... (и после паузы, когда он посмотрел вниз и налево – внутреннее слуховое восприятие – повторяя нечто из сказанного Фрэнком, продолжил)... Когда я теперь думаю о том, что он сказал, то кое-что мне кажется немного странным, но я знаю, что он старался для меня.

Здесь перед нами блестящий пример, иллюстрирующий два обстоятельства:

1. Особую эффективность раппорта – Фрэнк сумел сказать публично своему клиенту в условиях раппорта такие вещи, которые вне раппорта привели бы к отчуждению, или даже к физическому столкновению. Кстати, в этом частном случае Фрэнк великолепно продемонстрировал стратегию зеркального отражения классического кода НЛП, как зрительную (подстраиваясь к позиции клиента своими движениями), так и слуховую (подстраиваясь к голосу клиента модуляцией своего голоса), добившись таким образом глубокого состояния раппорта с клиентом.
  2. Опасность обращения к содержанию процесса – какова была реакция психиатра – с недооценкой его формы, которая была в действительности в высшей степени эффективной. К этому был, по-видимому, слеп возмущенный психиатр, с его абсолютным вниманием к содержанию.
15. Вдобавок, личные метафоры источника могут быть изощренными, но они редко помогают полезной кодировке паттернов. В этом смысле они, как правило, вводят в заблуждение. Далее, часто оказывается, что такая деятельность весьма неудобна для источника. Одной из самых трудных задач, какие встречаются в нашей области, является само моделирование. В этом случае источник паттернов должен сделать явным свое собственное подсознательное поведение.

Высоко одаренные индивиды (источники) часто придерживаются упорных, хотя и метафорических мнений о том, что они делают. Критерии эффективной модели – легкость усвоения и эффективная передача паттернов, вследствие которых учащийся демонстрирует поведение, близкое к поведению первоначального источника; но частные метафоры источника могут в действительности тормозить эту деятельность. Они могут препятствовать развитию адекватной модели (удовлетворяющей только что указанным критериям) или вызывать расхождение между моделью и моделировщиком по поводу того, какой должна быть «настоящая» модель.

Иногда имеет смысл предлагать источнику вопросы метамоделей, если только моделировщик учитывает сказанное выше и отчетливо понимает, что вопросы метамоделей задаются не с целью получить полезный словесный ответ на вопрос, но с целью стимулировать в источнике внутренние, подсознательные процессы: это дает моделировщику возможность произвести калибровку – то есть прочесть несловесные реакции источника, чтобы оценить его ответ на вопрос на несловесном уровне. Это может иногда значительно облегчить дальнейшее исследование моделировщика.

16. Эта реакция имела два исключения: одно из них было понятно (и вполне предсказуемо), а второе странно и в то же время затруднительно. Первым было определенно отрицательное и несколько злобное отношение психиатров и клинических психологов. Причину такой реакции можно понять.

В самом деле, представьте себе, что вы затратили много времени и денег на свое образование, чтобы стать психиатром или клиническим психологом. Нетрудно понять, как вас раздражали бы эти наглые молодые любители, утверждающие, что они могут достигать в невероятно короткое время терапевтических результатов, которые заняли бы у вас целые годы трудной, упорной работы. Еще более тревожила бы вас публичная демонстрация, что они могут действительно это делать.

Если это вас удивляет, прочтите книгу Томаса Куна *Структура научных революций* и примите во внимание также экономические последствия наших (Гриндера и Бендлера) предложений в отношении профессиональной практики этих людей, предусматривавшей длительные регулярные сеансы с клиентами.

Второе исключение содержалось в весьма любопытном письме Джея Хейли к Роберту Спитцеру. Спитцер был близкий друг Бендлера, а также собственник имения по адресу Альба 1000 и издательства Сайенс энд Бихевиор Букс, до сих пор печатающего оба тома *Структуры магии*. Кроме того, Спитцер давал Ричарду работу. Ричард трудился часть своего времени на складе, упаковывая и рассылая по почте заказанные книги. Спитцер находился под сильным влиянием мышления Ричарда, но, помня о своей ответственности за выбор подходящих для опубликования книг, послал Хейли рукопись *Структуры магии*. Он просил Хейли дать беспристрастный профессиональный отзыв и сообщить ему, считает ли Хейли книгу ценной. Хейли был достаточно авторитетным человеком, чтобы высказать такое мнение. Как сам я считал в то время, Хейли был автором единственных прочитанных мною книг по психотерапии, заслуживавших внимания и уважения, за исключением работ Грегори Бейтсона и Милтона Эриксона. Кроме того, Хейли был членом знаменитого ИПИ (Института Психических Исследований) в Пало Альто, возглавляемого Бейтсоном, где Грегори развил свою теорию двойной связки, объясняющую шизофрению. Наконец, Хейли учился непосредственно у доктора Эриксона.

Спитцер показал однажды нам с Бендлером ответное письмо Хейли, в котором он рекомендовал не печатать книгу. Его комментарии содержали утверждение, что некоторые части книги интересны, но она ужасно наивна (что было, вероятно, справедливо), и в особенности демонстрирует полное неведение пионерских работ Бейтсона, выполненных в последнее десятилетие; уже одно это, по мнению Хейли, делало книгу не заслуживающей опубликования.

Спитцер решился опубликовать книгу лишь после того, как мы с Бендлером показали ее самому Грегори, который прочел и горячо рекомендовал ее, написав к ней введение. Приведу часть этого введения:

Я пишу это введение со странным удовольствием, потому что Джон Гриндер и Ричард Бендлер сделали нечто подобное тому, что я с моими коллегами пытался сделать пятнадцать лет тому назад. ...Гриндер и Бендлер столкнулись с теми же проблемами, с которыми мы столкнулись тогда... у них были орудия, каких у нас не было – или какими мы не сумели воспользоваться. ... Они сумели сделать лингвистику основой теории, и в то же время средством терапии. ...Это открытие кажется очевидным, если начать исследование с лингвистики... а не со сравнения культур и психозов, как это делали мы... Послушаем же их!

Грегори Бейтсон,
Введение к *Структуре магии*,
том I, стр. IX, X и XI.

Полагаю, что это несколько удивило Хейли. Он никогда больше не отзывался на нашу работу.

17. В этом частном случае статья была представлена без объяснения, по той простой причине, что у нас не было сознательного понимания того, что мы делали. Это было и остается весьма обычным переживанием в начальных фазах моделирования. Конечно, это было характерно для этой фазы нашей работы.
18. В течение ряда лет у меня (ДГ) было много клиентов с синестезией в ее невольной форме, которым я вполне успешно помог развить необходимые выборы для ее регулирования. Я глубоко благодарен Оливеру Саксу, и пусть он присылает нам своих пациентов!
19. Здесь делается важное предположение – пронизывающее всю практику НЛП; а именно, считается, что синтаксическая структура предложений, используемых людьми для самовыражения, отражает последовательность лежащих в основе неврологических процессов. На некоторой стадии развития НЛП это предположение должно быть исследовано и оправдано. Например, следует подвергнуть анализу язык, в структуре которого глагол занимает конечное положение – немецкий язык.

Заметим, что линейный порядок, в котором в предложении встречаются предикаты, связанные с системой представления, не обязательно соответствует порядку предполагаемых внутренних событий, которым соответствуют эти представления. Предложения естественного языка имеют два измерения, то есть имеют внутреннюю иерархическую структуру. Поэтому надо соблюдать осторожность при отображении высказываний естественного языка на лежащие в основе их неврологические события, представленные соответствующими предикатами.

Рассмотрим второй пример в тексте – линейную последовательность (слева направо). Вряд ли она совпадает с последовательностью неврологических событий системы представления. В этом частном случае линейное упорядочение представленных в предложении предикатов указывает на последовательность:

чувствую . . . . . говоришь . . . . . неясно

Однако синтаксическая структура сама по себе содержит погруженное предложение (**то, что ты говоришь**), которое в действительности является подчиненным. Подчиненность предложения в этом смысле означает его более низкое положение на структурном дереве, представляющем синтаксическую структуру предложения, чем линейно следующего за ним (*неясно*). Таким образом, использование одной только линейной последовательности привело бы к другому анализу как самого предложения, так и лежащих в его основе неврологических событий, которые оно должно представлять. Как мы полагаем, правильное отображение неврологических событий должно быть следующим:

чувствую (кинестетическое)...неясно (зрительное)...говоришь (слуховое)

20. Я вспоминаю с большим удовольствием, как я изложил описываемые здесь отображения (в частности, изоморфные и гомоморфные отображения) Дэвиду Гордону (David Gordon) на маленькой доске после собрания нашей группы в доме 1000 по дороге Альба, в середине семидесятых годов; я предлагал ему подробно изучить неврологическую литературу по синестезии, поскольку эти два точных и мощных орудия составляют превосходную основу для описания структуры метафор. Он использовал то и другое с большим успехом в своей книге *Терапевтические Метафоры (Therapeutic Metaphors)*.
21. Можно заметить, что эта стратегия слежения не зависит от содержания, которое вы намерены выразить. Таким образом, подготовленный практик НЛП способен выразить любое содержание в любой первичной системе представления (зрительной, слуховой или кинестетической). Заметим, что это еще один пример преимущества, доставляемого различием формы и содержания – в этом частном случае такое различие позволяет подготовленному практику НЛП действовать этично – в частности, излагать (представлять) содержание речи клиента, бесстыдно манипулируя формой – то есть системой представления, которой выражается форма.
22. Известное исключение составляют баски, у которых образование паттернов последовательно происходит в вертикальной размерности паттерна (вверх для зрительной системы, в сторону – для слуховой...), но не в боковой, сигнализирующей, какое полушарие приводится в действие. Эта разница существенна для различений в нижних квадрантах для слухового восприятия (внутренний диалог) и кинестетического восприятия, а в других квадрантах – для различения между памятью и композицией в зрительных и слуховых восприятиях. Замечательно, что у басков имеется по-видимому (по свидетельствам, которые мы лично не проверяли) ряд общих и широко распространенных приемов воспитания детей, систематически развивающих двусторонность. Это явление заслуживает дальнейшего исследования, поскольку распространено мнение, что односторонность и церебральное доминирование представляют связанные между собой явления. Баски весьма отличаются также своим типом крови и синтаксической структурой своего родного языка.
23. Это привело также к забавной ситуации, когда некоторые из этих первоначальных учащихся, которым было объяснено различие между предикатами систем представления, по заданию Гриндера и Бендлера должны были самостоятельно обнаружить паттерны движения глаз. Справившись с этим заданием, они, по-видимому, сочли себя первооткрывателями этих паттернов (*Мир НЛП*, том 6, №2, июль 1999, стр. 78).

24. Насколько я (ДГ) помню, единственная часть книги (*Структура магии*, том I), в подробном обсуждении которой Грегори был заинтересован, касалась синтаксических процессов, лежащих в основе номинализации – преобразования глубинного глагола в поверхностное существительное (например, *развлекать* → *развлечение*). Его интерес к этому можно было понять ввиду его глубокой оценки процессов реификации* и выводов из этих синтаксически обоснованных процессов преобразования, позволяющих судить, как глубоко встроены логические уровни в структуру естественного языка.
25. Конечно, его предсказание было правильно. С другой стороны, наши дела шли очень хорошо – у нас было еще четыре года, причем два первых года были лучше двух следующих. Это не бессмертие, но не так уж плохо.
26. В действительности это запись центрального места одной статьи в книге, составляющей, по нашему мнению, библию гипноза – изложение оригинальных паттернов Эриксона (это блестящее собрание статей, написанных самим Эриксоном, под названием *Высшая техника гипноза и терапии* (*Advanced Techniques of Hypnosis and Therapy*), под редакцией Джея Хейли). В этом месте Хейли и Джон Уикленд обсуждают с Эриксоном конкретное внушение Эриксона некоторому пациенту. Этот «разговор» между Эриксоном и этими двумя исследователями по существу представляет другое внушение, паттерны которого изоморфны тем, которые Эриксон применял в первоначальной работе с клиентом, но на этот раз сосредоточил на двух исследователях.
27. Если меня не обманывает память, эта группа состояла из Кэй Томпсон, Мэриан Мур и Роберта Престона (я не уверен в фамилии Роберта и прошу прощения, если неправильно написал имена этих господ).
28. Впоследствии Ричард заметил, и я с этим согласился, что мне труднее было справиться с Бетти, чем получить желательную реакцию самого Милтона.
29. Есть разные интерпретации того, что здесь в действительности произошло. Мы могли бы сказать, что мы в нашей слегка измененной версии собственных внушений Эриксона достаточно овладели его паттернами и что сам мастер паттернирования должен был быть особенно отзывчив на свои собственные паттерны. И в самом деле, то, что случилось, означало, что отважный молодой человек загипнотизировал самого Эриксона, имея в качестве обратной связи лишь паттерн его дыхания. Можно было, далее, сказать, что послание дошло до адресата, и что реакция Эриксона оказалась вполне удовлетворительной, чем этот молодой человек мог гордиться.

Но сам я думаю иначе – я подозреваю, что мое исполнение даже не приблизилось к тому, что нужно было, чтобы вызвать его полную реакцию; как я полагаю, на него произвело впечатление, что мы овладели частью его паттернов без общения с ним. Остается лишь вопрос, не нарочно ли он вошел в измененное состояние, которое я обнаружил, следя за его дыханием, и это предположение казалось мне все более вероятным по мере того, как я знакомился с Милтоном.

30. Обозначая предложение термином *функциональное*, мы хотим привлечь внимание читателя к важному вопросу. Возникающая в результате модель эффективна в том смысле, что позволяет получать те же результаты, что и человек, послуживший первоначальным источником модели, но при этом остается открытым следующий вопрос:

Является ли возникшая модель, уже доказавшая свою эффективность, правильным представлением того, что делал первоначальный источник модели?

Мы не уверены, правильно ли поставлен этот вопрос в сколько-нибудь глубоком смысле этого слова. Может оказаться, что это не так, и что лучший ответ на этот вопрос состоит в том, что он эпистемологически неправильно построен. Иными словами, как мы можем узнать, правильно ли модель представляет то, что в самом деле делал ее источник? Или еще, какое свидетельство могло бы ответить на этот вопрос?

---

* Овеществления. (Прим. перев.).

К счастью, можно на него ответить, во всяком случае, в некотором более слабом смысле; а именно, независимо от того, имеется ли изоморфное отображение неврологии источника, можно констатировать, что данная модель позволяет практику воспроизводить результаты, типичные для источника, примерно за то же время и примерно с тем же качеством, и в этом случае можно считать модель эффективной. В этом смысле и понимается термин *функциональный* в указанном предложении.

Этот же вопрос стоял перед исследователями искусственного интеллекта, среди которых он вызвал раскол несколько десятилетий назад. Некоторые из них пытались моделировать и воспроизводить в своих программах паттерны, которые они считали изоморфными паттернам человеческого поведения при выполнении предусмотренной их программой задачи. Другие же исследователи, избегая такого ограничения, попросту конструировали программу, функционально эквивалентную человеческому поведению, в том смысле, что она производила результаты, изоморфные результатам человека.

Пожалуй, проще всего привести простой личный пример. Однажды, в первый год, когда мы с Бендлером начали публично работать вне Санта-Крус, мне предложили в одном семинаре представить модель того, как я запоминаю имена большого числа впервые встреченных людей. Участники семинара полагали, что я делаю это очень хорошо, и хотели научиться этому сами. Я построил и предложил им следующую стратегию:

1. Освободите все внутренние системы представлений – то есть устраните из них все внутренние диалоги, все зрительные образы, не связанные непосредственно с данным контекстом, все ощущения, кроме связанных непосредственно с окружающей вас обстановкой.
2. Пожимая руку человека, с которым вы впервые знакомитесь, внимательно вслушайтесь в звуки его голоса, произносящего свое имя, особенно в несловесные качества этого голоса:
Здравствуйте, меня зовут _____
3. Сделайте внутреннюю запись того, как человек произносит свое собственное имя, и прослушайте ее несколько раз.
4. Как только вы отпустите руку человека, обратите взгляд на его лоб, и отпечатайте его имя на его лбу. Сделайте это, одновременно печатая это имя микромышечными движениями доминирующей руки. Теперь вы усвоили его имя всеми тремя системами представления.
5. Когда вы в следующий раз увидите этого человека, вы узнаете его лицо («вы никогда не забываете лицо»). Как только вы поймете, что видели раньше это лицо, посмотрите на его лоб и расширьте свои зрачки; при этом «волшебным» образом появится его имя, поскольку лицо содержит достаточное число контекстуальных зрительных якорей, чтобы вспомнить помещенное там имя.
6. Если вы услышите по телефону голос человека, чье имя вы позаботились запомнить, то несловесные качества его голоса откроют доступ к ленте, на которую вы раньше записали его имя, произнесенное им самим. Теперь вы можете удивить его и доставить ему удовольствие, приветствуя его по имени, прежде чем он представится. Это производит особенное впечатление в американских культурах, придающих как правило мало значения несловесным аспектам звука (приношу извинения моим американским друзьям-музыкантам).

Участники семинара провели несколько репетиций, чтобы овладеть приведенной выше последовательностью, а затем проверили свой новый навык и сообщили, что у них заметно улучшилась способность запоминать и вспоминать большое число имен.

Как я вполне уверен, сам я ничего подобного не делаю – то есть я уверен, что не пользуюсь никакой подобной стратегией. Стратегия, которую я предложил участникам семинара, сумевшим затем ее применить, была результатом моего проекта, а не какого-либо моделирования.

Кстати, я лично не считаю себя особенно способным запоминать имена людей, но я весьма компетентен в чтении табличек с именами.

31. Возможно, некоторые читатели незнакомы с этим древним устройством – пишущей машинкой. Спросите кого-нибудь старше 50 лет.
32. Эта фраза *намеренно опустили отдельные особенности поведения Эриксона* относится к значительной части искусства моделирования – более конкретно, способности разделять сложное поведение на полезные части. Более утонченное изложение этого вопроса см. также под названием *Кодирование паттернов* в Главе 1 Части III этой книги.
33. Для ясности мы упрощаем это объяснение – у Эриксона было гораздо больше чем два голоса, и он их виртуозно и систематически использовал.

Глава 2: Решающий паттерн

Теперь мы прервем наш исторический рассказ о развитии НЛП, чтобы объяснить, чем подход НЛП™ к работе изменения отличается от других подходов. Таким образом, контекст этой части книги составляет *приложение* паттернов НЛП к изменению – к собственному изменению или изменению, производимому в других. В частности, мы хотим объяснить, чем отличается приложение паттернов превосходства, закодированных в Классическом Коде НЛП, от других систем профессиональной работы изменения, предназначенных для тех же задач. Объяснив эти различия и одно из их этических следствий, мы возобновим наш исторический рассказ, описав контекст и процессы открытия, в которых возник решающий паттерн – Шестишаговый Рефреминг. Затем мы обратимся к критике классического кода в свете особенностей этого решающего паттерна.

Мы хотели бы отчетливо указать читателю, что в этой главе наше внимание радикально перемещается с моделирования на приложения.

Эпистемологическая характеристика паттернов НЛП™

В Главе 1 Части I этой книги мы изложили некоторую эпистемологическую позицию и обсудили следующие из нее выводы для НЛП. Теперь мы дадим характеристику некоторых важнейших паттернов НЛП с точки зрения этой эпистемологии. Хотя эпистемология, представленная в нашей первой работе (*Структура магии*), примитивна по сравнению с изложенной в этой книге, обе они совместимы. Кодирование и изложение паттернов НЛП понятны лишь в свете такой эпистемологии. Может показаться удивительным, но бесспорно утверждение, что приложение паттернов НЛП к работе изменения имеет целью всею лишь манипуляцию представлениями:

1. Мета модель является набором эпистемологических операций, предназначенных для словесных возражений (например, посредством конкретизации) против отображений (f^2), связывающих ПД с нашими мысленными картами, а также против внутренней логики (т.е. причинно-следственных отношений) самой языковой системы, составляющей основу порождения лингвистически опосредованных мысленных карт, руководящих поведением. Систематическое применение этого набора словесных паттернов точно и эффективно приводит к обнаружению событий на уровне ПД (системы отсчета нашего опыта), служащих источником тех представлений, которые должны быть изменены для достижения целей клиента.
2. Операции, определенные на системах представления и их субмодальностях (например, наложение систем представления друг на друга, взмах (swish) и т.д.), являются прямым методом манипуляции представлениями клиента на уровне ПД.
3. Якорение есть набор операций, служащих для связывания и манипуляции группировками в ПД (четверками), не дифференцированными в других отношениях, с намерением привести их в соприкосновение с другими представлениями ПД для дифференцирования или интеграции.

4. Различные паттерны рефрейминга суть операции, в которых конкретное представление (например, проблема или возражение) помещается внутрь некоторого более широкого представления (контекста, называемого его рамкой или фреймом) таким образом, что происходит сдвиг его значения – причем все операции происходят в логике эпистемологических отображений высшего порядка (f^2 или следующих за ПД).
5. Милтон-модель есть разбитый на уровни набор операций, предназначенных для сдвига представлений на уровне Первого Доступа, без необходимости отображения элементов ПД в сознание клиента. Эта модель называется моделью, разбитой на уровни, поскольку она, очевидно, использует операции, следующие за ПД (построение словесных паттернов), хотя и работает с материалом, находящимся внутри ПД (не продвигая этот материал в сознание).

...

Вероятно, в нашем исходном утверждении странным кажется только выражение *всего лишь*:

...приложение паттернов НЛП к работе изменения есть всего лишь манипуляция представлениями.

Иными словами, с точки зрения предложенной здесь эпистемологии, единственное, чем мы можем манипулировать в приложении паттернов НЛП к работе изменения – это представления, поскольку мы не имеем доступа ни к чему другому!

Но ясное понимание этого позволяет нам указать ряд следствий, отчетливо различающих применение паттернов НЛП к работе изменения от других систем изменения.

Различители

1. Применение НЛП к работе изменения опирается на отчетливо избранные представления. Даже такие виды вмешательства, манипулирующие внешними переменными, как терапевтические задания, навязываемые парадоксы, терапевтические двойные связи и т.д. представляют собой тактические решения, как лучше модифицировать, расширить, оспорить и т.д. отображения клиента внутри ПД и между областями внутренней логики ПД и областями внутренней логики естественного языка. В самом деле, терапевтическое задание есть манипуляция прямым опытом ПД, сдвигающая мысленные карты клиента на этом уровне (ПД). Предпосылка, лежащая в основе и связывающая всю эту деятельность – это предположение, что если терапевт способен эффективно манипулировать этими основными представлениями клиента (так называемыми мысленными картами, либо на уровне ПД, либо после ПД), то вследствие этого произойдет сдвиг в поведении и качестве переживаний клиента.
2. Поскольку предметом этих манипуляций являются представления, то любой этичный метод эффективного изменения этих представлений способен изменить поведение *независимо* от того, как первоначально развились эти представления – иначе говоря, для целей изменения несущественна история образования мысленных карт клиента. Построение паттернов НЛП намеренно избегает любых археологических тенденций; поэтому мы не изучаем историю проблемы или трудности, которые не составляют для нас существенной части процесса изменения. Таким образом, история несущественна, если ставится цель изменить наличные представления. Вдобавок, восстановление истории, как правило, связано с сознательным воспоминанием исторических событий. Но имеются убедительные свидетельства, что такое воспоминание есть в действительности реконструкция. Это замечание (память как процесс реконструкции) в сочетании со строгими ограничениями рабочей памяти сознания (знаменитые 7 ± 2 бита информации) представляет в мрачном свете ценность того, что реконструируется, если личная история выясняется некоторым сознательным словесным процессом. Мы рассматриваем такую продукцию как истории, рассказываемые клиентами самим себе, чтобы осмыслить или оправдать свои действительные текущие переживания.

3. Поскольку целью вмешательства является изменение представлений клиента, то вопрос, должно ли играть какую-либо роль в этом процессе сознание, имеет эмпирический характер. Это требует от нас явного определения, каковы цели процесса изменения. Если в число этих целей входит развитие способности клиентов говорить о своих проблемах и трудностях, то обращение к сознанию оправдано. Но с другой стороны, если эти цели должны дать клиентам выбор в их жизни именно в тех случаях, когда у них прежде не было выбора, то есть основательные причины полагать, что попытка добиться сознательного понимания клиентом своей проблемы не оправдана: она не оправдана ни с точки зрения клиента, ни с точки зрения терапевта. Сравните, насколько различаются по времени, усилиям и качеству изменения, полученные с тщательным и уважительным применением якорей, от результатов, получаемых обычно длительной «разговорной» терапией.

Далее, как было указано выше, копание в содержании никоим образом не оправдано. На этом основана тайная терапия, или дважды тайная терапия, в которой ни терапевт, ни клиент сознательно не понимают, что подвергается сдвигу.

4. Для эффективного использования паттернов НЛП ни терапевт, ни клиент не обязаны верить ни в какие предположения.

Позиции по этим вопросам других направлений, отличающие их от НЛП, происходят, по-видимому, от первоначальной работы Фрейда – например, представление, что надо установить и довести до сознания клиента его коренное или первоначальное переживание, когда клиент испытал травму или научился некоторой реакции, бесполезной в настоящее время. Это представление было некритически включено во все другие системы изменения поведения, известные нам в западном обществе (за исключением отмеченного выше бихевиористского подхода). Такая точка зрения эквивалентна убеждению, что изменение достигается посредством удаления от текущей действительности клиента и его наличных переживаний. Многие представления, мешающие делать выбор в жизни, сосредоточены исключительно в ПД. Настояние, что эти представления должны быть сначала отображены в языковую область, есть утверждение, касающееся навыков терапевтов изменения (или недостатка таких навыков), и это утверждение по меньшей мере спорно с этической стороны. В Главе 2 Части III, под названием *Принципы сортировки*, мы предложим более явный подход к этому вопросу (см. в особенности Ятрогенный* Принцип).

Рассмотрим, например, подробнее один из приведенных различителей – четвертый:

4. Для эффективного использования паттернов НЛП ни терапевт, ни клиент не обязаны верить ни в какие предположения.

В частности, для эффективного применения паттернов НЛП к некоторой проблеме или трудности нет надобности разделять так называемые предпосылки НЛП. Обычно в эти предпосылки¹ входят утверждения вроде следующих:

Лучше иметь выбор, чем не иметь выбора.

Все ресурсы, необходимые для желательного клиенту изменения, уже имеются на подсознательном уровне клиента.

Текущее поведение клиента, каким бы странным оно ни казалось, является лучшим выбором из представлений клиента, доступных ему в данный момент, учитывая его восприятие данного контекста.

...

Если принимать всерьез так называемые предпосылки НЛП, то это поистине странное собрание различных логических типов и уровней весьма нуждается в пересмотре и реорганизации. К счастью, их недостатки не должны беспокоить нас на уровне применения паттернов НЛП.

* Ятрогенными болезнями называются нервные явления, причиняемые врачами, от греческого слова, означающего «врач», «целитель». (Прим. перев.).

Я (ДГ) с трудом могу припомнить происхождение многих из этих так называемых предпосылок НЛП. Полагаю, что в их составлении сыграл важную роль Роберт Дилтс. Должен признать, что несколько из них (например, три приведенных выше) были созданы мною или мною вместе с Бендлером. По-видимому, они представляли собою попытку ответа на сознательный вопрос:

При каких предпосылках наличная текущая практика НЛП^{pp} представляла бы связанное целое?

Но, конечно, любые ответы на этот вопрос были бы лишь последующей рационализацией, чем-то вроде интеллектуального дополнения для оправдания и облагораживания существующей практики. Выражаясь несколько более радикально, можно сказать, что так называемые предпосылки НЛП были в лучшем случае педагогическим приемом, помогавшим новичкам в приключении под названием НЛП перейти к новым формам восприятия и мышления, неявно заключенным в технологии НЛП. Но, к сожалению, предпосылки, подобно верованиям, – это в конечном счете фильтры, которые сужают текущие переживания того, кто их применяет. Мы лично не находим никакой пользы в перечислении таких рационализаций (называемых предпосылками НЛП). Предприятие под названием НЛП преуспевает или терпит неудачу – работает или не работает – в зависимости от фактического исполнения и независимо от того, какие интеллектуальные размышления вызывает эта практика. Конечно, здесь попросту применяется критерий всякой модели – работает она или нет?

Пара, состоящая из клиента и терапевта, конгруэнтно следующая паттернам НЛП, достигнет положительных результатов, для которых спроектированы эти паттерны, независимо от их личных верований. Ситуация здесь аналогична ряду дисциплин западного происхождения, таких как Тай Цзи, Айкидо, Йога и т.д. В каждую из этих дисциплин заинтересованный человек может либо войти на уровне простого применения техники (переживание на Первом Доступе), либо подойти к этой дисциплине с точки зрения лежащей в ее основе философии или мировоззрения (лингвистическое переживание), либо может делать то и другое. Ясно, что человек, входящий в дисциплину на уровне простой техники, испытает сдвиг в своих внутренних представлениях, вызванный подлинным переживанием этой техники, между тем как человек, предпочитающий подход со стороны философии этой дисциплины, приводит в движение только свой рот.

Те же соображения весьма существенны, если желательно произвести изменение у человека, чья система верований препятствует такому изменению.²

В качестве паттернов НЛП было предложено множество изменений в паттернах системы верований. Каков бы ни был их статус, стратегия, предпочитаемая авторами этой книги, прямолинейна, проста и конгруэнтна сказанному выше:

Вмешательство в систему верований (частный случай терапевтического задания)

1. Устанавливается, какое изменение надо произвести – в данном случае, изменение ограничивающего верования.
2. Проектируется прямое переживание (то есть переживание на уровне ПД), которое должно послужить сильным контрпримером к ограничивающему верованию.
3. Переживания, называемые контрпримерами, создаются без сообщения клиенту на уровне сознания намерения или желательного следствия спроектированного переживания. Это самым удивительным образом достигается, когда переживание погружается внутрь некоторой задачи, которую клиент сознательно не связывает с желательным для него результатом. Читатель оценит этот прием из следующего ниже конкретного примера.

Заметим, что в предыдущем формате нет речи о какой-либо попытке понять ограничивающее верование, обнаружить его происхождение в биографии клиента или довести такую информацию до его сознания. Предположение, лежащее в основе этого класса стратегий (терапевтических заданий) соответствует следующему принципу:

...если мы сможем эффективно манипулировать основными представлениями клиента через его подлинные переживания на уровне ПД, то вследствие этого изменится поведение клиента и его система верований.

Мы утверждаем, что изменение представлений клиента с помощью задания (в следующем примере – посредством прямого переживания на уровне ПД) обобщается на поведение и на его эпифеномены – построения, проходящие через такие представления, как сознание и системы верований.

Конкретный пример: Формат вмешательства в систему верований

В начале 80-х годов к Джонсу Гриндеру обратился его близкий друг, попросившая его в виде особого одолжения принять в качестве клиентки одну из ее сотрудниц, женщину по имени Сьюзен. Ей недавно поставили диагноз рака, объяснив ей, что через несколько месяцев рак полностью разовьется и она умрет.³

Гриндер согласился. Первая беседа обнаружила ряд возможных способов подхода, от глубокого изменения в браке Сьюзен до радикальной реорганизации ее собственного восприятия важности разных вещей. Но наиболее интригующей была следующая находка: пользуясь стратегией слушания внутреннего смысла, Гриндер обнаружил довольно частое употребление подсознательно подчеркиваемого Сьюзен выражения, в котором она прямо говорила:

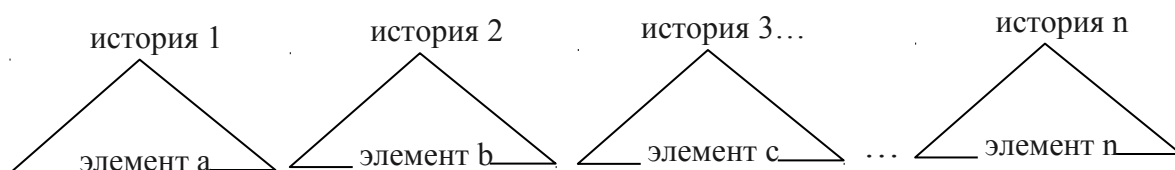
Справиться с этим раком означало бы, что весь мой мир перевернулся бы вверх дном.

Подчеркнутая часть этого предложения выделялась Сьюзен каждый раз, когда она его произносила.

Слушание внутреннего смысла представляло собой особую слуховую стратегию, развитую Гриндером и Бендлером во время их моделирования Эриксона. Они обнаружили аналогичное подчеркивание, которое было одной из стратегий Эриксона, используемой им в разговорной гипнотической коммуникации, чтобы без ведома сознания клиента довести до его подсознания некоторое послание. Аналоговое подчеркивание происходит, когда некоторый несловесный сигнал систематически связывается с особыми частями словесного сообщения таким образом, что при соединении этих несловесно отмеченных частей словесного сообщения образуется отдельное связанное сообщение, направленное подсознанию слушающего клиента. У Эриксона был ряд весьма изощренных способов это делать. Аналоговое подчеркивание могло быть весьма простым, как, например, сдвиг тональности каждый раз, когда он произносил часть «особого» сообщения; подсознание клиента собирало слова и выражения, отмеченные таким образом, в независимое сообщение и реагировало на него; в других случаях подчеркивание могло быть весьма тонким, например, оно выполнялось физическим положением его головы, когда он говорил с клиентом.⁴ Далее, словесный материал мог быть очень прост, как приведенное ниже предложение, где подчеркнутая часть выделялась сдвигом тональности:

Люди могут, Майк, глубоко расслабиться во время разговора.

В других случаях этот материал может быть весьма сложным, состоящим из разных историй, не связанных между собой, но содержащих некоторые части, отмеченные одинаковым образом, так что подсознание должно соединить эти отдельные части в единое сообщение, как показано на приведенной ниже схеме:

отмеченные элементы от (a) до (n) составляют отдельную связанную историю или ряд сообщений для подсознания клиента

Подсознательное обнаружение отдельных, но аналогично подчеркнутых частей этого ряда историй позволяет подсознанию открыть выраженное ими сообщение, принять его и реагировать на него.

Когда Гриндер и Бендлер усвоили стратегию аналогового подчеркивания Эриксона, они были удивлены, заметив, что их клиенты часто подчеркивали аналогичным образом части своей речи.

Эти особые сигналы подсознания клиента терапевту (или любому способному их услышать) принимают различные формы, в число которых входит неоднозначность. Один из простейших случаев этого явления произошел с одной немислимой клиенткой⁵, приведенной к Бендлеру и Гриндеру психиатром из области Залива.* Эта клиентка испытывала, среди прочего, кинестетическую галлюцинацию, в которой она ощущала, что по всему ее телу ползали насекомые.

В течение первых трех минут разговора по поводу этих галлюцинаций клиентка посмотрела прямо в глаза Бендлеру и Гриндеру и сказала каждому из них:

Мой муж раздражает меня!*

Это был полный диагноз!

Рассказ продолжается:

Сьюзен выделила фразу «Мой мир перевернулся бы вверх дном» много раз – переменной интонации, позицией тела и выражением лица. Случилось так, что в это время Гриндер проходил тренировку по высшему пилотажу. Ему повезло, что его учителем был Дэвид Гастер, превосходный пилот, бывший член Британской команды высшего пилотажа «Красные стрелы» и замечательный преподаватель. Гриндер решил использовать в терапевтических целях особые ресурсы, доступные ему в то время.

Сьюзен была гордая особа, настаивавшая на том, чтобы каким-то образом уплатить Гриндеру за его работу с ней. При первой встрече с ним она спросила его, не может ли она выполнить какое-нибудь поручение, чтобы оплатить стоимость его работы. Гриндер позвонил Сьюзен и объяснил, что он договорился встретиться с представителем британской компании, специализирующейся на спортивных самолетах, но неожиданно ему позвонил один из клиентов его корпорации и оказалось, что ему надо быть в Денвере в точности в тот день, когда этот представитель прибудет в Санта-Крус. Поэтому он попросил Сьюзен взять на себя встречу с этим представителем и получить от него информацию, нужную ему для решения, покупать ли ему этот спортивный самолет. Она колебалась, так как не имела никакого опыта в авиации, и уж конечно ничего не знала о малых самолетах этой категории. Гриндер заверил ее, что даст ей список вопросов и что ее задача сведется к простой беседе с представителем и получению нужной информации.

В назначенный день Сьюзен, красиво одетая по этому случаю, встретила в условленное время с Дэвидом Гастером в аэропорту Скотс Вэлли Скайпарк. Мистер Гастер выразил некоторое замешательство по поводу того, что он приехал для этой встречи из Англии, а мистер Гриндер даже не явился. Сьюзен сумела уверить его, что соберет информацию, нужную Гриндеру для правильного решения о покупке самолета. Гастер ворчливо согласился и спросил Сьюзен, какая информация ей нужна. Сьюзен надлежащим образом справилась со списком вопросов, доставленным ей Гриндером (в действительности составленным самим Гастером). В конце списка Гастер настоял, чтобы Сьюзен прямо ознакомилась с самолетом для объяснения различий, о которых она спрашивала. Сьюзен, очарованная к этому времени Дэвидом, согласилась, и они оказались на предангарной площадке близ аэропорта, где Гастер объяснял тонкости самолета несколько смущенной, но внимательной Сьюзен.

[#] Имеется в виду залив, в котором стоит Сан-Франциско. (Прим. перев.).

^{*} Англиский глагол bug означает «раздражать, докучать», а существительное bug – «насекомое», в частности «клоп». (Прим. перев.).

Окончив свой список вопросов, Сьюзен поблагодарила Гастера за его любезность и терпение, с которым он все ей объяснил, и собралась уходить. Когда она повернулась, чтобы уйти, Гастер вдруг спросил ее, куда она идет. Она ответила, что собрала уже информацию, которая нужна Гриндеру. Но Гастер указал, что если Гриндер в самом деле пилот-спортсмен и квалифицированный покупатель, он захотел бы почувствовать самолет, и что просто невозможно принять решение о покупке без такой информации. Прежде чем она смогла выпутаться из этого глубокого нарушения паттерна, Сьюзен оказалась привязанной к переднему сидению самолета с парашютом (по правилам Федерального Агентства Авиации), со шлемом на голове и с микрофоном. Читатель может представить себе, что случилось дальше.⁶

У Сьюзен, как говорится, произошла спонтанная ремиссия.

Различители, применяемые в приложениях НЛП и описанные перед последним подробным примером, отчетливо отличают НЛП от всех других систем профессиональной работы изменения, за исключением систем изменения, основанных на бихевиористской психологии. Есть ряд способов, позволяющих легко отличить НЛП™ от этих бихевиористских систем.

Бихевиорист, в силу самих ограничений философии науки (логический позитивизм), из которой выводится его система, ограничен в своих вмешательствах манипуляцией внешними переменными, то есть переменными, относящимися к окружению. Исторически эти переменные описываются такими терминами как подкрепление, совпадение, темп угасания и т.д., и применение их в самом деле было спасительным и желательным сдвигом по сравнению с интерпретирующими системами так называемых терапий инсайта (insight therapies). Однако за это приходилось платить чрезмерную цену. Черный ящик был закрыт. Более конкретно, для любой системы изменения с этим ограничением буквально прегражден доступ к внутренним структурам человека, подвергаемого процессу изменения (клиента). Поэтому бихевиористы не могут объяснить, каким образом конкретные восприятия и мысленные карты их клиентов (внутренние переменные) приводят у разных клиентов к различным реакциям на одну и ту же манипуляцию внешними переменными. Такие системы оказываются не столь эффективными, как системы, способные принимать во внимание эти внутренние структуры. Такие системы не способны разумно реагировать на то обычное обстоятельство, что «один и тот же» опыт, определенный в терминах окружения, вызывает у разных людей самые различные реакции.

Эффективные стратегии изменения признают существование двух главных категорий переменных, которые следует принимать во внимание в процессе изменения:

1. Внешние переменные, относящиеся к окружению, такие как переменные, употребляемые бихевиористом. В НЛП™ терапевт манипулирует ими при таких способах образования паттернов, как терапевтические задания, использование последствий, манипуляции контекстом и т.д.
2. Внутренние перцептуальные стратегии и мысленные карты, влияющие на реакции клиента – прежде всего и главным образом это все отображения, следующие за ПД.

Злополучное исключение этого второго множества переменных связывает руки практику-бихевиористу и кажется существенно нарушающим системный подход. Как уже было сказано, в применениях паттернов НЛП опорой вмешательства являются представления, к которым обращаются либо прямо, посредством языка (метамодел, Милтон-модель и т.д.) или с помощью несловесной техники (например, форматов якорения), либо косвенно, посредством терапевтических заданий и манипуляции контекстом (как в случае приведенного выше примера с миром Сьюзен, перевернувшимся вверх дном). Нам кажется любопытным, что эти две системы (НЛП™ и терапии с бихевиористской основой), столь различные по своим подходам и эпистемологии, в некотором отношении оказываются вполне согласными между собой и расходятся со всеми другими системами, известными авторам, – а именно, в своей позиции, отказывающейся исследовать «причины» проблем и отрицающей необходимость включать сознание людей в процессы изменения.

Этические следствия различителей

В практике терапевта, принимающего решения по поводу описанных выше различителей, имеется еще один вопрос, более важный, чем все другие. Конечно, в этику НЛП™ входит безупречная позиция НЛП терапевта, содействующего и развивающего независимость клиента, как вообще, так и в особенности его независимость от терапевта. Поэтому в ходе лечения где-то должны быть предприняты шаги, дающие клиентам понять, что они являются источником ресурсов и способны принимать полное участие в процессах изменения, руководимых вначале терапевтом. Есть превосходные способы достигнуть этого, одним из которых является продуманное использование тройного описания (изложенного в дальнейшей части этой главы), и особенно 3-ей позиции. Решающее значение имеет здесь время, когда клиент вовлекается в 3-ю позицию, сотрудничая с терапевтом, и начинает процесс формирования рабочего отношения между своим сознанием и подсознанием. Если этот способ используется на слишком ранней стадии процесса, он может активировать сознательное построение паттернов, препятствующее созданию новых выборов. Здесь мы опять-таки настаиваем на ответственности, но не можем еще представить окончательное решение. Таким образом, этическое требование остается пока в области искусства.

Решающий паттерн

Исторический рассказ продолжается:

В четверг в конце дня я (ДГ) прилетел из Европы в аэропорт Сизтл Такома. Хотя рабочая поездка была напряженной, а сдвиг во времени между Европой и западным берегом США требовал особого внимания, я строил планы на три следующих дня.

Несколькими месяцами раньше я провел четырехдневный семинар для персонала психиатрического госпиталя Сент Поул в Ванкувере (Британская Колумбия). Это была тренировка, специально предназначенная, чтобы предложить точные паттерны и стратегии психиатрам, психиатрическим сестрам и вспомогательному персоналу этого психиатрического учреждения. Первоначальная тренировка была хорошо принята и было заключено соглашение, что участники семинара в течение нескольких следующих месяцев включают предложенные им паттерны в свою работу. Я должен был вернуться, чтобы провести в течение одного дня демонстрации, работая с хроническими шизофрениками из «тяжелых» палат, а затем в течение двухдневной тренировки объяснять, что я делал во время демонстраций, и помогать персоналу в уяснении их собственного опыта за последние месяцы.

Я арендовал машину в аэропорту, приехал в Ванкувер и остановился в гостинице. Я чувствовал некоторое расстройство и решил как следует выспаться, чтобы быть свежим на следующий день в начале работы. Но когда я проснулся утром, я почувствовал себя неважно. У меня была температура 104 градуса (по Фаренгейту*), и хотя не было застойных явлений, я почувствовал симптомы пневмонии. Я быстро оценил ситуацию и решил, что самым эффективным выходом было заключить соглашение с моим подсознанием.

Я сказал ему: «Мне нужна твоя помощь, и вот что я предлагаю. Мое поведение будет полностью в твоих руках. Я прошу тебя сделать так, чтобы мы всё исполнили во время демонстрации на самом высоком уровне, поскольку все эти сотрудники, как и их клиенты, заслуживают лучшего, что мы можем предложить. Я обещаю взамен этого, что как только окончится рабочий день, я пойду прямо в гостиницу, пропущу пару стопок бренди, лягу спать и прогоню потом эту лихорадку.»⁷

День прошел быстро, как все дни, когда не действует сознание. Потом я узнал из разговоров с участниками, что я работал в течение этого дня с пятью различными шизофрениками, и, по крайней мере по мнению участников, с высокими результатами. Должен сознаться, что до сего времени у меня нет сознательного доступа ни к одному событию того дня, за исключением двух перерывов (кофе и еда в полдень), когда я в некоторой степени сознавал мое окружение. Я проверил это, спросив мое подсознание, как мы все это делали. Ответ последовал медленно:

Замолчи! Этим занимаюсь я.

---

* 40 градусов по Цельсию. (Прим. перев.).

Соблюдая сознательную часть сделки, я сразу же после рабочего дня отправился в гостиницу, проглотил пару стопок бренди и свалился спать в сладком забытии. На утро я проснулся с прекрасным самочувствием после тринадцати часов сна, основательно пропотев. Во время завтрака я стал обдумывать задачи предстоявшего дня – то есть объяснение паттернов, использованных мной накануне в работе с хроническими больными. И только в этот момент я осознал, что у меня не было абсолютно никакого сознательного доступа к тому, что я делал.⁸

Поэтому я решил прийти в тренировочную комнату раньше и провести с участниками неформальную беседу, задавая им следующие вопросы:

Какую из демонстраций вы считаете самой интересной?

Что удивило вас в этой демонстрации?

Какие конкретные взаимодействия между мной и пациентом показались вам самыми загадочными?

Почему именно вы считаете их загадочными?

...

Добывая всю эту информацию от первых приходящих участников в задней части комнаты, я заметил, что мои глаза все время поворачиваются к передней части комнаты, и особенно к находившейся там доске. Поняв, наконец, обычную подсказку моего подсознания, я извинился, прошел в переднюю часть комнаты и оказался перед доской, на которой было написано моей собственной рукой:

РЕФРЕЙМИНГ

- 1. Указать, какие формы поведения должны быть изменены.*
- 2. Установить надежную произвольную систему сигнализации с подсознанием.*
- 3. Проверить, что за поведением, подлежащим изменению, стоит некоторое позитивное намерение.*
- 4. Создать набор альтернатив, удовлетворяющих это позитивное намерение столь же хорошо, или лучше первоначального поведения.*
- 5. Возложить ответственность за выполнение на подсознание.*
- 6. Выполнить экологическую проверку.*

Я стоял перед этим паттерном, пораженный его простотой. Этот паттерн, прямой продукт моего подсознания, содержит в точности те различия, которыми в конечном счете паттерны нового кода отличаются от паттернов классического кода. Нет сомнения – и в то время в этом никто не сомневался – что этот изящный паттерн был результатом нашей многолетней совместной работы с Бендлером и представлял блестящий синтез влияний Бейтсона и Эриксона. Но какая это была находка!

Дальнейшие разговоры с участниками показали, что некоторые из них с большим интересом заметили в моей работе с каждым из шизофреников некоторые, или все указанные в паттерне этапы (в различной форме). Это был паттерн, которого никто из них не видел в моей предыдущей четырехдневной тренировке, и который был чрезвычайно эффективен. В конце дня один из них попросил меня разъяснить паттерн, которым я пользовался. В виде ответа я указал ему то, что явилось мне на доске.

До нынешнего дня, при всем разнообразии моего личного опыта и тысячах клиентов, показывавших мне способность подсознания к чрезвычайно сложным и творческим действиям, *когда установлены надлежащий фрейминг* и контекст, а руководство передано подсознанию*, описанное выше переживание меня потрясает – это было возникновение полного паттерна индивидуального изменения, мощного в своих последствиях, изящного по форме и универсального в приложениях.⁹

Критика классического кода

Мы утверждаем, что этот формат – Шестишаговый Рефреминг – довольно точно иллюстрирует некоторые черты классического кода, которые мы считаем спорными. Разъясним это подробнее.

В классическом коде паттерны собраны в различные естественные группы: например, метамодель есть набор словесных паттернов. С свете эпистемологии, изложенной в начале этой книги, ясно, что этот набор паттернов сводится к манипуляциям на уровне лингвистического кода. Таким образом, эти паттерны предназначены для изменения представлений посредством лингвистического отображения, следующего за Первым Доступом – того, что Фрейд называл вторичным переживанием. Напротив, якорение есть набор паттернов, позволяющих практику НЛП работать с кусками первичного опыта разного размера, без надобности перевода их в какую-либо лингвистическую форму. Иными словами, якорение – это множество процессов, определенных на ПД. Якоря являются множеством процедур для изоляции или перемещения кусков первичного опыта в разных конфигурациях, без применения каких-либо лингвистических категорий.

В дальнейшем мы предложим принцип, по которому с этикой работы изменения, применяемой в НЛП™, совместим лишь некоторый минимум перевода; набор паттернов, включающих применение якорей, – это в точности те процедуры, которые позволяют практику точно работать с клиентами, не разъясняя (и даже не выражая в словах) содержание, с которым работают клиент и практик. В несколько грубой форме можно сказать, что мы рассматриваем якоря как импровизированный способ привязывать ручки к кускам первичного опыта разной величины, чтобы производить быстрые и глубокие изменения, не входя в содержание материала работы.

Посмотрите на любой формат якорения классического кода – например, на якоря изменения личной истории (повторное запечатление) или якоря коллапса (или интеграцию якорей). Обратите внимание, что в этих специальных форматах, как и во всех форматах классического кода, всегда присутствуют следующие характерные черты:

Первоначальный классический формат якорения НЛП

1. Указание (сознательное) клиентом требуемого изменения (данного состояния).
2. Указание (сознательное) желательного для клиента различия, в виде указания желательного поведения или состояния (будущего состояния), или просто ресурса, который клиент хочет применить для изменения нынешнего состояния.
3. Доступ к нынешнему и к желательным состояниям (как правило, заякоренным) – причем последовательность доступа и якорения зависит от нужд, ощущаемых клиентом, и от стиля терапевта; вообще говоря, эта последовательность не имеет решающего значения.
4. Установление связи между нынешним состоянием и желательным состоянием, или ресурсом, или новым поведением, обычно посредством манипуляции якорями (что иногда называется подстройкой к будущему).
5. Проверка работы на эффективность (якоря, поведение в повседневной обстановке и т.д.).

Конечно, есть десятки конкретных путей достижения каждого из этих этапов, приводящих к сотням вариаций на эти темы.¹⁰ Например, на шаге 1 практик имеет выбор между вариантами, в которых клиент сознательно или подсознательно определяет свое желание: словесно или несловесно; если словес-

---

* Фрейминг – создание нужной рамки переживаний. (Прим. перев.).

но, то буквально или метафорически; если несловесно, то посредством драматизации или иным способом и т.д. Когда клиент определил, что он хочет изменить, – какие стратегии приемлемы (зрительная → слуховая → кинестетическая против слуховая → кинестетическая и т.д.)? Какой уровень конкретности требуется при решении – или, что то же, на каком логическом уровне следует принимать решение? Все ли системы представления должны быть при этом приведены в действие, и если все, то в какой конкретной последовательности; если нет, то каковы минимальные требования?

Точно так же, например, на шаге 3 практик имеет выбор для достижения требуемого этим шагом результата: доступ может быть достигнут самим клиентом, или отчасти действиями терапевта; он может произойти таким образом, что клиент осознает происходящее, или клиент не осознает происходящего; практик может вызвать доступ своим поведением (в заданных рамках или нет), или словесно, или некоторой комбинацией того и другого; используемые якоря могут быть собственными якорями, устанавливаемыми и оперируемыми клиентом, или якорями, устанавливаемыми и оперируемыми практиком, или тем и другим; входной канал, используемый тем, кто накладывает якоря, может быть зрительным, слуховым или кинестетическим; якоря могут быть единичными или кратными якорями, динамическими или статическими, внутренними или внешними, доступными сознанию клиента или скрытыми. Такие соображения представляют в значительной мере сложное взаимодействие между различными способностями клиента и стилистическими предпочтениями практика.

Каковы бы ни были конкретные вариации классического формата изменения с помощью якорей, и какая бы добавочная техника ни применялась (игра в полярность, драматизация, метамоделирование, метафоры и т.д.), в этот процесс входят пять предыдущих элементов, упорядоченных, как указано выше.

Недостатки классического кода

В этом прототипе кода классического якорения можно заметить следующие недостатки:

1. Сознание клиента ответственно за выбор некоторых основных элементов: желательного состояния, ресурса или нового поведения, которое должно заменить наличное поведение, и т.д.
2. Выбор ресурса или нового поведения, которое должно заменить первоначальное поведение, ничем не ограничивается.
3. Подсознание клиента не участвует в процессе явным образом.
4. Работа сосредоточена на уровне поведения.

Рассмотрим подробнее эти недостатки:

1. Как известно, этика НЛП™ требует, чтобы практик НЛП ограничивал свои манипуляции уровнем процесса, полностью предоставляя содержание клиенту.¹¹ В некотором месте формата якорения, в полном соответствии с этим принципом, практик НЛП должен спросить клиента, какое желательное состояние или какая цель должна быть достигнута в результате изменения. Обратите внимание, что здесь от клиента требуется сознательное решение.

В некотором дальнейшем месте формата, и опять-таки в соответствии с этикой НЛП™, практик должен попросить клиента решить, какое поведение, состояние или ресурс он хотел бы получить взамен нежелательного поведения. Здесь опять от клиента требуется сознательное решение. Это важные решения, и крайне неудачно, что классический код возлагает ответственность за эти решения на сознание клиента – то есть именно на ту часть клиента, которая наименее компетентна принимать такие решения.

2. Заметим вдобавок, что форматы классического кода не только включают сознательное принятие этих решений, но при этом не предполагают явного указания контекста или рамок, в которых должно произойти изменение.

Это может привести к такой нелепости, как клиент, предпочитающий состояние релаксации состоянию паники перед лицом подлинной физической опасности. В самом деле, релаксация может показаться сознанию лучшим выбором, но не является адекватной реакцией перед лицом опасности, необходимой для выживания. Опытный практик НЛП легко распознаёт, что такие неуместные решения клиента приводят, как правило, к почти немедленному «сопротивлению», причем это сопротивление является обычно сигналом подсознания, указывающим на его несогласие с выбором, сделанным сознанием. Это «сопротивление» может принимать разнообразные формы – замешательство, недоступность переживаний, содержащих сознательно выбранное состояние, физиологические симптомы и т.д.

3. Формат не содержит явного места¹² для участия подсознания – ресурса, который клиент должен непременно привести в действие для достижения требуемого изменения. По-видимому, в первоначальном кодировании этому решающему обстоятельству не было уделено внимания.
4. Вмешательства классического кода происходят обычно на уровне поведения (в противоположность более глубоким уровням функционирования, таким как намерение): практик предлагает клиенту выбрать поведение, которое он предпочел бы своему нынешнему поведению. При этом практик склонен рассматривать присутствие или отсутствие первоначального поведения как главный признак эффективности текущей работы. Это угрожает сделать работу плоской и неэкологичной, поскольку сознание примечательным образом мало способно к оценке функции, которую может играть нежелательная для сознания часть поведения в более широкой системе личного опыта.

Из этой критики следует, что в паттернах классического кода имеются недостатки. Он не доставляет систематического фрейминга (№2, №4) и не дает доступа (№3) к огромному потенциалу подсознания. Далее, он распределяет ответственность (№1) по меньшей мере неудачно.

Я (ДГ) несу за это личную ответственность как один из двух человек, ответственных за кодирование и распространение этих классических паттернов. Грубо говоря, эти недостатки представляют собой весьма серьезные ошибки кодирования. Мы утверждаем далее, что пристальное изучение особенностей паттерна шестишагового рефрейминга, полностью возникшего в результате удивительного подсознательного процесса, подсказывает, в каком направлении надо исправить эти недостатки – чем мы сейчас и займемся.

Сравнение Классического Кода и Шестишагового Рефрейминга

Поучительно сравнить эти недостатки со структурой шестишагового рефрейминга. Чтобы привести в соответствие мысленные карты читателя и авторов, мы приведем анализ шестишагового рефрейминга.

Шестишаговый рефреминг

1. *Указать, какие формы поведения должны быть изменены.*
2. *Установить надежную произвольную систему сигнализации с подсознанием.*
3. *Проверить, что за поведением, подлежащим изменению, стоит некоторое позитивное намерение.*
4. *Создать набор альтернатив, удовлетворяющих это позитивное намерение столь же хорошо, или лучшие первоначального поведения.*
5. *Возложить ответственность за выполнение на подсознание.*
6. *Выполнить экологическую проверку.*

Шаг 1 нужен просто для проверки, что клиент определил поведение, достаточно конкретное для дальнейшего построения паттернов. Заметим, что от него не требуется никакой информации о желательном состоянии.

На шаге 2 терапевт запускает основной процесс, от которого в действительности зависит работа остального паттерна. Это уважительный внутренний диалог (разговор с самим собой), в котором клиент предлагает ряд рамок и вопросов своему подсознанию, а затем пассивно ожидает реакций подсознания. Непроизвольный характер этих реакций – физиологических реакций, которые сознание не может воспроизвести – гарантирует, что паттерн не является удобным самообманом и не окажется в конечном счете бесполезным упражнением.

Первоначальные рамки, предлагаемые клиентом своему подсознанию, выражают сознательное желание клиента (очевидным образом подсказываемое практиком) привлечь свое подсознание к интимному участию в процессе изменения. Хотя есть много вариантов конкретного процесса установления сигнальной системы, простейший и самый прозрачный способ – это внутренний диалог с подсознанием, начинающийся со следующего вопроса:

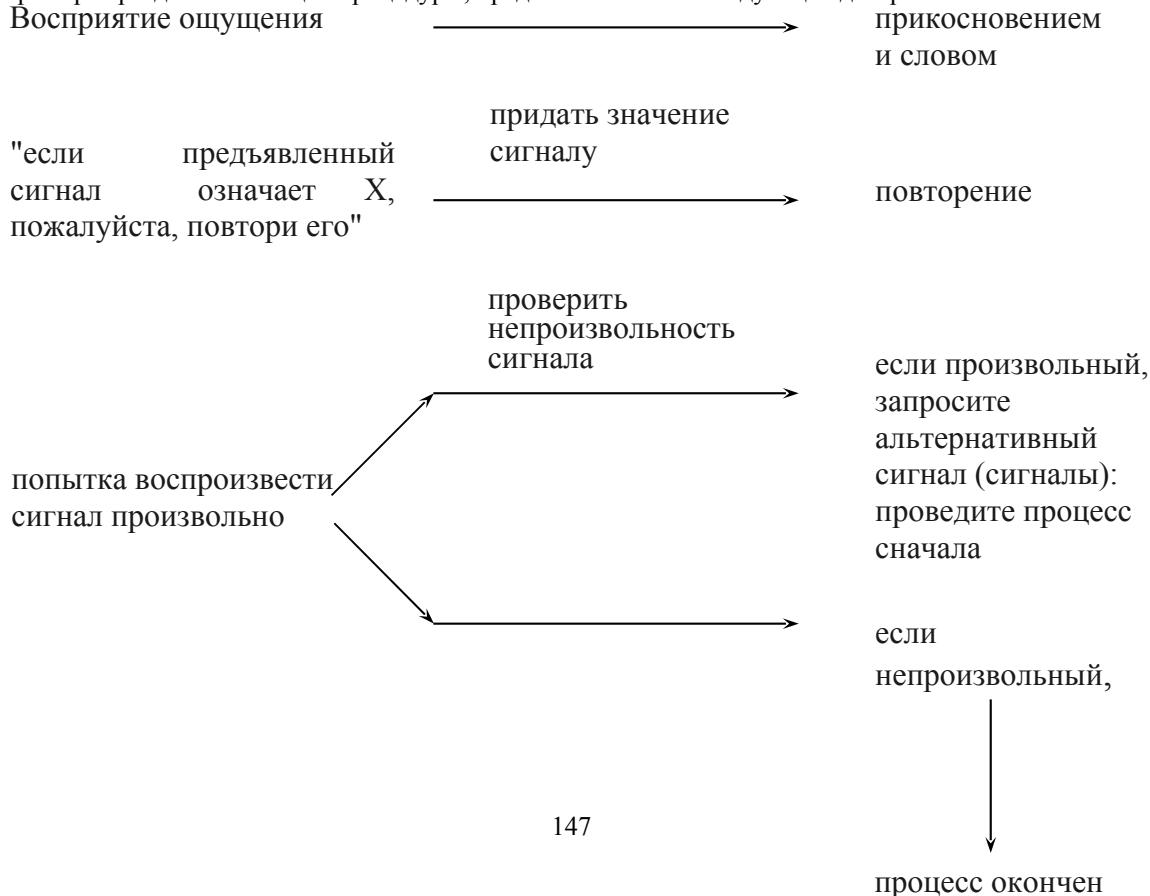
*Согласно ли ты (обращаясь к собственному подсознанию) общаться со мной?*¹³

После предъявления этого вопроса клиент получает от практика указание сосредоточить внимание на собственной кинестетической системе (ощущении тела) и пассивно ожидать, пока обнаружится реакция подсознания. Когда происходит изменение ощущения, клиент просто подтверждает это изменение (прикосновением к той части тела, где произошло ощущение, и *благодарностью* в виде внутреннего диалога). Затем клиент начинает процедуру определения, что означает полученный сигнал, поскольку телесное ощущение есть всего лишь ощущение. Процедура расшифровки требует определить, означает ли полученный сигнал ответ *да* или *нет* на первоначально поставленный вопрос, что происходит в виде следующего обращения к собственному подсознанию (опять с помощью внутреннего диалога):

Если этот сигнал означает «да», пожалуйста, повтори его.

Непроизвольный отрицательный ответ может быть получен последующим использованием фрейминга (то есть объяснением в некоторой рамке, что нужен сигнал нет, а затем запросом этого сигнала).

Вот пример гораздо более общей процедуры, представленный на следующей диаграмме:

Теперь следует решающий шаг. Клиент, попросив свое подсознание бездействовать, получает от практика указание сознательно, то есть не входя в измененное состояние, воспроизвести каждый из сигналов да и нет. Если клиент оказывается неспособным сознательно воспроизвести сигналы подсознания – то есть если сигнал или сигналы произвольны, то выполняется шаг 2. Если клиент успешно воспроизводит тот или другой из двух сигналов, то сигнал произволен, и клиент получает указание запросить у подсознания посредством фрейминга альтернативный сигнал или сигналы, которые затем подвергаются проверке на произвольность или непроизвольность, до получения непроизвольных сигналов.

Этот процесс буквально отводит подсознанию подобающее ему место – что составляет важную поправку к форматам классического кода, упомянутым выше. Как можно надеяться, он подскажет также подготовленному практику НЛП целый порождающий класс форматов, прямо вовлекающих подсознание в процесс изменения. Эта процедура доставляет ряд преимуществ. Очевидное преимущество состоит в том, что подсознание намного превосходит сознание в доступе к долговременным и глобальным результатам некоторого частного изменения, с учетом его последствий. Сознание, ограниченное 7±2 битами информации, не способно к таким оценкам.

Менее очевидное преимущество обнаруживается при сравнении любого паттерна этой процедуры (в любом варианте) с прямым гипнозом. Гипноз, особенно в его глубокой форме, означает как правило резкую диссоциацию сознания и подсознания. Один из признаков желательности гипноза – это клиент, сознательно требующий понимания, убежденный в невозможности изменения и т.д.; в таком случае терапевт может решить, что эти формы поведения терапевтом значительно ослабляют способность клиента к изменениям. Поскольку гипнотическая техника совершенно обходит сознание клиента, и тем самым препятствия, создаваемые сознательной деятельностью клиента, искусный гипнолог может стимулировать подсознание этого клиента к быстрым и глубоким изменениям, вопреки таким паттернам сознания. Но при этом терапевт несет определенные этические обязанности.

Подготовленный практик НЛП занимается чем-то вроде психической гимнастики, отмечая любые диссоциации, произведенные им в клиентах, и в заключительной проверочной фазе сеанса убеждаясь в устранении всех таких диссоциаций – иначе говоря, для воссоединения частей клиента, диссоциированных в ходе процесса изменения, требуется соответствующая техника ассоциации. Конечно, и сам гипноз является в этом смысле диссоциацией, поскольку в его применении сознание обычно не играет роли. Поэтому гипнолог отвечает за меры реинтеграции сознания и подсознания, принимаемые в ходе завершающей работу проверки.¹⁵

На шагах 2 – 6 паттерна рефрейминга, которые все включают использование описанной выше непроизвольной сигнальной системы, клиент попеременно переходит из «нормального» состояния сознания (общение с практиком) в измененное состояние сознания (обычно состояние легкого или среднего транса), и обратно.

Как мы полагаем, этот класс процедур (сдвиги измененного состояния клиента на шагах 1 – 6) согласуется с позицией Эриксона, занятой им в конце его карьеры. На вопрос

Насколько глубоким должно быть измененное состояние клиента, желательное для гипнолога?

Эриксон отвечал:

*Лишь настолько, как это необходимо для достижения желательных терапевтических целей.*¹⁶

В действительности, как мы объясним в дальнейшем, включение некоторой формы этой непроизвольной сигнальной системы позволяет превратить любое построение паттернов классического кода в но-

вый код, что существенно исправляет недостатки первоначальной совместной работы Гриндера и Бендлера.

Шаги 3 и 4 составляют сердцевину рефрейминга, и хотя они выполняются в два отдельных этапа, мы рассмотрим их здесь совместно. Стратегия состоит в том, чтобы установить, какое позитивное намерение стоит за подлежащим изменению поведением (шаг 3), а затем произвести новый набор форм поведения, удовлетворяющий позитивному намерению (шаг 4).

Чтобы помочь читателю оценить конкретное действие этой стратегии (установление позитивного намерения и развитие альтернатив), мы предложим следующий дальше пример. Напомним, что практик обычно не знает, каково содержание производимого изменения – тайная терапия, применяемая терапевтом, является одним из отличительных преимуществ НЛП^{mp}. Что касается клиента, то хотя он знает, какое изменение производится (поскольку он выполнил шаг №1), во многих случаях он сознательно не знает, каково позитивное намерение или намерения, стоящие за подлежащим изменению поведением; такой клиент также сознательно не знает, какие новые формы поведения должны заменить первоначальное поведение – до того момента, когда он действительно войдет в контексты, где обычно применялось прежнее поведение. Лишь в этот момент он обнаружит, какие новые формы поведения были подсознательно выбраны, чтобы удовлетворить позитивное намерение.

Рассмотрим пример человека, страдающего запоем – алкоголика – или человека, желающего снизить свой вес. Этот пример может быть успешно применен к любой аддикции. В типичном случае исследование прошлого клиента показало бы, что он успешно прекращал пьянство¹⁷ на ограниченные периоды времени, но затем возвращался к бутылке. Если бы мы захотели выявить выгоды этого поведения – вторичные преимущества его – то обнаружили бы одно или несколько из следующих:

он пьет, чтобы расслабиться

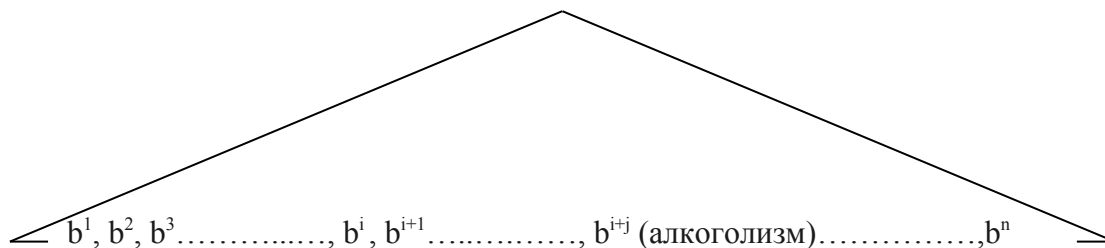
он пьет, чтобы избежать напряжений повседневной жизни

он пьет, чтобы достигнуть состояния общительности

и т.п.

Предположим, что мы сосредоточимся на позитивном намерении достигнуть состояния расслабленности. Позитивное намерение есть название множества – именно, множества всех форм поведения, доставляющих клиенту доступ к состоянию расслабленности. Это множество всегда включает, по определению, первоначальное поведение.

Пути достижения состояния расслабленности

Иными словами, среди множества *путей достижения состояний расслабленности* мы находим большое число форм поведения – b^1 (различные виды спорта), b^2 (чтение), b^3 (медитация), b^i (наркотики), b^{i+1} (йога), b^{i+j} (алкоголизм), b^n (дыхательные упражнения), (общественная работа), и т.д. Как только мы определили (хотя бы отчасти) элементы этого множества, задача изменения сильно упрощается: надо просто выбрать из этого множества три или больше форм поведения, чтобы заменить рассматриваемое поведение – в этом случае алкоголизм.

В классическом случае аддикции, таком как алкоголизм, бывает обычно больше чем одна выгода или вторичное преимущество. В таком случае практику рекомендуется разделить работу изменения на ряд

сеансов, каждый из которых отводится отдельному позитивному намерению и связанным с ним выгодам. Таким образом, применение этого шага естественно приводит к порождению ряда множеств, каждое из которых определяется одним из позитивных намерений, стоящих за подлежащим изменению поведением.

Интересно заметить, что оба шага (№3 и №4) не требуют сознательного раскрытия содержания. Более конкретно, подготовленный практик, используя сильную систему непроизвольной сигнализации, может полностью избегать в своем подходе содержания. Еще более замечательно, что все это может быть сделано без раскрытия соответствующего содержания подсознанием – ни позитивного намерения, ни нового поведения. Таким образом, если клиент предпочитает не раскрывать сознательно содержание, или если подсознание отказывается выдать информацию, то клиент задает своему подсознанию посредством внутреннего диалога вопрос шага №3:

Есть ли за подлежащим изменению поведением позитивное намерение?

Или, что равносильно:

Можешь ли ты, мое подсознание, подтвердить, что за поведением, подлежащим изменению, стоит позитивное намерение?

На шаге №4 запрос клиента к своему подсознанию, задаваемый посредством внутреннего диалога, таков:

Выработай ряд форм поведения, удовлетворяющих позитивному намерению, которое стоит за подлежащим изменению поведением, как ты уже подтвердило, и выбери из них три или более форм поведения для реализации. Окончив это задание, пожалуйста, дай мне позитивный сигнал.

Этот паттерн гарантирует, что клиент не потеряет доступа к выгодам первоначального поведения. Как видно из нашего опыта, накопленного в течение около 35 лет, при этом попросту не встречается главная трудность, с которой сталкивается большинство практиков-терапевтов – сопротивление.

Как мы полагаем, сопротивление – это особенно важная форма несловесной обратной связи, сообщающей, что в примененном процессе изменения неточно установлены позитивные намерения, стоящие за подлежащим изменению поведением, или альтернативные формы поведения, которые должны удовлетворить эти намерения, неудовлетворительны. Это значит, что поведение, которое, по словам клиента, он сознательно хочет изменить, имеет значительные вторичные преимущества, не принятые во внимание в данном процессе изменения. То же можно выразить иначе, сказав, что данное поведение человека в действительности представляет наилучший доступный ему в настоящее время выбор в пределах его мысленных карт, то есть при его восприятии контекста, в котором он находится.¹⁷ В предложенном паттерне, точнее, в шагах №3 и №4, указанный принцип полностью соблюдается и сопротивление не возникает.

На шаге №5 клиент выбирает затем три или более форм поведения из своего набора и просит свое подсознание взять на себя реализацию этих новых форм поведения в тех самых контекстах, в которых обычно проявлялось подлежащее изменению поведение.

Заключительный шаг (№6) – это запрос к подсознанию: проверить, что новые формы поведения, выбранные взамен первоначального поведения, конгруэнтны с требованиями других частей личности. Если окажется, что одна или несколько новых форм поведения вызывают возражения, то перед практиком оказывается два выбора: либо заменить формы поведения, вызывающие возражения, другими формами из первоначально выработанного набора; либо использовать возражение как исходную точку для другого рефрейминга, начинающегося с шага №3, с проверкой некоторого позитивного намерения, стоящего за сделанным возражением. Примечательно, что искусный практик может выполнить все это без доступа к соответствующему содержанию, что составляет значительное преимущество этого применения НЛП к процессам изменения.

Резюмируя, можно сказать, что четыре ошибки, найденные в классическом коде, исправляются возникшим столь удивительным образом форматом рефрейминга.¹⁸

Предыдущее изложение, и особенно явное введение позитивного намерения как метод определения контекста, в котором должны произойти изменения, доставляет точный способ, позволяющий определить, какой набор форм поведения может послужить адекватной заменой подлежащего изменению поведения.

Резюме

Эта глава отличается от непосредственно предшествующих ей в следующих отношениях: по форме она является сочетанием нашей эпистемологической позиции с нынешними и историческими примерами; по содержанию же она представляет отступление от моделирования, подчеркивающее приложения. Она представляет в явной форме, каким образом эпистемология реализуется в приложениях паттернов НЛП.

Мы начали с характеристики эпистемологической позиции НЛП^{np} по отношению к другим системам работы изменения, особо подчеркивающей выводы из эпистемологии, развитой в Главе 1 Части I. Мы указали, что НЛП^{np} оперирует исключительно с представлениями, отвергая необходимость исследования корней «проблемы» или трудности, вызвавшей работу изменения. Подобным образом, НЛП^{np} отказывается от требования, общего почти всем системам профессиональной работы изменения – а именно, не требуется, чтобы лицо (или организация, в приложениях к бизнесу) сознательно понимало коренную «причину» своего «проблемного» поведения, а также содержание процессов изменения. Эти вопросы и неизбежные решения терапевтов изменения должны уравниваться в более широких рамках, обеспечивающих неприкосновенность частных дел клиента или организации; при этом следует прежде всего настаивать, в надлежащие моменты процесса изменения, чтобы клиенты сами полностью участвовали в этом процессе как его ответственные терапевты.

Далее, мы предложили описание решающего паттерна, вместе с историей возникновения Шестишагового Рефрейминга. Этот паттерн был подробно рассмотрен. Выполненный анализ послужил основой для критики классического кода. Особое внимание было уделено некоторым чертам этого решающего паттерна, иллюстрирующим конкретные недостатки классического кода.

Примечания к Главе 2 Части II

1. См. расширенный набор этих так называемых предпосылок НЛП в книге Жюля и Крис Коллингвуд (из австралийской компании INSPIRATIVE) *НЛП в личных стратегиях жизни (Personal Strategies of Life, by Jule and Chris Collingwood)*, или в работе *Руководство для применения НЛП (The NLP Field Guide)*, или в книге Шарлотты Бретто *Рамки превосходства (A Framework for Excellence, by Charlotte Bretto)*.
2. Это напоминает также асимметрию нашего с Бендлером опыта в первой работе с профессионально подготовленными клиентами – клиентами, имевшими широкий опыт в терапии. Такие клиенты, не выходя из паттернов поведения, которые они, по их словам, желали изменить, описывали в то время этиологию своей проблемы и форму ее проявления гораздо более отчетливо, чем мы оба. Это показывает, что вполне возможно (и даже обычно в некоторых кругах, например, среди так называемых интеллектуалов) сознательное проникновение в «проблему» без развития выборов, ведущих к ее решению. Но, с другой стороны, мы не знаем примеров обратного: ситуации, в которой проблема решается – то есть когда клиент порождает и успешно реализует разнообразные новые эффективные выборы – между тем как сознательная формулировка «проблемы» остается столь же неизменной, как в момент предъявления клиентом этой «проблемы».
3. Настоящее имя женщины было не Сьюзен – могу с удовольствием сообщить, что она жива и здорова в настоящее время, а имя ее я здесь изменил, чтобы защитить ее личность.
4. Мы чрезвычайно чувствительны к расположению источников звука – способны обнаружить различие в приеме звуковых волн между двумя ушами с точностью в 1/250000 сек., чем умело пользовался Эриксон.

5. В течение некоторого периода в середине и в конце 70-х годов Гриндер и Бендлер предлагали терапевтам изменения в области Залива (психиатрам, клиническим психологам, консультантам, социальным работникам и т. д.) специальную услугу: профессионалы, исчерпавшие свои возможности помочь клиенту в достижении некоторой терапевтической цели, приглашались приводить своего клиента на встречу с ними. При этом профессионал мог наблюдать, каким конкретным способом Бендлер и Гриндер работали с клиентом, а в конце сеанса получал от них указания, обеспечивавшие ответственное продолжение процедуры. Таким способом клиент получал нужные ему выборы, профессионал учился новым стратегиям, а Гриндер и Бендлер получали некоторые замечательные случаи для своей работы. Они называли это своей невозможной практикой. Откровенно говоря, с невозможными клиентами было как правило легче работать, чем с обычными клиентами, потому что их первоначальные терапевты доставляли им очень хорошую подготовку.
6. Гастер был весьма искусен в воздушной акробатике. Однажды, заключив пари, он при демонстрации реактивного самолета «Леер» группе потенциальных покупателей выполнил медленный оборот столь гладко и с такой точностью (поддерживая во время всего маневра ускорение, равное ускорению силы тяжести), что пассажиры в салоне, попивая шампанское, совершенно не заметили поворота, пока один из них, случайно выглянув в окно, не увидел землю над собой.
7. Такие соглашения с собственным подсознанием не столь уж необычны на практике, хотя специальные стратегии для этого сильно меняются от человека к человеку. Эриксон говорил в личном разговоре со мной и в нескольких местах своих сочинений, что, столкнувшись с трудной проблемой и не имея уверенности, что он может с ней справиться, он попросту переходит в измененное состояние и поручает своему подсознанию найти выход из положения. Я уверен, что в эту категорию входит моя отличная демонстрация работы с хроническими шизофрениками в больнице св. Павла, при температуре в 104 градуса F (40 градусов C).
8. Как мы обнаружили, этот паттерн связан с другими измененными состояниями, требующими полного и строго сосредоточенного внимания. Примеры этого – скалолазание на уровне предельного личного умения или выше этого уровня; выполнение обширных и сложных программ воздушной акробатики; или ситуации, где ваше выживание, или выживание кого-нибудь, кем вы дорожите, зависит от успешного принятия ряда быстрых решений и их безупречного исполнения. Это несомненно происходит в строго определенных, в высшей степени сосредоточенных состояниях сознания, где успех зависит от полного высвобождения подсознательных процессов. Регрессия к гипнотическому опыту может быть методом, позволяющим вызывать по желанию такие события.
9. Летом 1998 года, будучи в Париже, я имел удовольствие встретиться с Линн Конуэлл, одной из первоначальных тренеров НЛП, обученных и получивших сертификат от нас с Бендлером в 70-е годы. Линн напомнила мне, что примерно четверть века назад я бросил вызов ей и другим членам семинара подготовки тренеров – найти какое-либо личное изменение на уровне индивида или небольшой группы, которого нельзя было бы добиться конгруэнтным применением паттерна Шестишагового Рефрейминга. Она созналась, со своей неподражаемой улыбкой, что пыталась найти такие изменения в течение ряда лет, но до сих пор не смогла.
10. К сожалению, создание вариаций на такие темы, кажется, стало в ряде случаев центральной деятельностью НЛП, вместо моделирования самих новых паттернов.
11. Важное исключение составляют клиенты, находящиеся в измененных состояниях (кома, состояния, вызванные наркотиками или алкоголем и т. д.), делающих их временно неспособными принимать такие решения. В таких случаях практик НЛП принимает минимальные содержательные решения, необходимые, чтобы перевести процесс в состояние, в котором он может поручить такую деятельность клиенту.
12. Это не значит, что паттерны не работают. Они работают, и работают блестяще. Но можно привести в виде аналогии прыгуна в высоту, роющего яму перед планкой и пытающегося перепрыгнуть через планку из этой ямы. Насколько эффективнее было бы это исполнение без ямы!

Важно понять, каким образом эти форматы могли работать вопреки указанным недостаткам в проектировании. Мы предлагаем следующий дальше комментарий, основанный на десятилетиях

личного опыта и наблюдениях других практиков. Конечно, в руках подготовленного практика НЛП эти форматы будут включать обратную связь от подсознания – отсюда следует важность искусства калибровки, самого основного из навыков НЛП. Способность практика, проводящего клиента через шаги формата, – обнаруживать, оценивать и использовать при этом текущую несловесную обратную связь с подсознанием клиента – объясняет, каким образом это возможно. Нам страшно подумать, к каким последствиям могут прийти благонамеренные практики-энтузиасты, применяющие средства НЛП, слепо следуя этим форматам классического кода, без необходимого искусства калибровки или без глубокой оценки указаний несловесных сигналов.

13. Часто полезно побудить клиента думать о новых отношениях со своим подсознанием, которые он должен построить, выбрав для своего подсознания имя, обозначающее предпочтительные для него отношения партнерства, например: *мой союзник, мой партнер, мой брат, моя сестра* и т. д.
14. Более радикальный подход к здоровью и личной ответственности состоял бы в том, что болезнь – не что иное как результат игнорирования первоначальных сигналов о расстройстве равновесия: вследствие этого состояние, о котором сообщают сигналы, продолжается и становится все более тяжелым. Сравните с этим стратегию поглощения пилюль, упомянутую в тексте.
15. Конечно, возможны примеры, когда искусный практик позволяет диссоциации продолжаться в течение ряда сеансов, чтобы дать возможность клиенту осуществить изменения, согласованные с подсознанием, а затем сознательно «открыть» их. Лишь после этого практик примет необходимые меры, обеспечивающие реинтеграцию. Есть примеры, даже в работе Эриксона, когда он устраивал постоянную диссоциацию. Об этих случаях он говорит, что он предпочитал достигнуть «ограниченных терапевтических целей» – иными словами, сохранить неизменной некоторую форму диссоциации как способ реорганизации своего клиента в более функциональное состояние.
16. Позиция Эриксона по этому вопросу много раз менялась в течение его карьеры. Одно время он побуждал гипнотерапевта тренировать своего субъекта (клиента) перед началом терапии до компетентности во всех стандартных явлениях глубокого транса (например, ограниченного видения, анальгезии*, растяжения времени, амнезии и т. д.). Мы с Бендлером экспериментировали с вариантами этой точки зрения, и в качестве минималистов мы в конце концов решили, что в действительности успешное применение этой стратегии требует лишь подготовить и тренировать клиента до компетентности в одном из явлений глубокого транса – а именно, амнезии. После этого мы стали попросту вызывать у клиента амнезию к проблеме, которую он нам предложил. Хотя эта стратегия мало экологична, она удивительно эффективна в широком диапазоне предлагаемых проблем.
17. Кстати, если задача формулируется как *прекращение пьянства*, это гарантирует неудачу. За этим провокационным высказыванием стоят два мотива: во-первых, почти невозможно прекратить что-нибудь, что является для человека единственным доступом или стратегией достижения высоко ценимых состояний (или, как их часто называют, вторичных преимуществ); во-вторых, как и в случае АА* (при всем уважении к Биллу Х, дававшему алкоголикам надежду, когда надежды не было) выражение *прекращение пьянства* сосредоточивает внимание клиента на пьянстве, или точнее, на отрицании пьянства. Поскольку подсознание не работает с отрицанием (слово прекращение содержит лексическое отрицание), выражение *прекращение пьянства* привлекает внимание подсознания именно к этой деятельности – в действительности сосредоточивая внимание по-прежнему на пьянстве.
18. Единственная сторона всего этого приключения, которую я (ДГ) ретроспективно нахожу неудовлетворительной, это само название. Рассматриваемый паттерн следовало бы назвать лучше *перемной поведением*,[#] несмотря на неуклюжесть этого термина; в самом деле, в рассматриваемом паттерне рамка (позитивное намерение и порождаемый им набор) сохраняется постоянной, а поведение меняется до тех пор, пока не выбирается для реализации удовлетворительное замещающее поведение. В действительности одним из прототипов рефрейминга был паттерн, который мы Бендлером назвали контекстуальным рефреймингом: это был по существу паттерн, в котором поведение

---

* Обезболивание. (Примеч. пер.).

□ Организация «Анонимные Алкоголики» – (Примеч. перев.).

· В подлиннике «rebehaving» (буквально – «переповедение»). (Прим. перев.).

оставляется постоянным и устанавливается надлежащий контекст, тот, в котором клиент признаёт данное поведение надлежащей реакцией.

Глава 3: Новый код

Возникновение проекта: естественное следствие глубокого расширенного моделирования и тренировочной работы.

Хотя приводимый ниже рассказ вначале продолжает историческое изложение в том же роде, что и в нескольких последних разделах, важно заранее установить рамки следующих дальше описаний. За исключением последней главы, главное внимание этой книги сосредоточено на моделировании – центральной деятельности НЛП. Предлагая теперь новый код, мы присутствуем при возникновении нового явления, хотя и можем отчетливо описать его как результат той самой деятельности моделирования, о которой была речь раньше. Это явление называется *проектированием*. Новый код является результатом последовательной деятельности проектирования, а не деятельности моделирования в узком смысле, определенном выше.

Немедленный успех и быстрое распространение первоначальных моделей НЛП в середине и в конце 70-х годов вызвали нарастающий интерес, и вследствие этого большой спрос на подготовку специалистов, желавших усвоить искусство паттернирования. Этот спрос составил для Бендлера и Гриндера благоприятную возможность, и вместе с тем отвлечение. Увлекательная и поглощающая задача явно описать поведение ряда чрезвычайно одаренных людей (Сатир, Перлс, Эриксон и т. д.) глубоко повлияла на создателей НЛП. Но хотя Гриндер и Бендлер прилагали большие старания, пытаясь приблизиться к каждому из проектов моделирования в состоянии дисциплинированного незнания (объясняемого ниже), в конце 70-х годов выяснилось, что закодированные ими отдельные модели превосходства в значительной степени налегали друг на друга.

В случае моделирования словесных паттернов это можно понять. Два моделировщика, к счастью, выбрали уже высоко развитый и относительно строгий код моделирования языковых паттернов – язык трансформационного синтаксиса. Понятно было, что переменные, использованные для описания словесных паттернов разных моделей, должны были сильно налегать друг на друга. Этот описательный код в конечном счете представлял собой код, основанный на структуре естественного языка. Поэтому неудивительно, что один и тот же код, описывающий словесные паттерны, оказался применимым и плодотворным в ряде независимых проектов моделирования.¹ Например, переменные, описывающие паттерны метамодели, сильно пересекаются с теми, которые необходимы для изложения Мильтон-модели.

Однако в моделировании несловесных паттернов нельзя было использовать постоянный начальный код, сравнимый со случаем словесного паттернирования. По-видимому, лучше всего представить себе, что Бендлер и Гриндер индуктивно пришли к некоторому частичному списку переменных проектирования. Этот процесс был чем-то вроде подсознательного усвоения паттернов, их развертывания во время подражания и их спонтанного подсознательного редактирования (как это было подробно описано на примере моделирования Перлса в разделе *Контексты открытия*). В дальнейшем их широкий опыт применения паттернов и требования проектирования в контексте обучения естественным образом привели их к глубокой оценке переменных, общих для различных паттернов, отчасти явных и отчасти подсознательных.

Например, было совершенно ясно, что раппорт (между терапевтом и клиентом) был существенной компонентой любого эффективного вмешательства в работе изменения. Напомним, что под раппортом мы понимаем способность овладеть вниманием клиента, особенно его подсознательным вниманием, а не более обычные представления, такие как доверие, секретность, и т.д. Но что такое раппорт, если не особое состояние? Таким образом, манипулирование состоянием (как состоянием терапевта, так и состоянием клиента в ходе работы изменения) оказывается общей чертой всех видов вмешательства, и в то же время примером одного из элементов множества переменных проектирования, постепенно возникавшего из этого обширного опыта.

Другой переменной проектирования из этого множества было начинающееся использование множественных позиций восприятия, неявно присутствовавшее в зачаточной форме уже в классических фор-

матах якорения. В классические форматы якорения входит установление и овладение некоторым ресурсом, содержащимся в опыте личной истории клиента. Когда мы просим клиента *...вспомните время, когда...*, а затем, обнаружив необходимое опорное переживание, приглашаем клиента вернуться к этому переживанию, чтобы вновь обрести содержащийся в нем ресурс, мы неявно создаем историческую метапозицию (или, как она называется в Тройном Описании нового кода, историческую 3-ю позицию), как неотъемлемую часть вмешательства. Но важно заметить, что это новая переменная, не кодируемая явным образом в классическом коде, описывающем формат вмешательства. Этот новый элемент, отчетливо занимающий центральное место в новом коде, входит в него при развитии явной формы так называемого Тройного Описания. Третьим примером неявной переменной проектирования оказывается фрейминг, встречавшийся во вмешательствах классического кода (спорадически присутствовавший в не кодируемом поведении терапевта) при попытках интуитивного подхода к экологическому вопросу.

Как было сказано выше, огромный спрос на тренировку – вначале психиатров, врачей, социальных работников и клинических психологов, а затем бизнесменов, спортсменов, учащихся, музыкантов и приезжих всякого рода, со всевозможными странными и причудливыми свойствами и верованиями – представлял собой не только благоприятную возможность, но и отвлечение. Он несомненно отвлекал нас от широкомасштабных, долговременных проектов моделирования, подобных работе Эриксона. Но одновременно он доставлял нам возможности – финансовые средства и перспективу проектирования тренировок для достижения высококачественной и эффективной передачи уже закодированных паттернов заинтересованным лицам и организациям – в виде книг, звукозаписей и особенно семинаров. Важно заметить, что этот спрос на подготовку людей, иногда в большом числе и с весьма различным прошлым и способностями, сыграл важную роль в нашем отборе, уточнении и оценке переменных проектирования. Мы постоянно развивали и испытывали новые методы, чтобы добиться более эффективной и экономной передачи паттернов. Иногда мы достигали этого, варьируя один из уже смоделированных паттернов (внося изменения в первоначальный паттерн, чтобы найти форму, столь же эффективную, но более доступную учащимся). Иногда для облегчения передачи паттернов мы уделяли главное внимание наведению у учащихся надлежащих состояний обучения – то есть опять манипуляции состояниями.

Мы делали эти уточнения, постоянно экспериментируя с вопросом:

Что произойдет, если мы сделаем X?

Эти уточнения представляли собой шаги в индуктивном процессе, где мы стремились хотя бы отчасти выявить множество переменных проектирования, лежащих в основе паттернов классического кода.

В результате всей этой деятельности два создателя НЛП получили частично описанное множество переменных проектирования. Примерно в это время они решили вести свои дела отдельно. Оглядываясь назад, можно заметить, что впоследствии каждый из создателей НЛП следовал своим личным предпочтениям. Они использовали частично описанный набор переменных проектирования – в случае Бендлера в форме, которую он называет Проектом Человеческой Техники,² а в случае Гриндера в форме Нового Кода.

Не могу не признать, что, во всяком случае в моем опыте, систематическое использование частично описанных переменных проектирования, которое привело к новому коду, можно понимать как некоторый вид самомоделирования (я приглашаю Бендлера описать свой опыт в этом отношении).

Мне доставляет наибольшее удовольствие, когда мой опыт значительно опережает мою способность сознательно и явно представить эффективные паттерны моего собственного поведения. Такие переживания – я сравниваю такие периоды с бегом быстрее ветра – являются признаком развития новых паттернов, которые я впоследствии смогу описать. Замечу, впрочем, что это отдельная форма деятельности, имеющая некоторые общие черты с моделированием, но совершенно отличная в других отношениях. В этом случае нет определенной внешней модели для имитации; я прихожу к новым паттернам отчасти сознательным путем, а отчасти – что более важно – путем подсознательной манипуляции некоторыми переменными проектирования; я использую обратную связь, чтобы определить, что заслуживает внимания, пока я не достигну некоторого критерия – то есть убеждаюсь, что достиг желатель-

ных результатов. Тогда и только тогда я пытаюсь дисциплинированным образом описать то, что я спроектировал.

В предыдущем рассказе я попытался разъяснить читателю, каким образом деятельность проектирования возникла как естественное следствие деятельности моделирования, и в то же время как ответ на требование эффективно передать миру, в контексте тренировки, продукт моделирования НЛП.

Контекст создания нового кода

Исторический рассказ продолжается:

С начала до середины 80-х годов я оказался в несколько своеобразном положении. Рассматривая мир НЛП, созданный нами с Бендлером, я заметил некоторые вещи, серьезно беспокоившие меня.

1. Было значительное число превосходно подготовленных практиков НЛП, которые сами вполне способны были совершать со своими клиентами чудеса (по сравнению с возможностями других систем изменения); однако им никогда не приходило на ум (а может быть они просто не хотели) применить паттернирование к самим себе – то есть заняться самоприменением паттернирования. Таким образом, я ощущал, что многие из них были неконгруэнтны в важных контекстах своей жизни – в их личной и профессиональной жизни были области, где абсолютно отсутствовали те выборы, которые они столь усердно помогали создавать в жизни других. Эта ситуация меня огорчала.

2. Многие из этих же людей сосредоточились на задаче создания приложений паттернов НЛП (то есть, с моей точки зрения, на небольших вариациях первоначального паттернирования), но уделяли мало внимания или вовсе пренебрегали центральной деятельностью НЛП – моделированием.

3. Для многих из этих людей центральное положение занимала реактивная проблема – они сосредоточивались на любом вопросе, который ставил перед ними приходивший к ним клиент. Казалось, их не очень беспокоили или вовсе не беспокоили более широкие вопросы, связанные с эстетикой, этикой или социальными и политическими проблемами, и я не видел с их стороны никакого стремления активнее подойти к таким более широким вопросам.

Поэтому я решил развить новый метод, названный впоследствии новым кодом НЛП.³ В некоторых аспектах этого предприятия участвовала Джудит Делозье.

В частности, я поставил себе цель спроектировать построение паттернов, которое может быть эффективно представлено в тренировке в том и только в том случае, если сам представляющий конгруэнтен с более глубокими принципами выбора, занимающими главное место в любых приложениях НЛП. В то же время я сознавал, что это перекодирование НЛП^{np} давало мне возможность исправить некоторые ошибки проектирования, допущенные нами с Бендлером в нашем торопливом энтузиазме при кодировании классических паттернов.

Оглядываясь на прошлое, я думаю, что первой цели мне вовсе не удалось достигнуть – есть множество неконгруэнтных людей, зарабатывающих себе на жизнь «преподаванием» нового кода. Время покажет, смог ли я достигнуть второй цели.

Независимо от первоначальных целей, поставленных мною при проектировании нового кода, с моей нынешней точки зрения новый код представляет естественное, хотя и радикальное расширение некоторых переменных, входивших в классический код. В частности, с самого начала кодирования классического кода было некоторое число постоянно применяемых практических требований:

1. Настояние на том, чтобы намеченные изменения проверялись калибровкой, и чтобы терапевт таким образом убеждался, что изменение произошло.

2. Последовательное использование прошлого опыта как источника состояний высокой производительности, служащих ресурсами в работе изменения.
3. Намеренное исключение содержания как важная часть процесса изменения.
4. Использование контекстуальных сигналов в качестве якорей, обеспечивающих надлежащую реактивацию соответствующего ресурсного состояния (подстройка к будущему).
5. Относительная незаинтересованность клиента и терапевта в сознательном понимании содержания производимых изменений. Это влечет за собой отказ исследовать происхождение тех форм поведения, которые подлежат изменению – иными словами, исключение любой археологической деятельности.

Новый код принимает эти новые переменные в их крайнем выражении. Например, в новом коде так называемые ресурсные состояния создаются непосредственно путем участия клиента в некоторой деятельности – часто в игре – которая сама по себе создает высокопроизводительное состояние, примечательным образом не связанное ни с историей, ни с содержанием.⁴ Это просто игра, но игра, активирующая неврологические сети, служащие основой для изменений в контексте, предварительно выбранном клиентом. Структура самой игры спроектирована таким образом, чтобы она содержала характерные черты, типичные для высокопроизводительных состояний. Но, опять-таки, это происходит без всякого частного содержания и без отсылок к каким-либо исторически пережитым состояниям. По сравнению с классическим кодом, технические требования нового кода резко сокращены, что позволяет снизить порог требований, предъявляемых к желающим в нем участвовать.

Одна из основных стратегий, стоящих за новым кодом, состоит в развитии ряда видов деятельности или игр, естественным образом активирующих в играющем свободное от содержания, высокопроизводительное состояние. Неявное предположение, стоящее за этой стратегией, получило название цепочки превосходства:

Цепочка превосходства

Дыхание

Физиология

Состояние

Исполнение

Эту последовательность полезно прочесть также снизу вверх, и она объясняется рассказом, состоящим из трех предложений: Исполнение во внешнем мире есть функция состояния; поэтому, чтобы оптимизировать исполнение во внешнем мире, выберите состояние, дающее вам доступ к огромным ресурсам, уже наличным на подсознательном уровне. Самый эффективный и прямой путь активирования такого состояния – это манипуляция вашей физиологией. Одно из самых действенных средств манипулирования вашей физиологией – это модуляция вашего паттерна дыхания.

Таким образом, это последовательность повышающихся опорных точек⁵, которые могут быть использованы для оптимизации исполнения – наряду с некоторым классом других видов деятельности, описываемых ниже. Ряд опорных точек, упорядоченных в этой цепочке, порождается последовательными ответами на следующий вопрос:

Какая опорная точка позволяет мне сдвинуть эту часть моего опыта?

Как мы полагаем, эта цепочка составляет также комментарий к ряду важных вопросов:

Во-первых, цепочка предполагает, что простейшей доступной точкой опоры является манипулирование дыханием; в самом деле, сдвиг в дыхании вызывает в свою очередь сдвиг в физиологии, а затем в состоянии и исполнении.

Во-вторых, в основе цепочки лежит утверждение, явно отвергающее первородный грех Декарта – разрыв между разумом и телом. В самом деле, утверждается, что такого обоснованного различия не существует – что слова *разум* и *тело*, относимые к отдельным предметам, являются фикциями, или чем-то худшим. Чтобы представить себе это, рассмотрим, например, двух больных раком, у которых диагностирована одна и та же форма рака, в одной и той же стадии развития: один из них умирает в статистически установленное время, а другой достигает состояния благодати, технически называемого «спонтанной ремиссией», и проживает долгую и полную жизнь. Где вы проведете в каждом из них линию, отделяющую разум от тела? Где их личная реакция на диагноз соприкасается с физической реальностью рака, и какую роль играет их установка в определении их будущего? В действительности эти слова (*разум* и *тело*) – это попросту термины, описывающие две грани одного алмаза; они являются продуктами своеобразных фильтров, указанных и рассмотренных в наших вводных эпистемологических замечаниях – лингвистически действующих фильтров, производящих искажения, вследствие присущей нашему виду одержимости придумывать имена. И мы полагаем, что это различие – предмет, нагруженный учеными книгами столько библиотечных полок – не только не полезно, но прямо пагубно во многих его приложениях к человеческому опыту.

В-третьих, заметим, что специалисты высшего мирового класса – спортсмены, актеры, актрисы, музыканты, все люди, ведущие переговоры, в действительности все, чей успех зависит от постоянного высокого качества исполнения в условиях давления, развивают некоторые ритуалы. Эти ритуалы предназначаются этими индивидами с высокой производительностью, чтобы произвольно входить в высокопроизводительные состояния и поддерживать эти состояния. Все мы интуитивно пытаемся этого достигнуть – поглубже вдыхаем, чтобы крикнуть на распродаже, репетируем выступление на важном заседании, «психически» готовимся к предстоящему испытанию и т. д. Какой-нибудь любимый браслет или галстук, или особый способ входить в комнату – все это личные динамические якоря для входа в некоторые предпочтительные внутренние состояния, позволяющие превосходно справиться с определенной задачей или ответить на некоторый вызов. Итак, нетрудно заметить в самих себе и в окружающих использование ритуалов как спонтанное применение естественно встречающихся иконических якорей для постоянного доступа в высоко ценимые производительные состояния.

Но мы уже немало знаем о таких процессах в НЛП^{mp}. В различных местах этой книги мы указывали, что калибровка – самый основной навык НЛП, без которого буквально невозможна высококачественная работа в области НЛП – идет ли речь о моделировании, приложениях или обучении методологии.

В-четвертых: чем же является цепочка превосходства, если не простым описанием механизмов, стоящих за калибровкой? Цепочка превосходства утверждает, что с нашей способностью превосходного исполнения связаны определенные состояния, и что каждое такое состояние связывается со специфической физиологией. Эта связь между исполнением/поведением и лежащими в его основе состояниями, с их собственной присущей им физиологией, представляет в действительности фундаментальное наблюдение того, как происходит несловесная коммуникация, и устанавливает, что именно делает возможной калибровку.

Мы «узнаём», что наш супруг или близкий друг не склонен положительно ответить на предложение вместе пообедать или пойти в театр, по тону его голоса, позиции тела, паттерну дыхания или, что более вероятно, по гештальту или общему физиологическому паттерну, который он (или она) подсознательно нам предъявляет, и которые мы, как правило, так же подсознательно обнаруживаем и подсознательно на них реагируем. Если мы в самом деле выполнили аккуратную калибровку и в данный момент не галлюцинируем (не проектируем) наши собственные эмоции, такие калибровки служат основой правильного понимания окружающих нас людей. Цепочка превосходства есть просто признание и агрессивное использование этих повседневных наблюдений: это не что иное как тщательный вывод следствий из фундаментального процесса калибровки.

В-пятых: цепочка превосходства есть стратегия, признающая и систематически использующая силу и мудрость подсознательной обработки информации. Ключи этого неявно присутствовали

в практике НЛП примерно в течение десятилетия, во время развития нового кода. Начиная с моделирования д-ра Эриксона в середине 70-х годов, систематическое использование его мощных гипнотических паттернов глубоко повлияло на обоих создателей НЛП и обогатило их практику. Эти паттерны усиленно подчеркивали необходимость избегать сознательных препятствий к изменению, таких как верования, но не путем парадоксального сосредоточения на таких ограничивающих верованиях⁶, а просто обходя такие препятствия и вызывая изменение на подсознательном уровне.

Далее, эти паттерны имели своей общей чертой глубокое убеждение, что подсознательные процессы *при правильной организации и ограничении* производят глубокие, долговременные экологичные изменения, вопреки, например, заявленному клиентом сознательному убеждению, что такие изменения невозможны. Ограничения сознания, 7 ± 2 битов внимания, доступных рабочей памяти, объясняют неспособность сознания успешно выбирать желательные состояния, надлежащие ресурсы или конкретные новые формы поведения. Однако эти ограничения касаются лишь сознательной обработки информации, но не подсознательной. Таким образом, как и можно ожидать ввиду этого различия, способность подсознания оценивать долговременные последствия и затем, основываясь на этой оценке, производить выбор (желательного состояния, ресурса или замещающего поведения) намного превосходит соответствующую способность сознания.

В нашей критике классического кода мы указали недостатки, исправляемые новым кодом. Эти недостатки меньше всего проявляются в формате Шестишагового Рефрейминга, который, как мы полагаем, может стать мостом для перехода от классического кода к новому коду. В новом коде мы обнаруживаем следующие черты:

1. На подсознание клиента явно возлагается ответственность за выбор основных элементов – желательного состояния, ресурса и новых форм поведения.
2. Подсознание явно вовлекается во все основные шаги.
3. Имеются точные ограничения на выбор новой формы поведения (или новых форм поведения); более конкретно, новое поведение должно удовлетворять первоначальному позитивному намерению поведения, подлежащего изменению.
4. Манипуляция происходит на уровне состояния и намерения, а не на уровне поведения.

Далее, опыт работы с этими паттернами подсознательной оценки по-видимому приводит к тому, что получило название дисциплинированного *состояния незнания*.⁷

Состояние незнания и некоторые следствия

Мы начнем рассмотрение состояния незнания с некоторой аналогии. Читатели с большим опытом в состязательной деятельности, в ситуациях, где успех зависит от молниеносно быстрых реакций на действия оппонента, признают высокую ценность такого состояния для исполнения – дисциплинированного состояния незнания. Во всех боевых искусствах, в теннисе, в рекетболе, гандболе, сквоше, бейсболе, футболе, американском футболе и т. д., значительные части соревнования зависят от таких реакций – молниеносно быстрых реакций, возникающих сами по себе, без языка.

Наш излюбленный пример составляют соревнования в боевых искусствах – например, айкидо. Предположим, что перед таким соревнованием, проанализировав сильные и слабые стороны противника, мы решили, что он применит вначале некоторый маневр X, и приспособили нашу позицию (равновесие, мышечное напряжение и т. д.) для реакции на X. Тогда, если перед нами достойный противник, мы уже в действительности проиграли матч. Он обнаружит (подсознательно) нашу установку и выберет (опять-таки подсознательно) начало, использующее выраженную нами установку, так что матч очень быстро окончится в его пользу.

Войти в состояние незнания – значит избегать любого ожидания, отказаться предвидеть то, что может произойти, а вместо этого привести себя в уравновешенное ресурсное состояние, без всякого предпо-

чтения к конкретному способу действия, свободное от внутренних представлений во всех каналах, и сосредоточить свое свободное внимание на внешнем ощущении происходящего, оставляя равно доступными все паттерны реакций, возможные в игре. Такое состояние (иногда называемое словами «находиться в зоне») предоставляет подсознанию право и ответственность выбрать любой из многих паттернов, выработанных в течение долговременной подготовки, оптимально отвечающий на то, что делает противник. Это происходит без участия сознания, что намного ускоряет быстроту реакции и гарантирует исполнителю самый правильный выбор, доступный на подсознательном уровне.⁸

Более конкретно, эта стратегия состояний незнания, как будет видно из дальнейшего, интенсивно используется в новом коде. Но мы хотели бы уже теперь напомнить наше обсуждение начала Шестишагового Рефрейминга (Часть II, Глава 3). Тот, кто применяет четвертый шаг Шестишагового Рефрейминга, по существу опирается на состояние незнания (поручает имеющуюся задачу подсознанию), чтобы породить альтернативные формы поведения, удовлетворяющие позитивному намерению нежелательного поведения. При успешном завершении этого формата изменения клиенты в большинстве случаев не сознают, какие конкретные новые формы поведения они испытают, когда в следующий раз войдут в контекст их первоначального поведения. Они знают только, что получили произвольный сигнал от подсознания, говорящий, что подсознание породило ряд альтернативных форм поведения, из которых возникнут новые формы действительного поведения. Клиенты испытают это автоматически, когда войдут в контекст. По нашему впечатлению, клиент, входящий в этот контекст в ближайший раз, по существу находится в дисциплинированном состоянии незнания, и в этот определенный момент подсознание приводит в действие ряд альтернатив, заякоренных слуховыми и зрительными стимулами, определяющими контекст изменения. Далее, именно в этот момент подсознание в самом деле делает выбор, основанный на позитивном намерении индивида и на ряде альтернатив, порожденных во время предыдущей работы изменения, выбирая из новых форм поведения самую подходящую в данном контексте, в котором оказывается клиент. Таково разумное описание преимуществ состояния незнания.

Есть ряд других приложений, в которых состояние незнания применяется с полным успехом и с рядом преимуществ.

Я (КБ) была в течение ряда лет директором Отдела Объединений и Приобретений крупной американской корпорации и других учреждений. Вдобавок к фактическим переговорам и завершающей покупке предполагаемого объекта, в мои обязанности обычно входила надлежащая подготовка, предшествующая переговорам. Эту подготовительную фазу я рассматривала как неотъемлемый элемент переговоров. При этом я весьма систематически выполняла не только стандартную подготовку, требуемую в таких случаях, но также зондировала менее традиционные источники информации о потенциальном объекте, такие как недовольные служащие; потребители, перешедшие к конкурентам; поставщики, по собственному желанию прекратившие контракты на поставки, и т. д. Я считала всю эту информацию существенной не только для установления покупной цены, согласной с принятыми моей компанией параметрами роста, но и для моей собственной подготовки к следующей фазе – переговорам.

Я начинала переговоры каждый раз с явной стратегией – намеренно отстраняя от себя, когда я прибывала на место переговоров, все месяцы исследования и подготовки. Я входила в комнату в состоянии незнания – освободившись, на сознательном уровне действия, от той самой информации, которую я столь тщательно приобрела. Я отмечала для себя это состояние незнания, ритуальным образом запирая мой портфель с документацией и тем самым ограждая себя от соблазна. Эта стратегия незнания позволяла мне (как мастеру айкидо) оптимизировать мою способность обнаруживать и использовать информацию, предъявляемую сознательно и подсознательно лицами, сидевшими за столом переговоров.

Эта способность задерживать действие сознательных фильтров, не теряя при этом результаты подготовки, является еще одним примером преимуществ, доставляемых развитием и применением состояния незнания. То же состояние незнания сыграло решающую роль в создании первоначальной модели НЛП – метамоделей (см. Главу I Части II, *Контексты открытия*). Это было особенно важно во время периода дисциплинированной практики, когда паттерны усваивались из источника паттернов, а также в практике имитации, которая привела к мастерству в применении этих паттернов.

В новом коде паттернов изменения клиенты переводятся в состояние незнания посредством явной передачи некоторых основных задач их подсознанию.

Новый код, в значительной части основанный на глубоких механизмах самого фундаментального из всех навыков НЛП – калибровки – сосредоточивается на развитии свободных от содержания высокопроизводительных состояний и на их связи со стимулами, определяющими контекст желательного для клиента изменения. Ответственность за выбор желательного состояния, ресурсов, которые должны быть применены при изменении, конкретного нового поведения, которое должно заменить подлежащее изменению поведение, – все это переадресовывается подсознанию, чем исправляются некоторые недостатки в проектировании классического кода.

Частичный перечень паттернов нового кода

Далее следует частичный перечень паттернов, содержащихся в новом коде:

1. Множественная позиция восприятия, в особенности Тройное Описание (1-ая, 2-ая и 3-я позиции).
2. Явный фрейминг (результат, намерение, следствие с проверкой соответствия заданной проблеме).
3. Отношения порядка, в том числе такие иерархии как логические уровни.
4. Временные границы (первоначально развитые в виде упражнения на совместном семинаре Гриндера и Дилтса в начале 80-х годов).
5. Словесная Упаковка с сокращенными вопросами, явным фреймингом и более утонченными словесными различиями, называемыми в обычных терминах *описанием*, *интерпретацией* и *оценкой*.
6. Единственный формат изменения в четыре шага, с переменным 3-им шагом (игры, порождающие высокопроизводительные состояния). В эти игры входят игра «Алфавит», игра «NASA»*, варианты упражнений с батутом Роджера Табба⁹, и т. д.
7. Отслеживание (толчки, автоматическое движение к желательному состоянию).
8. Различные формы произвольных сигналов между сознанием и подсознанием.
9. Характерологические прилагательные.

Мы выберем пару предыдущих паттернов для более подробного изложения, чтобы дать почувствовать характерные особенности нового кода: единственный формат изменения с новым кодом игры и некоторые применения Тройного Описания.

Формат изменения нового кода

Новый код в его применении к работе изменения отчетливо отражает мои (ДГ) минималистские тенденции. Вместо обилия форматов, формат изменения в новом коде представляет собою единственную упорядоченную последовательность, состоящую из четырех простых шагов:

Формат изменения Нового Кода

1. Выберите с 3-ей позиции (метапозиции, то есть со стороны) некоторый контекст, в котором вы переживаете то поведение, которое хотите изменить (или на которое хотите повлиять).

---

* Национальная Администрация по Воздухоплаванию и Космическим Сообщениям. (Прим. перев.).

2. Локализируйте физически этот галлюцинируемый контекст, с вашим собственным образом и звуками в этом контексте, исполняя поведение, которое вы хотите изменить, или на которое хотите повлиять, и ассоциируйтесь с вашим собственным образом (1-ая позиция), ничего не пытаясь изменить. Затем калибруйте самого себя (то есть заметьте и запомните ваше состояние); это самокалибровка. В это же время помогающий вам человек (тренер) также калибрует вашу нынешнюю реакцию на этот контекст.

Разделяющее состояние (диссоциация от безресурсного состояния)

3. Диссоциируйтесь от безресурсного состояния, перейдя в другое физическое место. Приведите себя в ресурсное состояние и ассоциируйтесь с ним, без содержания, с помощью игры Нового Кода (например, игры «Алфавит», «NASA» и т. д.). Играйте в эту игру 15 минут, чтобы вполне активировать цепи, допускающие высокопроизводительное состояние.¹⁰
4. В конце игры (15 минут, или до полной активации цепей), сразу же и, что наиболее важно, *не пытаясь как-либо сознательно повлиять на свое переживание*, вернитесь физически в место представления проблемной ситуации и снова ассоциируйтесь с собственным образом. Заметьте, как изменилось ваше восприятие этой ситуации, вследствие вашего ресурсного состояния, и, если пожелаете, прорепетируйте некоторые из новых, желательных для вас форм поведения.

Обратите внимание на то, что шаг 3 содержит переменную – переменной является специфическая игра, которой занимается играющий в течение шага 3. Это в действительности открывает путь для проектирования и включения многих различных игр, какие вы можете спроектировать с соблюдением условий правильного формирования, которые содержатся в эталонных играх («Алфавит», «NASA», игра с батутом и т. д.) и которые приводят играющего в высокопроизводительное состояние, свободное от содержания.

В приложениях формата нового кода весьма важен следующий принцип:

Качество состояния играющего во время игры определяет качество изменений, которые играющий испытывает впоследствии, вернувшись в контекст, в котором он хотел произвести изменения.

Полное словесное изложение более тонких вопросов, необходимых для развития навыков формата нового кода, выходит далеко за пределы этой книги; тем не менее, ввиду только что изложенного принципа надо сделать некоторые краткие замечания о важности роли тренера в этих форматах.

Обязанности тренера меняются в зависимости от вида игры, выбранного на шаге 3, но, по нашему мнению, самая важная из них, всегда возлагаемая на тренера в этом ряде игр, – это обязанность охранять физиологию играющего.¹¹

Как мы уже отметили, существует тенденция – особенно среди играющих с навыками конкуренции – пытаться исполнять игру как можно быстрее, как можно точнее и т. д., как будто за эти особенности полагается какое-то вознаграждение. Но единственное вознаграждение отрицательно – для большинства людей *попытка* в значительной степени означает неудачу. Сравните два предложения:

Я попытаюсь перестать есть шоколад

и

Я перестану есть шоколад

Вдобавок, что наиболее важно в этом игровом контексте, *попытка* означает возбуждение нежелательного физического напряжения в теле играющего, уменьшение его естественного изящества, координации и скорости. Важнее всего, конечно, что если тренер разрешает играющему *пытаться* играть в игру, то эти атрибуты (уменьшение естественного изящества, координации и скорости играющего) подсознательно переносятся затем в тот контекст, в котором играющий желает изменить свой опыт – контекст, выбранный на шаге 1 формата. Но это как раз противоречит всему намерению нового кода. Смысл изложенного выше обобщения в следующем:

Качество состояния играющего во время игры определяет качество изменений, которые играющий испытывает впоследствии, вернувшись в контекст, в котором он хотел произвести изменение.

Таким образом, тренер, правильно исполняющий свою роль, должен прервать играющего, если обнаружит (опять-таки, посредством калибровки), что играющий играет менее чем в оптимальном состоянии. Он использует разделяющие состояния и любую другую технику (например, разрыв паттернов), чтобы перевести состояние играющего в нечто приближающееся, по мнению тренера, к оптимальному состоянию.

Пример игры нового кода

Мы изложим теперь выбранный нами пример игры того типа, которые используются на шаге 3 нового кода для активации цепей, лежащих в основе высокопроизводительного состояния. Здесь мы опять хотели бы отметить значительный вклад в это приложение Роджера Табба. Игра представляет собой карту, содержащую первые 25 букв английского алфавита¹², записанных пятью строчками по пять букв в каждой. Вот пример такой карты:

А	Б	В	Г	Д	Е
П	Л	Л	О	Л	П
Ё	Ж	З	И	К	Л
О	Л	О	П	О	П
М	Н	О	П	Р	С
П	Л	О	Л	П	Л
Т	У	Ф	Х	Ц	Ч
О	Л	П	О	Л	П
Ш	Щ	Ы	Э	Ю	Я
О	Л	П	О	П	О

Заметим, что сразу же под каждой из 25 букв алфавита написано одно из трех указаний (l, t, r), где r = направо, l = налево, t = вместе. Играющий стоит в расслабленном состоянии (без лишнего физического напряжения в теле), в уравновешенной и гибкой позиции, примерно в одном метре от карты, прикрепленной к вертикальной поверхности перед играющим (обычно к стене). К играющему предъявляются три основных условия.

Условие первое состоит в том, что играющий, начиная с буквы *a*, называет вслух эту букву и одновременно поднимает руку, указанную под произносимой им буквой – в случае приведенной выше карты произносит название буквы *a*, поднимает левую руку вперед и вверх на один или два фута, а затем позволяет руке вернуться в нормальное расслабленное состояние сбоку. Играющий проделывает то же с другими буквами карты, кончая буквой *y*. Этот процесс повторяется несколько раз, пока играющий и тренер не убеждаются в том, что играющий правильно исполняет игру – произнося название буквы и одновременно выполняя указание, написанное под этой буквой. Все это должно делаться лишь с тем напряжением тела, какое в самом деле необходимо для выполнения указанных движений.

Условие второе состоит в том, что играющий делает в точности то же, что в условии первом, со следующим различием. На этот раз он начинает с правой нижней буквы карты, то есть с буквы *y*, двигаясь назад и вверх по алфавиту до буквы *a*. Иными словами, единственное различие по сравнению с первым условием состоит в том, что играющий начинает с буквы *y* и движется назад по алфавиту к букве *a*. Тренер непрерывно следит за физиологией играющего, убеждаясь, что игра выполняется с опти-

мальными физиологическими характеристиками – координацией, равновесием, изяществом, минимальным усилием, ритмом и т. д.¹³ Играющий затрачивает на каждое из двух предыдущих условий приблизительно 2 минуты.

Третье условие равносильно второму условию, с одним прибавлением – когда играющий продвигается по карте в обратном направлении, произнося вслух названия букв и выполняя движения, указанные под буквами, он одновременно поднимает также ногу с *противоположной* стороны тела. Так, когда он произносит название буквы *s* в предыдущей карте, он реагирует на указание *l* под этой буквой, одновременно поднимая левую руку и правую ногу. Указание *t* в третьем условии означает, что он должен слегка подпрыгнуть. Играющий выполняет это условие примерно за 10 минут. Как правило, играющий сообщает об ощущении покалывания в течение нескольких минут после игры по третьему условию, что свидетельствует об активации нервной системы. Этого следует ожидать, так как это часть активации высокопроизводительного состояния. Кстати, каждая отдельная карта полезна примерно для полчаса игры, после чего подсознание в значительной степени запоминает карту, так что она не способна уже надлежащим образом стимулировать нервную систему играющего.¹⁴

Трудно переоценить важность действий тренера. Тренер является хранителем физиологии (состояния) играющего, и прежде всего должен настаивать на оптимальной физиологии в течение игры (средством разрыва паттернов, разделяющих состояний, и т. д.). Тренер, кроме того, следит за тем, как играющий выполняет указанные движения, но это имеет второстепенное значение. Этим подчеркивается важность предыдущего принципа:

Качество состояния играющего во время игры определяет качество изменений, которые играющий испытывает впоследствии, вернувшись в контекст, в котором он хотел произвести изменения.

Играющий прямо переходит (без колебания и без всякого разделяющего состояния) к шагу 4 Формата Нового Кода Изменения, чтобы соединить уже активированное высокопроизводительное состояние со стимулами, определяющими выбранный на шаге 1 контекст изменения. Те самые стимулы, которые раньше активировали в играющем безресурсные состояния, послужат теперь динамическими якорями, обеспечивающими автоматическую реактивацию достигнутого во время игры высокопроизводительного состояния, как только играющий снова окажется в данном конкретном контексте или в контексте с подобными стимулами.

Отметим, что играющий испытывает обычно ряд трудностей (например, спонтанные сдвиги субмодальности) на шаге 4, когда он снова входит в контекст желательного изменения, по сравнению с его опытом первого входа в контекст на шаге 2. Чаще всего играющий сознательно не знает, какие конкретные различия в поведении возникнут в контексте изменения, а знает лишь, что произошло нечто чрезвычайно интересное.¹⁵

Этот проект производит нечто близкое к состоянию незнания, в котором человек, правильно игравший в игру, после этого входит в контекст, в котором он пожелал произвести изменения, и лишь тогда обнаруживает, каким образом формат изменил его поведение. Это – существенное преимущество, поскольку подлинный контекст может содержать элементы, не представленные должным образом во время применения формата, а играющий может иметь намерения, отличные от первоначально выраженных во время использования формата. Таким образом, состояние незнания позволяет подсознанию выбрать из доступного играющему репертуара наиболее подходящее поведение, учитывая требования контекста, воспринятые при входе в этот контекст. Далее, играющий встретится не только с формами поведения, какие он представлял себе во время работы изменения, как это было в классическом коде, но встретит и ряд других форм, меняющихся от случая к случаю даже в одном и том же контексте.

Многие взрослые запрашивали указания, как использовать игры, подобные алфавитной игре, с детьми различного возраста.¹⁶

Вообще говоря, и предполагая, что взрослый хорошо знает ребенка, мы попросту рекомендуем, чтобы взрослый продумал, в каком опыте ребенку нужно улучшить свое исполнение – например, на уроке математики, или в футбольной команде, или в конкретных обстоятельствах семейной жизни. Затем взрослый должен обнаружить стимулы, однозначно (или почти однозначно) связанные с теми контек-

стами, где по мнению взрослого ребенок нуждается в улучшении. После этого можно прямо перейти к игре. Когда, согласно калибровке взрослого, действующего здесь как тренер, ребенок вошел в высокопроизводительное состояние, взрослый предлагает стимулы (например, приведенные ниже вопросы) во время игры ребенка. Если, например, взрослый хочет помочь ребенку в улучшении его производительности в математическом классе, он может просто задать ему – в тот момент, когда по его зрительным и слуховым данным ребенок находится в активированном состоянии – три следующих вопроса, или некоторые из них:

Где ты обычно сидишь на уроке математики?

*Носит ли усы твой учитель математики? (Или: Носит ли косу
твоя учительница математики?)*

Какие вопросы задает классу твой учитель математики?

Заметим, что любой из этих вопросов заставит ребенка, даже если он прямо не ответит на него, подсознательно представить себе контекст, в котором взрослый желает улучшить исполнение ребенка. Тем самым активируемое состояние связывается (подстройка к будущему) со стимулами, определяющими контекст предполагаемого изменения. Три предыдущих вопроса вызывают, соответственно, кинестетические, зрительные и звуковые представления. Полезно включить по крайней мере один вопрос или утверждение для каждой из трех главных систем представления. Конечно, взрослый тренер должен особенно опасаться ухудшить исполнение игры ребенком, предлагая такие стимулы, поскольку они могут вызывать то недостаточно ресурсное поведение, которое он пытается улучшить. Если взрослый обнаруживает какое-либо снижение качества исполнения ребенка под действием его вопросов, то он использует разрыв паттернов или состояний, реориентацию внимания ребенка и т.д., чтобы восстановить производительное состояние играющего и продолжить игру. Если это происходит, то взрослый тем самым предупреждается, что он должен предлагать стимулы, определяющие контекст приложения, меньшими кусками, чтобы избежать повторного снижения уровня состояния ребенка.

Описанные выше адаптации для применения этой игры нового кода к детям сводят тем самым шаг 4 к параллельному процессу, естественно происходящему во время детской игры. В таком случае роль взрослого ограничивается выполнением шага 1 перед началом игры, причем шаг 2 удаляется.

Таким образом, алфавитная игра воплощает некоторый ряд переменных проекта, имеющих целью активировать в играющем высокопроизводительное состояние, которое должно затем послужить ресурсом для чего-то приближающегося к состоянию незнания в контексте, где естественным образом возникнет изменение. Есть много других игр, построенных для использования в этом новом коде и также основанных на этих переменных проектирования.

Множественные позиции восприятия

Теперь мы займемся вторым паттерном, принимающим явную форму в новом коде – паттерном под названием «множественные позиции восприятия». При создании нового кода способ образования паттернов (формат), дающий возможность занимать множественные позиции восприятия, сделан явным. Важно оценить, что представляет собою эта возможность в эпистемологическом смысле, и каким образом она доставляет опоры для выбора.

Как мы подчеркнули в эпистемологии, развитой в начале книги, и в других ее местах, то, что обычно называется миром, есть в основном преобразованное множество представлений (ПД). Прежде чем мы получаем доступ к нему, данные, полученные от наших рецепторов, подвергаются неврологическим преобразованиям, определяемым человеческой нервной системой. Мы отметили это вызывающим утверждением, что Кожибский был слишком консервативен: не только карта не является территорией, но даже территория в его смысле не является территорией. Мы показали далее, что после Первого Доступа мы как правило применяем второе множество преобразований, лингвистических по своей природе (или производных от лингвистических отображений).

Теперь мы попросим вас осознать дальнейшую фильтрацию, или дальнейшее преобразование нашего опыта, единственное и специфическое для каждого из нас как индивида – мы имеем в виду кумулятивные эффекты того, что мы называем нашей личной историей.

Как следует понимать термин *личная история* в этом контексте? Во всяком случае ясно, что каждый естественный язык представляет богатое множество преобразований, которые могут применяться к ПД. Однако в то время, когда мы осваиваем основы нашего родного языка, мы никоим образом не осознаём ни одного из этих фактов. В действительности мы интуитивно моделируем лингвистическую компетентность (или недостаток таковой) некоторых фигур, особенно влиятельных в этот период нашей жизни – обычно наших родителей и членов семьи. Это равносильно утверждению, что из всего множества преобразований, представляемых нашим естественным языком, мы подсознательно принимаем некоторое меньшее подмножество – более конкретно, подмножество наших моделей. Отсюда следует, что мы редко достигаем мастерства в использовании всего многообразия выборов, представляемых нашим родным языком (для чего требуется большая личная дисциплина и вспомогательные средства). Эта ситуация аналогична подсознательному моделированию, приводящему в каждом из нас к развитию подсознательно предпочитаемой системы представления.

Раннее подсознательное моделирование объясняет также, каким образом действует при создании выбора метамодель – поскольку это явный метод для пересмотра и расширения множества лингвистической компетентности индивида, клиента или пользователя. Кумулятивный эффект подсознательного и систематического применения нашего личного ограниченного подмножества лингвистических преобразований к нашим переживаниям (ПД) составляет со временем то, что мы называем нашими мысленными картами, или нашими моделями мира. В свою очередь, эти мысленные карты становятся, с помощью процесса прямой связи, добавочным множеством фильтров для нашего опыта. Итак, наша личная история лучше всего представляется мысленными картами, обобщающими то, что мы делали в течение нашей жизни, пользуясь той лингвистической компетентностью, какую нам довелось развить.

Многие исследователи НЛП, особенно поддаваясь первоначальному энтузиазму, вызванному эффективным использованием паттернов, ставят перед собой некоторую эпистемологически странную (и невозможную) цель. Они пытаются освободиться от всех фильтров восприятия, часто утверждая, что они смогут таким образом постигать мир без искажений. Такой наивный проект, конечно, неосуществим. Значительная часть того, что делает нас членами нашего вида, как раз определяется множеством фильтров, описанных нами как преобразования f^1 . Трудно представить себе, что могло бы означать подлинное освобождение человека от таких фильтров.

Но хотя и невозможно освободиться от любой фильтрации окружающего нас мира, можно манипулировать искажениями, возникающими от специфических преобразований f^2 . Мы снова напоминаем, что в детстве мы выбираем (из набора лингвистических паттернов, доступных нам в качестве отображающих функций) некоторое ограниченное подмножество, обычно доставляемое нашей семьей. Кумулятивные эффекты этого подсознательного выбора приводят в течение всей жизни к развитию наших мысленных карт. Если теперь сосредоточить внимание на преобразованиях f^2 , то возникает некоторая когерентная возможность; а именно, человек может научиться намеренно сдвигать фильтры – то есть в самом деле переходить в другую перцептуальную позицию, что равносильно сдвигу фильтров восприятия.

Когда индивид намеренно тренируется, чтобы овладеть искусством сдвига фильтров восприятия, он расширяет этим мир своего выбора. Если он вооружен процессом, позволяющим ему систематически предлагать себе ряд ранее недоступных выборов, то у него проявляется способность порождать новые формы поведения в старых контекстах. Естественным следствием создания множественных описаний мира – и тем самым более широкого выбора – является большая гибкость конкретного образа действий в любом данном контексте.

Среди простейших способов создания новых выборов – составляющих опору для гибкости – можно указать следующие:

1. Сдвиг внимания – более конкретно, намеренный выбор новых частей воспринимаемого мира, на которые обращается внимание, и особых способов обращать на них внимание.

2. Принятие характеристик и восприятий некоторой определенной группы. Чтобы дать читателю понятие, что это значит, приведем следующий пример: представьте себе, чем является ломоть зрелого сыра с точки зрения
  - а. мыши
  - б. коровы
  - в. голодного студента
  - г. пациента, не выносящего лактозы
  - д. торгового служащего
  - е. юриста
  - ж. бухгалтера
  - и т. д.
3. Систематический сдвиг позиции восприятия с одной из трех указанных в Тройном Описании привилегированных позиций на другую. Заметим здесь, что предыдущий пункт 2 может быть описан как обобщенная вторая позиция.
4. Развитие и дисциплинированное расширение искусства множественного описания посредством явной манипуляции наличной лингвистической компетентностью. В частности, мы предлагаем читателю использовать различия между процессами описания, интерпретации и оценки.

Заметим, что в потенциально безграничном множестве перцептуальных позиций, которые мы можем научиться занимать, есть некоторое привилегированное множество, указанное выше под номером 3, которое мы называем Тройным Описанием.

Тройное Описание

Одно из различий между классическим кодом и новым кодом состоит в агрессивной эксплуатации силы и мудрости подсознательной обработки данных – при надлежащей организации и в подходящем контексте. Именно это свойство подсознательной деятельности мы используем в приложениях Тройного Описания и его следствий. Среди форматов нового кода Тройное Описание составляет один из способов, позволяющих, в его приложениях, переносить опору на подсознательную деятельность и на явный формат сдвига перцептуальных фильтров. В основном Тройное Описание – это эпистемологический формат.

Тройное Описание было первоначально вдохновлено представлением Бейтсона о двойном описании (см. *Этапы экологии разума*, а также *Разум и природа*, например, стр. 235) – представлением о неизбежности и связанной с этим мудрости восприятия любого частного явления более чем с одной перцептуальной позиции. Как отметил Бейтсон, это стремление к двойному описанию начинается с самых основных уровней неврологической организации – например, с бессознательных прерывистых движений глаз, происходящих у всех нас и позволяющих нам воспринимать все виденное в двух все время чередующихся перспективах – и доходит до самых высоких уровней организации (таких как система противовесов в современных политических системах Западной Европы и Северной Америки).

Тройное Описание также весьма напоминает нам определение воина, принадлежащее Кастанеде: воин – это человек, собирающий множественные описания мира (нисколько не пытаясь решить, какое из этих описаний представляет действительность). Эта позиция вполне конгруэнтна эпистемологии, развитой в Главе 1. Вопрос НЕ в том,

Что реально?

Вопрос в том,

Сколько есть способов оценки окружающего?

Само по себе Тройное Описание есть способность войти в три различных и высоко ценных перцептуальных позиции, а именно:

- 1) 1-ая позиция: это перцептуальная позиция самого человека – то есть он видит собственными глазами, слышит собственными ушами и ощущает собственным телом. Человек полностью присутствует.
- 2) 2-ая позиция: это перцептуальная позиция другого человека (или других людей), участвующих в рассматриваемом контексте, видящих этот контекст (в том числе вас самого как участника контекста) глазами (и с перцептуальной позиции) другого человека или других людей; слышащего контекст ушами другого человека или других людей; и ощущающего то, что другой человек или другие люди кинестетически ощущают в рассматриваемом контексте.
- 3) 3-я позиция: это перцептуальная позиция, с которой вы можете ясно и отчетливо видеть и слышать то, что происходит в рассматриваемом контексте, включая самого себя, представляемого как одно из действующих лиц, и рассматривая все это с привилегированной внешней перцептуальной позиции. Эта привилегированная позиция иногда называется метапозицией, управляющей¹⁷ или наблюдающей позицией. Подробное объяснение 3-ей позиции приводится после следующего примера.

Следующий дальше пример представляет собой историю, изображаемую с каждой из трех перечисленных выше перцептуальных позиций. Рассказ описывает конкретную ситуацию, включающую человека, насадившего сад (Анджела) и человека, нанятого для ухода за этим садом (Джеральдо). Диалог переходит с 1-ой позиции (я – Анджела) на 2-ую позицию (он – Джеральдо – второй человек, участвующий в контексте), и, наконец, на 3-ю позицию Анджелы (метапозиция, наблюдающая, управляющая или консультирующая позиция). Обратите внимание, что в этом конкретном примере Анджела, входя во 2-ую и 3-ю позицию, всегда возвращается в 1-ую позицию (я – Анджела). Это повторное возвращение в 1-ую позицию после входа в каждую другую позицию в высшей степени эффективно и представляет собою одну из вариаций в операционном осуществлении Тройного Описания. Следующее далее подробное описание примера должно доставить читателю явный формат приложения для индивидуального использования тройного описания.

Конкретный пример

Диалог с 1-ой позиции (я, Анджела):

Я нахожусь в парке, где луг, усеянный дикими цветами, ограничен лишь естественными травами, дубами, земляничными деревьями и долинами, спадающими, насколько я могу видеть, к открытому глубокому океану. Я глубоко дышу, втягивая свежий морской воздух и наслаждаясь прохладой, входящей в мои ноздри. Я смотрю на цветы, и когда мои глаза обходят эту панораму, я замечаю, что мое внимание задерживается на этих цветах, краски которых доставляют мне больше всего удовольствия. Я наслаждаюсь ароматом некоторых цветов, но не других – и я чувствую, как мой нос сморщился и невольно чихает. Я усмехаюсь. Теперь я прислушиваясь к звукам беспорядочно движущихся пчел – легкая боль в теле напоминает мне, как я однажды была укушена, и я становлюсь внимательной, когда какое-то насекомое опускается на мою лодыжку. Гм, это просто красивая бабочка, привлеченная красным лаком моих ногтей.

Я иду намеренно осторожными шагами, чтобы не наступить на какое-нибудь растение, или не возобновить знакомство с какой-нибудь деловитой пчелой, или не потревожить прилетевшую с визитом колибри; я ощущаю лучи солнца на моем лице, на моих руках и мягкую влажность плодородной земли под ногами, когда я прохожу среди разнообразных оттенков лаванд,

желтых, голубых, красных и оранжевых. Я в саду – я сливаюсь с садом в этот момент – я живу в этом буйстве цветов, в этой жужжащей деятельности, в оцущениях и меняющихся ароматах – подсознательно бдительная к любой опасности – и я вся в саду в этот момент.

Продолжение рассказа

Джеральдо, человек нанятый Анджелой для ухода за газоном, с условием не трогать дикие цветы, прибыл в это утро со своим персоналом и оборудованием. Он только что сказал ей, что работа, для которой она его наняла, невозможна. Основываясь на отчете Джеральдо об ее саде, Анджела имеет нужную информацию, позволяющую ей перейти в перцептуальную позицию Джеральдо, рассматривая сад его глазами, ушами и ощущениями, с его вопросами и профессиональными фильтрами.

Анджела выходит тем самым из 1-ой позиции, сбрасывает с себя чудесное переживание, в котором она была частью сада, и переходит в другое особое место, входя в перцептуальные фильтры Джеральдо. Вот диалог со 2-ой позиции (он – Джеральдо):

Анджела поставила передо мной цель ухаживать за лугом, не трогая диких цветов. Когда я подъезжаю и смотрю с дороги на эту местность, я не вижу луга. Я вижу много разновидностей цветов, высоких и средних, однолетних и многолетних, покрывающих приблизительно 1 акр земли, спадающей пологими склонами к долине.

Когда я вхожу на участок с насаждениями, я вначале вижу узкие травянистые дорожки с разбросанными вокруг алиссумами и покрывающими землю невысокими цветами. В других местах я вижу узкие заросшие травой пути, окруженные множеством диких цветов. Я смотрю на лезвие моей косилки, выгружаемой из машины. Я слышу при этом голос Анджелы, говорящей мне, что она хочет выкосить этот луг, и в моих ушах звучит ее предупреждение: «Будьте осторожны, не скосите дикие цветы».

Когда я иду по узким, заросшим травой тропинкам через цветы, в некоторых местах моя нога ощущает мягкую влажность земли, а в других местах мой носок попадает в дыру, куда, вероятно, голодный суслик втоптал на бегу целое растение; а кое-где я вижу камни, выстроенные как будто нарочно в холмик – конечно, это раскопки трудолюбивого суслика.

Анджела выходит из 2-ой позиции, сохраняя эту перцептуальную позицию отдельной. Она выполняет это, отбрасывая переживания и переходя обратно на место своей первой позиции. Затем, в 1-ой позиции, она сообщает себе следующее:

Хотя мое переживание прекрасного сада было по существу иным, когда я пользовалась глазами, ушами, ощущениями и профессиональными фильтрами Джеральдо, я понимаю теперь его ответ, что прокосить тропинки на лугу невозможно. Его косилка велика. Но я все же хочу, чтобы сегодня нечто произошло. Здесь для этого все есть – Джеральдо, его оборудование и его персонал.

Тут Анджела осознаёт, что она эмоционально втянута в ситуацию, и в этот момент подошла к границе своих ресурсов. Ее разрывает противоречие между двумя стремлениями. С одной стороны она чувствует, как много времени и усилий она затратила на свой проект, испытывая сильное влечение к цветам; с другой стороны, здесь ожидают люди со своим оборудованием, и она хочет, чтобы теперь нечто произошло. Ей нужны свежий взгляд и ресурсы – совет с некоторой внешней перцептуальной позиции, бескорыстный и эмоционально не связанный с тем, что ее тревожит в этот момент. Она выходит из 1-ой позиции и переходит в 3-ю (наблюдающую) позицию, чтобы использовать мудрость ее управляющего положения (3-ья позиция – наблюдатель, управляющий). Анджела продолжает диалог с 3-ей позиции, с голосом, глазами, ушами и ощущениями руководителя:

Я вижу ее стоящей среди диких цветов рядом с Джеральдо. Его команда стоит поблизости со своим оборудованием, разговаривая и лениво бросая камешки в коньон. Я вижу ее расхаживающей кругом с разведенными руками, я слышу ее возбужденный рассказ Джеральдо, как она любит дикую случайность этого сада. Я слышу, как Джеральдо объясняет ей, почему невозможно выполнить задачу, для которой она его наняла, и спрашивает, что она хотела бы поручить

ему вместо этого, глядя на своих сотрудников и на часы. Я слышу, как она говорит Джеральдо, что он уже совершал для нее чудеса в других случаях, и уверена, что он может сделать это снова.

Управляющий вопрос (3-я): *Что нужно Анджеле (находящейся там) в этот момент?*

Ответ Анджелы (1-ая): *Какие-нибудь идеи, как использовать сегодня Джеральдо и его команду.*

Управляющий ответ (3-я): *Ты можешь послать команду охотиться на сусликов, а Анджела (находящаяся там) может приготовить из них обед; или ты можешь заставить эту команду сорвать все цветы на букеты, а потом выкосить весь участок; или просто сказать, чтобы они ушли и пришли в другой раз.*

Ответ Анджелы (1-ая): *Очень забавно! Ты меня насмешила, но теперь скажи мне, как согласовать эти твои предложения с моей целью иметь дикие цветы, растущие не в вазах, а под открытым небом? Твои предложения относятся к лугу. Но луга так скучны.*

Управляющий ответ (3-я): *Теперь это кажется мне очень интересным – если ты не хотела иметь луг, то зачем было садить траву, а потом нанимать Джеральдо, чтобы ее скосить?*

Ответ Анджелы (1-ая): *Мое намерение в общем было иметь дикие цветы, случайно рассеянные по участку. Траву я насадила всего лишь как фон.*

Управляющий вопрос (3-я): *А знает ли это Джеральдо? Что именно надо ему знать?*

Ответ Анджелы (1-ая): *Интересные вопросы. Я в самом деле не знаю ответа на первый из них и подумала о втором.*

Анджела отчетливо выходит из 3-ей позиции и возвращается в 1-ую позицию, с 1-ой позиции она смотрит в сторону своего управляющего и продолжает рассказ:

Благодарю, ты предложила мне интересные возможности, но я оставляю в стороне твоё предложение сварить обед из сусликов. С другой стороны, вопрос, на который я не могу ответить, подсказал мне следующий шаг.

Анджела, в 1-ой позиции, подходит к тому месту, где терпеливо ждет Джеральдо. Она отчетливо сообщает ему свое намерение в следующем разговоре:

Я только что поняла, что в самом деле не объяснила вам, как был устроен этот сад и что я имела в виду, когда насадила его. Когда была подготовлена почва, я разбросала семена всевозможных диких цветов, какие могла купить. Поскольку я никогда не сажала раньше диких цветов, я не знала, какие из них вырастут в этом месте. Через несколько недель полива цветы начали пробиваться маленькими кучками. Тогда я бросила семена нескольких трав в пустые места. И вдруг все начало расти. Я была в восторге, пока трава не стала душисть некоторые виды цветов.

Я хотела видеть, подъезжая к моему офису, все это буйство красок. Я хотела создать вокруг офиса такую среду, чтобы я могла смотреть на нее во время работы, наслаждаясь бабочками, птицами или оленями, которых будут привлекать цветы. Я хотела чего-то активного. Но луга просто пассивны.

Джеральдо ответил на это надлежащим образом, парфразой сказанного Анджелой:

«Если я вас правильно понимаю, вы хотели, чтобы трава просто покрывала места, не занятые цветами, но теперь трава вырастает высокой и мешает цветам. Вы в самом деле вовсе не хотите травы. Это верно?»

Анджела согласилась с этим истолкованием Джеральдо:

Правильно, трава была просто фоном!

Джеральдо ответил Анджеле:

«Теперь я понимаю. Здесь, кажется, все хорошо растет. Что ж, я представляю себе декоративные, но вполне естественные с виду камни, которыми можно замостить тропинки среди цветов. Сегодня я набросаю план и закажу материалы, а моей команде скажу поливать цветы, полоть траву, а также делать починки и охотиться на сусликов. Камни можно будет доставить, вероятно, завтра. Согласны ли вы считать это чудом?»

Анджела ответила:

Принимаю ваше чудо!

Здесь произошло следующее: разумное использование Тройного Описания позволило Анджеле явно выразить свои желания, осознав необходимость сообщить Джеральдо свои намерения. Хотя Анджела сумела оценить, как видел, слышал и ощущал ситуацию Джеральдо, человек, который должен был выполнить работу, Анджела вовсе не хотела отступить от своей позиции, в которой она хотела, чтобы нечто случилось немедленно и тут же. Это важный момент, потому что часто индивиды переходят во 2-ую позицию, отступаясь от намерения, какое у них было в 1-ой. Так происходит, если им не удается вернуться в 1-ую позицию и использовать информацию, приобретенную во 2-ой, чтобы решить, как можно конкретно осуществить их первоначальное намерение. К несчастью, постоянное неумение в течение всей жизни использовать 2-ую позицию как средство сбора информации, а не как образ жизни, для некоторых индивидов становится ловушкой, и многие со временем теряют способность знать, чего они сами хотят в 1-ой позиции. В самом деле, «синдром пустого гнезда» – не что иное как пример этого паттерна.

Дальнейший важный момент в этом примере – это признание¹⁸ со стороны Анджелы, что она исчерпала свои ресурсы, либо вследствие своей эмоциональной вовлеченности в ситуацию (состояние), в которой она сама не представляла себе ясно своего намерения, либо вследствие неумения сообщить это намерение другой стороне взаимодействия. Именно здесь проявляется магия вполне отчетливой 3-ей позиции – способность принимать информацию из 1-ой и 2-ой позиции и помещать в этой (3-ей) позиции, приспособляя ее к фильтрам внешнего наблюдателя – в этом случае способностью управляющего оценивать информацию свежим взглядом, ушами и ощущениями заинтересованного наблюдателя, единственная задача которого – найти выход из положения. Это и есть ключевой момент при правильном использовании 3-ей позиции – важно объяснить, что 3-я позиция не является диссоциированной позицией в том смысле, что в ней позиции отсутствует кинестетика. Хорошо сформированная 3-я позиция всегда включает сильную кинестетику – различие в том, что сильная кинестетика в 3-ей позиции выбирается предварительно индивидом (обычно это состояния, соответствующие таким выражениям, как ресурсность, любознательность, творческая способность¹⁹ и т. д.) и, что наиболее важно, кинестетика 3-ей позиции по определению НИКОГДА не является кинестетикой 1-ой или 2-ой²⁰. Заметим, что 3-я позиция находится на более высоком уровне иерархии, чем 1-ая и 2-я позиции, поскольку она очевидным образом включает представления двух других перцептуальных позиций – 1-ой и 2-ой.

Предыдущий пример весьма напоминает то, что происходит внутри культуры, или внутри делового предприятия. В течение последних 13 лет авторы в своей компании QL (Квантум Лип)²¹ сосредоточили внимание на моделировании, кодировании и проектировании паттернов превосходства в больших системах – компаниях, учреждениях и иногда правительствах. Читатели, работающие в бизнесе, испытывали ситуации, возникающие в компаниях, когда человек приглашается его начальником или вызывается в компанию для выполнения некоторой функции – и почесывает себе затылок в сомнении. Тот, кто дает ему указание или нанимает его, требует от него сделать нечто граничащее с нелепостью. В

ряде случаев человек, дающий указания этому наемному служащему, не представляет себе ясно свою конкретную цель. Иногда этот человек (тот, кто дает указания) испытывает конфликт целей; в других случаях он просто не продумал ситуацию и хочет только, чтобы нечто произошло, но не знает конкретно, что это такое и каковы необходимые условия.

Читатели, имевшие опыт работы с QL в своей компании, в этом месте улыбнутся. Процессы, применяемые QL, чтобы прояснить цели, заявляемые компанией или руководителем, выходят за пределы этой книги. Однако цель этого объяснения – предложить очень простое описание процесса, именуемого Тройным Описанием, в не слишком проблематических ситуациях. В таких ситуациях как парк с дикими цветами видна эффективность Тройного Описания в уточнении мысленных карт, получении коммуникации и разьяснении целей, что может привести к некоторым творческим результатам. Если человек попадает в проблематичную ситуацию или в ситуацию, которую он ощущает как безвыходную, процесс приносит еще большую пользу.

Здесь мы хотели бы сосредоточить наше внимание, более конкретно, на некотором важном аспекте 3-ей позиции. В предыдущем примере с парком, в определениях трех перцептуальных позиций, входящих в Тройное Описание, мы предложили разумное явное представление 3-ей позиции – мы повторим это описание для удобства читателя.

3. 3-я позиция: это перцептуальная позиция, с которой индивид может ясно и отчетливо видеть и слышать происходящее в рассматриваемом контексте с внешней перцептуальной позиции – иногда называемой матапозицией, управляющей или наблюдающей позицией.

Отметим переменную, упомянутую в этом определении:

рассматриваемый контекст

Конкретный рассматриваемый контекст этого определения в примере с парком – это контекст, в котором индивид уже испытал 1-ую и 2-ую позиции, а затем переносит всю информацию (главным образом подсознательную) в 3-ю позицию, чтобы рассмотреть имеющиеся выборы. Отметим, что 3-я позиция есть переменная, и как таковая не ограничена никаким частным контекстом.

Поэтому занять 3-ю позицию по отношению к *рассматриваемому контексту* значит перейти в мета-позицию по отношению к этому *конкретному* контексту. Решающее значение состоит здесь в том, чтобы при переходе в 3-ю позицию для оценки ситуации извне (с новой перцептуальной позиции) избежать давления реального времени исполнения. Освободившись от давления реального времени (то есть находясь в высокоресурсном состоянии), надо разумно развить полный набор выборов и затем вернуться в 1-ую позицию, чтобы применить выбранное поведение. Заметим однако, что предыдущее определение позволяет использовать и другие контексты, а также производить другие переходы из 1-й и 2-й позиции и обратно, попросту подставляя вместо переменной *рассматриваемый контекст* некоторые другие значения, чем 1-ая и 2-ая позиции. Одним из таких контекстов является позиция индивида, уже находящегося в 3-ей позиции по отношению к 1-ой и 2-ой позициям. Иными словами, если индивид способен ясно и отчетливо видеть и слышать происходящее в рассматриваемом контексте с внешней перцептуальной позиции, то одним из таких контекстов является первоначальная 3-я позиция. Из этого примера ясно, что 3-я позиция действительно является переменной. Таким образом, добавочная 3-я позиция, которую может развить индивид, есть 3-я позиция по отношению к первоначальной 3-ей. По-видимому такой ход можно мотивировать как проверку с внешней позиции (3-ей) того, что происходит в рассматриваемом контексте – то есть в первоначальной 3-ей позиции. Для индивида это может быть стратегией, позволяющей проверить, что его исполнение в первоначальной 3-ей позиции правильно. Кажется, это то самое, о чем говорили Дилтс (4-ая позиция) и Холл (мета-матапозиция), пытаясь расширить нумерацию перцептуальных позиций после 3-ей позиции. Мы предпочитаем просто отметить, что 3-я позиция есть переменная, и чтобы явно указать, что в нее подставляется, надо только фиксировать определенный *рассматриваемый контекст*. Если сказать, что некто находится в 3-ей позиции, такое утверждение неполно. Чтобы сделать его понятным, надо уточнить, что упомянутая 3-я позиция является 3-й по отношению к некоторому частному рассматриваемому контексту (а может быть к некоторому конкретному множеству перцептуальных позиций).²²

Внимательный читатель, вероятно, уже заметил, что мы говорим теперь о некотором отношении порядка – в частности, о некоей иерархии. Заметим, что эта иерархия порождается объемом. Приведем обычный пример объема: подрядчик, выполняющий строительный проект, спрашивает субподрядчика (по водопроводу), включается ли поставка подлежащего установке водопроводного оборудования в объем его контракта. Это равносильно вопросу, *покрывает* ли его договор с субподрядчиком поставку этого оборудования. Второй обычный пример нередко встречается в нашей книге, в выражении

...выходит за пределы этой книги,

означающем, что каков бы ни был предмет, обозначенный многоточием, он не покрывается этой книгой.

Грубо говоря, вопрос об объеме равносильен вопросу, какие элементы входят в область влияния других элементов, и каких именно.

Объем – хорошо изученное явление лингвистики.

Рассмотрим, например, предложение

Девушка прогнала парня без ботинок.

Это предложение двусмысленно, что делает его относящимся к нашей цели; его двусмысленность происходит от явления объема. Люди, свободно владеющие языком, обычно понимают его либо в смысле:

Девушка, которая была без ботинок, прогнала парня

либо в другом смысле:

Девушка прогнала парня, который был без ботинок.

Двусмысленность возникает, поскольку выражение *без ботинок* может относиться либо к именному обороту (*девушка*), либо к обороту дополнения (*парень*). В лингвистической терминологии это можно выразить равносильным образом, сказав, что двусмысленность возникает потому, что выражение *без ботинок* имеет два возможных объема (два именных оборота). Несколько более обычным образом можно сказать, что двусмысленность происходит от того, что мы не можем решить, покрывает ли выражение *без ботинок* только подлежащее (*девушка*), или только дополнение (*парня*).²³

Объем первоначальной 3-ей позиции (в исходном определении и примере) покрывает 1-ую и 2-ую позиции. Объем 3-ей позиции в расширенном смысле – где намерение индивида, как предполагается, состоит в проверке эффективности его первоначальной 3-ей позиции – покрывает 1-ую, 2-ую и его первоначальную 3-ю позицию. Таким образом, рассматриваемая иерархия – тройное описание (и его расширение в указанном смысле) – порождается упорядочивающим отношением объема.

Еще раз о классическом коде

Поскольку классический код широко распространен и критика его представлена в Главе 2 Части II, под заглавием *Критика классического кода*, естественно возникает вопрос, каким образом практик, подготовленный и привыкший к паттернам классического кода, может использовать указанные различия между классическим и новым кодом. Адаптация паттернов классического кода для использования возникающих отсюда преимуществ представляется довольно простой. Рассмотрим в качестве примера, характерного для целого класса паттернов якорения классического кода, Первоначальный Формат Классического Якорения.

Первоначальный классический формат НЛП

1. Указание (сознательное) клиентом подлежащего изменению наличного состояния

2. Указание (сознательное) желательного для клиента различия – либо в виде указания желательного состояния (будущего состояния), либо в виде ресурса, который клиент хочет применить к наличному состоянию, чтобы его изменить.
3. Доступ к нынешнему и желательному состоянию (оба состояния обычно заякориваются) – причем последовательность доступа и якорения зависит от ощущаемых потребностей клиента и от стиля работы терапевта; эта последовательность, вообще говоря, не имеет решающего значения.
4. Установление связи между наличным состоянием и желательным состоянием или ресурсом нового поведения, обычно посредством манипуляции якорями (что иногда называется подстройкой к будущему).

Как нам кажется, адаптация паттернов классического кода предполагает полноправное и сильное участие подсознания клиента в процессе изменения. В частности, мы рекомендуем практику развивать в клиенте некоторую форму произвольной сигнализации между его сознанием и подсознанием. Один из методов для этого доставляет предыдущий анализ формата Шестишагового Рефрейминга. Есть и много других возможностей для создания такой сигнальной системы, причем решающую роль играет произвольность сигналов, исходящих от подсознательных процессов клиента.

Если предположить практика достаточно искусным для этой подготовки, последующая адаптация классического паттерна достаточно ясна. В начальном шаге, когда клиент выбирает желательное изменение, практик просто приглашает клиента, уже сознательно решившегося на желательное изменение, подчинить свой сознательный выбор своему подсознанию. Затем подсознание, систематически используя произвольные сигналы, прямо участвует в этом шаге, сигнализируя о своем принятии или отклонении сознательно выбранного изменения.

Перед тем, как перейти к следующему шагу – выбору желательного состояния (которое клиент хочет иметь в конце работы изменения) или ресурса (который породит новые выборы) – практик создает контекст, в котором должно произойти изменение. Это должно обеспечить надлежащие ограничения, чтобы новые выборы (формы поведения) или выбранные ресурсы удовлетворяли первоначальному намерению, стоявшему за подлежащим изменению поведением. Один из явных методов достигнуть этого описывается в шаге 3 Формата Рефрейминга, где подсознанию предлагается проверить, что за подлежащим изменению поведением стоит некоторое позитивное намерение, каковы бы ни были действительные последствия этого поведения. От личного стиля практика и личных требований клиента будет зависеть, выразит ли это позитивное намерение сознательно, или просто принять его – после получения и проверки произвольных сигналов подсознания.

Действительный выбор новых форм поведения (или порождающего их ресурса) может быть представлен подсознанию клиента, как это делается во многих случаях Шестишагового Рефрейминга, или же этот выбор делается во взаимодействии сознательного и подсознательного процесса. Есть много возможных ответов на вопрос, *как именно этого достигнуть*. Какой бы метод ни избрал практик, мы рекомендуем ему настаивать, чтобы взаимодействия включали одобрение намеченных выборов подсознанием, независимо от способа их развития. Как минимум, практик должен настаивать, чтобы новые выборы содержались в пределах, заданных позитивным намерением, стоящим за подлежащим изменению поведением.

Опять-таки, в зависимости от личного стиля практика и от потребностей клиента, практик может желать включить некоторую формальную экологическую проверку. Однако, как видно из нашего опыта, если подсознание привлекается к активному участию, как это указано выше, то экологический вопрос не возникает. Если рассматриваемые выборы вызывают какое-нибудь возражение, то это возражение проявится само собой вполне очевидным образом. С помощью указанных адаптаций любой из паттернов классического кода может быть адаптирован таким образом, чтобы воспользоваться преимуществами, впервые явно описанными в замечательном открытии и кодировании Шестишагового Рефрейминга. В следующей части (III, Глава 2) мы изложим принцип сортировки, который поможет практику НЛП определить, как выбрать для заданной проблемы паттерн эффективного вмешательства. Читатель может заметить, что предыдущие указания, как превратить классический формат в фор-

му, использующую преимущества некоторых черт нового кода, в то же время превращают классический формат кода в технику изменения 2-го порядка.

Резюме

В этой главе мы описали некоторый исторический контекст – историческую мотивировку создания нового кода. Принимая во внимание критику классического кода, изложенную в предыдущей главе, мы указали, каким образом, по нашему мнению, практик классического кода может воспользоваться преимуществами, первоначально открытыми в формате Шестишагового Рефрейминга и включенными впоследствии в проект нового кода.

Сам новый код представляет собою естественное, хотя и радикальное расширение переменных проектирования, участвовавших – отчасти явно и отчасти неявно – в моделировании, приложениях и преподавании (тренировка, книги, ленты и т. д.) создателей НЛП, Бендлера и Гриндера. Новый код очевидным образом отражает также некоторые личные предпочтения Гриндера – например, его минималистские тенденции. Некоторые паттерны нового кода были изложены достаточно подробно, чтобы дать читателю представление, как они действуют в контексте работы изменения, и как они представляют эпистемологию, лежащую в основе всего предприятия. Описаны множественные перцептуальные позиции, и приведен подробный пример приложения Тройного Описания. Эти описания возникли из многолетних экспериментов и уточнений, в результате исследований и преподавания авторов в ряде различных культур и на нескольких различных языках.

Примечания к Главе 3 Части II.

1. Может быть, самый очевидный пример наложения этого рода представляет отношение между метамоделью и Милтон-моделью. Метамодель, подробно изложенная в ранней публикации, есть основанная на синтаксисе система словесных возражений, имеющая целью вынудить клиента выйти из своего нежелательного переживания с помощью систематического использования возражений, которые:

1. требуют конкретности (или восстанавливают связь с первичными восприятиями на ПД), например, *какой именно...? как именно...?* и т. д.

или

2. возражают против связей (отображений), построенных клиентом между различными частями своего опыта (главным образом между ПД и лингвистически опосредованными мысленными картами), например: *Мой парень сводит меня с ума! Мой муж думает, что я ничего не умею*, и т. д.

Рассматривая код, нужный для объяснения словесных паттернов Эриксона, мы находим в точности те же различия, какие были в метамодели. Однако эти различия используются здесь, чтобы создать движение, ведущее от ПД к менее конкретным представлениям. Эти представления доставляют клиенту, внимательно слушающему эриксоновы гипнотически излагаемые словесные пятна Роршаха, структуру, на которую они могут проектировать их собственные требования, готовясь к их изменению. Таким образом, метамодель и Милтон-модель часто представляются как взаимно обратные.

2. Должен сознаться, что мне не удалось найти каких-либо новых паттернов в работе, опубликованной под названием *Проект человеческой техники*. Как должно быть ясно сведущему читателю, эти документы представляют собой расширенную смесь классических гипнотических паттернов Эриксона и манипуляции субмодальностями. Это подтвердил электронный разговор с Дени Бриду (Denis Bridoux). В то же время он (Дени) предложил описание остроумной стратегии выработки навыков, по-видимому действующей без отображения подсознательного знания модели в явное представление – стратегии, построенной путем манипуляции этими двумя рядами переменных. Возможно, устные изложения Бендлера на его семинарах содержат некоторые действительно новые паттерны или приложения.

3. Части нового кода были разработаны в сотрудничестве с Джудит Делозье – книга, написанная в соавторстве Делозье и мною, содержит часть этого совместного предприятия. *Черепашки до самого низу* представляет собой запись семинара под названием *Предпосылки личной гениальности*, проведенного Джудит Делозье и Джоном Гриндером в марте 1986 года. Рукопись была отредактирована, чтобы восполнить пробелы несловесной и зрительной информацией, которая была доступна присутствующим, но не попала на звукозапись семинара.

Далее, читателям рекомендуется прочесть рассказ Делозье о новом коде – см. *Мир НЛП*, март 1995, том 2 №1, стр. 5-19. Частные характеристики нового кода, изложенные Делозье, значительно отличаются от моих. Некоторые из этих различий происходят несомненно от того факта, что я продолжал развивать и уточнять новый код в сотрудничестве с Кармен Бостик С-т Клер, с которой я работал, начиная с 1989 года. Делозье и я перестали работать вместе в 1988 году. Некоторые из различий отчасти происходят от относительной важности, приписанной, и до сих пор приписываемой нами некоторым аспектам нового кода.

Должен сознаться, что меня приводит в некоторое замешательство таксономия, предлагаемая Делозье в этой статье, в особенности поскольку я обнаруживаю в ней наложения и повторения. В частности, ее категории перцептуальных позиций (стр. 10), фильтров (стр. 14) и множественных описаний (стр. 15) кажутся мне применением разных терминов к одним и тем же паттернам. Возможно, она имела намерение изложить эти вещи с педагогическими целями, не добиваясь особого изящества.

Одна из (обычно небольших) неприятностей при использовании предыдущего опыта клиента в качестве источника ресурсов состоит в том, что якорь тащит за собой не только ресурсное состояние или желательное для клиента поведение, но также массу несущественной истории, бесполезной в новом контексте. Хотя обычно это просто неприятность, иногда она принимает странную форму, неподходящую для клиента. В самом деле, бывают случаи, когда выбранный предыдущий опыт, хотя и содержит позитивные аспекты, влечет за собой негативные ассоциации, которые могут снижать эффективность работы, или даже имеют общий отрицательный эффект (например, самосаботаж).

5. Важно заметить, что те же опорные точки в цепи превосходства, которые используются для достижения высокопроизводительных состояний, могут, напротив, быть в то же время опорными точками для невольного достижения состояния с менее чем оптимальным исполнением: это часто происходит под влиянием привычной реакции на некоторый возбудитель – например, способ дыхания и физиологические особенности, проявившиеся в этих не столь удачных случаях, при их сохранении могут закрепить состояние низкого качества. Обычный пример представляет *синдром испуганного кролика* – сильная тенденция людей задерживать дыхание при испуге.
6. В случае АА (анонимные алкоголики) и его эпистемологии внимание сосредоточено на вопросе – пить или не пить. Это попросту усиливает соблазн и сохраняет эти явления (сосредоточенность на вопросе «пить или не пить» и связанные с этим верования) в центре личного внимания человека. Тем самым стратегия АА заставляет индивида организовывать свое поведение около этих неподходящих опорных точек, не позволяя ему развивать свою жизнь. См. противоречие между намерением АА и его фактическими последствиями в блестящем изложении Бейтсона, в главе *Эпистемология АА* книги *Этапы экологии разума*.
7. Дисциплинированное состояние незнания надо отчетливо отличать от того типа состояний незнания, какой можно видеть, например, на почте в Санта Крус. Такие недисциплинированные состояния незнания можно обычно узнать по рассеянному взгляду и ответам *Право же, я не знаю* на самые обычные вопросы.
8. Это отчасти объясняет тот факт, что на высших уровнях исполнения (например, на Олимпийских играх) различие между успехом и неудачей редко определяется лишь действительной физиологической компетентностью исполнителей, но также и тем, что ошибочно описывается как их психическое состояние. Хотя этот способ выражения человеческого опыта является примером сознательного (и по нашему мнению неправильного) принятия первородного греха Декарта, само по себе это

явление убедительно свидетельствует о единстве психики и тела, достигаемом исполнителями в таких состязаниях.

9. Роджер Тэбб из Портленда, штат Орегон (Rtabb464@aol.com) – оптометрист, с которым я имел удовольствие работать. Роджер познакомил меня с рядом упражнений, значительно повлиявших на развитие формы нового кода.
10. 15 минут – это, конечно, статистический подход, которым можно пренебречь либо с помощью самокалибровки, либо при калибровке подготовленным наблюдателем. Замена статистического руководства (15 минут игры) калибровкой активации высокопроизводительного состояния составляет, конечно, еще один пример использования лежащей в основе НЛП дискретной модели.
- 15 минут представляют просто «среднее» время, в течение которого «средний» человек, при конгруэнтной игре, может войти в высокопроизводительное состояние. Это равносильно утверждению, что если наблюдать сотни человек в течение ряда лет, то большинство людей, конгруэнтно играющих в игру, сможет войти в высокопроизводительное состояние за 15 минут игры. Однако нередко случается, что некоторые достигают того же результата за 10 минут или меньше, а другим может понадобиться на это до получаса.

Упомянутые здесь игры (NASA, Алфавит, батут и т. д.) все нуждаются в тренере, способном калибровать физиологию играющего. Это существенная характеристика данного приложения. Тот, кто пытается играть в любую игру этого ряда в одиночку, в лучшем случае теряет время и приходит к случайным результатам. Это приводит к вопросу о самоприменении. Одна из особенно рекомендуемых практик в НЛП состоит в том, что от практиков требуется хорошая подготовка в самоприменении, но требование иметь тренера устраняет эту необходимость. Внимательный читатель, по-видимому, уже сам в этом разобрался. Есть ряд игр, которыми вы можете заменить предложенный здесь набор, и в которых главная и решающая функция тренера заменяется структурным элементом самой игры. Проектирование таких самоприменяемых игр предполагает явный набор критериев проектирования, что выходит за пределы данного изложения.

12. Адаптация к другим языкам тривиальна – например, во французском, немецком и испанском языке соответствующие инструкции будут следующие:

g = gauche l = links i = izquierda

d = droit r = rechts d = derecho

e = ensemble z = zusammen j = juntos

В карте должны быть сделаны очевидные уточнения последовательности букв, в зависимости от алфавита языка.

13. Каждый играющий начинает, конечно, с того или иного уровня развития этих качеств – что составляет положительную сторону проекта, поскольку в этой игре соревнование происходит лишь с самим собой. Поэтому каждый может играть на собственном, подходящем ему уровне. Далее, за быстроту исполнения не полагается никакой премии. Все эти замечания должны быть отчетливо формулированы в контексте правильного отношения между тренером и играющим. Как и в случае настоящего спортивного тренера и играющего, задача тренера состоит в том, чтобы требовать наивысшего качества исполнения, возможного для спортсмена. Верхний уровень этого требования есть в точности тот момент, когда тренер замечает начинающиеся трудности, обычно по чрезмерному мышечному напряжению в плечах, челюстях, вокруг глаз и т. д. Такие сигналы указывают тренеру на необходимость несколько снизить требования, пока не исчезнут сигналы напряжения.
14. Строение добавочных карт следует трем правилам:

1. Сначала напишите первые 25 букв алфавита на большом куске бумаги.

2. Напишите указание *r* под буквой *l*, указание *l* под буквой *r* и указание *t* под буквой *t*.

3. Распределите указания l, r, t под остальными буквами, с тем ограничением, чтобы одно и то же указание было написано не более чем под двумя смежными буквами последовательно.

Указания и буквы должны быть неразличимы друг от друга, за исключением их положения – то есть написаны одним и тем же цветом, размером, шрифтом и т. д., поскольку одна из целей упражнения состоит в тренировке у играющего различий с помощью его собственной нервной системы, а не в манипуляции внешним представлением (картой). Читатели оценят ограничение, введенное в пункте 2 этих правил, обнаружив в ходе игры, что ошибки происходят обычно именно в этих случаях. В действительности правильная игра требует параллельной обработки поступающих зрительных стимулов, расщепляющей две зрительные системы, имеющихся у нашего вида, причем центральная* зрительная система сосредоточивается на произносимой букве, тогда как периферическая зрительная система передает указание для действия. Это параллельно обычной функции этих двух зрительных систем, в которой центральное зрение связано с сознанием и речью, тогда как периферическое зрение связано с подсознанием, и очень часто с двигательными реакциями.

15. Различия, сообщаемые играющими после завершения шага 4, представляют обычно широкий диапазон вариаций различных сенсорных модальностей – причем во многих сообщениях содержатся спонтанные сдвиги субмодальностей. Точное отношение между обнаруженными сдвигами систем представления и сопутствующими явлениями, например, в первичных системах представления еще нуждаются в точном объяснении.
16. В случае детей, еще не овладевших азбукой, мой коллега из Гвадалахары (Мексика) Альфонсо М. Мунгиа Кальдерон (e-mail Muncar@hotmail.com) произвел адаптацию стандартной алфавитной игры. В этой адаптации буквы алфавита заменяются картинками животных, названия которых ребенок знает или может легко усвоить, а указания (l, r, t) заменяются цветными пятнами (красными, зелеными и синими). Цветные пятна наносятся также на тыльную сторону рук ребенка, скажем, зеленое на левую руку, красное на правую и меньшие синие на обе руки. Таким образом ребенок произносит название изображенного животного, в то же время замечая цвет под этим изображением, двигает соответствующую руку (с меткой того же цвета), и вдобавок противоположную ногу согласно условию 3. Было бы интересно изучить долговременные последствия включения детей в эти высокопроизводительные игры в столь раннем возрасте.
17. Излагая это в некоторых культурах, я (КБ) ввела вместо термина *управляющий* (director) термин *консультирующий*, помогая участникам в создании 3-ей позиции. Коннотации к слову *управляющий* влекут за собой в некоторых культурах якоря, происходящие из авторитарной культуры (то есть управляющий приказывает ему сделать X – а не предлагает ему выбор способов сделать X). В этих культурах для большинства индивидов слово *консультирующий* несет с собой новый набор перцептуальных фильтров и понятие выбора.
18. Способность распознать, что человек достиг предела своих ресурсов, сама по себе составляет отдельный вопрос, требующий использования разнообразных средств из НЛП^{mp}, не рассматриваемых в этой разделе книги.
19. Создание ресурсов для 3-ей позиции составляет важную компоненту паттерна Тройного Описания. Помогая группам в создании ресурсов для их 3-ей позиции, я (КБ) обнаружила, что эти группы обычно сообщают о включении в их 3-ю позицию таких ресурсов как интеллект, любознательность, творческая способность и т. д. Я принимаю их выборы и направляю их внимание на добавочные возможности посредством различных упражнений, стимулирующих включение других классов ресурсов. Например, к этим ресурсам часто принадлежит свобода от ограничений (или правил), характерных для их поведения в 1-ой позиции. Даже если консультант предлагает смешные, оскорбительные варианты, полученные результаты свидетельствуют, что эти варианты приемлемы, если только они ограничиваются некоторым набором особых фильтров. Если даже индивид, находящийся в 1-ой позиции, удивляется своей реакции на оскорбительный вариант, такая эмоциональная реакция по крайней мере дает возможность сместить внимание, а затем поведение в направлении тех сторон мира, на которые человек обычно не обращал внимания.

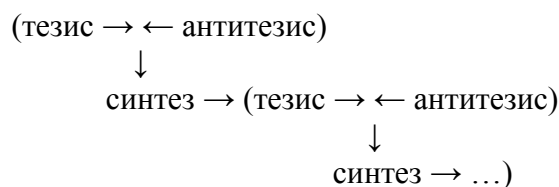
* В подлиннике foveal, то есть относящаяся к центральной ямке сетчатки. (Прим. перев.).

20. Мы были удивлены, обнаружив с беспокойством такое истолкование 3-ей позиции, в котором участникам тренировочных программ говорят, что 3-я позиция не содержит кинестетики. Неудивительно, что эти участники испытывают трудности, пытаясь эффективно действовать, исходя из своей так называемой 3-ей позиции.
21. Компания QUANTUM LEAP была основана Кармен Бостик С-т Клер в 1987 году. Она ставит себе целью проектирование и внедрение программ для достижения устойчивой конкурентоспособности, тренировку в формальном и неформальном руководстве, проектирование и внедрение стратегий превращения компаний в учебные организации, развитие и эксплуатацию систем управления знаниями, стратегий преемственности, воспитательных программ, развития лидерства, сертификацию серий ISO и QS 9000*. КЛ насчитывает около 17 специалистов в разных частях мира (в области финансов, техники и т. д.), выполняющих на контрактной основе высококачественную работу консультирования под руководством Кармен Бостик и Джона Гриндера. Адреса двух офисов КЛ в Калифорнии:

QUANTUM LEAP	QUANTUM LEAP
3000F Danville Blvd.,	#368 245 M Mt. Hermon Rd., #277
Alamo, California 94507	Scotts Valley, California 95066

КЛ проводит также публичные семинары в различных областях, таких как моделирование, новый код, построение и сообщение метафор, подсознательные процессы, гобелены – изготовление тканей из волокон вашей жизни, и т. д.

22. Это решение – которое мы, конечно, находим изящным – весьма напоминает знаменитый паттерн Гегеля:

В словесном выражении Гегель изобразил паттерн исторического процесса, в котором каждому тезису (концепции, идее, политической системе, экономической системе и т. д.) противопоставляется его антитезис. После широкого контакта между тезисом и антитезисом возникает некоторая интегрированная форма под названием «синтез», содержащая элементы каждого из своих предшественников (тезиса и антитезиса). Этот синтез в свою очередь становится в ходе истории следующим тезисом, которому противопоставляется его антитезис. Эта новая пара (тезис и антитезис) интегрируется, превращаясь в новый синтез, который в свою очередь становится новым тезисом, и т. д.

Практики с многолетним опытом, особенно с обширным опытом самоприменения паттернов изменения в практике НЛП, также признают гегелевский паттерн процесса превосходным форматом непрерывного изменения личности. Иными словами, нынешний оптимальный набор состояний, стратегий, намерений и форм поведения (сегодняшний синтез) становится завтрашним тезисом, которому будет противостоять некоторый новый антитезис, и т. д.

Далее, нам не вполне ясно, какие преимущества доставляет расширение иерархии перцептуальных позиций за пределы первоначальной 3-й позиции. Если рассматриваемый индивид построил отчетливую крепкую 3-ю позицию, то остается лишь проверить на практике ее эффективность. Нам кажется, что выходить за пределы первоначальной 3-й позиции под любым именем – 4-ой позиции, мета-метапозиции или, как в нашей собственной терминологии, 3-ей по отношению к первоначальной 3-й, или 3-й по отношению к контексту, в котором находится первоначальная 3-я – весьма напоминает создание документа, затем создание резюме этого документа (первоначальная 3-я позиция), затем создание резюме этого резюме, и т. д. Это может привести к общему замешательству, но вряд ли к каким-нибудь преимуществам.

---

* Номера серий сертификатов, требуемых, соответственно, Европейским Союзом и США. (Прим. перев.).

23. Рассмотрим в виде добавочного примера явление объема и отрицания: сопоставим два следующих предложения:

Джон Конрад говорит, что он не выдумывал новые слова

Джон Конрад не говорит, что он выдумывал новые слова

Эти два предложения существенно отличаются смыслом, истинностными значениями и т. д. Различие между ними зависит от объема отрицания. В первом предложении объем отрицания покрывает только подчиненное предложение, а именно, *он выдумывал новые слова*, и утверждение Джона Конрада состоит в том, что он этого не делал. Во втором предложении объем отрицания охватывает все предложение (и главное предложение, и подчиненное), и утверждение состоит в том, что он (Джон Конрад) не говорил о том, выдумывал ли он новые слова. Объем – это область, к которой применяется оператор отрицания, что приводит к различиям в смысле, истинностных значениях и т. д.

Часть III

Свежий ветер с моря

Птицы, мелкие млекопитающие, множество разнообразных насекомых медленно и осторожно вылезают из своих укрытий, пытаясь определить, действительно ли прошел шторм. Деревья, растения и цветы опять робко раскрываются и растягиваются под сухими, теплыми, несущими жизнь лучами солнца. Свежий ветер гонит тучи. Весь мир свеж и полон безграничных возможностей.

До этого места *Шёпот на ветру* был чем-то вроде исторического рассказа о создании и развитии Нейролингвистического Программирования. Остальная часть этой книги имеет совсем иной характер: вместо продолжения исторического рассказа мы излагаем ряд вопросов, единственная общая черта которых состоит в том, что выявленные различия и предложенные принципы, если они будут проведены на практике, разъяснят значительные разделы НЛП, его моделирования, его приложений и его преподавания, а также улучшат качество всех этих видов деятельности. Далее следует обзор трех глав Части III.

Глава 1

1. Вопросы кодирования, в том числе противоречия между изяществом моделирования и педагогической эффективностью.
2. Функции упорядочения: линейное и иерархическое упорядочение, включая анализ Нейро-логических уровней Дилтса.
3. Логические уровни и логические типы: вначале приводится краткий обзор первоначального применения термина *логический тип*. Затем выделяются два различных понятия, содержащихся в его употреблении и исторически слившихся – *логический уровень* и *логический тип*. Предлагаются явные представления для развития этих основных понятий.

Глава 2

1. Функции сортировки: каким образом узнать для конкретного клиента в профессиональной работе изменения, какой класс паттернов следует применить (изменения 1-го и 2-го порядка с их соответствующими уровнями вмешательства).
2. Разбиение и логические уровни: описывается, начиная с классической тренировки, использование логических уровней, определенных выше в разделе *Логические уровни и логические типы*. Демонстрируется их применение в нескольких важных контекстах приложений НЛП.
3. Форма и сущность; процесс и содержание: здесь начинается дискуссия о различии между процессом и содержанием, составляющем, по-видимому, самую характерную черту НЛП™. Это различие исследуется с практическими советами, как его проводить, обеспечивая этим неприкосновенность личности клиентов в НЛП™.

Глава III: Рекомендации: Здесь содержится ряд конкретных предложений, как можно усовершенствовать НЛП, чтобы оно могло занять должное место в научных усилиях по изучению деятельности человека – в частности, в построении паттернов наивысшего человеческого превосходства.

Глава 1: Основные вопросы НЛП^{np}

Кодирование паттерна

По определению, данному в Главе 2 Части I, моделирование есть отображение подсознательного знания в явное знание. Результат этого процесса обычно называется моделью. Последовательное описание моделирования – составляющее центральную деятельность, определяющую НЛП – было изложено в комментарии, непосредственно следующем за рассказом о работе Бендлера и Гриндера с доктором Эриксоном (см. раздел *Милтон-модель* в Главе 1 Части II).

С кодированием связан важный вопрос – процессы отображения в явный код подсознательного знания, приобретенного во время имитации первоначальной модели, а также вопросы, касающиеся проверки эффективности такого кодирования. В разделе *Контексты открытия* Части II мы привели некоторые комментарии к задаче открытия и кодирования паттернов, скрывающихся в поведении имитации на третьей фазе моделирования. Мы позволим себе напомнить читателю, где этот вопрос возникает в процессе моделирования. Предположим, что мы уже достигли критерия, иными словами, усвоили паттерны модели подсознательным наблюдением и дисциплинированной практикой имитации. Мы можем делать то, что может делать наша модель, то есть лицо, послужившее источником паттернов. Мы находимся в состоянии подсознательной компетентности – имеем личное подсознательное знание требуемого поведения.

Теперь перед нами стоит задача сделать это подсознательное знание явным. Чтобы построить такое отображение, нам надо сначала выяснить, какие части нашего имитационного поведения существенны для получения тех превосходных результатов, которые способны устойчиво получать наша модель и мы сами. Те части имитационного поведения, которые не служат этой цели, рассматриваются при этом как стилистические или идиосинкразические и могут быть опущены без ущерба для эффективности.

Заметим здесь, что мы как моделировщики имеем теперь две опоры:

1. поведение первоначального источника паттернов – первоначальную модель
- и
2. свое собственное поведение (поскольку мы уже удовлетворяем критерию).

Это значит, что мы уже в действительности не только моделируем источник паттернов, но и занимаемся самомоделированием. Тот факт, что мы уже удовлетворяем критерию, доставляет нам интуитивное знание (основанное на успешном повторении результатов, полученных источником), чрезвычайно полезное для успешного кодирования усвоенных паттернов.

Четвертая фаза процесса моделирования определяется как стадия, на которой происходит явное отображение паттернов превосходства. В этой фазе намерение моделировщика (который является также кодировщиком) состоит в том, чтобы придать паттернированию некоторую доступную, обычно словесную форму, позволяющую передавать его другим достаточно эффективным способом. Кодирование вызывает многочисленные и весьма сложные вопросы. Ниже мы предлагаем ряд комментариев, относящихся к этим вопросам.

А. В любом упражнении по кодированию скоро выясняется, что существует сколь угодно много различных представлений сложного поведения, которые могут потенциально служить его описаниями. Классическим примером этого являются три представления, следующие ниже – двоичное число, десятичное число и английская фраза:

101101011010010000

186000*

---

* Миль в секунду. (Прим. перев.).

скорость света

В действительности эти три представления эквивалентны – они составляют одну и ту же информацию в трех различных кодах. Заметим, что, как видно из этого примера, *информация не зависит от кода*, выбранного для ее выражения.

Б. Следующую часть дискуссии мы определим вопросом:

В каком коде (словаре) можно изложить паттерны превосходства, чтобы эта модель позволяла эффективно передавать их другим?

Бендлер и Гриндер сосредоточили свое внимание на конкретных особенностях поведения, отличающих известных терапевтов Фрица Перлса, Вирджинию Сатир и Милтона Г. Эриксона от средних практиков этого искусства – иначе говоря, они искали решающие различия. Гриндер и Бендлер обнаружили, к своему удивлению и удовольствию, что им в самом деле удалось получить достаточно точные ответы на этот фундаментальный вопрос.

В поисках метода изложения этих результатов, полученных ими в первоначальном моделировании, они убедились, что в области психотерапии не было стандартизованного словаря для описания паттернирования. Каждая школа – гештальттерапия, семейная терапия, гипнотерапия, анализ взаимодействий, психотерапия Роджерса, психоанализ и т. д. – выработала специализированный словарь, не связанный (и, по мнению этих двух молодых людей, несопоставимый) с основными терминами специализированных языков, применяемых другими школами профессиональной работы изменения.

Гриндер и Бендлер проявили достаточную чувствительность и поняли, что выбор терминов в новом языке метадисциплины НЛП должен был удовлетворять определенным критериям. Прежде всего, его термины должны были быть достаточно прозрачны для пользователя.¹ Во-вторых, если бы применяемые термины были уже связаны с некоторыми явлениями психологии, и особенно клинической психологии, то они повлекли бы за собой нежелательные ассоциации.

Например, нам трудно было бы защищать термин *якорение*, применяемый вместо термина *кондиционирование*, если бы этот последний не был связан как раз с нежелательным теоретическим багажом.

Решение Гриндера и Бендлера состояло в том, чтобы создать (в некоторых случаях) словарь, вовсе не связанный с предыдущей работой, чтобы открыть новую перспективу в кодировании паттернов. Насколько эффективно было это решение, покажет история.

В. Следующий вопрос, связанный с кодированием, имеет глубокий эпистемологический характер. Нам кажется очевидным, что идеальный словарь для задуманного нами кодирования паттернов превосходства должен быть набором сенсорно обоснованных описаний. Отсюда, конечно, возникает вопрос, возможно ли в самом деле развить такой сенсорно обоснованный словарь – позволяющий ясно изложить паттерны, полученные при работе моделирования. К счастью, этот вопрос – по крайней мере в его общей форме – имеет долгую историю в исследованиях по философии науки.

Из этих исследований вытекает однозначный ответ – *Нет!* Мы предлагаем читателю самому ознакомиться с этой областью исследований. В частности, мы рекомендуем ясное и точное изложение этого вопроса Карлом Гемпелем (см. библиографию).

Критика Гемпеля, отрицающая возможность дескриптивного словаря, полностью основанного на ощущениях, кажется нам внушительной. Однако мы можем ее в значительной степени избежать. Мы полагаем, что надлежащий ответ на этот вопрос может состоять попросту в применении эпистемологической точки зрения, впервые изложенной в этой книге – более конкретно, в перенесении главной части описания паттернов с уровня, следующего за ПД, на что-то приближающееся к ПД. Это в значительной степени достижимо, если воспользоваться представлением во всех трех главных естественных системах кодирования. Один из способов сделать это может состоять в создании библиотеки видеofilмов, которые будут служить опорными точками для выработки паттернов, с которыми мы работаем. Сравните чисто словесное изложение некоторого паттерна с представлением этого же паттерна на видеоленте (зрительным и слуховым представлением), сопровождаемым словесным объяснитель-

ным текстом. Такая библиотека устраняет значительную часть превосходной критики Гемпеля, доставляя доступ всем заинтересованным исследователям. Мы разработаем это предложение точнее в последней главе книги под названием *Рекомендации*.

Г. Если цель моделирования и кодирования поставлена явно, то обширное множество различных возможных представлений может быть эффективно сокращено. Далее, цель или намерение моделировщика и кодировщика тесно связаны с выбором надлежащего словаря кодирования. Например, каждый, кто когда-либо ощутил, как серьезна задача коммуникации модели, то есть как трудно эффективно передать некоторую модель заинтересованным непосвященным лицам, сознает, насколько обычный критерий научной работы – изящество изложения паттерна с минимальным набором терминов – противоречит педагогическому требованию создать контекст для эффективного обучения участника, который должен это все это усвоить.

Вероятно, здесь может быть полезно несколько исторических примеров из области самого НЛП:

1. В книге, определившей область деятельности НЛП, *Структура магии*, том I (1975, стр. 14), читатель найдет следующее утверждение авторов (Гриндера и Бендлера):

Самый глубокий парадокс человеческого существования, какой мы знаем, состоит в том, что процессы, позволяющие нам выжить, расти, меняться и испытывать радость, это те же самые процессы, которые позволяют нам сохранять крайне обедненную модель мира – нашу способность манипулировать символами, то есть создавать модели. Таким образом, процессы, позволяющие нам совершать самые необычайные и неповторимые человеческие деяния – это те же самые процессы, которые блокируют наш дальнейший рост, если мы допускаем ошибку, принимая модель за действительность. Можно указать три общих механизма, с помощью которых это делается: Обобщение, Искажение и Удаление.

Странно – либо Гриндер и Бендлер не способны здесь к простейшему ясному мышлению, либо это пример того самого различия, которое мы пытаемся выяснить. Мы говорили здесь о развитии кодирования, хотя и не изящного, но облегчающего читателю понимание намерений авторов – то есть об использовании педагогически эффективного словаря или кода.

Анализ: По-видимому Гриндер и Бендлер утверждают, что конструирование наших мысленных моделей (в значительной степени подсознательное) характеризуется тремя систематическими процессами, создающими нагруженный ошибками продукт. Вот эти процессы, создающие мысленную модель, по-разному отличающуюся от действительности:

Обобщение   Искажение   Удаление²

Но с аналитической точки зрения это абсурдно! Начнем с Обобщения. В самом деле, каким образом мы исходим из различных переживаний, чтобы придти к обобщению этих переживаний? Хотя любое обобщение, опирающееся на два случая, крайне подозрительно, для целей анализа ситуация двух случаев доставляет простейшие возможные примеры. Если даны два непосредственных переживания, мы можем получить из них обобщения тогда и только тогда, когда

они тождественны

или

мы соглашаемся игнорировать различия между ними, сосредоточив внимание на сходствах.

Но если мы соглашаемся игнорировать различия, это в точности процесс удаления. Итак, мы можем придти к выводу, что удаление представляет собой один из специфических процессов перехода от различных переживаний к обобщению этих переживаний – то есть, что удаление есть операция, которая может привести к обобщению. Иными словами, один из процессов, позволяющих нам достигнуть Обобщения, есть Удаление.

Заметим однако, что когда мы удаляем или, что равносильно, когда мы обобщаем посредством процесса удаления, мы намеренно создаем различия между самими вещами и представлением или моделью этих вещей (точнее говоря, между ПД – ближайшим восприятием мира, или нашим прямым переживанием – и нашими лингвистически опосредованными мысленными картами, следующими за ПД). В обычной речи это называется Искажением первоначального прямого переживания.

Таким образом мы приходим к выводу, что три операции, рекомендуемые Гриндером и Бендлером, либо очевидным образом свидетельствуют об их несерьезном подходе, либо являются попыткой развить полезный педагогический код. Подобные приемы имеют целью сделать изложение менее трудным и более доступным для читателя, пробирающегося через интеллектуальные заросли. Хотя эпистемология, представленная этими тремя процессами, недостаточно развита, и это кодирование сильно искажено в целях эффективного педагогического изложения, оно, вообще говоря, совместимо с эпистемологией, развитой Бостик и Гриндер в этой книге и представляющей значительное расширение и уточнение этих замечаний.

2. НЛП обычно определяется в популярной литературе как изучение субъективного опыта – и в самом деле, имеется ряд книг об НЛП, написанных мною в соавторстве с другими (например, *Нейролингвистическое программирование*, том I), где встречается это описание. Но рассмотрим выражение *субъективный опыт* – что оно может означать? Может быть, оно противопоставляется объективному опыту? Что за нелепость! В эпистемологии, изложенной в Главе 1 Части I, мы утверждали, что первый доступ (ПД) – это первое место, в котором мы воспринимаем окружающий мир. Но ПД – это место в нервной системе человека, в которое по определению поступает поток данных из внешнего мира, уже прошедший через первоначальный ряд неврологических преобразований в человеческой нервной системе (f^1). Поскольку эти неврологические преобразования, как известно, меняют данные на их пути к ПД, то представления на ПД, по определению, субъективны – поскольку на них действует еще не изученными способами структура человеческой нервной системы (неврологические преобразования).

Здесь опять-таки выражение *субъективное переживание* либо нелепо – в данном случае прямо избыточно – либо используется с педагогической целью как код, вызывающий у индивида определенное понимание.

3. Наконец, мы приведем пример, когда замысел кодирования сбивается с пути. В ранних публикациях (и в учебной практике) НЛП Гриндер и Бендлер широко применяли и ссылались на принадлежащий Эшби Закон необходимого разнообразия, выражаемый примерно следующим образом:³

В любой связной системе управляющим элементом является компонента с самым широким диапазоном изменчивости

Бендлер и Гриндер заимствовали это из превосходной книги Эшби о кибернетике. В практике НЛП – например, в работе изменения – этот закон обычно понимается в том смысле, что практик должен продолжать процесс обучения долгое время после того, как он достигнет первоначальных успехов в обращении со всевозможными проблемами, предъявляемыми терапевту – предполагается, что он должен приобретать добавочные эффективные паттерны. Это дает ему возможность приходить различными путями к тому классу результатов, которые требуются клиенту. При этом обычно говорят еще, что у терапевта должно быть больше выборов, вызывающих изменение, чем у клиента способов отвергнуть это изменение.

В свете имеющегося опыта видно, что эта формулировка приводит к ряду трудностей. Характеристика агента изменения, как имеющего больше способов вызывать изменения, чем клиент сопротивляться им, содержит в себе предпосылку, противоречащую правильной практике НЛП. Предпосылка эта состоит в том, что клиент и терапевт оперируют на одном и том же уровне переживания. В действительности надлежащее отношение между терапевтом и его клиентом – совершенно иное. Джей Хейли в своей превосходной книге об основных стратегиях Эриксона (*Стратегии психотерапии*) справедливо указывает, что одной из систематических контекстуальных манипуляций, усовершенствованных доктором Эриксоном, является развитие метадо-

полнительного отношения с клиентами. Мета-дополнительное отношение – это отношение, в котором терапевт выступает как советчик, облегчающий создание контекста, в котором клиент может избрать путь изменения. Приставка *мета* в выражении Хейли означает, что терапевт должен действовать на уровне, превышающем уровень действия клиента. Такая позиция должна исключать тот вид состязания между терапевтом и клиентом, который неявно подразумевается применением закона необходимого разнообразия к процессам изменения, применяемым в НЛП.

Вторая трудность обнаруживается в использовании выражения *управляющий элемент*. Конечно, если есть что-нибудь, в чем согласны все мы, имеющие широкий опыт в работе изменения людей с помощью паттернов НЛП (в том числе, разумеется, самих себя) – это бесполезность представлять себе что-либо в области человеческой деятельности в терминах управления. Управление – это фикция, соблазнительная иллюзия: все дело в выборе. Эти различия в словаре фундаментальны для любого опытного практика НЛП.

Наконец, имеется тот неустрашимый факт, что самый трудный класс клиентов в нашем опыте, как и в опыте многих других практиков, с которыми мы обсуждали этот вопрос, – это НЕ клиенты с самым гибким поведением, подобные хамелеону в своих психологических движениях. В действительности труднее всего противоположное – работа с клиентом, столь застрявшим, увязшим, замкнутым в некоторый повторяющийся паттерн, что он проявляет его как единственный повторяющийся паттерн поведения (таковы, например, люди с навязчивыми комплексами, шизофреники со стереотипным ритуальным поведением и т.д.). По-видимому это подсказывает, что необходимо переформулировать закон необходимого разнообразия или его интерпретацию в применении к практике НЛП.

Однако каковы бы ни были необходимые уточнения, можно многое сказать в пользу некоторой программы непрерывного обучения (с любой первоначальной мотивировкой), то есть постоянного прибавления новых паттернов ко множеству паттернов, уже усвоенных терапевтом.

Д. В комментарии к моделированию Эриксона и к кодированию его паттернов (Часть II, Глава I, *Милтон-модель*) мы ввели *вычитательный метод*. Эта стратегия по-видимому противоположна стандартному планированию экспериментов в психологии, фармацевтических исследованиях и т. п. В этом стандартном планировании различаются две группы: экспериментальная группа и контрольная группа. Эти группы, по плану или по случайному выбору, считаются эквивалентными во всех существенных отношениях, то есть неразличимыми для целей данного эксперимента. Экспериментальной группе дается лекарство, лечение, некоторый режим и т. п., результаты которого мы хотим исследовать. Контрольной группе предлагается некоторый по-видимому безобидный режим, который, как мы полагаем, не дает никакого результата (например, плацебо – сахарные пилюли, предполагаемые нейтральными). Вопрос, подлежащий исследованию, состоит в том, приводит ли добавление указанного режима в экспериментальной группе к определенному желательному результату в поведении, здоровье и т. д. членов этой группы.

В моделировании паттерна вычитательным методом, который мы считаем важным для моделирования и кодирования НЛП, используется обратная последовательность. Применяя имитационное моделирование, мы получаем интересующий нас результат – желательный результат – приводя в действие все средства, какие у нас есть в этом положении (все формы имитационного поведения). Когда мы продемонстрировали, что можем с уверенностью получать этот желательный результат, мы начинаем опускать или *вычитать* некоторые из форм поведения, с помощью которых мы смогли вызывать желательный результат. Описывая этот метод в применении к моделированию гипнотических паттернов Эриксона, мы употребили выражение

...намеренно опуская некоторые отдельные особенности поведения Эриксона...,

что представляет пример этого вычитательного метода. Если данный паттерн предлагается клиенту без *некоторой единственной формы поведения Эриксона*, и это не сказывается ощутимым образом на качестве реакции клиента, то мы заключаем, что рассматриваемая отдельная форма поведения Эриксона несущественна для интересующего нас паттерна и может быть опущена.

Фрэнк Толл заметил, в его обычной безупречной манере, что вычитательный метод, по поводу которого мы привели выражение «*намеренно опуская некоторые отдельные особенности поведения Эриксона*», значительно сложнее, чем это видно из приведенного в тексте примера. Предположим, что, пытаясь закодировать поведение модели, мы уже разложили его на некоторое множество различных форм поведения (A,B,C,D...N). Применим теперь вычитательную стратегию кодирования в упрощенной форме, изложенной в тексте, к реальным клиентам, для проверки предлагаемого кодирования.

Представим задачу несколько более формально. Предположим, мы заметили, что желательные результаты (некоторое множество реакций клиента) происходит, когда в поведении моделировщика присутствуют оба элемента А и В. Применим теперь вычитательный метод в форме, изложенной в тексте, то есть удалим либо А, либо В (а в действительности тот и другой по очереди), чтобы определить, существенны ли они для получения желательных результатов. Предположим далее, что при удалении либо А, либо В желательный результат (положительная реакция клиента) *не* происходит. Вопрос состоит в следующем:

Законно ли заключение, что последовательность (А и В) является существенной конфигурацией форм поведения, составляющих паттерн?

Ответ отрицателен. Рассмотрим следующую возможность: предположим, что подлинный паттерн есть

$$(A \wedge B) \vee (\sim A \wedge \sim B),$$

где $\wedge$ изображает логическое *и*

$\vee$ изображает логическое *или*

$\sim$ изображает логическое отрицание *не*

Иначе говоря, предположим, что подлинный паттерн, который мы пытаемся открыть, есть (А и В) или (не А и не В). Тогда вычитательный метод в том виде, как он изложен в тексте, никогда не откроет эту возможность. Как указывает Фрэнк, класс примеров, недостижимых для изложенной в тексте вычитательной стратегии, далеко не исчерпывается этим примером. Рассмотрим, например,

$$(A \wedge B \wedge C \wedge D \wedge E \wedge F) \vee (\sim A \wedge \sim F)$$

В качестве возможного выбора простейшего из дизъюнктивных паттернов рассмотрим то место в этой книге, где мы предложили нечто вроде мысленной гимнастики для терапевта, с помощью которой он может следить за какими-либо диссоциациями, использованными в его работе, чтобы убедиться, что во время фазы очистки, завершающей сеанс, произошла реинтеграция всех без исключения использованных диссоциаций. Предположим далее, что желательным результатом у клиента является состояние конгруэнтности. Если в течение сеанса была произведена диссоциация, а реинтеграция не удалась, то в итоге у нас будет неконгруэнтный клиент. Вполне возможно также, что если в течение сеанса не было диссоциации, а мы попытаемся произвести реинтеграцию в заключение сеанса, то у нас получится неконгруэнтный клиент. Однако если мы не произвели в течение сеанса ни диссоциации, ни реинтеграции, то может получиться конгруэнтный клиент (в зависимости от других обстоятельств, происшедших во время сеанса). По-видимому, это пример первой дизъюнкции,

$$(A \wedge B) \vee (\sim A \wedge \sim B)$$

Удивительно, что примеры более сложного случая, соответствующего формуле

$$(A \wedge B \wedge C \wedge D \wedge E \wedge F) \vee (\sim A \wedge \sim F)$$

можно построить из некоторых гипнотических паттернов – например, из применения центрально погруженных метафор, одного из излюбленных приемов Эриксона.

Использование глагола *построить* в предыдущем предложении отнюдь не порочит приведенные примеры и не должно внушить читателю представление, что такие возможности не могут встретиться в

естественных условиях. И в самом деле, они могли встретиться как часть сложного процесса кодирования в какой-нибудь исторической работе моделирования, без нашего ведома. Чтобы изучить эти возможности, надо построить более утонченную версию вычитательного метода.

Если требуется привести пример чрезвычайных преимуществ и ясности, доставляемых исследователю формальным мышлением и формальным представлением, то перед нами здесь великолепный образец. Наблюдение Фрэнка представляет как раз место встречи формального представления с грубым моделированием и кодированием паттерна.

Теперь читатель, вероятно, вполне уяснил себе, как много работы требуется для уточнения вопросов, связанных с кодированием. Этот важный аспект моделирования подробнее рассматривается в книге *RedTail Math: Эпистемология повседневной жизни* (рабочее название), Гриндер и Бостик, 2002.

Функции упорядочения

Нам кажется вполне естественным, что в истории НЛП – искусства моделирования тех сложных различий, которые существуют между наилучшим и средним исполнителем – обнаруживается та же одержимость именами, классификациями, категориями и т. д., которая вообще свойственна деятельности нашего вида. Однако вызывает некоторое удивление тот факт, что было затрачено так мало усилий для выяснения используемых нами упорядочений и вытекающих из них следствий.

Линейные упорядочения (частично или полностью критически пересмотренные).

Уже само по себе перечисление всевозможных примеров применяемых в НЛП упорядочений было бы труднейшей задачей, и очевидно оно должно было бы включать все паттерны, закодированные в этой области, поскольку описания этих паттернов частично или полностью содержат существенные для них упорядочения. Мы не знаем ни одного паттерна, предложенного исследователями НЛП, где выполнялся бы неупорядоченный список операций. Даже паттерны, столь элементарные как раппорт, производятся в упорядоченной последовательности, причем некоторые из таких последовательностей весьма сложны:

Установление раппорта путем отражения

1. В течение первых 30 секунд медленно приведите нижнюю часть вашего тела в то же положение, что у вашего клиента. Если клиент движется во время упражнения, продолжайте приспособлять эту часть вашего поведения, поддерживая соответствие с вашим клиентом.
2. В течение следующих 30 секунд незаметно приведите верхнюю часть вашего туловища в то же положение, что у клиента. Продолжайте приспособлять эту часть вашего поведения, поддерживая соответствие с вашим клиентом.
3. В течение следующих 30 секунд расположите вашу голову под тем же наклоном в сторону, вперед или назад, что у вашего клиента, и имитируйте некоторые аспекты его выражения лица. Продолжайте приспособлять эту часть вашего поведения, поддерживая соответствие с вашим клиентом.
4. В течение следующих 30 секунд согласуйте частоту, глубину и ритм вашего дыхания с дыханием вашего клиента. Продолжайте приспособлять эту часть вашего поведения, поддерживая соответствие с вашим клиентом.
5. Проверьте, что вы получили отношение раппорта, медленно переведя некоторую часть вашего тела в новое положение. Если клиент перемещается в это же положение, не осознавая своего перемещения, вы получили свидетельство о достижении раппорта. В противном случае вернитесь к шагу 1.

Другие форматы раппорта вполне просты:

Установление раппорта путем перекрестного отражения

1. Незаметно покачивайте вашим телом в унисон с ритмом дыхания вашего клиента.
2. Если вы полагаете, что установили раппорт, незаметно измените ритм покачивания вашего тела и проверьте, изменяется ли соответственно этому дыхание клиента. Если изменяется, вы установили раппорт. В противном случае вернитесь к шагу 1.

В первом паттерне есть некоторые элементы, вполне упорядоченные по отношению к другим элементам, другие же не упорядочены. Например, вы можете получить такое же качество раппорта за то же время, выполнив шаг 2 перед шагом 1, или шаг 3 перед шагом 2, и т. д. Решающее упорядочение в первом формате состоит просто в том, что шаги от 1 до 4 должны быть завершены до выполнения 5-ой операции. Второй паттерн полностью упорядочен – вы должны выполнить указанные операции по установлению раппорта до проверки его существования. Таким образом упорядочение, участвующее в изложении этих двух паттернов, представляет собой простую линейную последовательность: в первом случае это частичное упорядочение, в котором шаги от 1 до 4 выполняются в любом предпочтительном для вас порядке, а затем выполняется шаг 5; во втором случае упорядочение полно – шаг 1 должен произойти перед шагом 2.

Этот класс линейных последовательностей удобно представляется графически, в виде блок-схемы

Шаг 1 → Шаг 2 → Шаг 3 →... →Шаг n

Существует также (по крайней мере неявно) ветвящиеся блок-схемы: пример может представить любой формат якорения. Обычно «проблемное» состояние (поведение, подлежащее изменению) находится и заякоривается до выбора нового поведения или ресурсного состояния. В пределах паттернов вмешательства, использующих якоря, имеет смысл объяснить, что следует изменить до попытки выбрать желательное для клиента новое поведение.⁴

Воспроизведем здесь для удобства классический прототип формата якорения:

Первоначальный классический паттерн якорения НЛП

1. Установить, какое состояние клиент хочет (сознательно) изменить (данное состояние).
2. Установить, какого различия клиент (сознательно) желает – либо в виде указания желательного состояния, либо желательного для клиента ресурса, позволяющего ему изменить данное состояние.
3. Получить доступ к данному и желательному состоянию или ресурсу (то и другое заякоривается), причем последовательность доступа и якорения зависит от ощущаемых клиентом потребностей и от стиля терапевта, так что этот порядок, вообще говоря, не имеет решающего значения.
4. Установить связь (например, посредством интеграции, расположения в последовательность, прослеживания, сцепления и т. п.) между данным состоянием и желательным состоянием или ресурсом нового поведения, обычно путем манипуляции якорями.
5. Проверить эффективность проделанной работы (якорями, в повседневных условиях и т. д.).

Шаг 1→ Шаг 2 →Шаг 3 →Шаг 4 →Шаг 5

В этой первоначальной последовательности паттернов якорения шаги 1 и 2 вполне упорядочены по отношению к шагам 3 и 4, в то время как шаги 1, 2 и 3 вполне упорядочены по отношению к шагу 4. Шаги от 1 до 4 вполне упорядочены по отношению к шагу 5.

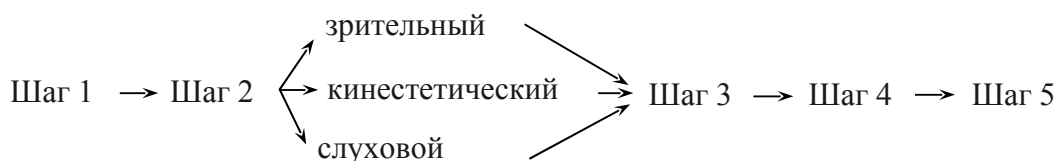
Предположим теперь, что в пределах шага 2 терапевт, в поисках ресурса или нового поведения для замены данного поведения клиента, дает клиенту следующее указание:

Представьте себе картину того, чего вы хотите, когда возникнет желательное для вас поведение!

Предположим, что терапевт вначале не заметил, что активируемая в данный момент система представления клиента – кинестетическая, а не визуальная, предлагаемая его указанием. Демонстрируя свою способность к калибровке, он замечает расхождение между своим указанием и активированной в данный момент системой представления клиента. Тогда он проявляет гибкость, мягко переходя к кинестетическому указанию, вроде следующего:

Представьте себе ощущение того, чего вы хотите, когда возникнет желательное для вас поведение!

Альтернативные пути через шаг 2 этого паттерна легко представить узлом ветвления в линейной последовательности, направленной к шагу 3, независимо от того, по какой ветви произойдет переход от шага 2 к шагу 3:

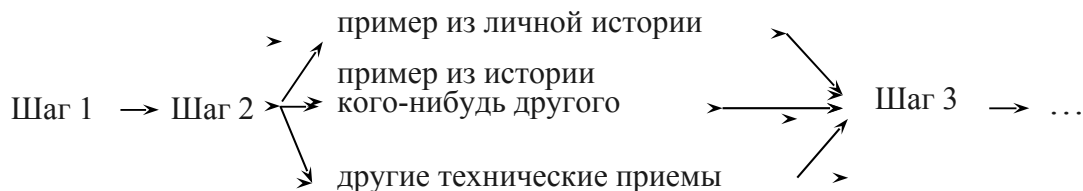
Другая часто встречающаяся структура ветвления в первоначальном формате якорения классического кода возникает при установлении конкретного поведения, заменяющего поведение, которое клиент желает изменить. Обычно терапевт руководит клиентом следующим образом:

Терапевт: *Теперь вспомните время, когда вы проявляли поведение, которым вы хотели бы заменить ваше нынешнее поведение.*

Клиент: *Видите ли...я в самом деле никогда не переживал такой желательной для меня ситуации.*

Терапевт: *Хорошо, подумайте о каком-нибудь человеке, которого вы уважаете и который, как вы видели и слышали, проявлял это желательное для вас поведение.*

Затем терапевт проводит клиента через некоторую последовательность событий, в которой тот сначала видит и слышит кого-нибудь, служащего моделью желательного поведения, потом заменяет образ и голос этой модели своими собственным, и, наконец, входит в отредактированную видеоленту со звуковой дорожкой, которую переживает не только зрительным и слуховым способом, но и кинестетически (в 1-ой позиции). После этого можно перейти к более широкому паттерну. Такая ветвящаяся последовательность может быть представлена схемой с ветвлением вроде предыдущей:

Все это кажется достаточно ясным – обобщение состоит в том, что упорядочение событий, последовательно занумерованных в паттерне НЛП, соответствует их расположению во времени. Если некоторое событие e^i происходит перед другим событием e^j в некоторой последовательности, то e^i выполняется во времени ранее e^j .

Иерархические упорядочения

В НЛП заметно также распространение упорядочений иного логического типа, чем линейные последовательности, а именно, иерархий. Мы полагаем, что иерархии представляют собой наборы упорядочений, которые могут быть представлены в вертикальной размерности – это наборы графических пред-

ставлений, использующих пространственную метафору (вертикальную размерность). Читатели, знакомые с ветвящимися блок-схемами, могут представить себе наборы упорядочений, именуемые иерархиями, как блок-схемы, повернутые на 90°. На несколько более техническом языке иерархии называются направленными множествами. Направленное множество есть частичная упорядоченность, в которой для любых двух элементов существует третий элемент, больший их обоих. Примером может служить простой оператор $\leq$ (больше или равно чему-то). Отношение $\leq$ является частичным порядком, если

$$1) x \leq y \leq z \rightarrow x \leq z \quad (\text{транзитивность})$$

$$2) x \leq y \leq x \rightarrow x = y \quad (\text{антисимметрия})$$

Частичный порядок называется направленным, если он удовлетворяет также условию

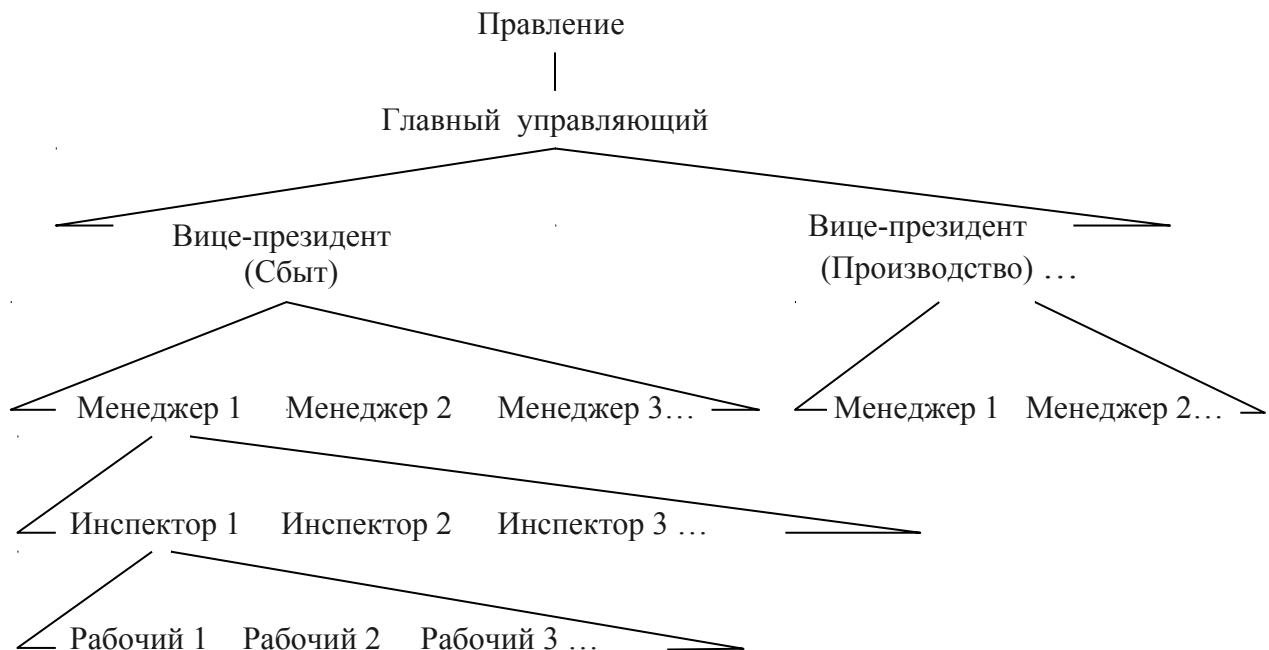
$$3) \forall x, y \exists z \text{ такой, что } x \leq z \text{ и } y \leq z \quad (\text{направленность}),$$

где $\forall$ есть квантор общности *все*
и $\exists$ есть квантор существования *некоторый*

Мы тщательно изучим это множество упорядочений, так как оно начало играть важную (и вызывающую все большие споры) роль в паттернировании НЛП.

В линейных последовательностях упорядочение слева направо отчетливо соответствует расположению соответствующих событий во времени; остается вопрос, какие события в мире соответствуют упорядочениям иерархий сверху вниз. Что означает вертикальное упорядочение, именуемое иерархией? Мы начнем с рассмотрения некоторых примеров иерархий.

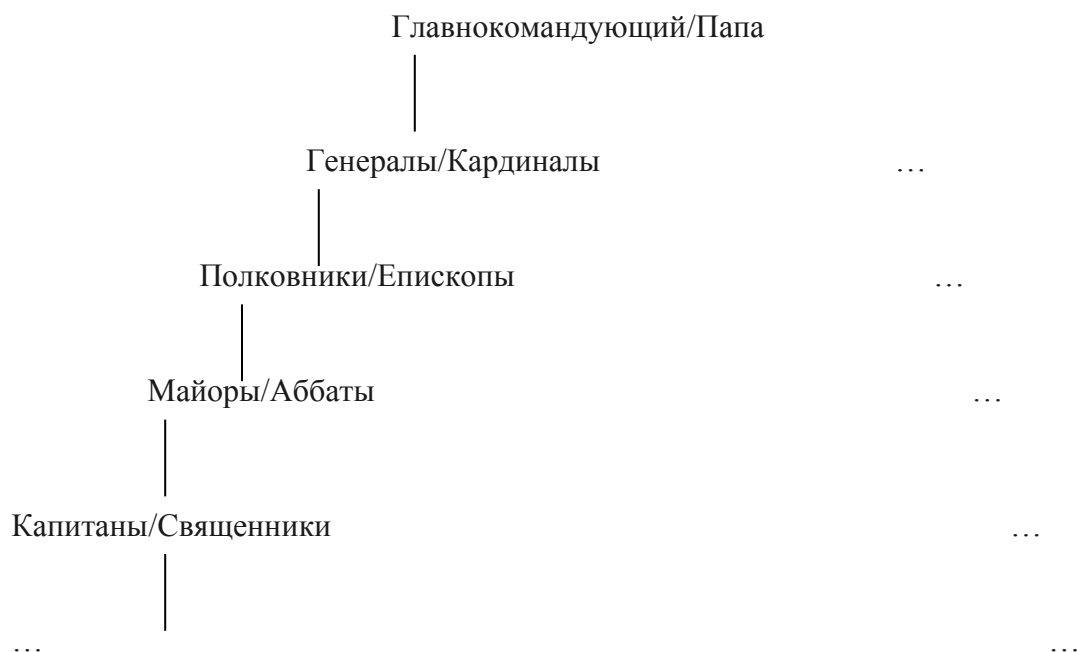
Схема организации некоторой компании или учреждения представляет собой как правило определенные отношения между членами компании. Схема организации порождается отношением *подотчетен перед* или *ответственен за* – в зависимости от того, предпочитаете ли вы читать схему снизу вверх, или сверху вниз.

Структура военных подразделений является иерархией, порожденной отношениями *команды* или *подчинения* (опять в зависимости от того, читаете ли вы иерархию сверху вниз или наоборот). Религи-

озные группы, такие как католическая церковь, и правительственные организации, по-видимому, имеют иерархии, изоморфные военной.

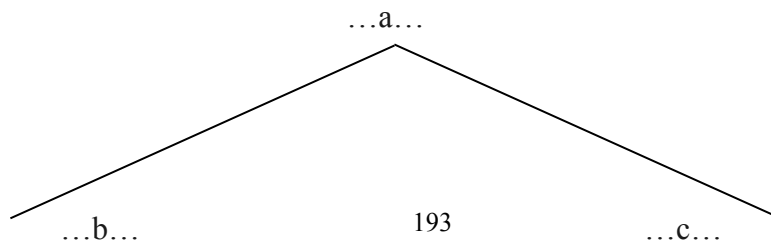
Есть даже свидетельства, что в определенных культурных группах семейные коллективы структурированы по этому общему паттерну. Несомненно, в некоторых экономических и социальных классах Латинской Америки есть много примеров высоко традиционных семей с такой структурой.

Теннисная иерархия упорядочена отношением *недавно победил* (или обратно, *недавно побежден*).

Несколько столетий назад великий таксономист Линней создал иерархию, до сих пор организующую наблюдения биологов, начиная с царств, типов, классов, и т. д. ⁵

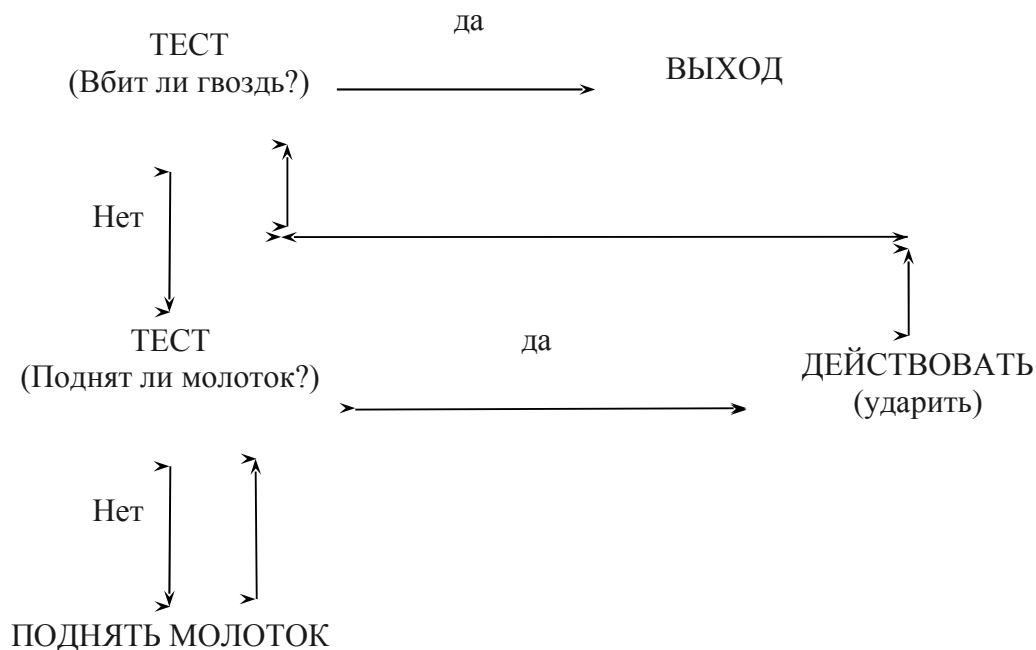
Возвращаясь теперь к области НЛП, мы получаем следующий частичный перечень использования иерархий:

Мета модель: это множество операций, определенных на входных языковых сообщениях, обычно поступающих от клиента, и ведущих к выходным возмражениям агента изменения, имеющим целью обогащение, расширение, модификацию или возражение на мысленные карты клиента, представленные в его первоначальном входном словесном сообщении. В этом случае слово *мета* означает, что метамодель является моделью некоторой модели. Метамодель называется также моделью (метамоделью) модели мира клиента, представленной его лингвистической продукцией. В этом случае термин *мета* – отношение *о* или отношение *объема* – указывает на множество операций, определенных в области лингвистической продукции клиента. Принцип устройства иерархии есть отношение...*покрывает* / *устанавливает объем в* ... (сверху вниз) или ...*покрывается* / *находится в объеме*... (снизу вверх). Прототип отношения объема показан на следующем рисунке:

На этом рисунке *a* называется покрывающим *b* и *c* или, равносильно, содержащим *b* и *c* в своем объеме, а элементы *b* и *c* называются находящимися в объеме *a*.

Метакомментирование: это терапевтический маневр нижнего уровня, в котором терапевт принимает сообщение клиента, обычно неконгруэнтное. Затем терапевт комментирует это сообщение, описывая или по меньшей мере указывая словесные и несловесные составляющие сообщения клиента и просит клиента помочь терапевту понять, что представляют собой эти сообщения – то есть возражает на неконгруэнтность клиента. В этом случае отношение *мета* или *о* равносильно отношению *содержит описание* или *относится к* – терапевт описывает или классифицирует сообщение клиента. Мета-комментарий – это словесная коммуникация, комментирующая или включающая в себя описание или ссылку на некоторый другой акт коммуникации, который считается комментарием о чем-то. Таким образом, если дан метакомментарий А, комментирующий некоторое предыдущее предложение В, то мы говорим, что А есть высказывание *о* В, или *покрывающее* В, или что В *входит в объем* А. Эти различные характеристики метаотношения в терминах отношения *о*, объема или покрытия в этой книге считаются эквивалентными.

Метасостояние: буквально это состояние о состояниях, состояние, покрывающее другие состояния, или состояние, в объеме которого находятся другие состояния. В обычном употреблении слов часто очень трудно понять, что имеет в виду автор, изображающий состояние *о*. Например, тексты М. Холла производят впечатление, что он придает особую ценность незаконному предпочтению всё «высших» уровней метасостояний, хотя нам трудно представить себе, какие преимущества могут отсюда произойти. Мы попросили бы М. Холла дать явный ответ на простое возражение метамоделей:

*Метасостояния – это состояния о других состояниях... что здесь конкретно означает «о»?*⁶

Одним их явных применений метасостояния является 3-я позиция в том смысле, как она входит в тройное описание. Это состояние, в котором находящийся в нем человек перцептуально представляет себя как актера, играющего на сцене ситуацию, на которую он хочет повлиять. Это часто называется позицией тренера, наблюдающей, консультирующей, управляющей, 3-й позиции

ей или метапозицией. В этом частном применении метапозиция или 3-я позиция есть перцептуальная позиция, *включающая или покрывающая своим объемом* представление представляющей стороны. Упорядочивающий принцип, порождающий это различие уровней, есть *...содержит/покрывает представление чего-то...* (сверху вниз) или *...включается в /покрывается представлением чего-то...* (снизу вверх). Как уже было указано, описательное выражение *мета* в этом употреблении примерно эквивалентно явлению объема. Если А есть мета для В, то В находится в объеме А, или А покрывает В своим объемом. Таким образом, стандартная 3-я позиция покрывает 1-ую и 2-ую позиции или содержит их в своем объеме – покрывает их в том смысле, что эти две перцептуальных позиции представлены в объеме представлений индивида, находящегося в 3-ей позиции.

ТОТЕы*: эта схема, развитая первоначально Миллером, Галантером и Прибрамом в работе 1960 года *Планы и структура поведения*, нашла себе место в НЛП. Она была предложена как альтернатива подходу Б. Ф. Скиннера Стимул→Реакция (в особенности после уничтожающей критики Хомским подобных подходов, претендовавших на адекватное моделирование человеческого поведения – в частности, словесного поведения). Самый обычный пример – это подпрограмма *забывания гвоздя*.

Конечно, сама по себе подпрограмма забывания гвоздя является частью более широкого ТОТа, такого как (например) *прикрепление досок*, входящего в свою очередь в больший ТОТ, *обшивка дома*, погруженный в свою очередь в больший ТОТ – *завершение строительства дома* и т. д. Эти последовательные зависимости выглядят как отношения части к целому.

Шестишаговый рефрейминг (в особенности шаг 3): здесь перед нами переход с одного уровня переживания и деятельности к другому – от конкретного поведения к намерению, удовлетворяемому этим поведением – причем намерение считается находящимся на более высоком уровне и изображается на диаграмме таким образом. Упорядочивающее отношение, порождающее эту иерархию, есть сложный предикат *...удовлетворяет намерение чего-то...* (чтение снизу вверх) или *...намерение которого удовлетворится чем-то...* (чтение сверху вниз).

Нейро-логические уровни Дилтса: К этому предмету мы вернемся впоследствии, чтобы оценить, что может представлять собой эта иерархия.

Цепочка превосходства Нового Кода: цепочка превосходства устанавливает возрастающий порядок опорных точек, использование которых позволяет эффективно повышать состояние предмета или предметов, находящихся ниже данной опорной точки. Упорядочение состоит в том, что опорная точка – или отношение *...может быть изменено изменением в ...* (чтение снизу вверх), или *...изменение, вызывающее изменение в ...* (чтение сверху вниз).

Разбиение: Это языковое упражнение, имеющее целью обратить внимание практиков на тот факт, что сам язык структурирован по уровням. Мы объясним это упорядочение в следующем разделе (*Разбиение/ Логические уровни* – Часть III, Глава 2). В действительности мы покажем, что этот процесс порождает в точности класс иерархий, погруженный в основные структуры самого естественного языка. А именно, мы покажем, что этот прототип иерархии и есть то, что до сих пор неопределенно описывалось термином *логические уровни*.

Фрейминг: это словесное представление части мысленной карты говорящего, позволяющее слушателю адекватно понять контекст, в котором работает коммуникатор. Тем самым для слушателя определяются границы значимости происходящей коммуникации. Поэтому иерархия может порождаться рядом подразделений, последовательно уменьшающих объем коммуникаций. Предикаты здесь следующие: *...происходит в пределах этого обсуждения...* (для движения по иерархии вверх) или *...устанавливает границы значимости для...* (при чтении вниз).

Системы представления и субмодальности: Субмодальности в каждом из сенсорных каналов и соответствующие им системы представления являются переменными, из которых составляются, как из элементов, переживания в каждом из этих каналов и систем представления. Зрительная

---

* TOTE (Test Operate Test Exit) – обратная связь для достижения некоторой цели (буквально: проверь действие проверь выход). (Прим. перев.).

система представления включает такие элементы как движение, окраска, форма, размер, ориентация, и т. д. Спускаясь вниз по иерархии, мы разлагаем элемент *цвет* на такие переменные как насыщенность, оттенок и т.д. При этом *оттенок* распадается на длины волн, которые мы обычно обозначаем английскими названиями видимых цветов спектра – зеленый, красный, желтый и т. д. Таким образом, воображаемый предмет считается содержащим конкретные значения некоторых или всех субмодальностей, составляющих этот образ в порядке убывания элементов. Это легко представляется упорядоченной иерархией:

Элементы, составляющие субмодальности, сами могут быть разбиты на свои различные элементы (*цвет* → *насыщенность*, *оттенок* . . .), и эти элементы, в свою очередь, разложимы. Таким образом, иерархия представляет собой отношение ...*состоит из*...(движение сверху вниз) или ...*являются элементами чего-то*...(снизу вверх).

Практик / мастер-практик / тренер / моделировщик: это административный или коммерческий прием, имеющий целью провести начинающего НЛП терапевта через четыре уровня компетентности. Каждый предыдущий уровень, начиная с практика, является предпосылкой для выхода на следующий уровень. Можно считать, что иерархия порождается предикатом ...*уже затратил X долларов на семинары*...

Хотя этот краткий перечень не исчерпывает различных применений иерархий в НЛП, он дает общее понятие об их многообразии.

Логические типы и логические уровни

Как было выше указано в тексте, до сих пор уделялось мало внимания, или вообще не уделялось внимания явному описанию отношений порядка в практике НЛП. Без такого явного обсуждения работа в области НЛП страдает существенным пороком – отсюда видно, почему иерархии были изложены выше с такой тщательностью. В этой дискуссии, а также в разделе *Эпистемология* Части I, мы указали на различные возможные отношения порядка, действующие в иерархиях: более конкретно, это иерархическое упорядочение части к целому и то, что мы назвали иерархическим упорядочением по логическим уровням.

До этого места в тексте этой книги лишь упоминалось важное различие между *логическими уровнями* и *логическими типами*, без объяснения этих двух основных терминов. Теперь мы выполним свое обещание и обсудим этот вопрос.

Мы вполне сознаем, что расходимся здесь в нашем изложении с исторически сложившимся использованием терминов *логический тип* и *логический уровень*. Теперь мы изложим причины, по которым предлагаем их нестандартное употребление и соответствующую лингвистическую реформу.

Исторически термин *логический тип* предложил Бертран Рассел. Вначале, в своей работе под названием *Основы математики* (1902), Рассел пришел к ряду парадоксов, носящих теперь его имя – парадоксов Рассела. Чтобы дать читателю представление о парадоксе Рассела, рассмотрим следующий пример.

Мы начнем с хорошо устроенных множеств: условимся определять класс объемом действия не которого свойства. Пусть, например, дано свойство: «весит больше одного килограмма на уровне моря на планете Земля». Тогда мы можем образовать класс из всех предметов, весящих больше одного килограмма на уровне моря на планете Земля, записывая этот класс в виде $\{x: W(x)\}$, где W – это свойство «весит больше одного килограмма на уровне моря на планете Земля», а выражение в скобках читается: класс всех таких x , что x весит больше одного килограмма на уровне моря на планете Земля. Конечно, это равносильно установлению правила для определения элементов множества, что называется еще интенсивным определением и соответствует, в частности, структуре естественного языка (более конкретно, структуре придаточных предложений). До сих пор все ясно!

Рассмотрим теперь $S = \{x: x \text{ не является элементом } x\}$ (читается: *S есть множество всех таких x, что x не является элементом x*). Здесь есть две возможности: либо S является элементом самого себя (элементом S), либо S не является элементом самого себя. Рассмотрим оба случая по очереди:

Случай 1: предположим, что S является элементом самого себя. Но, по определению, $S = \{x: x \text{ не является элементом } x\}$. Поэтому S не является элементом S . Но если S не является элементом S , то оно должно быть элементом...и т. д.

Случай 2: предположим, что S не является элементом самого себя. Но тогда (опять-таки по определению) S должно быть элементом S . Но если S является элементом самого себя, то оно не может быть элементом S , и т. д.

Это рекурсивное чередование истинностных значений показывает, что каждая из логических возможностей, представленных в обоих случаях, приводит к противоречию.

Приведем теперь примеры, несколько более близкие воображению читателя. Рассмотрим следующие объекты (следуя любезному сообщению Фрэнка Толла):

Библиография всех библиографий, не содержащих самое себя.

Парикмахер, бреющий всех тех, кто не бреется сам.

Почтальон, доставляющий почту всем тем, кто не доставляет почту самому себе.

Затратив некоторое время, вы обнаружите, что ни один из этих объектов не существует.

Источником трудности является аксиома неограниченного включения (или абстракции) в наивной теории множеств. Эта аксиома, впервые введенная Георгом Кантором, утверждает, что любое предикатное выражение $P(x)$, содержащее x как свободную переменную, определяет некоторое множество. Элементами этого множества являются в точности те предметы, которые удовлетворяют $P(x)$, то есть все такие x , которые являются P . Теперь все согласны, что подобная аксиома должна быть отвергнута или видоизменена.

Решение этого парадокса, принятое в настоящее время, состоит попросту в замечании, что не все свойства определяют множества, то есть что не каждый класс определяет множество. Это решение носит законодательный характер, то есть устанавливаются аксиомы, утверждающие, что некоторые мно-

жества существуют; эти аксиомы (при их надлежащем выборе) не позволяют нам построить такое множество, как S .

Ответ самого Рассела на этот парадокс, данный им в то время, заключается в его теории типов. Его основная идея состоит в том, что можно избежать упоминания об S (множестве всех множеств, не являющихся элементами самих себя), расположив все предложения в некоторую иерархию. Эта иерархия будет состоять из предложений об отдельных предметах (individuals) (на самом нижнем уровне), предложений о множествах отдельных предметов (на следующем уровне), предложений о множествах множеств отдельных предметов (на следующем, более высоком уровне), и т. д. После этого можно говорить о всех предметах, обладающих данным свойством (или удовлетворяющих данному предикату) лишь в том случае, если они находятся на одном и том же уровне, или имеют один и тот же «тип». Хотя Рассел впервые ввел идею типов в своей работе *Основы математики* (1902), эта теория получила завершённое выражение шестью годами позже в его статье 1908 года *Математическая логика на основе теории типов*, а затем в совместном труде с Алфредом Нортум Уайтхедом (*Principia Mathematica*, by Bertrand Russell and Alfred North Whitehead) (1910, 1912, 1913). Эта последняя работа имела наибольшие притязания: она должна была создать прочную основу всей математики – логику.

Весь вопрос о «парадоксах» Рассела в настоящее время не беспокоит тех, кто занимается теорией множеств. Наш друг Фрэнк Толл, профессор математики в университете Торонто и специалист по теории множеств, описывает это следующим образом:

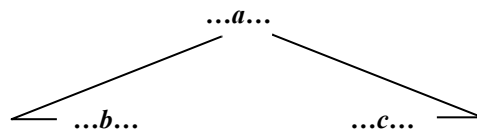
Парадокс Рассела показывает, что мы не можем наивно пользоваться (как в наивной теории множеств) неограниченной аксиомой включения. Принятое решение состоит в том, что вместо нее мы постулируем в качестве аксиом различные принципы, говорящие нам, что некоторые множества существуют, и что новые множества могут быть построены из старых множеств (например, если даны два множества, то существует множество, состоящее из них обоих). В этом контексте нет необходимости в расселовой теории типов. Однако, анализ этих аксиом показывает, что в действительности мы постулируем существование множеств, составляющих некоторую иерархию уровней. Различие между типами Рассела и уровнями Цермело состоит в том, что уровни Цермело кумулятивны: при $m > n$ множества n -ого уровня находятся также на m -ом.⁸

Бейтсон в своей трактовке уровней обучения и коммуникации и в своем анализе двойных связей, в книгах *Этапы экологии разума* и *Разум и природа*, приводит ряд увлекательных неформальных примеров того, как он понимает различие Рассела. Именно его работа привлекла вначале внимание Гриндера, обратив его внимание на важность работать с той же точностью в своих утверждениях и в их потенциальных приложениях.

Такова история термина. Мы предлагаем теперь следующее определение: термин *логический уровень* мы будем использовать для обозначения уровней в любой иерархии, порожденной логическим включением.

Логические уровни

Для двух произвольных элементов a и b структурного дерева (иерархии), порожденного логическим включением, мы будем говорить, что элемент a принадлежит более высокому логическому уровню, чем b в том и только в том случае, если a содержит b в одном из подразделений иерархии, лежащих ниже a .

Само по себе логическое включение есть вполне определенное отношение порядка, заданное свойствами сужения и наследуемости (см. более полное изложение в разделе *Эпистемология* Части I и в разделе *Разбиение / Логические уровни* Части III).

1. Сужение – уменьшенное покрытие при каждом последовательном подразделении с помощью придаточных предложений.
2. Наследуемость – сохранение критериев принадлежности к множеству при этом подразделении с помощью придаточных предложений.

Это употребление термина, по-видимому, согласуется с общепринятым использованием слова *уровень*, сопровождаемым наглядным зрительным представлением вертикального упорядочения – иерархии.⁹

Заметим теперь, что термин *логический тип* остался неопределенным. Мы предлагаем в дальнейшем понимать *термин логический тип* в смысле следующего определения:

Два множества s^i и s^j рассматриваются как множества различных логических типов в том и только том случае, если между ними не существует изоморфного отображения, сохраняющего все существенные характеристики каждого множества.

Два множества s^i и s^j рассматриваются как множества одного логического типа в том и только том случае, если между ними существует изоморфное отображение, сохраняющее все существенные характеристики каждого множества.

Под изоморфным отображением мы понимаем взаимно однозначное отображение, связывающее множества s^i и s^j , при котором отношения между элементами множества s^i переходят в такие же отношения между элементами множества s^j .

Следующий пример может пояснить, какое намерение стоит за этим различием. Бейтсон пишет в своем прекрасном предисловии к первому тому *Структуры магии*:

Для начала работы были некоторые предпосылки: «логические типы» Рассела и Уайтхеда... Они (Гриндер и Бендлер – ДГ и КБ) развивают общую модель коммуникации и изменения, куда входят другие способы коммуникации, с помощью которых люди представляют и сообщают свои переживания. Что происходит, когда сообщения в двоичном коде адресуются аналогово-му мыслителю? Или когда зрительные сообщения предлагаются слуховому клиенту?

Мы не представляли себе, что эти различные способы кодирования – зрительный, слуховой и т. д. – столь отделены друг от друга, столь различаются между собой даже в нейропсихологическом представлении, что никакой материал одного из них никогда не может быть того же логического типа, что некоторый материал другого.

Грегори Бейтсон,
Предисловие к *Структуре магии*,
том I, Введение, стр. X – XI.

Как нам кажется, Грегори прекрасно понял существо дела. Отсюда следует, что каждая из систем представления и коммуникации имеет существенные характеристики, глубоким и фундаментальным образом отличающие ее от других. Например, кинестетические представления имеют характеристики, для которых нет соответствующих характеристик в зрительном представлении, и наоборот. Более конкретно, зрительные представления могут, например, содержать противоречивые представления (или, лучше сказать, представления противоречивой информации) в устойчивой форме (без какого-либо *спонтанного* интегрирующего движения), тогда как кинестетические представления, содержащие противоречивые представления, будут неустойчивы, и противоречивые представления будут *спонтанно* интегрироваться (за исключением условий крайней диссоциации, таких как давно известное раздвоение личности или последовательная неконгруэнтность). Это *спонтанное* движение, интегрирующее одновременно присутствующие кинестетические представления (различные состояния ощущения) лежит в основе многих интегрирующих паттернов в форматах якорения НЛП.

Иными словами, подготовленный терапевт предпочтет предложить противоречивые представления с помощью якорей в кинестетической системе именно в том случае, когда он хочет, чтобы его клиент

спонтанно проинтегрировал свои противоречивые части. И тот же терапевт предпочтет одновременное изображение противоречивых частей в зрительной системе представления именно в том случае, когда он НЕ хочет *спонтанной* интеграции этих частей.¹⁰

Таким образом, эта характеристика, различающая зрительное и кинестетическое представления – то, что кинестетическое представление *спонтанно* интегрирует, а зрительная нет – есть в точности пример отношения в одном множестве (множестве кинестетических представлений со спонтанной интеграцией двух различных кинестетических представлений), которое не сохраняется, то есть не переходит в соответствующее отношение при отображении в другое множество (множество зрительных представлений).

Применяя это уточненное и лучше обоснованное понятие к кинестетическим и зрительным представлениям, можно заметить, что в контексте терапевта, выбирающего надлежащую систему для отображения представлений находящихся в конфликте частей клиента, эти два множества (зрительных и кинестетических представлений) отчетливо принадлежат различным логическим типам.

Далее, с точки зрения человека, излагающего общую концепцию мысленных карт с их меняющимися возможностями представления (зрительным, слуховым, кинестетическим и т. д.), эти два множества очевидным образом принадлежат к одному и тому же логическому типу.

В итоге решение, принадлежат ли два (или более) множества одному и тому же логическому типу или различным, требует спецификации психического пространства, определенного намерением классифицирующего терапевта, с сопровождающими его *существенными* характеристиками.

Это соответствует данному выше определению логических типов. Далее, этот конкретный пример привлекает внимание к неоконченности предложенного нами определения логических типов.

Слабое место в этом определении логических типов содержится в выражении

...все существенные характеристики каждого множества...

Пока это выражение не обосновано, определение бессодержательно и не может считаться точным. Трудность состоит в том, что содержание этого выражения (*все существенные характеристики каждого множества*) меняется в зависимости от намерения человека, выполняющего отображение.

Рассмотрим очень простой пример из бытового американского английского языка, где часто можно услышать в разговоре людей, пытающихся разрешить расхождения, следующее выражение:

Нет, это нечестно – вы сравниваете яблоки и апельсины!

В частности, обратите внимание на следствия из употребления выражения *яблоки и апельсины*. Его обычный смысл состоит в том, что в двух множествах предметов, названных терминами *яблоки и апельсины*, есть нечто, делающее это сравнение несостоятельным.

Итак, рассмотрим два множества предметов этого мира, названных *яблоками и апельсинами*. Следует ли классифицировать эти множества как принадлежащие одному и тому же логическому типу, или различным? Здесь очевидным образом обнаруживается недостаток первоначального определения. Рассмотрим следующие два описания намерения:

С точки зрения бюрократа, имеющего намерение подготовить доклад по производительности сельского хозяйства различных частей страны и оценивающего полную продукцию фруктов в некотором сельскохозяйственном регионе, яблоки и апельсины относятся к одному и тому же логическому типу. Те и другие – фрукты, и поэтому, определяя вклад этого региона в общую продукцию фруктов, их можно смешать вместе.

С точки зрения повара, имеющего намерение приготовить деликатесное блюдо, включающее фрукты, различия между яблоками и апельсинами важны. *Утка с яблоками* (если такая существует) была бы совершенно отлична от *утки с апельсинами*.

Что же здесь происходит? Мы полагаем, что решающей переменной является здесь намерение человека, производящего классификацию. Это намерение определяет мысленное пространство, в котором происходит или не может произойти некоторое изоморфное отображение.

Два множества, указанные в этом примере, имеют некоторые общие характеристики. Предметы того и другого растут на деревьях, содержат значительные количества естественных витаминов, предлагаются как закуски и десертные блюда, входят – например, в США – как важные продукты в коммерцию и т. д.

Но у этих двух множеств предметы обладают также совершенно различными чертами: они страдают от разных вредителей сельского хозяйства, яблоки обычно едят с кожурой, а апельсины без кожуры, у них различный вкус, различный химический состав и т. д.

Поэтому, чтобы решить, принадлежат ли два множества (или большее число множеств) к одному и тому же логическому типу или к различным, человек, предлагающий классификацию, должен сначала указать свое намерение. Это намерение определяет некоторое психическое пространство. В его намерении неявно присутствует (и явно присутствует в порожденном таким образом психическом пространстве) сосредоточенность на некоторых характеристиках элементов двух (или большего числа) рассматриваемых множеств – в приведенном примере эти характеристики различны для бюрократа и повара. Таков операционный смысл прилагательного *существенные* в первоначальном неточном выражении *все существенные характеристики*.

Отсюда следует, что яблоки и апельсины принадлежат одному и тому же логическому типу, если их существенные характеристики совпадают в мысленном пространстве классифицирующего терапевта, так что оба множества изоморфны или эквивалентны в мысленном пространстве, порожденном его намерением, а в противном случае они не изоморфны.

То же происходит в ряде случаев, встречающихся в практике НЛП, где используются логические типы. Приведем два таких примера. Практики НЛП, подготовленные к применению метафор, узнают применяемые дальше паттерны. Когда производится отображение из ситуации, предъявленной клиентом или группой, в некоторое метафорическое пространство (в историю, предъявляемую практиком клиенту), то техника этого процесса обычно требует, чтобы вмешательство было предъявлено подсознанию клиента без ведома клиента, в чем состоит вмешательство. Как правило, это выполняется полным изменением существительных при неизменных глаголах (или отношениях). Грубый пример: если два совладельца компании борются за власть, мы можем говорить о двух колибри, борющихся за источник питания. В этом простом примере имеется следующее соответствие:

владелец¹ → колибри¹

владелец² → колибри²

компания → источник питания

Иными словами, мы изменили все первоначальные существительные, отобразив их в новое множество существительных. Как правило, это бывает достаточно, чтобы ввести сознание в заблуждение по поводу объектов, соответствующих в действительности объектам этой метафоры (напомним, что мы приводим для ясности особенно прозрачный пример). Изоморфные отображения, используемые в метафорах, могут быть настолько прозрачны или настолько непроницаемы, как пожелает терапевт.

Способ, которым подсознание распознаёт действующих лиц (то есть кто кого представляет), состоит в проверке, что отношения между первоначальными существительными сохраняются в отношениях между соответствующими существительными в метафорическом пространстве. Рассмотрим, например, отношение между совладельцами компании. Это в точности то же отношение, которое существует между колибри и их источником питания. С помощью этих отображений, сохраняющих основные отношения, подсознание легко раскрывает и успешно интерпретирует метафору, между тем как сознание не понимает, что происходит. Но обратите внимание на тот факт, что один из совладельцев бизнеса женат, а другой нет, и это обстоятельство не передается отображением – что соответствует данному

выше описанию. Практики, желающие использовать изоморфное отображение между наличной действительной ситуацией и метафорой, которая должна быть использована для вмешательства, не имеют намерения отобразить все особенности первоначальных действующих лиц на соответствующие им объекты метафоры. Их намерение – выбрать лишь те характеристики, которые по их мнению существенны для успешного вмешательства.

Второй случай в практике НЛП, где требуется определить мысленное пространство, на которое производится отображение – это набор упражнений в разделении, вездесущий в тренировке НЛП. В ходе нашей семинарской работы по НЛП мы как правило предлагаем группе – обычно в качестве упражнения для разогревания цепей – краткую тренировку в разделении. Например, предположим, что мы начинаем со слова *корабль*

корабль

разделение, направленное вниз (то есть в сторону большей конкретности), что приведет к словам *яхта, челнок, шлюпка* и т. д. как правильным нижним разделениям, в то время как разделение, направленное вверх (к большей общности) даст нам *морские суда*. В убывающем порядке общности мы получаем цепочку множеств:

Морское судно

Корабль

Яхта

Таким образом, яхты являются элементами множества предметов, именуемых *кораблями*, тогда как множество предметов, именуемых *кораблями*, включается во множество предметов, именуемых *морскими судами*. Соответствующий процесс мы применяем к заданному кораблю, причем, выполняя разделение, направленное вниз, мы задаем вопрос:

Какие элементы входят во множество предметов, обозначенных переменной «корабль»?

и получаем, среди других, ответ *яхта*. Если мы начнем с *корабля* и хотим выполнить разделение, направленное вверх, мы спрашиваем

Элементом какого множества является корабль?

что приводит, наряду с другими возможностями, к ответу *морское судно*.

Более сложен вопрос о боковом разделении – предположим, что мы снова начинаем с *корабля* и требуем бокового разделения. Чтобы ответить, нам придется решить (по крайней мере подсознательно), в каком контексте или каком мысленном пространстве мы действуем. Мы можем ответить *самолет* или *автомобиль* или *мотоцикл*, и большинство людей интуитивно реагируют на это, по-видимому, в положительном смысле – да, это *законное боковое разделение*.

Однако мы можем ответить словами *пемза* или *тучные люди* или *пенополистирол* или *гиппопотамы с легкими, наполненными воздухом*. Но в этом случае мы, несомненно, не так легко добьемся согласия. В чем тут дело?

Мы полагаем, что в случае, когда множеств *корабль* отображается на *самолет, автомобиль, мотоцикл*, относительно легко найти множество на более высоком логическом уровне, указываемые множеством этих предметов (*корабль, самолет, автомобиль, мотоцикл*) – все это транспортные средства, хотя и применяемые в различных средах (соответственно, такой средой являются вода, воздух и земля). Иными словами, при боковом разделении мы строим отображения, указывая множество на более высоком логическом уровне (в мысленном пространстве), содержащее начальный объект (*корабль*) в качестве элемента, а затем выбираем другие элементы указанного множества. Таким образом, это боковое отображение есть двухшаговый процесс:

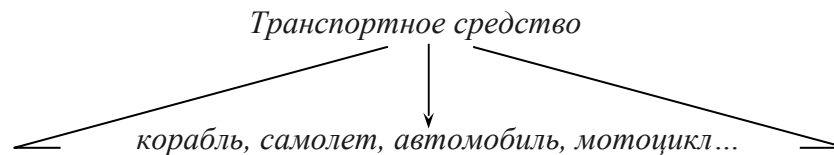
1. Указать надмножество (множество на более высоком логическом уровне), содержащее в качестве элемента начальный предмет (*корабль*).

транспортное средство

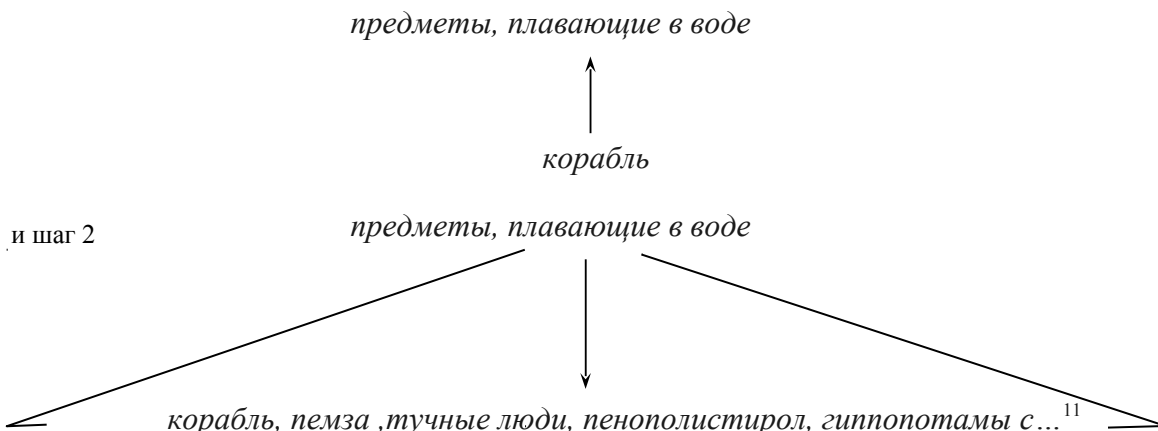
корабль

2. Привести другие элементы (*самолет, автомобиль, мотоцикл*) этого множества, находящиеся на том же логическом уровне, что начальное слово (*корабль*).

Начальное слово *корабль* можно связать со словами *самолет, автомобиль, мотоцикл*, или со словами *тучные люди, пенополистирол, гиппопотамы с наполненными воздухом легкими*; различие между реакциями на эти два множества зависит от произвольного выбора некоторого надмножества.

Применяя двухшаговый процесс, мы имеем шаг 1

Мы предлагаем далее более утонченную версию определения логических типов, включив ссылку на мысленные пространства, порожденные намерениями классифицирующих терапевтов:

Любые два множества s^i и s^j называются множествами одного и того же логического типа для некоторого мысленного пространства t тогда и только тогда, когда существует связывающее их изоморфное отображение в t .

Здесь t есть мысленное пространство, определенное намерением классифицирующего терапевта.

На несколько более понятном английском языке, два собрания предметов относятся к одному и тому же логическому типу, если есть способ связать между собой элементы одного собрания с элементами другого таким образом, что отношения между элементами первого существуют тогда и только тогда, когда те же отношения существуют между соответствующими элементами второго.

Мы предлагаем, таким образом, принять определенные здесь термины, *логические уровни* и *логические типы*, как полезные словарные средства, облегчающие коммуникацию по поводу моделей, паттернов и процессов, применяемых в области НЛП.

Нейро-логические уровни Дилтса

В последние десять лет, или около того, Роберт Дилтс, рассматриваемый как один из ведущих представителей НЛП, развил и распространил несколько результатов своей работы, которые представляются нам спорными. Мы предлагаем их анализ с целью указать, каким образом можно улучшить качество паттернов НЛП, различая разные типы отношений порядка. Одним из примеров включения еще не определенных наименований является такой термин как *духовность*. Понятие *духовность*, по видимому, весьма интересно и важно для многих людей.

Если духовность рассматривается как человеческое явление, подлежащее моделированию, то, разумеется, она имеет право занять место наряду с другими сложными системами паттернов, такими как *превосходство*, *гибкость* и *творческая способность*, в качестве законной цели моделирования. В той мере как она входит в НЛП – как не проанализированное понятие, встречающееся в паттернах НЛП – духовность представляет собой отклонение в направлении содержания и личного предпочтения в самоорганизации. Мы не имеем особых возражений, если кто-нибудь желает развивать любую тему на личном уровне, но мы настаиваем, чтобы подобные предприятия были отчетливо выделены в таком качестве и не считались законными частями НЛП.

Второй спорный вопрос, притом более относящийся к настоящей дискуссии, это иерархическое упорядочение, предложенное Дилтсом. Мы хотим поставить следующий вопрос:

Каков упорядочивающий принцип, порождающий вертикально расположенные последовательности наименований, представленные Дилтсом под названием «Нейро-логические уровни»?

Ответ на этот вопрос представляется актуальным, поскольку мы встречаемся с комментариями других авторов¹² в таком роде:

Модель «Нейро-логических» уровней Роберта Дилтса столь полно вошла в самую ткань НЛП, что большинство из нас имеет в виду именно их, когда думает об «НЛП» или о «логических уровнях».

Майкл Холл, *Большая гибкость с помощью других «логических уровней»*, Мир НЛП, стр. 1.

Как мы покажем с полной ясностью, так называемые Нейро-логические уровни, предложенные Дилтсом, ни в коем случае не являются примером логических уровней. Мы докажем, что принцип упорядочения, порождающий последовательности Дилтса, не является ни одним из принципов упорядочения, определенных выше в этой книге: ни принципом логического включения (и тем самым логических уровней), ни отношением части к целому.

Определенный ответ на этот вопрос классификации поможет нам решить, является ли последовательность Дилтса формальным или содержательным объектом, и тем самым уместно ли включить ее в область НЛП.

Конечно, Дилтс предлагает некоторый вид порядкового отношения в вертикальной размерности своей модели. Хотя в его изложении имеются некоторые небольшие вариации, самое обычное представление упорядоченной цепочки наименований у него следующие:

Духовность

Личность*

Вера/Ценности

---

* В подлиннике слово identity, означающее также «тождественность» и «самопонимание индивида». (Прим. перев.).

Способность

Поведение

Среда

Здесь можно поставить вопрос следующим образом:

Какой упорядочивающий принцип порождает эту иерархию?

Адекватный ответ на этот вопрос особенно труден потому, что отсутствует определение (явное правило принадлежности), задающее входящие в эту иерархию наименования. Чтобы продвинуться дальше, мы просим Дилтса предложить его собственные критерии принадлежности, и временно принимаем обычные определения для терминов Дилтса, пока он не предложит другие.

Мы уже дали явное определение двух иерархических принципов упорядочения – логического включения и иконического отношения (отношения части к целому). Иерархии, порожденные логическим включением, имеют два формальных свойства:

Наследственность

Сужение

Если бы модель Дилтса была в самом деле иерархией, порожденной отображением логического включения, то любые характеристики (правила принадлежности элементов), определяющие более высокие множества иерархии, должны были бы также служить критериями принадлежности для более низких множеств иерархии. Мы опускаем без комментариев верхнее наименование – *духовность*. Мы просто не в состоянии комментировать этот термин, слишком неопределенный, чтобы обсуждать его без особого послания творца (здесь мы ссылаемся на Дилтса). Таким образом, мы принимаем *личность* за высшее наименование, какое мы включаем в это рассуждение – верхнее подразделение в иерархии. Мы считаем бесспорным, что правило принадлежности, выделяющее на ПД множество, именуемое *личностью*, и его дополнительное множество включают в себя представление о физическом теле, что бы другое туда ни входило. Понятие личности без физического тела кажется по меньшей мере плохо определенным.¹³

В таком случае мы можем законно поставить вопрос, включают ли все множества, подчиненные *личности*, эту характеристику (человеческое тело) как часть их правил принадлежности.

Нам трудно представить себе, каким образом наличие физического тела может быть требованием принадлежности к одному из расположенных ниже множеств, за исключением поведения – в частности, спорно в этом смысле множество *среда*. Может быть, дело здесь в недостатке воображения с нашей стороны, но мы не понимаем, как это требование может удовлетворяться представленной здесь предположительной иерархией. Подобным образом, применение второго из двух формальных свойств приводит к отрицательному результату. Мы не можем понять, в каком смысле множество по имени *среда* может быть сужением множества под названием *поведение*, как это было бы необходимо, если бы перед нами была иерархия логических уровней, порожденная логическим включением. Таким образом, эта иерархия не может быть истолкована как иерархия, порожденная упорядочивающим отношением логического включения, и, тем самым, не является примером логических уровней.

Попытаемся теперь применить иконический принцип упорядочения, то есть упорядочение части к целому. Более конкретно, мы спрашиваем:

Является ли личность частью духовности?

Может показаться, что некоторые индивиды допускают такую возможность. Вообще ортодоксальные члены религиозных групп – мусульмане, христиане, иудеи, буддисты и т. д. по-видимому утверждают, что их личность подчиняется их духовности. Но в то же время люди более светской ориентации вероятнее всего будут утверждать, что их личность включает их духовность. Трудность в том, как пони-

мать утверждение, неявно содержащееся в иерархии. Но ясно, что в различных индивидах в действительности происходят оба упорядочения. Это кажется формальным противоречием.

Таким образом представляется, что иерархия, описанная выше, не порождается ни логическим включением, ни отношением части к целому. Трудно сказать, но вряд ли Дилтс стал бы утверждать, например, что среда является частью поведения, как это следовало бы из применения иерархий Дилтса отношения части к целому.

Итак, с точки зрения формальных характеристик иерархического упорядочения – логического включения и отношения части к целому – вертикальные последовательности, предложенные Дилтсом, оказываются не образующими иерархии ни в одном из этих двух смыслов. Можно предположить, что его иерархия порождается некоторым еще не установленным принципом упорядочения.

Мы ценим способности Дилтса и приглашаем его явно изложить упорядочивающий принцип, по которому он расположил свой предполагаемый паттерн, и в то же время просим его *сделать недвусмысленное заявление, что его Нейро-логические уровни не предназначены для представления логических уровней* – уровней, составляющих принципы упорядочения в структуре естественного языка.

Мы позволили себе уделить много времени и внимания тщательному изложению этой критики Нейро-логических уровней Дилтса, потому что этот вопрос вызывал значительную путаницу в практике НЛП, причем много практиков ошибочно смешало их с логическими уровнями. Такое смешение произошло вследствие пренебрежения точной формулировкой указанных нами различий, что привело к ряду отрицательных эпистемологических последствий. Как мы показали, мы имеем здесь дело НЕ с примером упорядочивающего принципа логического включения, так что это НЕ пример логических уровней. От ответа Дилтса на наше предложение указать упорядочивающий принцип, стоящий за его структурой, зависит, следует ли ее рассматривать как законный формальный паттерн или как содержательную модель, *возможно и полезную, но очевидно находящуюся вне области НЛП*.

Выражение *полезную, но очевидно находящуюся вне области НЛП* требует разъяснения. Приведем пример. У Вирджинии Сатир была процедура, которую я (ДГ) много раз наблюдал в ее превосходной семейной терапии. Я опишу эту последовательность.

Сатир работает с семьей; присутствуют муж, жена и несколько их потомков. В какой-то момент муж впадает в негодование, лицо его искажается, он сжимает кулаки и бьет ими по ручке своего кресла, резко и громко восклицая:

На самом деле вам всем на..... на меня, а я просиживаю мою задницу на работе, чтобы дать вам ...

Сатир быстро перемещается в позицию рядом с возбужденным человеком, подстраивая к нему положение своего тела (и глядя в том же направлении), внимательно наблюдая и слушая его высказывания. В какой-то момент, когда этот человек делает передышку, Сатир вступает в игру. А именно, она подчеркнуто имитирует голос этого человека, вначале усиленно повторяя также его позы, выражение лица и движения. В действительности в ее поведении можно узнать (не впадая в ловушку содержания) преувеличенную версию того, что он только что делал. Она продолжает это в течение некоторого времени, калибруя боковым зрением реакции мужа. Когда она обнаруживает изменение в его позе, выражении лица и т. д., она начинает изменять свой голос, выражение лица и движения. В течение нескольких минут она повторяет поток слов клиента, подтверждая его слова:

Джордж просидел всю свою задницу, чтобы обеспечить своей семье такую жизнь, какой она заслуживает... и он сердит, потому что чувствует в некотором смысле недостаточное признание его огромных усилий...

Когда она повторяет всю эту жалобу, ее голос понемногу меняется, и в конце концов становится удивительно утешительным, подбадривающим, почти интимным – ее поза тоже меняется и становится безобидной, почти дружелюбной, на ее лице появляется выражение озабо-

ченности и видимого понимания того, что переживает этот человек, а голос ее мягко переходит к выражениям вроде следующего:

...я искренне надеюсь, что каждый из вас (указывает на каждого из членов семьи) испытывает те же добрые чувства, и сумеет выразить эти важные чувства.

Она чрезвычайно внимательно следит за мужчиной во время этих изменений в ее несловесном и словесном поведении, чтобы убедиться посредством калибровки, что он следует за ней, после надлежащей подстройки – ее первоначального преувеличенного негодования. Если она обнаруживает, что он колеблется в своем следовании за ней, она меняет свое поведение в направлении первоначально выраженного им гнева. Если он следует за ней надлежащим образом, она продолжает вести его к описанным выше состояниям.

Когда она убеждается, что он правильно реагирует на внушаемое ею состояние, она протягивает руку и останавливает ее возле его живота примерно в двух-трех дюймах над ним, перемещая ее медленным движением по часовой стрелке. Ее тело выражает теперь симпатию и внимание; ее взгляд прямо направлен в глаза клиенту. Ее голос звучит в нижнем регистре, означающем весьма интимный разговор с этим мужчиной, и она говорит:

...теперь, когда вы как следует выразили чувство негодования, которое у вас в самом деле было (обратите внимание на прошедшее время), не расскажете ли вы, какое глубокое чувство обиды за всем этим стоит?

В ответ на это мужчина обычно впадает в сентиментальное состояние, выражая со слезами свою обиду, что удивляет всех присутствующих (в том числе его самого), но, конечно, не Сатир.

Что же здесь произошло? Предпосылка Сатир состояло в том, что за каждым выражением гнева стоит чувство обиды. Она полагала, что полезно дать выход этому гневу и чувству обиды, которая, как предполагается, лежит в его основе. Эти предпосылки составляли в действительности часть ее мысленных карт.

Но что важнее всего с нашей нынешней точки зрения, она навязала эту предпосылку клиенту. В измененном состоянии этого человека, внушенном утонченной способностью Сатир к подстройке и ведению, она занималась содержательным гипнозом. Она воспользовалась измененным состоянием клиента, чтобы ввести в подходящий момент ее предпосылку:

выражение гнева → чувство обиды.

Но вы можете на это сказать:

Разве тот факт, что клиент не выдержал и признал с надлежащими эмоциями свою обиду, доказывает, что она была права – что за его гневом в самом деле было невысказанное чувство обиды?

Ответ достаточно ясен – поведение клиента так же мало доказывает, что у этого человека было невысказанное чувство обиды, как демонстрация эстрадного гипнотизера, у которого «добровольцы» кулачуют и бегают, как куры, доказывает, что эти добровольцы в самом деле имеют невысказанные чувства курицы. Эффективное использование содержательного гипноза доказывает только, что клиент, как и эти добровольцы, способен воспринять и конгруэнтно реагировать на внушения компетентного гипнотизера.

Справьтесь по этому поводу в своих мысленных картах. Бывало ли, что вы обнаруживали за вашим гневом чувство обиды? Да, конечно. А случалось ли, что вы выражали гнев без всякого чувства обиды, стоявшего за ним? Да, много раз! Таким образом, выражение гнева не оправдывает допущения, что в его основе лежат чувства обиды.

Для нас основной вопрос тот же, с которым встретился Фрейд больше 100 лет назад:

Как можно защитить целостность личности (верования, ценности, предпочтения и т. д.) клиента, поддающегося внушению вследствие измененного состояния, как это обычно бывает с людьми при значительных переменах?

Ответом Фрейда на этот вопрос были известные ограничения, наложенные им на поведение аналитика (прислушиваться к свободным ассоциациям с минимальным вмешательством и т. п.) и на физическую обстановку (помещать клиента на кушетку вне поля зрения аналитика, чтобы избежать зрительных подсказок и т. п.). В практике НЛП, особенно в работе изменения с индивидами и с небольшими группами, ответом на этот вопрос является разделение проблемы на две части: содержание разговора между клиентом и терапевтом, и самые процессы изменения – формальные характеристики последовательностей, с помощью которых производится манипуляция содержанием. В самом деле, обычная практика НЛП требует, чтобы практик различал содержание от процесса, оставляя содержание полностью клиенту и манипулируя процессом – бесстыдно, эффективно и, по возможности, виртуозно.

Таким образом, значительная часть этики практического применения НЛП зависит от способности практика различать процесс от содержания и от его способности ограничить свои манипуляции уровнем процесса.

Во всех случаях, когда я (ДГ) наблюдал описанную выше процедуру Сатир в ее собственном исполнении, за единственным исключением, члены семьи подсознательно принимали высказанные выше предпосылки и соглашались с ними, демонстрируя эмоции, соответствующие ее внушениям.¹⁴

Иными словами, эта процедура действовала – и составляла каждый раз пример эффективной семейной терапии. Основное наблюдение состояло в том, что Сатир эффективно внушала изменения. Но при этом она занималась содержательным гипнозом, а такая практика неэтична. Тот факт, что некоторая процедура действует, не означает, что она является законным паттерном, ни в области НЛП, ни в чем-нибудь другом. В самом деле, можно сказать, что клиенты в типичном измененном состоянии, наведенном в процессе изменения, столь подвержены внушению, что проявляют удивительную гибкость, эффективно интерпретируя некогерентные в других отношениях предположения своего авторитета (терапевта). Поэтому успех в таких предприятиях является необходимым, но не достаточным условием, чтобы предложить такую последовательность действий в качестве паттерна НЛП, в том смысле, как мы определили это понятие. Если у вас нет достаточного навыка в калибровке физиологических сигналов измененных состояний, вряд ли можно защитить клиента без систематического различения процесса от содержания.¹⁵

Примечания к Главе 1 Части III

1. Любой практик НЛП, знакомый со столь *прозрачными* терминами как *четверка*, в этом месте без сомнения рассмеется. Конечно, четверка – один из самых затруднительных для употребления терминов этого упражнения, что и объясняет предлагаемую в этой книге лингвистическую реформу – введение *Первого Доступа* вместо *четверки*.
2. Мой (ДГ) главный преподаватель Эдвард Клайма указал мне по поводу лекции, прочитанной мной в Калифорнийском Университете в Сан Диего в 1976 году, на эту трудность, касающуюся трех так называемых главных процессов отображения – Обобщения, Удаления и Искажения. Он сделал это в своей обычной мягкой и проницательной манере.
3. Я принимаю на себя ответственность за введение в практику НЛП этого закона необходимого разнообразия – рассматриваемого здесь как неуместный.
4. Новый код воплощает альтернативную стратегию, по существу делающую то, что подлежит изменению, входом в некоторый контекст; этот контекст определяет множество стимулов, которое впоследствии служит пусковым механизмом, реактивирующим выработанное во время упражнения высокопроизводительное состояние. Таким образом, когда в тексте говорится, что *имеет смысл объяснить, что подлежит изменению, прежде чем пытаться выбрать различие...*, то это замечание относится лишь к условиям, в которых применяется классический код паттернов якорения: в самом деле, в классическом коде содержится предположение, оспариваемое новым кодом – что

клиент должен сознательно участвовать в выборе новых форм поведения и ресурсов как в неотделимой части процесса изменения.

5. Появление анализа ДНК и движение за пересмотр этой иерархии в терминах клейдистской таксономии, или с наложением этих данных на данные ДНК, попросту означают, что в последнее время частное иерархическое отношение упорядочения, неявно использованное Линнеем в построении его таксономии, оказалось под угрозой.
6. Мы предлагаем М. Холлу особое испытание гибкости – написать статью (или хотя бы абзац), не использующий термина *мета*! Это может вызвать у Майкла улыбку.
7. Таким образом, эта иерархия есть классический пример иерархии, упорядоченной отношением части к целому. Примером путаницы, возникающей, когда не указан порождающий иерархию принцип упорядочения, может послужить недавнее выступление М. Холла и Б. Боденхеймера в статье *Удивительное новое открытие о субмодальностях*, Мир НЛП, том 5, №3, ноябрь 1998 года. Эта статья в самом деле удивительна
8. Ссылка Фрэнка относится к системе аксиом теории множеств Эрнста Цермело (1908) и к ее наиболее обычной современной форме – предложенному Френкелем видоизменению первоначальной работы Цермело. Различие между наивной теорией множеств и (просто) теорией множеств состоит в том, принимаются ли предположения Кантора, которые называются наивными. Мы глубоко благодарны Фрэнку Толлу за ряд комментариев и терпеливое руководство в этих вопросах. Разумеется, он не несет ответственности за наши истолкования.
9. Отметим, например, сколько раз встречается термин *уровень* в приведенном абзаце, где мы ввели логический тип способом Рассела (в следующем абзаце, воспроизводимом для удобства читателя, мы выделяем это слово курсивом):

Его (Рассела) основная идея состоит в том, что можно избежать упоминания об S (множестве всех множеств, не являющихся элементами самих себя), расположив все предложения в некоторую иерархию. Эта иерархия будет состоять из предложений об отдельных предметах (на самом нижнем *уровне*), предложения о множествах отдельных предметов (на более высоком *уровне*), предложений о множествах множеств отдельных предметов (на следующем более высоком *уровне*), и т. д. После этого можно говорить о всех предметах, обладающих данным свойством (или удовлетворяющих данному предикату) лишь в том случае, если они находятся на одном и том же *уровне*, или имеют один и тот же «тип».

Это последнее условие (*после этого можно говорить о всех предметах, обладающих данным свойством (или удовлетворяющих данному предикату) лишь в том случае, если они находятся на одном и том же уровне, или имеют один и тот же «тип»*) представляет собой ограничение ad hoc*, накладываемое на логические «типы» Рассела.

Насколько мы понимаем, класс иерархий, созданный Расселом в его решении ad hoc, используется теперь как мера сложности в теории множеств, что не особенно существенно для НЛП на этой стадии его развития.

Заметим также, для оправдания этого изменения терминологии, что естественный язык содержит в точности этот класс иерархий как неотъемлемую часть его структуры – порожденную применением придаточных предложений к множествам более высоких уровней. Заметим также, что мы заняли развитую здесь эпистемологическую позицию, состоящую в том, что все формальные системы (логика, математика, формальные искусственные языки и т. д.) являются производными от внутренней логики естественного языка; с этой точки зрения предлагаемая лингвистическая реформа представляется вполне удовлетворительной. Напомним читателю, что мы используем термин *производный* в двух смыслах. В первом, историческом смысле, мы предполагаем, что первой компонентой человеческой нервной системы, моделированной системой конечных рекурсивных правил, является синтаксис естественного языка. Второй смысл состоит в том, что формальные системы, такие как логика, все еще сохраняют очевидные связи с естественным языком, как и самые

---

* Нарочитое, с определенной целью (лат.). (Прим перев).

основные области математики – например, арифметика (см. Часть I, Глава *Интеллектуальные предшественники НЛП*, где конкретные примеры можно найти в разделе *Логика*).

Таким образом, логические уровни – это в точности различные уровни любой иерархии, которая порождается упорядочивающим отношением логического включения.

10. Подробное обсуждение этих несколько технических вопросов содержится в Томе II *Структуры магии*, Часть II, стр. 27 – 96. Насколько нам известно, еще не существует тщательного полного исследования различных характеристик разных систем представления, в смысле, указанном в тексте. Здесь имеется масса работы для компетентного практика.

Термин *спонтанный* выделен курсивом в соответствующем абзаце, чтобы привлечь внимание читателя к дескриптивному различию, вытекающему из занятых перцептуальных позиций. С точки зрения клиента или внешнего наблюдателя, не имеющего опыта в этих вопросах, этот процесс кажется спонтанным (и со зрительной, и со слуховой точки зрения). Но с точки зрения подготовленного НЛП терапевта такая спонтанность является структурной частью текущей манипуляции терапевта на уровне процесса.

Обратите внимание, что в форматах якорения, где зрительные представления используются как средства интеграции – например, в так называемой зрительной смеси (squash) – клиент и в самом деле должен что-то сделать, чтобы добиться интеграции противоречивых частей. В примере зрительной смеси это означает свести вместе руки, несущие противоречащие друг другу зрительные представления находящиеся в конфликте частей.

11. Наши реакции на начальное слово *корабль* и указания по поводу боковых разбиений могли бы также привести к множеству из элементов *пилка для ногтей, туалетная бумага, экскаватор и Эйфелева башня*. Это почти невозможно понять. Какое надмножество содержит все эти предметы в виде возможного и законного отображения? Один из возможных ответов мог бы состоять в том, что это надмножество попросту содержит вещи, приходившие нам в голову сегодня утром, но такое странное боковое разбиение имело бы малую ценность в приложениях НЛП и граничило бы с нелепостями повседневного языка.

Этот двухшаговый процесс в точности отражает наше определение логических типов. В переводе с двухшагового процесса, мы должны:

1. изучив намерение классификации, или, что то же, мысленное пространство, порожденное намерением классифицирующего терапевта, определить, какие характеристики отображаемого множества существенны;
2. решить путем проверки, сохраняются ли все существенные характеристики при предложенном отображении.

Если обнаруживается, что все существенные характеристики в порожденном таким образом мысленном пространстве сохраняются при отображении, то говорят, что соответствующие множества принадлежат одному и тому же логическому типу.

12. Если угодно, читатель может справиться в *Мире НЛП*, Том 6, № 1, стр. 32 – 69, где помещен ряд комментариев по поводу Нейро-логических уровней Дилтса – большей частью в отрицательном критическом смысле.
13. Или предполагает особо зловредную форму первородного греха Декарта. Рассматривая новейший и самый претенциозный проект Дилтса (в соавторстве с Делозье), *Энциклопедия систематического НЛП*, можно найти под названием *Нейро-логические уровни* на стр. 866 – 868 следующий ряд предикатов:

относится к

связан с

состоит из

относятся к, физиологически связан с

и т. д.

Хотя эти предикаты вызывают некоторые ассоциации, они не являются определениями и вряд ли достаточны, чтобы заинтересованные лица могли обсуждать их полезность. Менее изощренные читатели могут поддасться этому красноречию и поверить, что предлагаемая иерархия хорошо определена.

Если читатель обратится к началу той же статьи под названием *Логические уровни*, на стр. 667 – 671, то исчезает вообще всякая связь идей. В частности, иерархическое расположение вопросительных слов, представляющих различные уровни, приводит к полному замешательству. Каким образом (по какому принципу упорядочения) можно, например, расположить в иерархию вопросительные слова (*почему, кто, что, как, когда, где* и т. д.)?

Из всего этого ясно только намерение Дилтса найти отношение между множеством наименований и их физиологическими и нейро-логическими коррелятами. Попытка связать действительное поведение с неврологией и физиологией лежит в основе нового кода – это калибровка. Это намерение похвально, и в самом деле именно это мы предлагаем в Части I, в разделе *Эпистемология*, рассчитывая, что будущее эффективное эпистемологическое исследование будет скорее всего осуществляться междисциплинарными командами, включающими неврологов и лингвистов. Но начать такое исследование с неопределенными наименованиями – значит работать на уровне содержания. Как мы без конца доказывали в этой книге, мы стремимся создавать формальные модели процессов, составляющие отличительную черту всего предприятия НЛП.

14. В руках других людей (кроме Сатир) эта процедура приводила к весьма ненадежным результатам. Я полагаю, что другие практики были менее конгруэнтны и настойчивы в своем исполнении, чем сама Вирджиния.

В одном-единственном случае я (ДГ) наблюдал, как один из членов семьи отверг описанную в тексте предпосылку, настаивая, что он в самом деле разгневан, но не чувствует никакой обиды. В этом случае Вирджиния изящно изменила стратегию, не настаивая на своей предпосылке. Мы считаем это преимуществом Сатир, доказывающим, что она сохраняла в своем поведении чувствительность к таким возможным различиям мысленных карт. Это поведение производит благоприятное впечатление по сравнению с поздней работой Фрица Перлса, который, по нашему впечатлению, успешно работал с клиентами именно в тех случаях, когда они принимали его предпосылки (или, может быть, когда предложенная ими проблема подходила к предпосылкам самого Фрица). Во всех других случаях он обычно говорил о сопротивлении, и обращался с такими клиентами сурово. Подробнее этот вопрос рассмотрен в книге Пьюселика *Терапия диссоциативных состояний*.

15. Я (ДГ) не могу забыть, как под руководством Эриксона я начал понимать физиологические признаки измененных состояний – особенно тех, которые спонтанно возникают в ходе нормальных разговоров. Я осознал тогда, что все виды терапевтической техники дают повод для развития существенно измененных состояний – направленная фантазия или утверждения, нагруженные предпосылками, сессии стратегического планирования, или даже «нормальные» разговоры, в которых одна сторона излагает информацию в системе представления, отличной от той, которую сознательно предпочитает другой человек. Поскольку такие измененные состояния возникают даже в обстоятельствах, когда профессиональный терапевт не имеет намерения их вызывать, единственной предохранительной мерой, по моему мнению, является тщательная тренировка, позволяющая обнаружить физиологические сигналы существенно измененных состояний. Построение перцептуальных фильтров, основанных на этих физиологических признаках, несомненно изменяет нашу оценку того, что называется религиозным культом, поведением политиков, образованием, развлечением и т. д.

Глава 2: Основные вопросы приложений и тренировки НЛП

В этой главе мы займемся вопросами, важными для приложений и тренировки НЛП. Мы рассмотрим три таких вопроса:

Функции сортировки

Разбиение и логические уровни

Форма и сущность; процесс и содержание

Функции сортировки

В области НЛП^{np} перед практиком, применяющим паттерны превосходства НЛП, возникает множество труднейших проблем. Если такое приложение направлено на процесс изменения, на уровне индивида, небольшой группы или применения к самому себе, то конкретная форма проблемы состоит в том, как в заданной ситуации выбрать конкретный паттерн вмешательства, адекватный желательной цели. Это соответствует третьему из трех элементов (критериев выбора), предлагаемых авторами как часть стандартного формата для записи паттернирования в НЛП^{мод} * (см. *Изложение паттерна* в разделе *Терминология* Главы 2 Части I).

Критерии выбора: указание условий или контекстов, в которых уместны выбор и применение этого паттерна.

В следующих двух разделах мы предложим два принципа, отвечающие на вопрос, как практик может адекватно решить проблему выбора вмешательства: изменения 1-го и 2-го порядка и Ятрогенный принцип.

Изменение 1-го и 2-го порядка

Каждый практик НЛП с достаточно продолжительным опытом работы в приложениях может рассказать истории о том, как он блестяще преуспел, создав контекст, позволивший клиенту быстро измениться, но лишь для того, чтобы через несколько недель или месяцев обнаружить, что клиент регрессировал к первоначальному поведению. Клиент, успешно отказавшийся от привычного паттерна курения, пьянства или со-зависимости,* возвращается к своей старой привычке. Такие случаи очевидным образом указывают на то обстоятельство, которым мы собираемся заняться — а именно, что паттерны НЛП достаточно сильны, чтобы даже при неправильном выборе вмешательства приводить к позитивным результатам, хотя, как правило, временным.

Как мы полагаем, это наблюдение возлагает на практика весьма значительную ответственность — как выбрать надлежащий паттерн, чтобы обеспечить не только немедленные, но и прочные результаты. Мы снова предостерегаем читателя по поводу прилагательного *прочные* — как в логическом смысле, так и в смысле нашего прямого опыта. Когда клиент конгруэнтно меняется с использованием паттернов НЛП, это влечет за собой ряд последствий, одно из которых состоит в том, что клиент вернется в тот контекст, где происходило его первоначальное поведение. Поскольку клиент оказывается в этом контексте, но проявляет новое поведение, то другие люди, участвующие в этом контексте, стимулируются новым поведением клиента к изменению своих реакций. Через сравнительно небольшое время это двойное изменение меняет первоначальный контекст и создает новый — во многих случаях настолько отличающийся от старого, что новое поведение, выбранное вместо первоначального, уже не оптимально.

Тогда клиент, убедившись в изменении первоначального контекста, применяет надлежащие паттерны НЛП, чтобы выбрать новые формы поведения, оптимальные в возникшем контексте. И таким образом цикл продолжается. Это постоянное обновление выборов с повторным повышением качества переживаний клиента можно заранее предвидеть и приветствовать. Это кибернетически здоровый процесс,

---

* Моделировании НЛП (Прим. перев.).

* Зависимость между алкоголиком и его семьей или окружением, поддерживающая его поведение. (Прим. перев.).

поскольку он доставляет клиенту цикл непрерывного улучшения, экологично отвечающий целям практика. Здесь нет, конечно, полной реализации человеческого потенциала, как этого хотел бы Маслоу, а есть лишь восходящая спираль различий и изменений.

Если применение неправильно выбранного паттерна приводит к небольшим непосредственным результатам, или вообще ни к каким, то это тривиально свидетельствует об ошибочном выборе паттерна практиком, так что требуется немедленная коррекция. Мы согласны с краткой оценкой этого вопроса нашим сотрудником из Дезаролло Эстратегики д-ром Эдмундо Веласко Флорес (Гвадалахара, Мексика):

¡La PNL es tan buena que hasta mal hecha todavía funciona!

или в переводе

НЛП хорошо даже при плохом применении, оно все-таки работает!

В действительности, без явного метода сортировки предъявляемых проблем на классы и надлежащих ответов на эти проблемы (подходящего к проблеме вмешательства) процесс выбора вмешательства оказывается интуитивным или сводится к методу проб и ошибок. Мы не говорим ничего дурного об интуиции, если только практик имеет достаточную интуицию – и в самом деле, интуиция составляет важную часть любого процесса открытия и, конечно, сыграла важную роль в открытиях Гриндера и Бендлера, создавших первоначальные модели и положивших начало НЛП. Без сомнения, интуиция и теперь играет важную роль в приложениях паттернов НЛП. Однако развитая интуиция возникает в результате опыта – в основном в результате обучения методом проб и ошибок, составляющим основу непрерывного обучения. Интуиция (во всяком случае последовательная и эффективная) есть просто знание в подсознательной форме.¹

Метод проб и ошибок – это то, что мы делаем, когда нам еще предстоит развить эффективную интуицию, не имея явной модели для руководства. Это очевидным образом та стратегия, с которой мы обычно начинаем учиться при отсутствии явной модели, как в смысле образца для подражания, так и в смысле явного знания в области, которой мы хотим овладеть.

Здесь имеется двойная трудность:

1. Пока практик не накопит основательный фактический опыт, у него мало подсознательного знания, и он в действительности применяет метод проб и ошибок, чтобы приобрести такое знание. Это оставляет открытым этический вопрос, что происходит с клиентами в процессе приобретения такого подсознательного знания, которое послужит в конечном счете основой эффективного поведения практика.
2. Подсознательное знание нелегко передается²: когда говорят, о чем-то *подсознательном*, это равносильно признанию, что явное представление отсутствует. Таким образом, к учащемуся предъявляется целый ряд требований. Сначала он должен получить доступ к кому-то, обладающим таким подсознательным знанием. Получив доступ к такой модели, учащийся должен затем принять на себя ответственность за моделирование тех видов поведения, которые служат примером искомого подсознательного знания, а после этого обобщить эти конкретные примеры в паттерн – то есть по существу он должен приобрести это знание в отношении ученика к учителю. Возникающие здесь трудности чаще всего заключаются в отыскании подходящей модели, или недостаточной способности учащегося к обучению в контексте многозначности и неопределенности.

Хотя такие механизмы моделирования для передачи знания вполне возможны, для большинства людей они вряд ли действенны, и не каждому понравится задача моделирования или стиль обучения, которого она требует. Хотя подсознательное моделирование вездесуще, при быстром темпе современной западной жизни, не признающей моделирование законной формой обучения, оно часто рассматривается как не особенно желательное обучение. Если есть выбор между учением у человека, умеющего делать то, чему хотят научиться, и умеющего явно описать, как он это делает, и учением у другого чело-

века с таким же умением, но не способного описать, что он делает, то почти каждый западный человек предпочтет в качестве учителя первого.

Очень интересно отметить, что как в бизнесе, так и в некоторых видах искусства, заметно возрождение интереса к моделированию – обычно в виде руководства в бизнесе и ученичества в искусстве. Это вполне понятно, поскольку в каждом из этих контекстов материал обучения обычно не имеет явной модели, позволяющей его передать. КЛ (Компания Квантум Лип) участвовала в разработке и внедрении ряда успешных программ такого рода для корпораций.

Возвращаясь к обсуждению вопроса, каким образом практик может эффективно выбрать надлежащее вмешательство для заданной проблемы, мы предлагаем два явных принципа – различие между изменениями 1-го и 2-го порядка и Ятрогенный Принцип). Как мы надеемся, эти два принципа положат начало оживленной благожелательной и разумной публичной дискуссии, которая уточнит, как справиться с этой задачей – выбором класса надлежащих вмешательств по заданной проблеме.

Различие между изменениями первого порядка (неограниченными) и второго порядка (ограниченными)

В эпистемологии, изложенной в Главе 1 Части I этой книги, был приведен пример ребенка, которому предлагают рассортировать кучу игрушек в естественные группы. Мы предположили, что ребенок станет сортировать игрушки с помощью критериев, естественно присутствующих в ПД: цвета, размера, формы и т. д. Выражая это несколько более формально, при сортировке игрушек первоначальной кучи ребенок применяет к ней специфическую операцию, называемую подразделением.

Подразделение – это операция, определенная на некоторой совокупности элементов, которая сортирует или подразделяет элементы этой совокупности на различные группировки (или подмножества) таким образом, что удовлетворяются два следующих условия:

1. Каждый член первоначальной совокупности относится к одно из группировок, или одному из подмножеств первоначальной совокупности – при этом условии отнесение называется *исчерпывающим*. Таким образом, каждый элемент первоначального множества оказывается элементом одного из полученных подмножеств.
2. Каждый элемент первоначальной совокупности относится *только* к одной из группировок или подмножеств первоначальной совокупности – при этом условии отнесение называется *исключающим*. Таким образом, каждый элемент первоначального множества относится к *единственной* из группировок.

Можно сказать, что если ребенок сортирует первоначальную кучу игрушек, помещая каждую игрушку в некоторую из группировок или некоторое подмножество (исчерпывающее отнесение), и при этом только в одну из таких группировок (исключающее отнесение), то действия ребенка можно описать как подразделение первоначальной кучи.

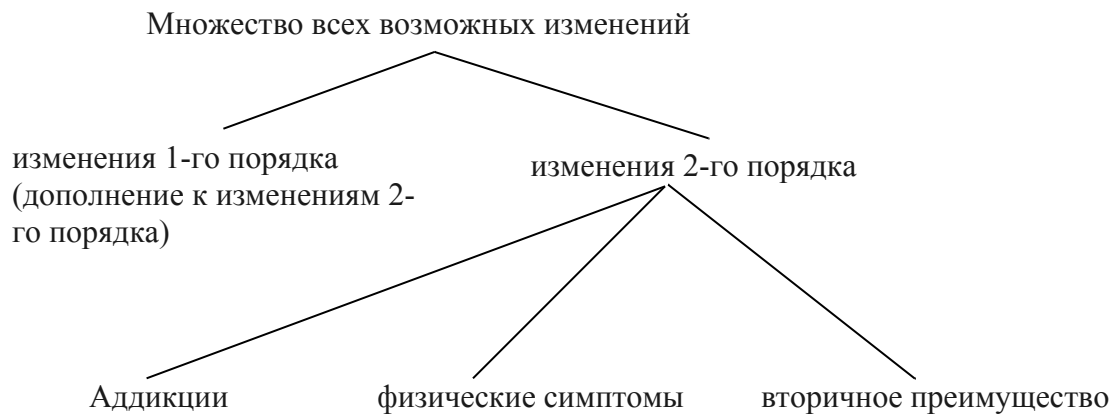
Теперь возникает следующий вопрос: когда клиент предлагает практику свою проблему, каким образом практик может решить, какой элемент множества всех вмешательств следует использовать? Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от того, как подразделено множество всех возможных изменений.

Мы предлагаем практику разделить множество всех возможных изменений на две группировки, или подмножества, исторически получившие название изменений 1-го и 2-го порядка. Критерий принадлежности к множеству изменений 2-го порядка состоит в следующем: изменение 2-го порядка, или ограниченное изменение, – это любое изменение, относящееся к одному из трех классов предлагаемых проблем:

1. аддикции (наркотики, алкоголь, табак, созависимость и т. д.)
2. физические симптомы

3. формы поведения, с которыми связаны значительные вторичные преимущества или выгоды

Заметим, что мы определили множество элементов 2-го порядка, выделив его из множества всех изменений; все остальные элементы первоначального множества всех изменений мы называем изменениями 1-го порядка. Иными словами, мы определяем множество изменений 1-го порядка как дополнение к множеству изменений 2-го порядка – то есть все возможные изменения, не являющиеся изменениями 2-го порядка, называются изменениями 1-го порядка.

Из трех категорий изменений 2-го порядка первые две определены отчетливо. Практик без труда устанавливает наличие аддикции (хотя удовлетворительное формальное определение аддикции еще отсутствует – блестящим подходом к нему являются общие замечания Бейтсона в разделе *Эпистемология АА* книги *Этапы экологии разума* и его лекция об аддикции в серии магнитофонных лент Эсален). Точно так же, не очень трудно заметить наличие физического симптома. Однако следующая категория требует некоторых дальнейших объяснений и связана со значительными тонкостями.

Трудность третьей категории содержится в прилагательном *значительное*. Как обнаружить, связаны ли с некоторой частной формой поведения значительные вторичные преимущества? Какие конкретные взаимодействия или анализ позволяют установить границу, отделяющую значительные вторичные преимущества от незначительных – в жизни клиента, или, если уж на то пошло, в нашей собственной жизни? Мы всегда можем задать клиенту вопросы по этому поводу, например:

Насколько изменилась бы ваша жизнь, если бы вы попросту вдруг перестали выполнять паттерн поведения X (заданного поведения)?

Или, в несколько менее провокационной форме, можно спросить клиента следующим образом:

Можете ли вы меня убедить, что вам будет лучше, что ваша жизнь будет полнее и богаче, если вы сохраните это поведение, а не устранили его?

Оба этих маневра заслуживают внимания, если терапевт обладает достаточно утонченной способностью калибровки: он может обнаружить в реакции клиента на эти провокации некоторую неконгруэнтность, при дальнейшем развитии которой можно будет обнаружить значительное вторичное преимущество или выгоду. Однако оба вопроса страдают одним и тем же недостатком – результат их зависит от сознательной способности клиента обнаружить и отчетливо выразить вещи, обычно доступные лишь на уровне подсознания. Здесь опять оказывается, что, предъявляя клиенту эти словесные требования, мы направляем нашу коммуникацию в точности той части клиента, которая менее всего способна к надлежащей реакции – его сознанию.

Эта дилемма имеет методологически паллиативное решение, использующее некоторую асимметрию между изменениями 1-го и 2-го порядка. А именно, изменения 1-го порядка могут легко выполняться паттернами, предназначенными для изменений 2-го порядка; между тем паттерны, предназначенные для изменений 1-го порядка, не являются (на сколько-нибудь длительный период времени) подходящей техникой для изменений 2-го порядка. Поэтому решение методологически достаточно просто – если у терапевта есть сомнения, имеет ли он дело с изменением 1-го или 2-го порядка, он может выбрать паттерн изменения 2-го порядка.

Другой способ подхода к этому – это выбор между тем, что мы называем *стратегией ковбоя* и *стратегией антрополога*. Стратегия ковбоя очень легко описывается: предположите попросту, что все желательные для вас изменения – изменения 1-го порядка; выберите какой-нибудь предпочтительный для вас паттерн изменения 1-го порядка и получи́те все возможные реакции на него – наблюдая с полным вниманием, распознавая, реагируя на любые сигналы сопротивления. Будущие ковбои долж-

ны весьма тщательно искать все такие сигналы сопротивления или неконгруэнтности в реакциях клиента на выполняемую работу изменения 1-го порядка. Обнаружив такие сигналы, переходите к паттернам изменения 2-го порядка.

Это попросту способ спровоцировать подсознание клиента успешно сопротивляться неправильному применению паттерна изменения 1-го порядка к изменению 2-го порядка. Такая стратегия требует хорошо развитых навыков калибровки и гибкости, позволяющей менять свое поведение перед лицом не-словесной обратной связи клиента.

С другой стороны, стратегия антрополога противоположна стратегии ковбоя – антрополог предполагает, что все изменения являются изменениями 2-го порядка. Поскольку форматы 2-го порядка во всяком случае пригодны для изменений 1-го порядка, то антрополог просто избирает консервативный путь. Невыгода состоит в том, что эффективность терапевта оказывается несколько меньшей, но зато он всегда добивается желательного для клиента изменения.

Такое паллиативное решение, хотя и достаточное для наших непосредственных практических целей, едва ли удовлетворительно с принципиальной стороны – по существу оно означает, что мы, по крайней мере в настоящее время, лишь отчасти можем формулировать различия между проблемами 1-го и 2-го порядка, которые нам предлагают, и что мы просто принимаем стратегию, гарантирующую эффективное вмешательство. Эта трудность указывает на часть паттернов и практики НЛП, пока плохо поддающуюся объяснению. Без сомнения, при дальнейшем развитии эти более тонкие различия станут доступны.

Сделаем еще одно замечание по поводу терминологии. Названия *изменения 1-го и 2-го порядка* неудачны в том отношении, что они вызывают нежелательные ассоциации у читателей с некоторой логической и математической подготовкой. Таким читателям мы приносим извинения и просим их о снисхождении. Трудность в том, что много лет назад я (ДГ) предложил эти термины, не принимая во внимание их использование в формальных системах, а теперь значительное число практиков привыкло к их употреблению. Во всяком случае ясно, что существенная разница между двумя классами изменений частично выясняется интенсивным определением изменений, связанных с аддикциями, физическими симптомами и формами поведения со значительным вторичным преимуществом (изменения 2-го порядка), в отличие от изменений без этих определяющих признаков (изменения 1-го порядка). Мы предложили выше в скобках альтернативные термины (*неограниченное* и *ограниченное*). Если будет найдено интенсивное определение обеих категорий изменения, то авторы обязаны будут предложить характеристику паттернов вмешательства НЛП, соответствующих этому различию изменений.

Классификация изменений на две указанные категории бесполезна, если неизвестно, какие вмешательства уместны для разных категорий. Поэтому мы предлагаем следующий подход, определяющий различие со по возможному результату (в пределах доступных паттернов вмешательства): оно состоит в том, устанавливает ли паттерн определенное множество форм поведения, из которых будут выбраны новые формы поведения клиента (ограниченные изменения или изменения 2-го порядка), или просто производит изменение без такого уточнения (неограниченные изменения, или изменения 1-го порядка). В самых обычных случаях, изложенных нами – при Шестишаговом Рефрейминге – это означает использование позитивного намерения, стоящего за поведением, в качестве основы для порождения множества альтернатив.

Напомним шаги 3 и 4 паттерна Шестишагового Рефрейминга. В этом паттерне раскрывается позитивное намерение, стоящее за изменяемым поведением, и определяется набор альтернативных форм поведения, которые, как предполагается, все подходят для удовлетворения первоначального позитивного поведения. Из определенного таким образом множества выбираются замещающие формы поведения, которые вводятся вместо первоначального поведения. Таким образом, если указан набор форм поведения, которые могут адекватно заменить подлежащее изменению поведение, то изменение клиента оказывается ограниченным или *замкнутым* – то есть новые формы поведения берутся исключительно из указанного набора форм поведения, не менее эффективных для удовлетворения позитивного намерения первоначального поведения. В классических форматах якорения приложений НЛП новые формы поведения клиента, которые он испытает после работы, заранее не ограничиваются – что составляет неограниченный случай, или изменение 1-го порядка.

Таким образом, изменением 2-го порядка, или ограниченным изменением считается вмешательство или паттерн, заменяющие исходное поведение набором форм поведения, удовлетворяющим намерению исходного поведения; в противном случае примененный паттерн или вмешательство считается неограниченным, или паттерном изменения 1-го порядка. Конечно, как указано выше, ограниченный случай является более консервативным, и обычно более экологичным вмешательством.

Второй принцип сортировки: сохранение уровней f^1 и f^2

На первом Всемирном Конгрессе Психотерапии, состоявшемся в июле 1997 года, Гриндер сделал пленарный доклад, в котором предложил, чтобы практики психотерапии приняли в качестве этического стандарта своей работы следующий принцип:

Любое вмешательство с целью изменения должно быть выбрано конгруэнтно с уровнем представления (ПД или более высоким), на котором «проблема» существует.

Вследствие этого, — как он утверждал, — если у клиента есть «проблема», закодированная на уровне первичного переживания (ПД), то множество надлежащих этических вмешательств должно производиться на том же уровне кодирования — именно, на уровне первичного переживания. Далее, он полагал, что любое вмешательство, требующее отображения «проблемы» на другой уровень представления, по меньшей мере спорно, так как оно вводит добавочные искажения (отображения f^2), не входившие первоначально в предложенную клиентом «проблему», а возникшие исключительно вследствие действий терапевта. Это требование он назвал Ятрогенным Принципом.

Это была намеренная критика тех методов терапии (как, например, практика психоанализа), которые требуют от клиента сознательного, словесного понимания его проблем, независимо от того, закодированы ли эти «проблемы» неврологически на том же уровне, или нет. Этот принцип служит также методом выбора эффективного вмешательства. Вот его формулировка:

Ятрогенный Принцип

Вмешательства в работе изменения должны выбираться таким образом, чтобы изменение выполнялось в точности на том уровне представления, на котором закодировано подлежащее изменению представление опыта: важнейшие различия делаются при этом между первичным переживанием (ПД) и вторичным переживанием (мысленными картами, возникающими из f^2).

Заметим, что ятрогенный принцип решительно *не* означает, что практик или клиент ограничивается в своих действиях тем же уровнем представления, на котором закодирована «проблема», он означает лишь, что вмешательство должно выбираться таким образом, чтобы оно действовало на том же уровне. Почти во всех известных нам случаях для создания контекста, в котором клиент достигнет желательного изменения, требуется маневрирование на многих уровнях.³

Рассмотрим следующий конкретный пример:

Женщину лет тридцати с лишним привел к Гриндеру психиатр из области залива, сделавший все возможное, чтобы излечить ее от фобии; это была весьма особенная фобия — фобия по отношению к звуку жевания резинки. Все традиционные методы, известные психиатру, оказались неэффективными для такого лечения. Естественно, когда она прибыла в кабинет в обществе своего психиатра, Гриндер встретил ее у двери, жующим резинку. В то время такое поведение агента изменения называлось проверкой фобии, или доступом к «проблемному» состоянию.⁴

Женщина продемонстрировала, что у нее в самом деле была фобия к жеванию резинки. По краткому выражению д-ра Эриксона,

Ее реакция была самой адекватной!

После того как она вернулась в свое первоначальное состояние, Гриндер начал процедуру, развитую им с Бендлером, позволявшую им не только проверить эффективность свободного от содержания подхода к решению терапевтических проблем, но также дававшую возможность исследовать после этого образование проблемы, чтобы оценить, как повлияли на текущее изложение проблемы первоначальные переживания. Первый сеанс (начавшийся с нарочитого приветствия у двери кабинета) прошел без происшествий, и Гриндер, пользуясь главным образом эриксоновой техникой разговорного внушения, вошел в соглашение с подсознанием клиентки, что она освободится от фобии. Выведя ее из внушенного ей транса, Гриндер отпустил ее. Женщина ушла, видимым образом все еще смущенная и очевидно сознательно сомневаясь, что произошло что-нибудь существенное. Она обещала вернуться через две недели для следующего сеанса.

Когда она вернулась на второй сеанс – на этот раз без ее психиатра – она рассмеялась, когда Гриндер (как вы догадываетесь) снова встретил ее у двери, жуя резинку. Конечно, она достигла своей первоначальной цели – освободилась от фобической реакции на жевание резинки. Она с увлечением рассказала о множестве других переживаний – так называемых вторичных изменений, замеченных ею в последние две недели (об удовольствии езды на мотоцикле, против чего у нее тоже была фобия, не упомянутая на первом сеансе, и о все более уверенном обращении с агрессивными пожилыми людьми). Гриндер слушал ее некоторое время, а затем, используя гипнотические якоря, установленные в течение первого сеанса, быстро ввел ее в необходимое ему измененное состояние. Убедившись, что он удовлетворил требования клиентки, Гриндер продолжил исследование обстоятельств, в которых возникла фобия. Он добился этого, дав указание женщине говорить, оставаясь в измененном состоянии, сопровождаемом амнезией. Оказалось, что отец этой страдавшей фобией женщины имел сильное, хотя и ошибочно направленное стремление снабдить свою дочь всевозможными ресурсами, чтобы она могла справиться с трудностями окружающего мира. В частности, в том особом случае, когда образовалась фобия, отец заметил во время поездки в поезде, что его дочь (которой тогда было четыре или пять лет) проявляла признаки страха, сидя в купе у окна и глядя на проносившуюся с большой скоростью окружающую местность. В соответствии со своим правилом, отец сразу же вынес ее на открытую платформу между их вагоном и соседним вагоном. Объяснив ей, что она не должна бояться, он поднял ее и держал ее некоторое время снаружи, так что она была буквально подвешена над землей, мчавшейся под ней с большой скоростью. И, как можно предсказать, он жевал в это время резинку.

Чему можно научиться из этого случая? Эта женщина, как видно было из расспросов психиатра и Гриндера, не имела сознательного или лингвистического доступа к первоначальному переживанию. Переживание, в котором женщина научилась реагировать на людей, жующих резинку, было закодировано на подсознательном уровне ее опыта, то есть на уровне первичного переживания ПД, без наложения лингвистических категорий. Поскольку переживание было представлено на этом уровне, то в силу изложенного выше Ятрогенного Принципа надлежащее вмешательство могло вызвать изменения, не вынуждая клиента перевести это переживание в сознание с помощью лингвистических паттернов. В самом деле, вмешательство состояло в использовании паттернов Эриксона с прямым доступом к подсознанию и применении лингвистических переменных (обстоятельств образа действия), лишенных содержания, для заполнения их подсознанием клиента, вроде следующих: *...эти переживания, когда вы научились так сильно реагировать на звук, вид и запах жевания резинки; новые реакции, к которым вы теперь способны; эти особые изменения в вашем восприятии людей, жующих резинку...*). С таким же успехом можно было использовать некоторые из форматов лечения фобий (варианты однократной диссоциации, или многократных диссоциаций).

Решающее значение имеет здесь отсутствие содержания. Терапевт не потребовал от клиентки словесного описания (что было бы равносильно предложению пропустить переживание через языковые фильтры клиента). Он не предложил ей также никакого содержания. Весь процесс изменения был совершен без насильственного введения переживания в сознание клиента, и даже без всякой его вербализации.⁵ Изменение представления на уровне ПД произошло без участия сознания.

Представим себе точнее, что произошло. Когда мы говорим, что изменение произошло без сознательного участия клиента, мы имеем в виду, что хотя сознательные ресурсы клиента были активированы и использованы терапевтом в некоторой части взаимодействия, они не были применены к содержанию

того переживания, представление которого надо было изменить. Лингвистические категории не навязывались – терапевт не пытался описать переживание словесно и, конечно, не было не малейшего желания ни понять проблему (кроме ее формулировки), ни выяснить ее происхождение (пока, разумеется, изменение не произошло, когда это и сделал терапевт). Представления первоначального переживания были найдены на ПД и активированы применением паттернов Эриксона, но не проведены через языковую систему клиента и его сознательную обработку.

Конечно, терапевт вначале использовал ресурсы сознания клиента во время целенаправленной сознательной коммуникации с клиентом. Но решающее значение имеет тот факт, что подлинное изменение представления клиента произошло на ПД. Звук жевания резинки – слуховая часть первоначального переживания, хранимого на уровне первичного переживания – был образом, который стал представлять все переживание. Этот звук (образ) служил запускающим механизмом или якорем для повторного доступа к состоянию, которое она – *теперь страдающая фобией женщины* – испытала как маленькая девочка, когда ее отец пытался научить ее чему-то полезному – как обычно, с благим намерением, но неудачно.

Исследуем дальнейший рассказ клиентки о спонтанных сдвигах в ее переживаниях в течение двух недель между первым и вторым сеансом:

...она с увлечением рассказала о множестве других переживаний – так называемых вторичных изменениях, замеченных ею в последние две недели (об удовольствии езды на мотоцикле, против чего у нее тоже была фобия, не упомянутая на первом сеансе, и о все более уверенном обращении с агрессивными пожилыми людьми).

Рассказ о спонтанной езде на мотоцикле обнаруживает устранение других остатков первоначального переживания – езда на мотоцикле сопровождается таким же потоком воздуха, как в первоначальном опыте в поезде. Сдвиг ее реакций на других агрессивных пожилых людей точно так же вполне понятен, после того как выяснилось ее первоначальное переживание и изменились его последствия. Женщина сообщила также, что она могла без трудностей путешествовать в машине, самолете или поезде, но предпочитала не сидеть у окна. Здесь опять перед нами сочетание образов, отражающее структуру первоначального переживания.

Мы не знаем, каким образом подсознание выбирает некоторые элементы первоначального переживания, служащие образным механизмом запуска для всего переживания – это тайна, нуждающаяся в объяснении. Но достижение целей, за которые ответственен терапевт, не зависит от понимания этого процесса подсознательного обобщения. Полезно отметить, что обобщения, спонтанно происходящие на ПД, согласуются с подразделениями, происходящими на уровне кодирования – естественными подразделениями и происходящими из них естественными множествами в области представления (ПД), которые производятся действующими на поступающие стимулы преобразованиями ^{f1}. Произошедшие в предыдущем примере обобщения – звук жевания резинки, быстрый поток воздуха, реакция на пожилых агрессивных мужчин – все это обобщения на уровне ПД. Молодая женщина не испытывала соответствующих трудностей с другими авторитетными фигурами (женщинами), или с письменными сообщениями, даже агрессивными и исходившими от пожилых мужчин. Если бы у клиентки были такие добавочные проблемы, они указывали бы, что переживание было закодировано на лингвистическом уровне, и что обобщение проблемы произошло на этом, лингвистическом уровне кодирования, поскольку естественные подразделения на ПД не могут прямо соединять первоначальное переживание с такими последующими переживаниями.

Конкретный способ, как обобщились некоторые элементы представления опыта, фундаментально отличается от способа, как надо произвести изменение. Паттерны, которые привели к сдвигу в представлениях, а затем к ранее недоступным выборам поведения, не потребовали сознательного понимания ни со стороны клиентки, ни даже со стороны терапевта.

При изложении принципа сортировки, разделяющего изменения 1-го и 2-го порядка, мы заметили, что в применении этого принципа имеется некоторая асимметрия – а именно, если терапевт не уверен, требует ли предложенная клиентом проблема изменения 1-го или 2-го порядка, то он может предположить изменение 2-го порядка и действовать соответствующим образом. Это эффективное практическое правило, по которому применение техники изменения 2-го порядка дает удовлетворительные ре-

зультаты как для изменений 1-го, так и 2-го порядка, в то время как асимметричное применение техники изменения 1-го порядка к изменениям 2-го порядка дает обычно лишь временные результаты, с последующей регрессией к первоначальному поведению. Опять-таки, в случае сомнения рекомендует-ся выбирать паттерн вмешательства для изменений 2-го порядка.

Соответствующая асимметрия имеется в рассматриваемом принципе сортировки. Если представление клиентом желательного для него изменения закодировано только на ПД, то вмешательство на этом же уровне будет конгруэнтно. Однако лингвистический, сознательный уровень вмешательства оказывается при этом спорным, как с практической, так и с этической стороны. Если же, наоборот, представление подлежащего изменению переживания закодировано на обоих уровнях, на ПД и лингвистически, то любой уровень вмешательства будет уместен. Таким образом, параллельно практическому правилу для изменений 1-го и 2-го порядка, выбор вмешательства, основанный на Ятрогенном Принципе, предписывает в сомнительных случаях вмешательство на уровне ПД.

Практику может доставить некоторое удовлетворение установить связь между так называемыми вторичными изменениями и элементами первоначального кондиционирующего опыта, как это сделал Гриндер в описанном случае. Заметьте, однако, то главное обстоятельство, что сама по себе работа изменения была выполнена в короткое время с превосходными результатами без сознательного знания – ни со стороны клиента, ни со стороны терапевта. Со стороны терапевта ни разу не было требования перевести в лингвистические категории переживания, хранимые на уровне первичного подсознательного переживания. Ятрогенный Принцип был соблюден, так что встреча клиента с терапевтом не вызвала никаких новых искажений в опыте клиента.

Если бы Ятрогенный Принцип не соблюдался, то вероятный ход лечения состоял бы из следующих шагов: вначале была бы борьба за перевод представления первоначального переживания в сознание, с преодолением подсознательного «сопротивления» – то есть борьба с подсознанием, сигнализирующим, что материал не подходит и труден для сознательного восприятия. Далее, когда сопротивление подсознания было бы, наконец, «сломлено» и материал стал бы доступен сознанию, наступил бы довольно долгий период (недели, или даже месяцы), в течение которого клиент, побуждаемый терапевтом, пытался бы справиться с некоторым лингвистическим представлением переживания. Один из вероятных путей состоял бы в попытке понять намерения отца. Это, вероятно, обобщилось бы на весь репертуар прежних и нынешних отношений между женщиной и ее отцом, и т.д.

Какой разумной целью можно оправдать все эти этапы и всю эту чрезмерную затрату времени? Каково намерение этих процессов? Состоит ли намерение в том, чтобы построить сознательные, лингвистические представления, которые затем можно будет использовать для сдвига представлений на первичном уровне? Или же цель практика – добиться сознательного понимания прошлого? Если так, то какое позитивное намерение терапевта побуждает его накладывать это добавочное множество преобразований на представление первичного уровня переживаний? Эти вопросы касаются также тайной терапии – одной из особенностей, резко отличающих практику НЛП от работы изменения других систем.

Резюме

Предлагается два принципа, которые должны помочь практику выбрать надлежащие паттерны для эффективного вмешательства. Первый из этих принципов требует разделения множества всех изменений на изменения 1-го порядка (неограниченные) и изменения 2-го порядка (ограниченные). Второй принцип требует, чтобы практик соблюдал уровень кодирования, на котором задана проблема. Элементы этих двух предлагаемых принципов сортировки нуждаются в уточнении, в явной формулировке условий, при которых терапевт выбирает основанные на них вмешательства. Но уже теперь использование асимметрий в этом подходе дает возможность эффективно действовать.

Разбиение / Логические уровни

Термином *разбиение* называется класс манипуляций естественным языком, развитый Гриндером и Бендлером в самом начале НЛП: их первоначальное намерение в то время состояло в обучении тренеров эффективному использованию техники в контексте тренировки – как напоминает мне Энн Линден из Нью-Йоркского Института НЛП, боевой клич в то время звучал

Разбивай и связывай!⁶

В тренировочном контексте мы часто задаем участникам упражнение, привлекающее их внимание к некоторому глубокому структурному паттерну естественного языка. При этом мы действуем индуктивно; если я задаю вам слово *корабль* в качестве исходного и прошу вас выполнить разбиение вниз, вы можете законно ответить на это любым из следующих слов:

каяк, парусная лодка, каноэ, буксир, яхта, глассер, океанский лайнер, танкер и т. д.⁷

Вы в этом случае неявно упражняетесь в одном из глубочайших паттернов структуры естественного языка. Каждое существительное (и, как мы увидим, каждый глагол) является подразделением на множестве продуктов неврологических преобразований (ПД). Это значит, что существительное *корабль* подразделяет все события, какие выдают неврологические преобразования, на два множества: корабли и не-корабли. Мы опять предупреждаем читателя, что надо точно знать область, в которой определено это подразделение *корабль* (или, точно так же, любое существительное или глагол) – эта область не весь мир, а преобразованная версия мира, ПД, произведенная действием неврологических преобразований Г¹.

Есть два способа задать множество:⁸

1. Список или перечень его содержания, то есть входящих во множество элементов.
2. Правило выбора элементов множества – процедура, позволяющая вам, перемещаясь по миру, классифицировать все встречаемые явления на относящиеся ко множеству *корабль*, или к дополнительному множеству *не-корабль*.

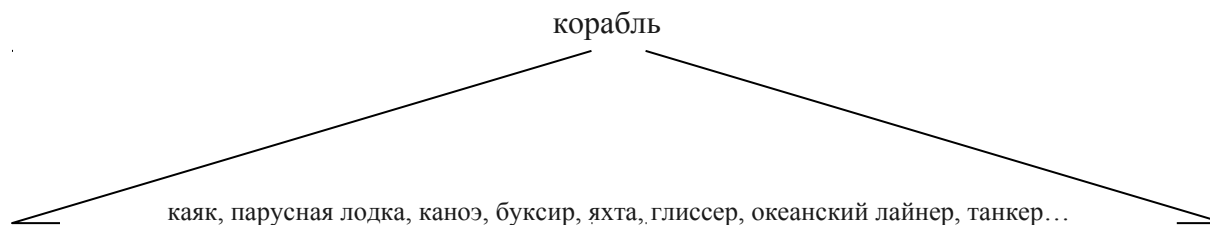
Перечисление множества всех кораблей было бы скучным и долгим процессом. Далее, как только мы начнем составлять список всевозможных кораблей, начнут строить новые корабли и будут разрушаться старые корабли, так этой задаче не будет конца. С другой стороны, интенсивное определение ставит разумную задачу – надо только указать, каковы правила принадлежности к множеству *корабль*. Вооружившись этим правилом принадлежности, любой заинтересованный человек может проходить через доступные ему на уровне ПД явления мира и эффективно решать в каждом случае, корабль перед ним или нет, то есть элемент множества или нет. Каков бы ни был полный набор правил принадлежности к множеству *корабль*, он несомненно будет включать нечто вроде следующего:

Правило принадлежности множеству *корабль*.

Любой объект, имеющий следующие характеристики, будет элементом множества *корабль*:

- а) он плавает, будучи помещен в воду; этот предмет должен таким образом вытеснять объем воды, весящий больше, чем он сам
- б) .....

Расположив указанные раньше предметы в иерархию, имеем

Исследуйте каждое из множеств, к которым относятся эти новые термины. Задайте вопрос,

Применимо ли правило принадлежности, (отчасти) указанное выше, к правилу принадлежности для каждого из новых множеств?

Вы придете к положительному выводу: каждое из этих новых множеств, названных новыми терминами – каково бы оно ни было – будет содержать в своих правилах принадлежности правило принадлежности для множества *корабль*, «частично» определенное выше, а именно, является чем-то плавающим.

Заметим, что само множество *корабль* является элементом многочисленных множеств более высокого уровня, таких как⁹

человеческие изделия

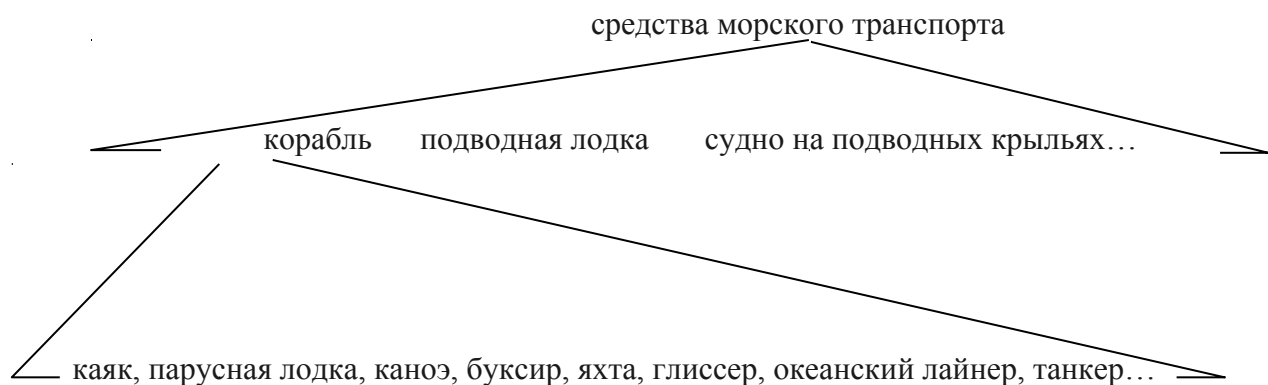
средства морского транспорта, плавающие на поверхности

плавающие вещи

.....

Можно представить себе упорядочение уровней, направленное вверх, с минимальными различиями в правилах принадлежности, определяющими расстояние между уровнями в иерархии.

Множество *корабль* может быть включено как часть в иерархию подчинения множеств:

Этот тип иерархии имеет добавочную характеристику, ясно начинающую выступать в этом примере; а именно, по мере того как вы продвигаетесь вниз по дереву, в продукте неврологических преобразований становится все меньше объектов. Например, есть меньше кораблей, чем средств морского транспорта, меньше каяков, чем кораблей. На каждом следующем уровне иерархии подразделение становится более ограничивающим, описывает меньше объектов, а описание их становится более конкретным.

Эта характеристика свободна от всякой неоднозначности; по определению, каждое собственное подмножество некоторого множества не содержит некоторого элемента первоначального множества. Но, что здесь особенно важно, здесь перед нами не просто утверждение, касающееся строения и определения множеств в теории множеств, а закономерность, относящаяся к самой *структуре естественного языка*; а поскольку такая ситуация очень обычна в человеческой жизни, это факт, касающийся мышления нашего вида. Итак, формальная характеристика обнаруживает сильную скрытую предпосылку в структуре естественного языка.¹⁰

Существительные и глаголы суть подразделения, определенные в области, порожденной множеством неврологических преобразований, кульминирующих на ПД. Такие подразделения приводят к так называемым логическим уровням. Упорядочивающий принцип, порождающий такие уровни, называется

логическим включением. Вот две формальные характеристики иерархий, задаваемых логическим включением:

Наследуемость: любое множество S^i , расположенное ниже S^j в иерархии, порожденной логическим включением, содержит среди своих правил принадлежности правила принадлежности к S^j

Сужение: любое множество S^i , расположенное ниже S^j в иерархии, порожденной логическим включением, будет иметь уменьшенный объем по сравнению с S^j (то есть, будет состоять из меньшего числа явлений, произведенных ПД – будет иметь меньше элементов).

Таким образом, мы приходим к следующему заключению:

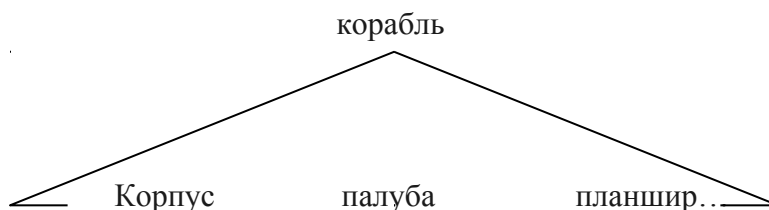
Связь между логическими уровнями и естественным языком

Подразделение продукта неврологических преобразований (ПД), порожденное повторными актами наименования для двух категорий естественного языка, *существительных* и *глаголов*, приводит к иерархии логических уровней, порожденным отношением логического включения.

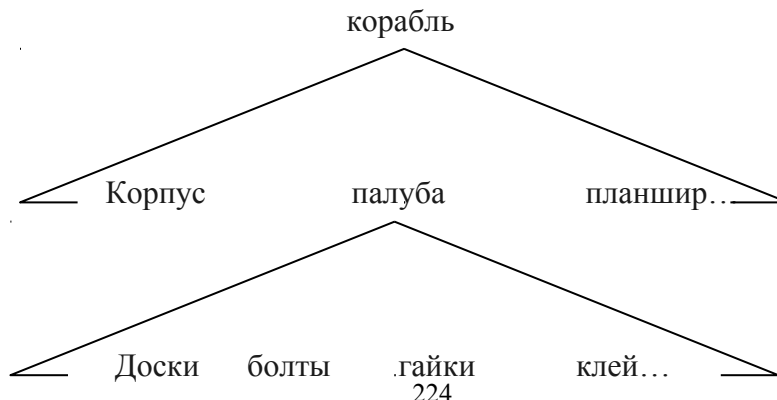
Мы нашли и определили одну из самых фундаментальных иерархий, неявно присутствующую в самой структуре естественного языка и в паттернах мышления, основанных на естественном языке – логических уровнях, порожденных упорядочивающим отношением логического включения.

Опираясь на установленные иерархии, мы можем теперь заново рассмотреть другие типы иерархий. Как мы заметили, когда участники семинаров выполняют упражнения в разбиении, возникают споры определенного рода. Вначале это нас удивило. Но после анализа спорных вопросов мы выяснили их общий паттерн.

Каждый раз, когда возникал спор, он неявно вращался вокруг вопроса, какой упорядочивающий принцип надо использовать для порождения иерархических отношений. Например, начав подразделения существительных с одного и того же слова *корабль*, некоторые участники полагали, что законным ответом на требование разбиения вниз может быть слово *корпус*:

В этом случае участники применили другой принцип упорядочения для порождения иерархии – иконическое отношение, или отношение части к целому. Заметим его параллельность логическим уровням, определяемым логическим включением, поскольку упорядочение по принципу часть/целое также допускает непрерывное уточнение уровней иерархии.

Эта иерархия объясняется отношением части к целому, то есть упорядочивающим принципом, фундаментально отличным от логического включения. Применим изложенные выше формальные характеристики логических уровней к этой иерархии. Более конкретно, поставим вопросы:

Наследуются ли правила принадлежности для множеств иерархий от правил принадлежности, определяющих более высокие множества иерархий?

(критерий наследуемости)

Имеют ли множества, лежащие ниже в структуре дерева, меньше элементов, чем лежащие выше их?

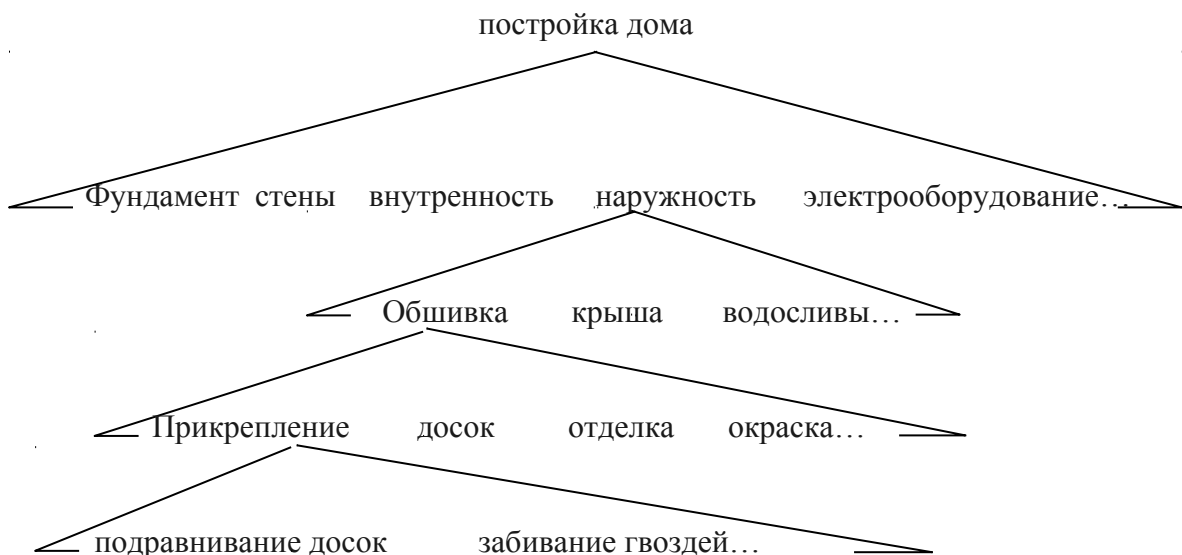
(критерий сужения)²²

Ответы очевидным образом отрицательны. На первый вопрос ответ приводит к смешанному результату: утвердительному в некоторых случаях (*корпуса, доски...*) и отрицательному в других (*планиры, болты...*). Правило принадлежности для *корабля* не встречается систематически среди правил принадлежности, определяющих подчиненные множества иерархии. Корпусы и доски плавают, но планиры и болты – не обязательно плавают.

Ответ на второй вопрос в точности противоположен тому, который мы получили в случае логических уровней. В мире ПД (продуктов неврологических преобразований) есть гораздо больше болтов, гаек, досок, клея, корпусов, палуб и планширов, чем кораблей. Таким образом принцип упорядочения части/целого порождает иерархии, не удовлетворяющие формальным критериям, определяющие логические уровни.

Иерархии, образуемые отношением части к целому, имеют структуры, весьма отличные от структур иерархий, порожденных логическим включением. Принцип уменьшения объема – сужение – кажется обращенным, то есть вообще говоря, продвигаясь вниз по иерархии, образованной отношением части к целому, мы обнаруживаем все больший объем, все большее число объектов в рассматриваемых множествах. Множества, лежащие ниже в иерархии, имеют больше элементов, чем лежащие над ними. Требование наследуемости не допускает никакой ясной формулировки. Если это происходит, то, видимо, без всякого паттерна, во всяком случае без ясного нам паттерна.

Рассмотрим иерархию, определенную ТОТЕ-ом:

Уже первое исследование ТОТ-а поддерживает сделанное ранее утверждение, что ТОТ дает примеры иерархий части/целого.

В этом разделе мы поставили себе цель открыть диалог об иерархических упорядочениях, постоянно используемых в паттернах и приложениях НЛП. Мы предложили точную формулировку двух самых распространенных упорядочений, чтобы стимулировать тщательное рассмотрение этого вопроса практиками НЛП при развитии и описании паттернов. Мышление, основанное на лингвистических паттернах, будет несомненно требовать явного представления этих отношений порядка.

Форма и сущность: процесс и содержание

Сущность* – это материал, из которого состоят физические объекты. Форма – это способ организации вещества, делающий объект тем, чем является. Статуя Давида Микеланджело, стоящая во дворце Медичи во Флоренции в Италии, отличается от других статуй не качеством мрамора, использованного Микеланджело, а совершенной формой, которую он сообщил этому материалу. Один человек отличается от другого не столько веществом – плотью, кровью, костями и мускулами – сколько своим индивидуальным обликом или формой. Когда мы видим нечто приближающееся издали, то в некоторый момент мы вдруг осознаём, что это человек, а еще через какое-то время узнаём в нем форму определенного друга или знакомого.

Различие между формой и содержанием есть именно то, что отличает приложения НЛП от приложений других систем изменения и, как мы полагаем, в значительной мере объясняет огромный успех некоторых приложений НЛП и их быстрое распространение почти во всех частях нашей планеты.

Это различие не поддается тривиальному определению; поэтому мы начнем с ряда достаточно ясных примеров такого различия, а затем рассмотрим для контраста работу, попросту не делающую такого различия, и работу, претендующую на это различие, но в действительности не делающую его.

Одним из самых ясных примеров этого различия является метамодель. Метамодель, первая модель (набор паттернов), созданная в НЛП, неизменно уделяет внимание этому различию. Метамодель – это множество вопросов с чисто синтаксической основой, имеющая целью уточнение или возражение на словесные высказывания – более конкретно, на их связь с опорными переживаниями на ПД, которые они представляют. Естественным следствием строгого использования этой модели является ряд словесных возражений на обедненные части мысленных карт клиента, не находящего адекватных выборов, чтобы создать желательное для него качество жизни. Например, если клиент произносит в надлежащем профессиональном контексте предложение вроде следующего:

Много людей мне не доверяет!

то анализ этого предложения обнаруживает одно существительное *людей* и один глагол *доверяет*, столь лишенные конкретности, что их невозможно истолковать без слушателя (а в действительности без говорящего), который галлюцинирует то, что эти слова в самом деле могут означать. Классическое применение метамодели требует следующего словесного ответа¹² на это предложение:

Какие именно люди (вам не доверяют)?

или

Не доверяют вам, но каким образом?

Если эти возражения метамодели применяются правильно (то есть рекурсивно и в порядке, вначале уточняющем по определенным критериям существительные, а затем определяющем глаголы), то отсюда происходят последствия, указанные в заголовке этого раздела – расширение обедненных частей

---

* Английское слово substance означает не только «сущность» в философском смысле, но и «вещество» в смысле естествознания. (Прим. перев.).

мысленных карт клиента, как часть процесса создания вариантов, нужных ему для достижения желаемого качества жизни.

Как указывалось в раннем описании метамоделей, ее возражения носят вполне общий характер:

для неточных существительных

Какой _____ именно?

для неточных глаголов _____,

_____, каким образом?

пробелы представляют неточные существительные и глаголы

Эти возражения применяются к любому существительному или глаголу, *независимо от их содержания*. Подставьте любое подходящее (по контексту) существительное вместо *людей* (*мужчин, женщин, детей, людей из Восточной Азии, предпринимателей, собак, gekkonov, животных с перепончатыми лапами*), или любой подходящий (опять-таки по контексту) глагол вместо *доверяет* (*любит, обращает внимание, прислушивается, помогает, уважает, поддерживает...*). Заметим, что пара вопрос – возражение остается одинаково эффективной, независимо от изменения значений при подстановке различных существительных (или глаголов) в открытую форму возражения. В области лингвистики различие выражается разницей между *синтаксисом* и *семантикой*: соответственно, между изучением структуры языка и изучением значений языка. Итак, мы приходим к выводу, что эффективность модели инвариантна по отношению к изменению значения. Это чисто синтаксическое упражнение, никоим образом не зависящее от содержания разговора.

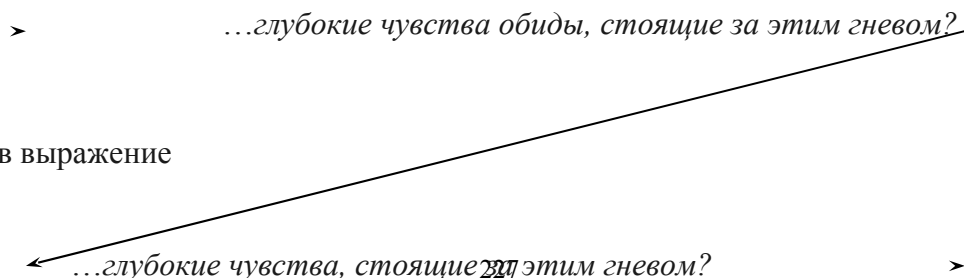
Второй пример происходит из формальной логики. Логик заметит, что в исчислении высказываний правильность паттерна точно так же инвариантна по отношению к значению. Имеется в виду тот факт, что если предложение S^1 справедливо и предложение S^2 также справедливо, то конъюнкция S^1 и S^2 (буквально, S^1 и S^2) тоже справедлива. Далее, если одно из двух предложений ложно, то вся конъюнкция ложна; если же два предложения соединены дизъюнкцией (в виде S^1 или S^2), то эта форма остается истинной, если истинно одно из предложений или оба. Все это происходит независимо от содержания предложений, обозначенных переменными S^1 и S^2 .

Третий пример мы возьмем из области из области двумерной, или плоской геометрии: в геометрии имеется множество объектов, именуемых кругами. Этот геометрический объект – круг – можно определить как любое множество, все точки границы которого (определяющей множества точек объекта) находятся на равном расстоянии от его центра. Алгебраическое определение границы круга (окружности) задается общим уравнением

$$r^2 = x^2 + y^2$$

(где центр круга принимается за начало координат). Заметим, что все это не зависит от размера круга, от цвета круга, от контекста, в котором вы находите круг, и т. д. Иными словами, круги являются кругами независимо от их размера, цвета, контекста, материального состава круга, рассматриваемых как его содержание, тогда как приведенное алгебраическое определение круга есть его форма. Таким образом, круги инвариантны по отношению к размеру, цвету и т. д. Эти три примера представляют вполне ясные случаи, иллюстрирующие различие между формой и содержанием.

В таком контексте как практика НЛП, где различие между процессом и содержанием является проблемным камнем этической практики, тот факт, что некоторая процедура эффективна, не значит еще, что она является законным или этическим паттерном, который можно включить в технологию нашей деятельности.

Вернемся теперь к примеру Сатир, изложенному выше, в Главе 1 Части III, в разделе *Логические типы и логические уровни*. Если бы Вирджиния просто подставила вместо выражения *чувства обиды*, навязанное ею как предпосылка, некоторое лингвистическое выражение, относительно свободное от содержания (технически, некоторую переменную), то мы сочли бы такую работу гораздо более близкой к идеалу. Она могла бы, например, сказать:

...теперь, когда вы должным образом выразили свой гнев, который вы в самом деле чувствовали, (обратите внимание на прошедшее время глагола), не хотите ли вы рассказать о глубоких чувствах, стоящих за этим гневом?

попросту удалив дополнение (*обиды*) и превратив выражение.

Может быть, подобный маневр мог бы превратить предложенную Дилтсом иерархию в модель процесса; например, вместо стандартной содержательной иерархии, такой как предложенная Дилтсом, он мог бы лучше защищать некоторую формальную концепцию – скажем, что существует иерархия, в которой изменение чего-то на высшем уровне иерархии вызывает изменение на низшем уровне. Кажется, это и является главной целью его иерархии:

Воздействие каждого уровня состоит в организации и контроле информации на более низком уровне. Изменение чего-то на высшем уровне необходимо повлекло бы за собой изменение некоторых вещей на нижних уровнях...

Дилтс, 1991, стр. 26¹³

Далее, вместо (в настоящее время не мотивированного) предположения, что некоторая определенная последовательность предложенных им (но не определенных) наименований является стандартным паттерном организации для людей, он мог бы предложить ряд выясняющих этапов, которой позволил бы каждому клиенту или пользователю предлагаемой иерархии определить для себя упорядочение этих уровней, превратив таким образом содержательные наименования в процессы, позволяющие каждому пользователю развить свою собственную подходящую ему иерархию, с соблюдением личной неприкосновенности пользователя модели.

Иерархия Дилтса в самом деле частично налегает на то, что мы называем опорными точками – местами в системе, где минимальное различие способно привести в движение всю систему, вызвав в ней значительные изменения. Например, в Главе 3 Части II, *Новый код* цепочка превосходства представляет явный пример множества опорных точек, иерархически упорядоченного по отношению к исполнению, причем каждый верхний узел иерархии представляет опорную точку для изменения функций всех объектов, расположенных ниже. Может быть, нечто в этом роде можно сделать из модели Нейрологических уровней.

Откровенно говоря, мы сомневаемся, существуют ли иерархии для живых систем со свойствами, указанными в приведенной выше цитате (изменение чего-то на высшем уровне необходимо повлекло бы за собой изменение некоторых вещей на нижних уровнях). Заметим, что в формулировке Дилтса используется модальный оператор необходимо. Это могло бы означать, что в данном перечне наименований изменение в одном из уровней выше некоторого поведения необходимо изменило бы это поведение.

Но это прямо противоречит десятилетиям работы в терапевтических применениях НЛП, не говоря уже о таких смежных областях как психиатрия... Как уже было сказано выше в историческом разделе книги, Бендлер и Гриндер были удивлены богатыми и отчетливыми представлениями, созданными многими шизофрениками, с которыми они работали. Эти представления указывали на утонченную способность строить сознательные представления, более чем адекватно описывавшие происхождение и функционирование в данный момент их шизофренических паттернов. Ничто из этого точного и явного знания не изменяло их поведения. В терминах иерархии Дилтса, эта способность и выраженные шизофрениками ценности не смогли вызвать никакого сдвига в их поведении, как этого требуют свойства предложенной Дилтсом иерархии.

В действительности нам незачем рассматривать крайние случаи шизофреников, поскольку каждый клиент, входящий в кабинет терапевта с объявленной ценностью, которую он придает изменению своего поведения, представляет яркий пример, опровергающий построение Дилтса. Ясно, что у этих клиентов есть заявленная ими *ценность*, подлежащая изменению, но их *поведение* все же продолжается. Если вы будете утверждать, что такие клиенты не изменяют своего поведения, потому что они не развили нужные способности, то вы просто приведете еще один контрпример. В самом деле, требуемое от иерархии свойство состоит в том, что изменение на высшем уровне иерархии (по Дилтсу) *необходимо изменяет вещи, находящиеся на нижних уровнях*. Поскольку *ценность* находится на более высоком уровне, чем *способность*, а *способность* на более высоком уровне, чем *поведение*, такие изменения должны были бы произойти. Но в действительности они не произошли.

Чтобы подойти еще ближе к делу, остановимся на минуту и спросим себя:

Есть ли что-нибудь в вашем поведении – скажем, ваш вес, или ваше физическое умение, или ваша способность лучше рисовать или более разборчиво писать, – что было уже одной из ваших желательных ценностей, но чего не достигло еще ваше поведение?

Каждая такая *ценность* без соответствующего изменения способности и фактического поведения составляет убедительный контрпример к утверждению, содержащемуся в иерархии Дилтса.

Формулировка свойств иерархии Дилтса содержит также наименование *управление*:

...воздействие каждого уровня состоит в организации и управлении информацией на уровне, расположенном ниже его.

Искусство приложений НЛП сосредоточено не на управлении, а на выборе. Управление – это одна из иллюзий сознания, основывающаяся на декартовом расколе – точно та же иллюзия, которую мы встречаем в нелепых выражениях, ставящих *дух выше материей*.

Мы просим Дилтса пересмотреть такие притязания. Для этого было бы достаточно что-нибудь столь простое, как ответ на возражения метамоделей против наименований, составляющих уровни иерархии плюс *управление*. Далее, мы предложили Дилтсу применить модальный оператор возражения к термину *необходимо*. Наконец, как указано выше, мы приветствовали бы, если бы он явно описал принцип упорядочения, порождающий его иерархию. Все это было бы весьма желательно. Далее, пока не будет достигнута полная ясность, мы просим его конкретно разъяснить, что его иерархия НЕ представляет логических уровней. От его ответа на поставленные здесь вопросы будет в дальнейшем зависеть, следует ли вообще рассматривать его модель как часть деятельности НЛП.

Хотя решение вопроса, составляют ли Нейро-логические уровни часть НЛП, должно ожидать дальнейшего объяснения Дилтса, мы во всяком случае занимаем совершенно неудовлетворительную позицию в рассматриваемом основном вопросе. Как один из создателей НЛП, я (ДГ) в течение ряда лет страстно настаивал, что различие между процессом и содержанием – это ключевое различие для двух важнейших областей практики НЛП:

1. потрясающая сила и эффективность приложения паттернов НЛП прямо зависит от различения процесса и содержания; именно это отличает НЛП от других технологий изменения;
2. этический вопрос – как уже было сказано, *текущие стандарты практики НЛП требуют, чтобы практик делал различие между содержанием и процессом, оставляя содержание полностью клиенту и манипулируя процессом бесстыдно и эффективно.*

В нашем анализе принципов упорядочения, порождающих различные иерархии НЛП, мы до сих пор не могли дать *формальную* характеристику различия между процессом и содержанием. Предполагаемое различие либо не существует, либо имеет статус подсознательного знания, подлежащего объяснению.

Вот краткая формулировка интересующей нас проблемы. Возьмем любую иерархию, порожденную некоторым принципом упорядочения (например, логическим включением, или отношением части к целому). Выберем в иерархии любой уровень l^i и спросим себя, действительно ли произвольно выбранные элементы этого уровня составляют содержание непосредственно находящегося над ними уровня l^{i-1} . Далее, соответствует ли вашей интуиции, что множество, указанное на ближайшем высшем уровне l^{i-1} имеет смысл рассматривать как форму этих элементов? Рассмотрим теперь множество на уровне l^{i-2} , ближайшем уровне выше l^{i-1} . По отношению к этому множеству множество на уровне l^{i-1} , ранее составлявшее форму элементов на l^i , становится теперь одним из элементов, составляющих содержание множества на уровне l^{i-2} .

Приведем конкретный пример, относящийся к этическому вопросу: по-видимому, на практике имеется хорошее интуитивное согласие, где надо провести границу между процессом и содержанием. Представим себе, например, что хорошо подготовленный терапевт НЛП работает, делая доступным для клиента подлежащий изменению материал. Рассмотрим различие между двумя наборами указаний А и В:

Набор А

Представьте себе картину того, что тогда случилось

Ощутите то, что вы испытали тогда

Послушайте, что было сказано в том случае

Набор Б

Посмотрите, кто вас тогда оскорбил

Ощутите, как вы были оскорблены

Послушайте, какие ужасные вещи говорились

Как мы предполагаем, каждый подготовленный практик НЛП классифицирует набор А как набор указаний о процессе, и при этом сочтет набор Б неэтичным нарушением личной неприкосновенности клиента – вмешательством в содержание. В действительности мы сочувствуем этому суждению. Но интуитивное согласие вряд ли является достаточной основой для принципов, охраняющих неприкосновенность личности клиента. В чем же состоит конкретное различие между наборами А и Б? Рассмотрим предпосылки набора А

Утверждение в наборе А

Представьте себе картину того, что тогда случилось,

Ощутите то, что вы испытали тогда

Послушайте, что было сказано в том случае

Предпосылки набора А

вы видели, что тогда нечто случилось

вы испытали ощущения

нечто было сказано, и вы это слышали

Утверждения набора Б

Посмотрите, кто вас тогда оскорбил

Ощутите, как вы были оскорблены

Послушайте, какие ужасные вещи говорились

Предпосылки набора Б

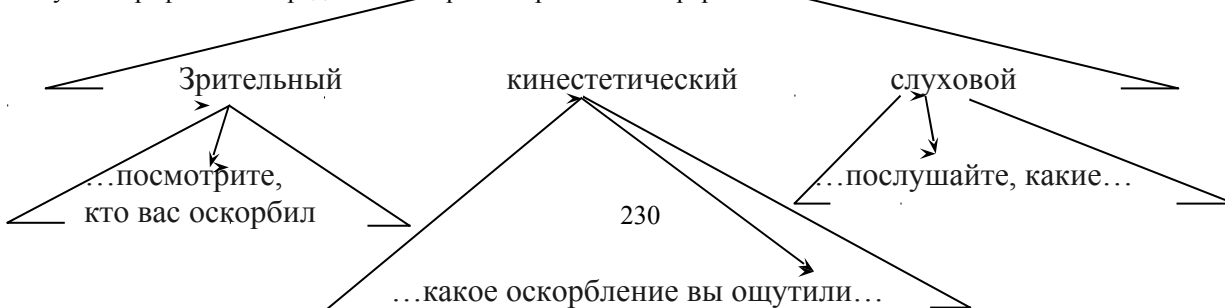
кто-то вас тогда оскорбил

вы были оскорблены и ощущали это

тогда говорили ужасные вещи

способы доступа к переживанию

Изучите графическое представление рассматриваемой иерархии.

В изображенной иерархии на верхнем уровне находится просто название множества возможных путей доступа к рассматриваемому переживанию. На среднем уровне перечисляются основные несловесные представления, сообщающие рассматриваемое переживание. На нижнем уровне перечислены некоторые конкретные способы доступа в каждой из систем представления. Важно здесь, что термины на среднем уровне являются формами по отношению к нижнему уровню и содержаниями по отношению к верхнему.

Иными словами, набор Б, состоящий из содержательных утверждений, бесспорно нарушающих неприкосновенность личности клиента, представляет это содержание в пределах исходных переживаний, доставленных тремя главными системами представления. В этом смысле три главных системы представления формальны; они являются процессами – различными стратегиями доступа к содержанию исходного переживания. Однако по отношению к множеству высшего уровня – доступу к исходному переживанию – они являются содержанием.

Теперь подумайте: представьте себе, что вы смеетесь над терапевтом, принимающим в качестве предпосылки одно из утверждений набора Б. Но в чем различие между этим подходом и подходом терапевта, указывающим, какую из систем представления надо использовать как стратегию доступа (как это делается в наборе А)? Следует ли нам попытаться измерить, насколько вторгается содержание в работу нашего терапевта, установив, что манипуляция содержанием не ниже некоторого уровня в иерархии допустима, а ниже этого уровня недопустима? Если бы мы поступили таким образом, мы прибегли бы к количественному описанию как раз в одной из областей, где требуется категорическое различие.

Вы можете возразить, что за исключением людей, потерявших один из своих входных сенсорных каналов, любое переживание прошлого будет по определению содержать образы, ощущения и звуки – представления, соответствующие трем главным системам представления. Мы ответим на это, спросив, каким образом терапевт вправе принимать решение, какой системой представления клиент должен пользоваться для доступа к исходному переживанию, но в то же время не вправе сделать ни одного утверждения набора Б. В чем же состоит в принципе различие между выбором множества А или множества Б?

Если вы скажете, что терапевт обнаружил несловесный ключ (например, движение глаз или происшедший физиологический сдвиг), то можно считать, что неприкосновенность личности клиента соблюдена; если же такие несловесные указания не оказываются источником решения о выборе определенной системы представления, то решение терапевта должно быть оправдано какими-то другими критериями. Если не может быть предложен и проверен никакой другой критерий, то мы оказываемся в самом неудовлетворительном положении. Иными словами, в настоящее время не существует *формального* различия, позволяющего нам принципиально различить процесс и содержание в практическом приложении паттернов НЛП.

Из этого краткого обсуждения вытекает, что *на практике решающее значение имеет источник содержания*. В этом смысле мета модель является безупречно этичным средством, поскольку терапевт ограничивается в ней использованием одной только словесной продукции, происходящей от клиента, и только на нее отвечает, причем ему особо преграждается путь к введению содержательного материала. Точно так же обстоит дело с применением якорения: каковы бы ни были переживания клиента – якорь просто стабилизирует доступ к этим переживаниям, ничего к ним не добавляя и никоим образом их не модифицируя – разумеется, если он выполняется с точностью и с кодовыми словами (тайная терапия). То же происходит и в манипуляциях с субмодальностями – клиент предъявляет различия в субмодальностях между представлениями, которые у него действуют, и представлениями, которые у него не действуют. Терапевт просто сравнивает и передает эти различия с одного из представлений на другое,

что является формальной манипуляцией. Заметим, что в этих случаях источником содержания является единственно клиент, и никогда не терапевт.

Таким образом, мы делаем следующее предложение для этичного применения паттернов НЛП в работе изменения:

1. Терапевт должен вести себя таким образом, чтобы сообщение все время конгруэнтно передавалось клиенту, чтобы за изменение был ответственен клиент, и чтобы при этом содержание изменений не раскрывалось.
2. Если клиент предпочитает раскрыть содержание переживаний и контекстов, лежащих в основе предстоящей работы изменения, то терапевт должен избегать любой попытки понять содержание. Он будет оперировать этим содержанием на любом уровне, манипулируя процессом в том стиле, в котором он предпочитает представляться клиенту. Если клиент не настаивает на раскрытии содержания, самой ценной стратегией являются кодовые слова (по существу, произвольные переменные) и тайная работа изменения, поскольку они обеспечивают неприкосновенность личности клиента.
3. Мы не смогли до сих пор установить формальное различие между содержанием и процессом. Поэтому терапевт обязан постоянно совершенствовать свою сенсорную чуткость, чтобы уметь обнаруживать текущие состояния и стратегии, естественно применяемые клиентом на подсознательном уровне. Он должен использовать эти подсознательные выборы и решения клиента в процессе принятия решений, ведущих к успешному выполнению требований клиента (что является содержанием – в смысле высшего уровня описанной иерархии). Самым основным требованием, предъявляемым к подготовленному практику НЛП, является калибровка.
4. Следует соблюдать развитые выше принципы сортировки: в этом контексте особенно важны переживания, препятствующие непрерывному продвижению клиента к его целям, представленным на ПД, то есть на долингвистическом уровне. С этими представлениями надо обращаться на этом же уровне, не накладывая на них лингвистические категории.
5. Важный навык терапевта, использующего паттерны НЛП, состоит в культивировании применения лингвистических переменных в своих словесных коммуникациях. С их помощью он должен давать клиенту эффективные и конгруэнтные указания, навязывая ему минимум содержания (минимум подразделений, исходящих от терапевта, а не от клиента) – или, что то же, принимая как можно меньше решений за клиента. Конкретные лингвистические переменные, которые мы имеем в виду, легко входят в категорию интенсивных определений.

Используем в виде примера предыдущую работу:

Постоянные

*...посмотрите, кто вас оскорбил ...
случилось*

*...какое вы ощутили оскорбление...
испытали*

...послушайте ужасный...

Переменные (интенсивные определения)

...картина того, что тогда

...ощущения, которые вы тогда

...что говорится в этом случае

Понятия постоянных и переменных (интенсивные определения) здесь хорошо служат. Можно ретроспективно заметить, что первоначальным источником вошедших в НЛП явных различий формы и сущности, а со временем процесса и содержания была работа Гриндера как профессионального специалиста по синтаксису, занимавшегося паттернами естественного языка. В трансформационной лингвистике различие между синтаксисом и семантикой представляет собой отчетливое разделение труда, в котором специалисты по синтаксису сосредоточиваются на открытии и описании синтаксических форм, представляющих правильно построенные предложения изучаемого языка. Лингвисты, специа-

лизирующиеся в семантике, занимаются смысловыми отношениями между различными лексическими объектами, образующими словарь рассматриваемого языка. Образцом этого различия является знаменитое предложение Хомского:

Бесцветные зеленые идеи яростно спят.

Эта последовательность английских слов синтаксически правильно построена в классическом смысле, но семантически крайне странна. Целью ее построения было доказать, что можно построить предложения, совершенно правильные по форме, то есть по их синтаксической структуре, но бессмысленные, то есть не удовлетворяющие семантическим требованиям языка. Если, как мы доказывали в историческом обзоре, синтаксис может изучаться независимо от семантики, то задача специалиста по семантике значительно упрощается (хотя вряд ли становится простой). Таким образом, синтаксическая структура предложения есть форма, а его смысл – семантика – есть содержание; это два различных класса явлений.

Это и есть главное различие, стоящее за метамоделью. В этой модели отчетливо представлено различие между формой /процессом и сущностью /содержанием, так что она представляет собой принципиально новую модель словесной коммуникации, эффективность которой основывается именно на описанном различии. Фундаментальная стратегия Бендлера и Гриндера при развитии классического кода означала введение этого различия в нелингвистические области человеческой деятельности. Такие паттерны как якорение, субмодальности, фрейминг, рефрейминг и т. д. возникли как продукты этой стратегии исследования, в которой движущей силой является форма – надо нажимать на форму, оставляя клиенту содержание.

В более широком плане мы надеемся, что сообщество НЛП найдет полезными конкретные предложения, формализмы и форматы (например, для описания паттернов), предложенные выше. В таком случае мы можем предвидеть будущий публичный диалог, который будет содействовать развитию более удовлетворительных критериев различения того, что мы здесь по традиции называем процессом и содержанием. Это различие применяется для определения, является ли некоторый предполагаемый паттерн формальным, и тем самым пригодным для включения в технологию НЛП. Оно служит также, чтобы уточнить применение желательного различия, как основы этичной практики в приложении паттернов НЛП к работе изменения. Мы надеемся, что станет возможным более удовлетворительное, то есть формальное представление этого решающего различия. Насколько и каким образом это различие может быть обобщено, исходя из уже указанных ясных случаев, составляет, как мы должны признать, эмпирический вопрос. Мы приглашаем серьезных исследователей принимать этот вопрос во внимание в отчетах о своей работе.

Примечания к Главе 2 Части III

1. Сатир достигала великолепных эффектов в своей интуитивной семейной терапии, но плохо умела объяснить ее основы. Ей часто задавали вопросы вроде следующего:

Вирджиния, откуда вы знаете, что в этот конкретный момент сеанса надо применить этот определенный паттерн?

На это следовал предсказуемый ответ:

Надо доверять своему чутью!

Конечно, это превосходный совет тем, у кого *есть* чутье Вирджинии Сатир.

2. Разумеется, подсознательное знание питает душу моделировщика: ведь это человек, о котором справедливо говорят, что он обладает подсознательным знанием (или, что то же, превосходной интуицией), и поэтому эффективно действует, но еще не в состоянии объяснить такое эффективное поведение. Таким образом, моделировщик стоит перед серьезной проблемой.

3. Все представления переживаний, закодированные на уровне вторичного переживания f^2 , как предполагается, были уже закодированы на уровне первичного переживания f^1 . Мы уже воспользовались этой асимметрией при выборе подходящего вмешательства.
4. Это пример некоторого предельного случая раппорта – в заключение этого маневра, как можно основательно утверждать, Гриндер достиг раппорта с подсознанием клиента. Мы делаем это замечание, чтобы исправить обычное недоразумение, касающееся раппорта и стратегий (отражения или перекрестного отражения), как их объясняли Гриндер и Бендлер в раннюю эпоху НЛП. Как мы полагаем, раппорт устанавливается в точности в тот момент, когда терапевт овладевает подсознательным вниманием человека, с которым он хочет установить раппорт. Одной из частных форм раппорта является доверие. Обычное недоразумение, смешивающее доверие с раппортом, является, по-видимому, ошибкой в логическом уровне, принимающей элемент множества за само множество.
5. Надо разъяснить, что клиентка никогда (по крайней мере до последнего контакта с ней) не имела сознательного представления об источнике своей фобии – она просто получила требуемый ею результат. Этот этический принцип происходит непосредственно от д-ра Эриксона. Он (и в свою очередь Гриндер и Бендлер) несомненно рассматривали в то время эту частную коммуникацию между практиком/гипнологом и подсознанием клиента как привилегированные сообщения. Поэтому Эриксон никогда не раскрывал сознанию клиента материал, полученный этим способом. Его точка зрения состояла в том, что если подсознание хочет сделать такую информацию доступной сознанию, то само подсознание сообщит эту информацию сознанию в такое время и таким способом, какие оно выберет. Таким образом, практик/гипнолог злоупотребил бы частным сообщением, если бы он прямо предоставил такую информацию сознанию клиента без особого разрешения его подсознания.
6. Заметим, что этот лозунг содержит две основных переменных, используемых в такой работе:

разбивать = разлагать на составляющие

и

связывать = располагать в некоторое упорядочивающее отношение

7. Мы приносим извинения читателю, сведущему в мореплавании, за то, что мы игнорируем различие в размере между *кораблем* и *лодкой*. Как заметит внимательный читатель, пример с кораблем уже встретился в разделе эпистемологии, хотя и в другом смысле.
8. Эти два метода определения множества равносильны аналитическому различию между *экстенсивным* и *интенсивным определением*.
9. Мы обращаем внимание читателя на тот факт, что не существует алгоритма для отображения вверх или вниз из произвольной точки иерархии. Иными словами, в настоящее время не известны правила отображения из произвольной точки иерархии естественного языка в вышележащие или нижележащие множества (по отношению к иерархии). При этом возможно любое число отображений, и не существует, насколько мы знаем, никакой оценивающей метрики, руководящей выбором множеств высшего уровня, на которые производится отображение. Приведенный в тексте перечень может быть сколь угодно продолжен, с соблюдением указанных нами формальных требований.
10. Это, в некотором смысле, одновременно глубокий и тривиальный вопрос. Если случилось так, что вы приобрели занятую нами эпистемологическую позицию из формальных языков, созданных нашим видом – алгебры, геометрии, математического анализа, теории чисел, логики, теории автоматов и т. д., или теории множеств – то все это очищенные, формализованные явные языки, моделированные по естественному языку, так что результат вас не удивит. Если же вы занимаете другую эпистемологическую позицию, то результат покажется вам глубоким. Мы отсылаем читателя к разделу *Интеллектуальные предшественники НЛП* (Глава 3 Части I), где подобные гибриды формализованных частей естественного языка (например, логика, теория автоматов и т. д.) отображаются в паттерны естественного языка и паттерны НЛП.

11. Фрэнк Толл указал нам также, что эта вторая формальная характеристика иерархических упорядочений – сжатие – справедлива в том и только в том случае, когда универсум рассмотрения является конечным множеством.
12. Правильно в рамках метамоделей – конечно, есть много *правильных* словесных ответов вне метамоделей, *правильных* в том смысле, что они эффективно помогают клиенту развить мысленные карты, чтобы включить в них требуемый диапазон выборов. Например, терапевт может предпочесть, вместо расширения карты клиента с помощью метамоделирования, заметить, что если карта клиента содержит это обобщение, то весьма вероятно, что она содержит и более важное обобщение:

Я не доверяю многим людям.

Такое предположение терапевта основывается на хорошо известном в клинической психологии явлении, касающемся мысленных карт (обнаруженном, как нам кажется, в практике психоанализа) – так называемой *проекции*; в основе его лежит понимание того факта, что свойство, приписываемое человеком другим людям, относится обычно к нему самому. Иными словами, если у меня есть постоянно действующий перцептуальный фильтр, породивший у меня верование, что я не доверяю другим людям, то у меня будет сильная тенденция проектировать на них это мое верование, обобщив это в представление, что они не доверяют мне. Более простое и формально более точное представление рассматриваемого здесь процесса подсказало бы терапевту, что полезно проверить мысленные карты клиента, обратив указатели в произведенных им предложениях. Схематически, в данном предложении S^1 надо просто обратить указатель, что приводит к предложению S^2 :

S^1 *X не доверяет Y* $\rightarrow$ *Люди не доверяют мне*

S^2 *Y не доверяет X* $\rightarrow$ *Я не доверяю людям*

13. Опять-таки, как цитирует М. Холл в той же работе, Дилтс утверждает:

«Логические уровни: внутренняя иерархия, в которой каждый уровень последовательно более психологически содержателен и действен».

Дилтс, 1990, стр. 217

Если здесь имеется некоторое серьезное намерение, то термины *психологически содержателен* и *действен* должны быть определены, чтобы остальные члены сообщества НЛП могли разумно участвовать в дискуссии.

Глава 3: Рекомендации

В этой книге мы пытались разъяснить ряд интересующих нас вопросов, которые мы считаем важными для дальнейшего развития нейролингвистического программирования и для значительного улучшения качества работы в этой области. Мы имели намерение вызвать профессиональный публичный диалог высокого уровня между практиками НЛП, как неперенную часть этого развития. Эта завершающая глава содержит рекомендации практическим работниками в области НЛП, сначала о моделировании, затем о возможных способах улучшения практики НЛП, и наконец, о более широкой общественной перспективе, в которой могло бы действовать НЛП.

Как заметил читатель, во многих рассматриваемых вопросах мы пришли к определенным заключениям, а также откровенно изложили наши мысли и рекомендации о предметах, требующих значительной работы. Мы считаем это вполне уместным, поскольку НЛП пережило свое детство и как раз теперь выходит из подросткового возраста, так что ему еще предстоит выработать устойчивую терминологию и определенную методологию, характерную для более старых и более зрелых дисциплин. Мы приложили много усилий для явного описания процессов и способов действия, оказавшихся успешными в период создания и начального развития НЛП, а также для определения и разъяснения основных терминов, употребляемых в различных видах деятельности, из которых НЛП состоит в настоящее время. Мы указали также, с какими намерениями мы писали *Шенот*. Указание намерений, стоявших за

разными частями нашей книги, также уместно, поскольку наши описания, анализы, комментарии и рекомендации принадлежат лишь двум членам сообщества – чтобы их осуществить, потребуется тщательное рассмотрение, активное обсуждение и, наконец, конгруэнтная работа с этими предложениями значительного числа членов сообщества.

С нашей точки зрения, самый глубокий призыв, который мы обращаем к другим членам сообщества НЛП, касается признания центральной деятельностью НЛП моделирования превосходства и реориентации работы в этом направлении. В руках способных практиков это может обеспечить продолжение столь же быстрого непрерывного роста НЛП и столь же значительного влияния НЛП на смежные области, как и в первой четверти столетия его существования. Тем читателям, которые по собственному выбору или склонностям не чувствуют влечения к этой центральной деятельности моделирования, многое остается сделать в области приложений и тренировки, как мы уже указывали и отчасти резюмируем в следующих ниже рекомендациях. Вдобавок, есть множество других вопросов, имеющих серьезное значение для развития и созревания нашего предмета.

Не пытаясь перечислить эти добавочные вопросы, мы ограничимся рядом конкретных предложений. В различных местах предыдущего текста мы выдвигали уже разные предложения о том, как должно развиваться, по нашему мнению, НЛП, чтобы занять надлежащее место среди других научно обоснованных подходов к изучению человеческой деятельности. В этом разделе мы соберем некоторые из этих основных рекомендаций, указывая, как все это может конкретно произойти.

Рамки: Нейролингвистическое программирование есть изучение существенных различий между устойчивым высоким исполнением гения (индивида или команды) в некоторой области человеческой деятельности и «среднего» исполнителя в той же области. При этом решающее значение имеет моделирование.

Само моделирование можно моделировать многими способами. Мы предложили следующие минимальные фазы, на которые полезно разбить этот сложный процесс:

1. Выбор надлежащей модели (источника паттернов) и обеспечение доступа к ней.
2. Подсознательная имитация паттернов модели при явном отказе от сознательного понимания или кодификации паттернов, усваиваемых в фазе имитации. Это главное отличие описываемого здесь моделирования НЛП от того, что называется моделированием в других дисциплинах. Важность этого этапа нельзя переоценить. Именно эта способность откладывать сознательное понимание собственного поведения (отказываться от фильтров f^2) на ранних фазах моделирования дает возможность моделировщику приобрести глубокое подсознательное знание паттернов, относительно не затронутое сознательными преобразующими фильтрами (подсознательное знание на ПД). Такой процесс доставляет особенно основательное и полное представление способа образования паттернов источником этих паттернов – первоначальной моделью.

Любая деятельность, претендующая называться моделированием, но лишенная этого операционного различия (подсознательной имитации), принадлежит некоторой другой области и должна строго различаться от моделирования в НЛП. Когда мы предлагали описания моделирования, они страдали тем же недостатком, что любое словесное описание сложного множества форм поведения – они воспринимались как разговор о некотором поведении, но самое поведение не выполнялось. Мы приглашаем заинтересованных и квалифицированных лиц связаться с Квантум Лип для получения специальной информации о семинарах и тренировке в искусстве моделирования.

3. Систематическое испытание паттернов, усвоенных в фазе подсознательной имитации, до тех пор, пока не будут удовлетворены критерии исполнения. Более конкретно, критерии исполнения будут удовлетворены в том и только в том случае, если моделировщик способен будет воспроизвести результаты паттернов, смоделированных по источнику. А именно, моделировщик демонстрирует свою способность получать от клиентов реакции, сравнимые по качеству с результатами, обычно получаемыми моделью, и примерно за то же время.

4. Достигнув этих критериев, моделировщик начинает кодификацию приобретенных им паттернов, а также паттернов источника (первоначального индивида или команды). Заметим, что, как отсюда вытекает, моделировщик должен в действительности руководствоваться двумя рядами данных: наблюдениями источника паттернов – первоначального источника – и моделированием самого себя, то есть отображением подсознательного знания, уже приобретенного моделировщиком, в явное знание, составляющее окончательную модель.
5. Проверка модели с целью определить, действительно ли она успешно и эффективно передает закодированные паттерны заинтересованным учащимся или, что то же, достигает ли учащийся мастерства в образовании паттернов первоначальной модели успешно и эффективно, то есть за приемлемое время?

Предполагая эти определения и рамки твердо усвоенными, мы предлагаем следующие

Рекомендации

Для моделировщика/проектировщика:

1. Каждый будущий моделировщик/проектировщик НЛП должен принять и признать основное отличие, лежащее в основе создания и определения НЛП – а именно, моделирование. Далее, в соответствии с этим признанием, каждый такой практик принимается за моделирование превосходства с целью создания новых паттернов и моделей, уделяя этому больше или меньше времени, но в виде постоянного занятия.
2. Модели, возникающие из этого возобновленного процесса образования паттернов, должны представляться и рассматриваться некоторой экспертной группой избранных и доверенных практиков НЛП. Такая группа сможет доставить моделировщику обратную связь по поводу представленного построения паттернов, и обсуждение может привести к соглашению, что предложенные паттерны составляют новый набор паттернов или модель НЛП. Ввиду того исторического факта, что НЛП было создано и вначале развито американцами, и что их достижения в работе на других языках, кроме английского, не особенно внушительны, было бы разумно учредить для этого процесса оценки национальные или лингвистически однородные группы. Такие лингвистически определенные группы могли бы затем отбирать лучшие из предложенных им моделей или паттернов и передавать их международной экспертной группе для распространения на других языках. Это кажется нам лучшей практической стратегией.
3. Когда экспертная группа рассмотрела процесс моделирования (пять этапов моделирования, описанных выше) и эффективность паттернов модели (например, посредством собственного усвоения и испытания паттернов, чтобы определить, удовлетворяют ли они указанным критериям), модель или паттерн регистрируются, с датой и именем автора. Моделировщик, выполнивший фактическую работу, а также терапевты, проверившие и сертифицировавшие модель, должны быть при этом указаны. Сертифицированная таким образом модель может быть предложена сообществу НЛП.
4. Минимальное требование для представления модели или паттерна на оценку должны состоять из трех критериев, развитых выше в этой книге, а именно:

Изложение паттернирования

- а. Описание паттерна: это относительно сенсорно обоснованное описание элементов паттерна и их существенного упорядочения (то есть последовательности, в которой эти элементы должны быть применены – исторически, в НЛП, это приняло форму шагов формата, определяющего, что практик должен делать на первом, втором шаге и т. д.).
- б. Последствия использования паттерна: это относительно сенсорно обоснованное описание, какие последствия практик может предвидеть при конгруэнтном применении паттерна.

- в. Критерии отбора: это относительно сенсорно обоснованное установление условий или контекстов, в которых уместен отбор и применение этого паттерна – например, в области работы изменения это различие между уместностью этого паттерна для изменений 1-го и 2-го порядка. Это описание должно включать любые противопоказания (условия, при которых паттерн определенно НЕ должен быть выбран и применен).
5. Внимательный читатель уже заметил, что выражение *относительно сенсорно обоснованное описание* встречается как часть каждого элемента предложенного формата изложения. Это выражение указывает на тот факт, что крайне сомнительно, существует ли адекватный словарь для описания в сенсорно обоснованных терминах чего-нибудь значительного в человеческих паттернах.¹

Остается в полной силе практический вопрос – *как представлять результаты нашего моделирования и паттернирования, чтобы другие могли понять и оценить то, что мы в действительности предлагаем?* Можно предположить, что одно из главных приложений уже имеющих в НЛП паттернов – это приложение к эффективной коммуникации. Есть весьма практичное и привлекательное решение этого вопроса – предположим, что вдобавок к представлению трех минимальных элементов, предложенных выше, мы, как сообщество, принимаем требование, чтобы практик НЛП, предлагающий новую модель или новое образование паттернов, представлял наряду с указанными выше элементами словесного описания видеозапись, где практик демонстрирует один или более конкретных примеров предлагаемой им модели или паттернирования. Это создало бы опорные переживания, представляющие (с помощью видеозаписи через интернет) каждому заинтересованному в использовании или испытании паттерна прямой доступ к примеру его модели или паттернирования. Конечно, пример модели или паттернирования – это не то же самое, что сама модель или паттернирование, однако он подойдет к ним значительно ближе, чем это случается при обычной многозначной интерпретации, неизбежно связанной с одним только словесным описанием.

Эта стратегия обеспечения эффективного сообщения моделей и паттернов ставит добавочную задачу – дело в том, что в настоящее время имеется довольно ограниченное число различий, из которых конструируются модели и паттерны НЛП, что неудивительно при синтаксическом подходе к образованию паттернов НЛП. Мы предлагаем устроить библиотеку таких видеофильмов (опять-таки, доступных через интернет). Такая библиотека весьма облегчила бы понимание и координацию исследований в сообществе НЛП, поскольку были бы конкретные примеры якорения, фрейминга, словесных паттернов, калибровки и т. д., как пункты отсчета, вокруг которых могла бы развиваться дальнейшая дискуссия и уточнение паттернов. При устройстве этой библиотеки надо проявить особую заботливость, поскольку она станет буквально центральной точкой отсчета для определения основных терминов во всей области НЛП. Поэтому было бы разумно пригласить большое число самых компетентных практиков присылать, например, видеофильмы по технологии якорения, и включить в библиотеку эти множественные представления. Здесь надо уравновесить два стремления:

- а) Требование стабилизировать основные термины дискуссии, вокруг которых вращаются исследование и приложение НЛП.
- б) Глубоко укоренившееся в НЛП признание, что множественные описания должны поощряться и приветствоваться с оговоркой, что все они должны удовлетворять минимальным профессиональным стандартам НЛП, вроде предлагаемых здесь...

Мы сознаем, что существует неустрашимое противоречие между этим предложением – обычным в исследовательских сообществах – и моделями бизнеса, где такая работа обычно рассматривается как повод для расхождения. Это противоречие свойственно не только НЛП – сравните его с патентованием туземных растений и их использованием традиционными народами, или с патентованием определенных химических соединений, применяемых в биологических исследованиях.

6. Во всей последующей работе над паттернами НЛП должно соблюдаться различие между содержательными моделями и процессуальными моделями. Далее, мы предлагаем, чтобы экспертные группы регистрировали только процессуальные модели, вежливо предлагая практикам, представляющим содержательные модели, направлять их в какое-нибудь другое место.
7. Экспертная группа должна делать различие между вариантами уже зарегистрированных моделей или паттернов и существенно новыми способами образования паттернов, регистрируя только последние. Это требование – демонстрация подлинной новизны предложенных паттернов – подобно разумно разработанным критериям, соблюдаемым патентными властями, например, в США и в других технически развитых странах.
8. Классический и новый код паттернов (см. Главу 3 Части II) должны быть зарегистрированы экспертными группами с надлежащим почтением. Далее, превосходные примеры образования паттернов классического и нового кода должны быть записаны на видеопленку и предлагаться в текущей библиотеке на предназначенном для этого сайте.
9. Члены экспертной группы служат в ней в течение налагающих периодов. Например, половина первой группы служила бы два года, а другая половина – три года, последующие же члены служили бы полные три года, так что группа сохраняла бы преемственность во времени.
10. Практики, моделирующие новые паттерны, должны ясно описывать различные аспекты моделирования, включая
  - а) упорядочивающий принцип, заключенный в предлагаемой модели (см. раздел об отношениях порядка),
  - б) убедительные свидетельства дискретного или непрерывного анализа, если таковые имеются.
11. Издатели и директора журналов, а также рецензенты статей авторов, претендующих на изложение моделей и паттернов НЛП, должны принять описанные выше критерии (или некоторый сравнимый явный набор критериев) в своей оценке деятельности в области НЛП как часть своей регулярной процедуры, с целью повышения качества опубликованных работ в этой области.
12. Каждый центр НЛП должен наложить на своих студентов небольшую надбавку (например, в размере 1 процента их платы центру). Эта надбавка будет предназначена для экспертной группы. Она поддержит их усилия, предложив рецензентам некоторую компенсацию за их работу по уточнению и регистрации моделей и паттернов. Она послужит также для покрытия расходов, связанных с учреждением и пополнением библиотеки, регистрирующей текущие модели и паттерны НЛП. На сайте будет публиковаться прозрачная отчетность расходования денег, составляемая нанятым для этого независимым бухгалтером, чтобы обеспечить периодический контроль за деятельностью экспертной группы и предупредить ее не предусмотренную деятельность.
13. Должен начаться публичный диалог с целью учреждения Международного Центра Моделирования (МЦМ) – о котором мы мечтали уже в течение нескольких десятилетий. Миссией центра было бы моделирование особых способностей гениев, где бы в мире их ни удалось найти.

Персонал МЦМ будет в конечном счете состоять из моделировщиков с наивысшей подготовкой и разнообразными лингвистическими способностями – возможно, вначале избираемых членами экспертной группы на основе созданных и зарегистрированных моделей, а затем пополняемых на основе ротации бывшими членами группы моделирования. МЦМ будет давать моделировщикам специальные задания и в то же время будет развивать в каждой этнической культурной группе способности индивидов из этой группы, которые продолжают моделирование в своей сфере влияния. Это будет аналитический центр для публикаций новых моделей, наряду со вкладками других участников – то есть он будет полностью связан с описанной выше экспертной группой, регистрирующей и распространяющей новые паттерны. Возможно, МЦМ будет иметь также тренировочные функции – более конкретно, индивид или коллектив, создающие новую мо-

дель, будут предлагать как естественную часть своей деятельности (проверки моделей) подготовку квалифицированных членов центров НЛП, обеспечивая тем самым создание и распространение новых моделей и паттернов, а также доставляя источник материала для приложений и тренировки сообщества НЛП.

Финансирование такого центра может быть осуществлено за счет ряда источников:

1. Центров НЛП, которые получают доходы от новейших моделей, сбывая их своим клиентам
2. Корпораций и учреждений, которые получали бы в виде компенсации исключительный доступ на ограниченное время (например, на шесть месяцев) к новейшим моделям и паттернам и помощь в их применении в контексте корпораций.
3. Фондов, поддерживающих создание и распространение моделей превосходства (фонд Форда, фонд Рокфеллера, фонд Карнеги и т. д.).
4. Клиентов, платящих за моделирование – как можно предположить, когда МЦМ приобретет репутацию как центр моделирования и распространения паттернов превосходства, найдутся индивиды и группы, которые пожелают заключить с МЦМ контракты на моделирование конкретных способностей, полезных в их работе.

Для тренера НЛП

14. Все практики НЛП, занятые тренировочной деятельностью, должны подходить к этой труднейшей учебной задаче с отчетливым пониманием некоторых принципов:
  - а. Основой эффективной тренировки является создание тренером ряда контекстов, в которых учащийся может приобрести на *собственном опыте* прямое бессознательное знание паттернирования. Иными словами, мера эффективности тренировки состоит в том, что учащийся может делать, но никак не в том, что он может об этом говорить.
  - б. Все тренировочные материалы должны быть тщательно проверены, чтобы убедиться, что в них предлагаются в качестве паттернов НЛП лишь формальные (но ни в коем случае не содержательные) паттерны. Тренеры, не способные делать такое различие, дисквалифицируются, пока не приобретут такую компетентность.
  - в. Идеальное проектирование тренировки содержит в себе процессы открытия, с помощью которых учащийся достигает подсознательной компетентности до достижения явной словесной компетентности. Вновь открытый паттерн принадлежит тому, кто его открыл; предложенный паттерн принадлежит тому, кто его предложил.
  - г. Самой важной отдельной переменной в контексте тренировки является конгруэнтность тренера. Без надлежащей модели (тренера), демонстрирующего паттернирование, достижение желательных результатов крайне невероятно.

Для практика НЛП, занятого в НЛП^{тр}

15. Практик, занятый приложениями паттернов НЛП, должен владеть и уметь применять различные указания, содержащиеся в предыдущем тексте (см. в особенности Главу 2 Части III), например, знать различия между изменениями 1-го и 2-го порядка и соответствующие им вмешательства, Ятрогенный Принцип и т. д.
16. Практик НЛП должен продолжать совершенствовать свое мастерство в самом основном из процессов НЛП – калибровке – со специальным вниманием к умению распознавать физиологические сигналы измененных состояний сознания. Этот основной навык является предпосылкой уважения к неприкосновенности клиента, что составляет фундаментальный этический вопрос. Точно так же, на конечных этапах работы изменения с клиентом практик никогда не может по-

лагаться на словесные заверения, что клиент достиг новых адекватных выборов, а должен принимать лишь свидетельства, поддающиеся физиологической проверке. Любое изменение должно рассматриваться как неясный намек, пока оно не получит кинестетической реализации.

17. Практик должен отчетливо сознавать (опять-таки, с помощью калибровки), что вхождение клиента в значительно измененное состояние является приглашением подсознания клиента к осмысленной коммуникации, с ведома или без ведома сознания клиента. Мы поощряем непрерывную программу обучения множественным методам установления и осуществления такой коммуникации (несловесной коммуникации, метафорам и т. д.).
18. Практик НЛП должен научиться различать в своей работе форму и содержание, что составляет гарантию неприкосновенности клиентов в их особенно уязвимых состояниях во время процесса изменения.
19. Практик НЛП должен отчетливо сознавать, что во всех сложных взаимодействиях с клиентом важнейшей из всех его забот должна быть ответственность за максимальную независимость клиента.

Таковы наши рекомендации, которые мы предлагаем сообществу НЛП. Есть много других важных вопросов, которые, с нашей точки зрения, с трудом могут быть изложены в виде рекомендаций. Один из таких вопросов мы выберем в качестве заключения этой книги.

Устанавливая исторический контекст создания нового кода и, в частности, описывая мое неудовлетворение деятельностью подготовленных практиков НЛП в начале 80-х годов, я (ДГ) сказал:

По-видимому, проявляется очень мало, или никакой заботы о более широких вопросах, таких как эстетика, этика или социальные и политические проблемы, и я не заметил какого-либо движения в сторону активного подхода к таким более широким вопросам с их стороны.

Как видно из нашего опыта, паттерны, закодированные до сих пор в проектах моделирования НЛП, блестяще служат для начала и осуществления действий, значительно улучшающих качество жизни индивидов и сообществ. Не менее важно, каким способом проводятся такие проекты – прямое участие в таких проектах дает людям силу предпринимать серьезные действия, развивая в них ощущение собственной способности производить такие изменения – превращая их из жертв жизни в активных участников жизни.

Например, в Бразилии мы участвовали в проекте устройства системы снабжения чистой питьевой водой и канализации в общине, непосредственно прилегающей к Сан Пауло. Это было достигнуто путем мобилизации неформальных лидеров сельской общины, которые, в свою очередь, стимулировали интерес и участие членов общины в этой работе. Одновременные переговоры с представителями правительства привели к тому, что те доставили материалы, орудия и квалифицированное руководство для устройства системы доставки питьевой воды и системы канализации, что значительно улучшило качество жизни в общине. Вода и система канализации в глубоком смысле принадлежат людям этой общины – они это построили, и они собственники этого. Можете быть уверены, что они будут превосходно заботиться об этом.

Теперь мы пытаемся *побудить*, даже *умоляем* наших читателей, уже компетентных в паттернах НЛП, тщательно рассмотреть возможности обобщить эти паттерны на такие действия в окружающем нас мире. Мы просим вас, тщательно рассмотрев такие возможности, сделать ваш выбор и эффективно действовать, создавая такие изменения. Чтобы стимулировать ваш интерес и способность к оценке применения паттернов НЛП в более широких вопросах, мы прибавим следующие замечания.

Примем за отправную точку использование Тройного Описания. Мы полагаем, что этот паттерн распространяется далеко за пределы его применения в новом коде изменения. Следующие ниже соображения представляют наш способ стимулировать мышление, которое мы хотели бы развить в области НЛП.

Как уже указывалось во многих местах этой книги, одно из следствий применения паттернов НЛП состоит в создании подлинно новых выборов.² Но эти выборы имеют свою цену. Например, в западных культурах, какие мы находим в Западной Европе и Северной Америке, привилегированной является кинестетическая система: это значит, что предложение человеку такой культуры изменить свое внутреннее представление как правило считается допустимым лишь в том случае, если это зрительное или слуховое представление. В самом деле, в некоторых случаях неспособность изменить такой зрительный образ или внутренний диалог рассматривается как свидетельство так называемой «психической болезни». Любой практик НЛП, имеющий опыт работы с людьми, называемыми шизофрениками, может засвидетельствовать преобладание симптомов с мучащими пациента звуковыми или зрительными образами – то есть затрагивающих внутренние представления (зрительные и слуховые), невольные для пациента.

Заметьте, однако, что человек, развивающий полный выбор в своих кинестетических представлениях – по существу человек, выбирающий, что он ощущает – награждается совсем иным названием – его называют социопатом. Мы полагаем, что эта отрицательная кличка – социопат – является подсознательным признанием на уровне социальной системы, что многое сплывающее нашу культуру имеет невольную природу кинестетических эмоциональных связей, соединяющих людей в пары, семьи и большие социальные единицы, эта невольная связь есть клей, в значительной степени сохраняющий целостность нашей социальной системы. Представьте себе, что произошло бы в нашем браке, в первичных эмоциональных отношениях, в семье, в бизнесе или в местных сообществах, если бы вдруг участвующие в них люди могли выбирать, испытывать им вину или нет, испытывать им стыд, или страх, или... Да, представьте себе это!

Если посмотреть через фильтры НЛП, то нам достаточно ясно, что невольная природа ощущения (кинестетические представления) действует как механизм социального контроля. С точки зрения НЛП, кинестетические представления – это просто один из трех главных строительных блоков наших мысленных карт (ПД), которые мы все время ошибочно принимаем за действительность. С этой позиции представляется произвольным и случайным такое общественное развитие, которое ухватились за поддержание невольности ощущений как за стабилизирующую переменную, как это произошло в западных культурах.³

Этот тезис может быть проверен – есть ли культуры, в которых избрана в качестве невольной одна из двух других систем представления? В случае утвердительного ответа наш тезис получает поддержку. Например, не открывает ли нам Танец Солнца аборигенов американских равнин смысл этих культурных различий? Не представляет ли Танец Солнца (подсознательное) культурное признание этих племен, что необходимо устранить ограничения в значительной степени невольной зрительной системы представления? Далее, не является ли одним из способов достижения этого причинение себе столь сильного мучения, что индивид входит в особое измененное состояние, открывающее ему видение его жизни?

Это глубокие вопросы, и, признавая наше невежество, мы ожидаем более компетентной информации от самих этих племен, а также от профессионалов, антропологов, изучавших такие явления.

Тот факт, что значительное большинство известных нам культур избрало кинестетическую систему в качестве невольной, представляет собой лишь статистическое утверждение, а не утверждение о человеческих возможностях. Изучение других уцелевших культур обещает открытие альтернативных форм общественной организации, других культурных возможностей. Это исследования форм, отличных от тех, в которых мы родились и которые составляют известный нам диапазон человеческих возможностей. Что бы ни открыли такие исследования, паттерны превосходства дают нам возможность исследовать добавочные возможности, и даже совершенно новые формы.

К этому вопросу относятся злоупотребления статистикой, с ее ошибочной интерпретацией в народной культуре. Мы различаем статистику как чрезвычайно полезное орудие анализа, – если она правильно применяется в надлежащих контекстах, – и злоупотребления статистикой как в ее неправильных приложениях, так и в ее популярных извращениях – в том, что мы называем статистической жизнью и тиранией среднего.

Рассмотрим, например, одну из наших страстей – скалолазание. Нас не смущает тот факт, что подавляющее большинство жителей этой планеты даже и не подумает взбираться на вертикальную стену Эль Капитан в Йосемити, и тем более не способно и не заинтересовано в этом. Если бы правильная была статистическая жизнь, то мы не устраивали бы Олимпийские Игры, поскольку одна из самых важных целей этих игр – исследование пределов атлетических возможностей человека. Оптимальное переживание в этих играх состоит не только в выходе за статистические границы предыдущих спортивных состязаний, но в достижении чего-то, чего даже не было в статистических данных – в стремлении побить мировой рекорд, двигаться быстрее, выше, более изящно и т. д., чем все это делали до нас. Если бы статистический уровень жизни был правилен, то Гриндер и Бендлер не потрудились бы создать НЛП. Мы можем быть вполне уверены, что значительное большинство общественных систем на этой планете, как в настоящем, так и в известном нам прошлом, относилось более чем половину своего населения ко второму сорту, подлежавшему эксплуатации – а именно, женщин. Но это никак не оправдывает, с нашей точки зрения, такое неравенство.

Как пример противоречия между подлинно новыми выборами, возникающими из приложения НЛП, и тиранией среднего в народной культуре, рассмотрим вопрос о глубоком раппорте отождествления между двумя человеческими существами, стоящими лицом к лицу друг перед другом. Совершенно ясно, что мы как человеческие существа обладаем естественно возникающими специальными неврологическими цепями для отождествления других членов нашего вида. Есть исследования, указывающие на наличие специализированных рецепторов для узнавания других человеческих лиц, даже у младенцев нескольких дней от роду.⁴

Столь же ясно, что мы можем приучиться игнорировать эти цепи распознавания, или не действовать в соответствии с ними – посмотрите в настоящее время на Косово, Руанду, Северную Ирландию, Сьерра Леоне, Афганистан, Израиль, Палестину или Нью-Йорк 11 сентября 2001 года, или в недавнем прошлом на почти полное истребление многих коренных народов Северной и Южной Америки при появлении европейцев в Новом мире.

Или – что может быть ближе некоторым читателям – спросите себя, на чем основаны расизм или сексизм. Иначе говоря, каковы наши мотивы, вынуждающие нас не пользоваться нашими естественно возникающими цепями и реагировать на другие группы в некотором смысле иначе, чем на нашу собственную? Конечно, на этот вопрос есть разные ответы. Но мы уверены, что расизм (начиная с крайностей линчевания, пыток и т. д., до более тонких форм, таких как дискриминация, избегание и т. д.) может возникнуть у носителя *–изма* лишь при условии, что он смотрит в глаза своей жертвы и *не способен* распознать в ней другое человеческое существо и отождествиться с ним. Опять-таки, это же условие относится к сексизму и сексуальному насилию (начиная с крайностей изнасилования и других отвратительных форм сексуального насилия и злоупотребления до более тонких, но коварных форм культурного воспитания, проявляющихся в выборе игрушек и игр, предлагаемых отдельно детям разного пола).

Разумеется, речь идет о выученных фильтрах. Обратите внимание, что мы тем самым осуждаем здесь осуществление некоторых форм диссоциации и аalienации, возникающих из неспособности к отождествлению в определенных конкретных контекстах.

Предположим – как это много раз случалось с каждым из авторов этой книги – что вы сталкиваетесь со сценой, где имеется некоторая серьезная опасность или случайность.

Вот более конкретный пример. Одна из авторов этой книги (КБ), возвращаясь домой из средней школы, столкнулась с пожаром, охватившим бедное жилище на окраине Мемфиса (Теннесси, США). В одном из окон горящего дома она увидела лица нескольких маленьких афро-американских детей и услышала их крики и призывы о помощи. *Задним числом* ей совершенно ясно, что войти в горящее здание было весьма опасно, но, не думая об этом, она без колебаний бросилась в огонь, и ей удалось вырвать детей из пламени лишь с небольшими ожогами у себя и у детей.

Другой из авторов, направляясь в машине на заседание в Сан Франциско по Хайвею 92, соединяющему береговую Хайвей 1 (от Залива Новолуния) с главными путями, ведущими в Сан Франциско с юга (Хайвеи 280 и 101), был свидетелем дорожного происшествия на трехпутном участке, с противоположной стороны Хайвея. Небольшая машина каким-то образом зацепилась за конец большого грузо-

вика. Он протащил ее почти на четверть мили, прежде чем она оторвалась и, подпрыгивая и скользя, остановилась между двумя путями. Увидев это, он сразу же остановил машину в стороне от Хайвея и ринулся наперерез движению на помощь пассажиру маленького автомобиля. Он приблизился к серьезно поврежденной машине почти одновременно с другим водителем, действовавшим точно так же – человеком, который оказался медицинским работником. Водительница машины лежала без сознания, отчасти соскользнув с переднего сидения на пол, с кровоточащей раной на голове. Других повреждений на первый взгляд не было видно. Но ваш автор и медик сразу же ощутили сильный запах бензина (был разорван бензопровод). Хотя они опасались двигать молодую женщину, не зная, есть ли другие ранения, оба они поняли непосредственную опасность пожара и возможного взрыва – почти без слов они осторожно вынули потерявшую сознание женщину из машины, поддерживая ее по возможности в том же положении, в каком они ее нашли, и отнесли ее на безопасное расстояние от дымящихся остатков машины. Тем временем другие проезжавшие немедленно и разумно реагировали на происшествие. Водитель грузовика, зацепившего машину, вызвал по радио скорую помощь и полицию; другой проезжий принес огнетушитель и успешно воспользовался им, потушив огонь в передней секции машины. Еще один поместил сигналы, направляющие движение в обход места происшествия. В то же время несколько других, заметив, что мы делаем, прибежали с простынями, куда мы осторожно положили женщину, все еще не пришедшую в сознание. Мы положили женщину в безопасное место, поодаль от ее машины, и скорая помощь прибыла через три или четыре минуты.

Рассмотрим теперь каждую из этих ситуаций с точки зрения попавшего в нее автора. Чувствовала ли Кармен ужас и панический страх детей, запертых в горящем доме? В самом ли деле Джон, медицинский работник и другие остановившиеся водители, помогавшие окровавленной женщине, без сознания лежавшей в дымящейся машине, отождествляли себя с этой женщиной? Была ли эмпатия мотивом надлежащих реакций в каждом из этих инцидентов? Мы полагаем, что на это можно уверенно ответить – *НЕТ!* Точно так же, эмпатия или глубокий раппорт не являются надлежащей реакцией ни для кого из пожарных или работников скорой помощи. В таких контекстах отождествление (или, что то же, состояние глубокого раппорта) с ранеными или находящимися в опасности людьми означало бы попросту неэффективное состояние, не гарантирующее достаточных ресурсов для решений и действий.

Нетрудно представить себе, какова была бы эффективность спасательной команды, если бы эти люди, перед лицом раненого, кровоточащего пациента не смогли произвести необходимую диссоциацию, позитивно ответив на давление чувства отождествления, начатое нашими естественными нервными цепями, составляющими часть нашего видового наследия.

Сравните два ряда примеров: с одной стороны, расизм и сексизм с их ужасными последствиями, а с другой – компетентность и критический характер реакций, необходимых перед лицом опасности или при оказании помощи раненым. Оба случая подобны в том смысле, что оба связаны с отказом реагировать на наши «естественные» склонности – перейти в состояние отождествления с человеком, то есть войти в глубокое состояние раппорта. В одном случае последствия этически неприемлемы, а в другом они составляют в точности то, что желательно и что мы приветствуем. Но с формальной стороны делается один и тот же выбор – это диссоциация от естественно возникающего действия цепей, с помощью которых мы интуитивно распознаём и отождествляем с собой других членов нашего вида. Фундаментальные различия происходят на уровне намерений и последствий.

Конечно, дело в том, что выбор между отождествлением и неотождествлением есть именно выбор. Как таковой он не является ни этическим, ни неэтическим; это просто выбор. Этическая проблема возникает в тот момент, когда мы спрашиваем, как именно и в каком контексте мы делаем этот выбор – как показывает контраст между поведением расиста и поведением профессионального врача скорой помощи. С этим связано два вопроса:

В каждом ли существенном контексте у вас есть выбор – отождествить себя или не отождествить со стоящим перед вами человеком?

Если у вас есть такой выбор, способны ли вы оценить последствия этого выбора и избрать путь, наиболее конгруэнтный с этикой, на которую вы претендуете?

Дисциплинированная практика НЛП позволяет дать отчетливо утвердительный ответ на первый вопрос – да, конгруэнтное применение любого числа паттернов НЛП (лечение фобий, манипуляция перцептуальными позициями, как в Тройном Описании, повторное якорение и т. д.) позволяет делать выбор в любом возможном контексте. Это искусство применения к личному развитию паттернов превосходства, закодированных в моделировании НЛП – то есть попросту искусство выбора.

Второй вопрос очень труден. Как блестяще показал Бейтсон в ряде своих работ (см. например, его статью *Сознательная цель и природа* в сборнике *Этапы экологии разума*), мы очень мало способны сознательно оценивать долгосрочные последствия наших решений и действий. Часто мы говорим о не-намеренных последствиях нашей политики или наших личных решений.

Психотерапия содержит некоторые технические термины, относящиеся к этому явлению, такие как вторичные преимущества или вторичная выгода. Экономисты описывают в своей области некоторые явления вроде неожиданностей или непредвиденных последствий. Экологи обеспокоены непредвиденными результатами намеренного или случайного введения переносчиков инфекции или хищников в изолированную экосистему.

В окрестностях аэропорта имени Шарля де Голля близ Парижа наблюдаются спорадические случаи малярии, по-видимому вследствие несомненно случайного привоза комаров в коммерческих самолетах из тех частей света, где малярия эндемична, как например из африканских стран южнее Сахары. Как было доказано, в Нью-йоркском Центральном Парке встречаются возбудители нильской лихорадки.

Некоторые анализы разрушения бывшего советского блока указывают, что изображения различий между качеством жизни по разные стороны бывшего железного занавеса (посредством радио, телевидения, музыки и т. д.) были одной из главных причин, ускоривших этот крах.

Биологи обнаруживают теперь, что большая часть лекарств, потребляемых принимающими их людьми и проходящих в их теле через естественные процессы, в значительных количествах попадает в водные системы, где естественным образом водятся бактерии, что создает для них питомник эволюционного развития. Одно из последствий этого состоит в появлении микробных линий, резистентных к антибиотикам, с которыми эти виды научились справляться.

Теория холодной войны, известная под именем «Домино», была попыткой рассуждать о некоторых вторичных и третичных последствиях дозволенной или недозволенной перемены политического руководства в стране Х.

Мы, по нашей человеческой природе, не очень приспособлены к решениям этого рода. Если у читателя еще остались по этому поводу какие-нибудь сомнения, вспомните ужасающие несоответствия между позитивными намерениями некоторых религиозных движений и их подлинными историческими последствиями, начиная с инквизиции и крестовых походов в Средние века и симбиоза церкви с государством, до европейского завоевания Нового света и любых современных эксцессов (Ирландия, Афганистан и т. д.).

Наличие паттернов превосходства НЛП делает доступными, как в личном, так и в профессиональном плане, выборы, которые были ранее доступны лишь в весьма ограниченной степени и спорадически, или вовсе не были доступны. В этом состоит, как уже было сказано, ответ на поставленный выше вопрос. Цена этого состоит в том, что внезапно и без всякой подготовки, применяя технологию НЛП, мы принимаем на себя ответственность за решения, с какими мы никогда не сталкивались прежде, по той простой причине, что эти выборы не были систематически доступны.

Поэтому мы предлагаем систематическое применение тройного описания как метод, позволяющий развивать способность к эффективному применению этих новых классов выборов и принимать на себя ответственность за последствия этих новых выборов. Это представляет одну из возможностей исследовать, как можно ответственно действовать перед лицом новых выборов, порождаемых самой технологией НЛП. Более конкретно, мы полагаем, что перед принятием любого нового выбора, порожденного конгруэнтным применением паттернов НЛП, мы должны систематически применять тройное описание. Иначе говоря, перед тем как принять важное решение, мы должны вначале войти в нашу собственную перцептуальную позицию, чтобы узнать, как в этом положении видится, слышится и

чувствуется это решение (1-ая позиция). Затем, пользуясь разделительным состоянием для возможно-го уменьшения контаминации, мы должны войти в перцептуальное положение других людей (2-ая позиция), на жизни которых может отразиться предположенное нами решение или действие, принимая их позы, установки, формы мышления и т. д. Наконец, и опять с разделяющим состоянием для чистого перехода, мы должны перейти в состояние наблюдателя (3-я позиция), из которого мы сможем наблюдать и слушать, как может осуществиться рассматриваемое решение.⁵

Заметим, что если бы мы попытались удержать все эти сложные переживания *в своем сознании* (все три перцептуальных позиции, с представлениями во всех главных системах), то мы просто глубоко запутались бы. Мы предлагаем поэтому воспользоваться эффективностью одного из трех главных различий между классическим кодом и новым кодом НЛП. Как было сказано раньше,

Одно из главных различий между классическим кодом и новым кодом состоит в агрессивной эксплуатации силы и мудрости подсознательной деятельности – при надлежащей организации и ограничении.

Мы полагаем, что перед принятием решения следует выполнить упражнение в Тройном Описании, что составляет одну из конкретных форм правильной организации и ограничения подсознания. И далее, после упражнения в Тройном Описании мы советуем оставить по крайней мере один период сна для подсознательной интеграции перед принятием и применением решения.

Эта рекомендация – всегда оставлять подсознанию период для интеграции материала, выработанного в упражнении тройного описания – вполне конгруэнтно с нашим практическим опытом применения НЛП, особенно в формате его нового кода. Рассмотрим по аналогии ряд решающих открытий в истории западной математики. Типичная последовательность здесь такова: одаренный математик принимает вызов некоторой монументальной нерешенной задачи. Он занимается ею дисциплинированным образом, применяя для ее решения всевозможные известные стратегии. После большой работы он приходит к заключению (во всяком случае, если это серьезный ученый), что он исчерпал ресурсы своего сознания, пытаясь решить задачу. Что же он тогда делает?

Удивительным образом, ответ состоит в том, что он делает что-то другое, во всяком случае не связанное сколько-нибудь заметно⁶ с его задачей – он дремлет, рубит дрова, прогуливается в лесу, готовит себе какое-нибудь роскошное блюдо и т. д., то есть делает нечто, не затрагивающее тех цепей, которыми он применял для решения задачи.

Таким образом, он сознательно от нее отказывается – тем самым предоставляя возможность подсознанию сдвинуть перцептуальную позицию, изменить стратегию, ввести посредством метафоры, аналогии или какого-нибудь другого подсознательного процесса новый подход к задаче. И что получается? Почти всегда математик (опять-таки, если это серьезный математик) внезапно, как в ослепительном прозрении видит решение – с ясностью, какая редко бывает в других случаях. После этого он может затратить следующие n месяцев, разрабатывая строгое доказательство по принятым в математике правилам, но существо дела уже ясно.

Загрузка обширной информации, во многом бессвязной, в хорошо организованное и хорошо направленное подсознание доставляет огромные преимущества. Такие преимущества распространяются гораздо дальше увлекательной деятельности превосходного математика – мы полагаем, что вы исследуете и откроете в вашем конкретном действии более широкие и более глубокие следствия приложения паттернов вроде Тройного Описания.

Мы попытались указать широкие общественные и политические вопросы, в которые НЛП может внести большой вклад. Мы сделали также ряд конкретных предложений в отношении сообщества НЛП. Наше намерение состояло в том, чтобы отчетливо описать те сдвиги в направлении и практике, которые позволят НЛП достигнуть того самого превосходства, изучению которого оно посвящено.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ: *Носители послания, неконгруэнтные с посланием, которое они пытаются нести, теряют слушателей, и их не должно быть!*

Все предыдущие рекомендации и советы будут иметь желательный эффект лишь при надлежащей личной приверженности практиков НЛП позитивной, дружественной установке в работе с другими практиками. Такая установка способствует терпимому отношению к расхождению, применению множественных описаний и ответственности за разрешение таких расхождений публичным и позитивным образом, или по крайней мере с чувством юмора. Все это кажется нам минимальным условием для практики НЛП. Если мы неспособны к такой самодисциплине и выдержке, то мы не умеем применять к самим себе принципы превосходства, воплощенные в различных моделях и паттернах превосходства НЛП.

Все вышесказанное предполагает у практиков НЛП достаточное понимание и интерес к открытой дискуссии, которая несомненно должна начаться, если намерения, стоящие за нашими рекомендациями, будут осуществлены. Эти рекомендации разработаны двумя лицами, Кармен Бостик С-т Клер и Джоном Гриндером; чтобы они были эффективны и стоящее за ними намерение осуществилось, требуется полное участие и отзывчивость членов сообщества НЛП – сообщество должно считать эти рекомендации своей собственностью и работать с ними, чтобы они привели к успеху. Таким образом, как сказано в начале этой книги, одна из наших явных целей состоит в том, чтобы вызвать свободное, разумное публичное обсуждение, которое, как мы надеемся, приведет к отчетливому одобрению некоторого набора различий и критериев качества для будущей работы в Нейролингвистическом Программировании.

On verra! Vamos a ver! Wir werden es Sehen! We shall see! ...^{*3}

Примечания к Главе 3 Части III

1. Этот вопрос исследован в Главе 1 Части III, в разделе *Кодирование паттерна*, где мы отсылаем читателей к обширной и поучительной дискуссии по философии науки, касающейся возможности сенсорно обоснованных или нейтральных описаний (в частности, мы рекомендуем работу Карла Гемпеля). Это не единственный вопрос, относящийся к человеческим паттернам, хотя и кажется самым очевидным в такой деятельности.
2. Авторы сознают, что даже в группе относительно однородных культур Западной Европы и Северной Америки есть значительные различия в установках по отношению к возможности и желательности какого-либо глубокого изменения. Европейцы стереотипно воспринимают американцев как ужасно невежественных, безнадежно оптимистичных и совершенно наивных людей в этом отношении, между тем как американцы стереотипно представляют себе европейца несколько пресыщенным и надменно интеллектуальным скептиком, избегающим действия.
3. Наблюдение, что все культуры по-видимому рассматривают по крайней мере одну из трех главных систем представления как невольную, может быть связано с пределами сознательного процесса обработки – то есть с ограничениями сознания (7 ± 2 битов): мы просто не в состоянии оценить наши собственные процессы, чтобы вовремя манипулировать всеми тремя системами, воспринимая их все как намеренные. Если этот анализ имеет смысл, он не касается вопроса, какая из трех систем представления (подсознательно) выбирается в качестве невольной – что составляет увлекательную проблему для наших коллег-антропологов.
4. См., например, книгу *Начинающий ученый* (*The Scientist in the Crib* by Gopnik, Meltzoff and Kuhl (1999))
5. Описание в этой части текста является сокращенным изложением весьма точного паттерна приращения тройного описания. Развитие и применение точных и чистых позиций сложно поддается описанию и выходит за пределы этой книги.
6. Фрэнк Толл, математик из Университета Торонто, хорошо подготовленный в области НЛП, сообщает утонченное и замечательное подтверждение этой стратегии «сделай что-нибудь другое», в исполнении одного из ведущих специалистов по решению математических задач, профессора Сахарона Шелаха из Университета Хебру в Иерусалиме. Фрэнк и его коллега, Энн Джейн Грив обрати-

---

* Мы это увидим! – (Прим. перев.).

лись к Шелаху с предложением моделировать его способность к решению задач. Шелох согласился участвовать в проекте, если Фрэнк возьмет на себя запись результатов. Для такого эксперимента Шелах потребовал, чтобы Фрэнк предложил ему по крайней мере пять разных математических задач – оказалось, что стратегия Шелоха предполагает одновременную атаку на несколько задач в течение одного сеанса. Обычно Шелох работает над одной задачей, пока не чувствует себя заблокированным. В этот момент он отодвигает эту задачу в сторону и работает над другой задачей, и т. д. Столкнувшись с таким требованием, Фрэнк должным образом представил ряд различных задач. Когда Фрэнк предложил Шелаху свои задачи, тот возразил, что набор задач Фрэнка не содержал его минимального числа в пять *различных* задач. Тогда Фрэнк разработал набор задач, удовлетворявший требованиям Шелоха. Впоследствии Фрэнк проанализировал набор задач, отвергнутых Шелахом. Любопытно, что с точки зрения математика первые пять задач, предложенных Фрэнком, действительно были различны. Но Фрэнк понял, что критерии различия Шелоха основывались не на внешнем или формальном определении различия, а не на том, требовали ли предложенные задачи от самого Шелоха применения разных стратегий. Это кажется далеко идущим применением стратегии «сделай что-нибудь другое». Фрэнк заметил также, что профессор Шелах имел обыкновение, работая над значительной частью предложенных задач, перекладывать связку ключей из одной руки в другую. Ему пришло в голову, что это было вполне конгруэнтно с некоторыми особенностями игр нового кода, спроектированных для возбуждения и поддержания высокопроизводительных состояний – в этом частном случае, для возбуждения обоих полушарий.

Фрэнк Толл, личное сообщение, 2001.

Послесловие

Несущийся между листьями и ветками ветер создает звуки. Это белый шум, знакомый по своему ритму, темпу и интенсивности, похожий на звуки текущей воды в весеннее половодье – хаотические и напоминающие кипение воды в чайнике.

Движение листьев по земле указывает наблюдателю направление ветра. Сосновые иглы заносятся паттернами падающего снега. Длинные полосы пыли и других осадков движутся потоками к новым местам. Некоторые листья, наполненные естественными пассажирами, уносятся потоком воздуха, вращаясь и танцуя; другие опускаются на обновленную землю, прыгают и переворачиваются на ней, доставляя убежище будущим поколениям. Ветер вдыхает новую жизнь во все, что устроилось.

Ветер что-то нашептывает, как искусный оратор – иногда мягко, иногда твердо – рассеивая со своей безграничной трибуны животворные семена.

И потом, есть еще слова. Что же вещают нам слова в шепоте ветра?

Bibliography

Articles

- A Designer Universe* by Steven Weinberg in The New York Review of Books, Vol. XLVI, No. 16, page 46
- Endpoints, Why doesn't stainless steel rust?* In Scientific American, August, 2001, page 96
- Eric Robbie in an article published in NLP World, volume 7, No. 3 November, 2000
- Judith Delozier's account of the New Code, NLP World, March, 1995, volume 2, number 1
- Letter to the Editor* by Charlie Masi, Golden Valley, Arizona in Science News, Vol. 156, No. 6, August 7, 1999
- Sign Language in the Brain* by Hickok, Ursula Bellugi and Edward Klima in Scientific American, June 2001

Books

- A Framework for Excellence: A Resource Manual for NLP* by Charlotte Bretto Milliner, preface by John T. Grinder / Paperback / Grinder Delozier and Associates / December 1990
- A Guide to Transformational Grammar* by John Grinder and Suzette Haden Elgin, Holt, Rhinehart and Winston, Inc., 1973
- A History of Experimental Psychology* by Edwin G. Boring, Appleton-Century-Crofts, New York, 1950
- Abenteuer Kommunikation: Bateson, Perls, Satir, Erickson und die Anfänge des Neurolinguistischen Programmierens* by Wolfgang Walker, Klett-Cotta, Stuttgart, 1996
- Advanced Techniques of Hypnosis and Therapy* edited by Jay Haley, Grune and Stratton, New York, 1967
- Aspects of Scientific Explanation* by Carl G. G. Hempel, The Free Press, November 1970
- At Home in the Universe* by Stuart A. Kauffman, Oxford University Press, August 1996
- Autobiographical Notes by Albert Einstein*, Paul Arthur Schilpp (Editor), Open Court Publishing Company, September 1991
- Automata and Computability*, Dexter C. Kozen, Springer-Verlag, New York, 1997
- Dynamic Patterns: The Self Organization of Brain and Behavior* by J. A. Scott Kelso, J. A. Scott Kelso, MIT Press, March 1997
- Foundation of Cognitive Grammar*, Vol.1 by Ronald W. Langacker, Stanford University Press, April 1987
- Foundations of Cognitive Grammar*, vol. 2 by Ronald W. Langacker / Hardcover, Stanford University Press, July 1999
- Frogs into Princes*, by Richard Bandler and John Grinder Real People Press, 1979
- Generative Grammar* by Geoffrey C. C. Horrocks, Longman Publishing Group, January 1987
- Introducing Neuro-Linguistic Programming* by Joseph O'Connor and John Seymour, Thorson's, November 1993
- Introduction to Cybernetics* by W. Ross Ashby, Routledge, January 1964
- Language and Human Behavior* by Derek Bickerton, University of Washington Press, July 1996
- Language and Species* by Derek Bickerton, University of Chicago Press, March 1992

Leaves before the Wind: Leading Edge Applications of NLP by Charlotte Bretto Milliner, John Grinder and Sylvia Topel (editors), Grinder, Delozier and Associates, November 1994

Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language Gilles Fauconnier, Cambridge University Press, January 1994

Mind and Nature: A Necessary Unity by Gregory Bateson, E. P. Dutton, New York, 1979

NLP in Personal Strategies for Life by Jules and Chris Collingwood, draft version, 2000

Neuro-Linguistic Programming, volume I, by Robert Dilts, John Grinder, Richard Bandler, Leslie Cameron Bandler and Judith Delozier, Meta Publications, Inc. 1979

Noam Chomsky: New Horizons in the Study of Language and Mind by Noam Chomsky, Cambridge University Press, 2000

On Deletion Phenomena in English, by John Grinder, Mouton, The Hague, 1972

Patterns of the Hypnotic Techniques of Milton H. Erickson, M.D., volume I, by Richard Bandler and John Grinder, Meta Publications Press, Inc, 1977

Patterns of the Hypnotic Techniques of Milton H. Erickson, M.D., volume II, by John Grinder, Judith Delozier and Richard Bandler, 1978

Plans and the Structure of Behavior by George A. Miller, Karl H. Pribram and Eugene Galanter, Adams, Bannister, Cox Publishers, January 1986

Precision by John Grinder and Michael McMaster, Precision Models, Bonny Doon, 1980

Principles of Mathematics by Bertrand Russell, 1902

Provocative Therapy by Frank Farrelly, Jeff Brandsma / Hardcover / Meta Publications / July 1974

Red Tail Math: the epistemology of everyday life (working title) by John Grinder and Carmen Bostic St. Clair, 2002.

Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics by Alfred Korzybski, Institute of General Semantics, January 1994

Selected Philosophical Essays by Carl Gustav Hempel, Richard Jeffrey (Editor), Cambridge University Press / February 2000

Steps to an Ecology of Mind, by Gregory Bateson, Ballantine Books, 1972

Stranger in a Strange Land by Robert A. Heinlein, Ace Books, May 1976

Strategies of Psychotherapy by Jay Haley, Grune and Stratton, Inc., 1963

The Ascent of Science by Brian L. Silver, Oxford University Press, Inc., February 2000

The Doors of Perception, by Aldous Huxley, New York, Harper and Row, 1954

The End of Certainty: Time's Flow and the Laws of Nature by Ilya Prigogine, I. Prigogine. Simon & Schuster Trade, August 1997

The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change by Thomas S. Kuhn / Hardcover / University of Chicago Press / March 1979

The Japanese Brain: Uniqueness and Universality by Tadanobu Tsunoda (translation by Yoshinari Oiwa), Taishukan Publishing Company, Tokyo. 1985

The Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution by Stuart A. Kauffman, Oxford University Press, July 1992

The Philosophy of Carl G. Hempel: Studies in Science, Explanation, and Rationality by Carl Gustav Hempel, James H. Fetzer (Editor) Oxford University Press, November 2000

The Road since Structure: Philosophical Essays, 1970-1993, with an Autobiographical Interview by Thomas S. Kuhn, John C. Haugeland (Editor), James Conant (Editor), University of Chicago Press, November 2000

The Scientific Revolution by Steven Shapin, University of Chicago Press, February, 1998

The Scientist in the Crib by Alison Gopnik, Andrew M. Meltzoff and Patricia K. Kuhl (1999), William Morrow and Company, New York

The Structure of Magic, volume I, by Richard Bandler and John Grinder Science and Behavior Press, 1975

The Structure of Magic, volume II, by John Grinder and Richard Bandler, Science and Behavior Press, 1976

The Structure of Scientific Revolution by Thomas Kuhn, University of Chicago Press, 1970

Therapeutic Metaphors: Helping Others through the Looking Glass by David Cole Gordon, Meta Publications, January 1978

Turtles All the Way Down, by Judith Delozier and John Grinder, Grinder, Delozier and Associates, 1987

Visual Intelligence: How We Create What We See by Donald D. Hoffman, Norton, W. W. & Company, Inc., January 2000

Tapes

Butterflies and Metaphors by Gregory Bateson (in lectures taped at Esalen Institute)

Приложение А

ДОГОВОР ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Настоящий договор об освобождении от ответственности и обязательстве не предъявлять иски (в дальнейшем называемый «договором») заключен 3 февраля 2000 г. РИЧАРДОМ БЕНДЛЕРОМ, лично и в качестве члена «Общества нейролингвистического программирования» и «Группы Бендлера», БРАМОМ ФОН ХЮНЕ и ДОМИНИКОМ ЛУЦИ (в дальнейшем называемыми «истцами») и доктором ДЖОНОМ ГРИНДЕРОМ, КАРМЕН БОСТИК-СЕНТ-КЛЕР и калифорнийской корпорацией «КВАНТУМ ЛИП, ИНКОРПОРЕЙТЕД энд АНЛИМИТЕД, ЛИМИТЕД» (в дальнейшем называемыми «ответчиками»). Истцы и ответчики в совокупности называются «сторонами».

Принимая во внимание предусмотренные настоящим договором обязательства, а также учитывая заявление, содержащееся в приложении А к настоящему договору, стороны соглашаются в следующем.

1. Истцы и их агенты, представители, наследники и правопреемники, а также каждый из них индивидуально, настоящим освобождают ответчиков от любой ответственности, связанной с любыми правопритязаниями, правами на удержание имущества, исками, основаниями для преследования по суду (в том числе, в частности, с любыми правопритязаниями, относящимися к оскорблению личности, генеральным и реальным убыткам или смерти в результате противоправных действий), юридическими обязательствами, убытками и финансовыми обязательствами, известными или неизвестными, которые могли или могут быть использованы истцами против ответчиков или против любых других физических или юридических лиц, действующих от имени ответчиков или заявляющих, что они действуют от имени ответчиков, непосредственно или косвенно возникающими каким-либо образом в связи с исками №№ 78482 и 132495, поданными в настоящее время в Высший суд округа Санта-Крус, а именно

с иском компании «НОТ ЛИМИТЕД» и других против компании «АНЛИМИТЕД, ЛИМИТЕД» и с иском Ричарда В. Бендлера и других против компании «Квантум лип, инкорпорейтед» и других.

Истцы настоящим признают и подтверждают, что могут существовать неизвестные убытки или правопритязания, или что размеры или степень известных убытков могли быть недооценены, что истцы положительным образом приняли во внимание такую возможность при определении размеров возмещения за заключение настоящего договора, и что часть вышеупомянутого возмещения, согласованного сторонами в ходе переговоров с учетом возможности возникновения таких неизвестных или недооцененных в настоящее время правопритязаний, предоставляется в обмен на полные согласование, удовлетворение и отмену любых правопритязаний. Поэтому истцы, заключая настоящий договор, положительным образом отказываются от любых прав, предусмотренных параграфом 1542 кодекса уложений гражданского права штата Калифорния, содержащим следующее положение:

«Общее освобождение от ответственности не распространяется на правопритязания, о существовании которых или о возможностях, открывающихся в связи с существованием которых, кредитор не знал в момент заключения договора об освобождения от ответственности, и которые могли бы, если бы кредитор знал о существовании таких правопритязаний или возможностей, существенно отразиться на условиях его договора с должником».

Никакое условие или положение настоящего договора не освобождает от ответственности за удовлетворение любых правопритязаний, каким-либо образом связанных с авторскими правами.

[Пункт 2 в оригинале отсутствует.]

3. Настоящим истцы признают и подтверждают, что настоящий договор предусматривает возмещение всех издержек и расходов, в том числе расходов на оплату услуг юридических консультантов и представителей, подлежащих налогообложению и прочих, понесенных истцами в связи с согласованием вышеизложенных условий и положений. В том случае, если истцы или ответчики возбудят судебный иск с тем, чтобы обеспечить по суду выполнение какого-либо из условий или положений настоящего договора, сторона, выигравшая такой судеб-

ный процесс, будет иметь право на получение, в дополнение к любому возмещению понесенных ею убытков, разумную сумму, покрывающую издержки, понесенные ею в связи с судопроизводством и оплатой услуг юридических консультантов и представителей.

4. Настоящим истцы подтверждают, что выплата возмещения за заключение настоящего договора не является правовой уступкой ответчиков или признанием существования каких-либо финансовых обязательств ответчиков, и что все ответчики положительным образом отказываются от ответственности, связанной с любыми правопритязаниями или претензиями подобного рода.
5. Настоящим истцы гарантируют, что никакое другое физическое или юридическое лицо не предъявляло и не предъявляет никаких имущественных или финансовых правопритязаний, относящихся к предмету настоящего договора, причем истцы имеют исключительное право подписать настоящий договор и получить вышеупомянутое возмещение, и что они не продавали, не передавали и не присваивали каким-либо иным образом другим физическим или юридическим лицам какие-либо имущественные или финансовые права, права на удержание имущества, иски, основания для возбуждения исков, обязательства, убытки или финансовую ответственность, предусмотренные настоящим договором. Даже в том случае, если возмещение, выплачиваемое в соответствии с настоящим договором, или какая-либо часть этого возмещения попадут в руки какой-либо третьей стороны, предъявляющей финансовые претензии, истцы, тем не менее, подтверждают и подтвердят факт полного удовлетворения любых претензий истцов к ответчикам.
6. Настоящий договор имеет обязательную юридическую силу в отношении всех подписавших его сторон и их соответствующих наследников, душеприказчиков, распорядителей имуществом, правопреемников, наследников недвижимости по завещанию и цессионариев и заключается в их интересах, причем, в соответствии с заявлением об удовлетворении претензий, содержащимся в приложении А к настоящему договору, все освобождаемые от ответственности ответчики имеют и продолжают иметь право обучать, тренировать и сертифицировать, а также производить, публиковать и продавать любые материалы в области нейролингвистического программирования, в том числе право использовать термин «нейролингвистическое программирование».
7. Каждая из сторон гарантирует, что, за исключением условий приложения А к настоящему договору, в связи с заключением настоящего договора не были предоставлены какие-либо обещания, сделаны какие-либо предложения или заключены какие-либо соглашения, и что настоящий договор представляет собой соглашение в полном объеме между подписавшими его сторонами. Стороны положительным образом признают и подтверждают, что настоящий договор не может быть дополнен, поправлен, отредактирован или каким-либо иным образом изменен в каком-либо отношении. Каждая из сторон положительным образом признает и подтверждает, что она не будет когда-либо или где-либо утверждать или заявлять, что настоящий договор был устно дополнен, поправлен или каким-либо иным образом изменен посредством устного общения в любой форме и любого характера.
8. Истцы и их соответствующие агенты, служащие, страхователи, правопреемники и предшественники в имущественных правах, а также каждый из них индивидуально, обязуются, что после подписания настоящего договора каждый из них освободит ответчиков от любых правопритязаний, исков, преследования по суду или оснований для преследования по суду, возникших или способных возникнуть в связи с означенными выше исками, причем они признают и подтверждают, что они никогда не будут предъявлять ответчикам, их агентам, служащим, страхователям, правопреемникам и предшественникам в имущественных правах или любому из них индивидуально какие-либо иски или возбуждать против этих сторон какие-либо судебные процессы, причинять предъявление таких исков или возбуждение таких процессов или участвовать в предъявлении таких исков или в ведении таких судебных процессов на основании любых правопритязаний, исков, оснований для предъявления исков, обязательств, убытков или финансовой ответственности, которые заявляются или могут быть заявлены в рамках вышеупомянутых исков и судебных процессов.

9. Настоящий договор заключается истцами добровольно, без какого-либо принуждения, с ведома их юридического консультанта и в соответствии с его рекомендациями.
10. Если какое-либо положение настоящего договора будет найдено недействительным или незаконным, такая его незаконность не лишит юридической силы весь настоящий договор в целом, но договор будет истолковываться таким образом, как если бы он не содержал незаконной части, причем права и обязательства сторон будут истолковываться и осуществляться соответственно.
11. Истолкование настоящего договора и обеспечение его выполнения должны осуществляться в соответствии с законами штата Калифорния.
12. Истцы соглашаются освободить ответчиков от любых имущественных и финансовых правоприязаний, существующих или возможных, защищать их от таких правоприязаний и удовлетворять любые имеющие юридическую силу права на удержание имущества или другие подобные права, предусмотренные законами.

ДАТИРОВАНО 3 февраля 2000 г.

[ПРИЛОЖЕНИЕ А]

С ЦЕЛЬЮ урегулирования их правовых конфликтов доктор ДЖИН ГРИНДЕР и доктор РИЧАРД БЕНДЛЕР подтверждают, что они совместно создали и основали технологию нейролингвистического программирования. Каждый из них признает работу, сделанную другим в области НЛП, и вклад другого в создание и первоначальную разработку НЛП. Доктора Гриндер и Бендлер приглашают и поощряют все заинтересованные стороны признать значительный вклад каждого из них в создание этой технологии посредством выступления с докладами и лекциями, опубликования письменных материалов, выполнения программ и сертификации в области НЛП в той мере, в какой найдет нужным каждая из таких заинтересованных сторон.

Доктора Джон Гриндер и Ричард Бендлер подтверждают также, что каждый из них, независимо от другого, продолжал создавать новые направления в области НЛП начиная с 1983 г.

Доктор Джон Гриндер и доктор Ричард Бендлер взаимно обязуются воздерживаться от того, чтобы преуменьшать тем или иным образом работу или заслуги друг друга, относящиеся к сфере нейролингвистического программирования.

Доктор Джон Гриндер и доктор Ричард Бендлер имеют право распространять или публиковать условия и положения настоящего договора только в их полном объеме.

ДАТИРОВАНО 3 февраля 2000 г.

ДЖОН ГРИНДЕР

РИЧАРД БЕНДЛЕР

ГЛОССАРИЙ

Взмах - swish
Вмешательство - intervention
Возражение - challenge
Выбор - choice
Зрительный - visual
Кинестетический - kinesthetic
Мысленная карта - mental map
Неврологический - neurological

Опорная точка - leverage point
Паттернирование - patterning
Перцептуальный - perceptual
Подготовленный - trained
Превосходство - excellence
Работа изменения - change work
Разбиение - chunking
Разделяющее состояние - separator state
Различитель - differentiator
Система изменения - system of change
Слушание внутреннего - смысла listening off the top
Созависимость - co-dependency
Спецификатор - specifier
Якорь - anchor
Якорение - anchoring